

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slav 3115.17.5

**Harvard College
Library**

By Exchange

ОТНОШЕНІЯ

КЪ Евреямъ

ВЪ ДРЕВНЕЙ И СОВРЕМЕННОЙ РУСИ.

ЧАСТЬ I.

МОТИВЫ ИСТОРИКО-НАЦИОНАЛЬНЫЕ.

Съ точки зрѣнія русско-православной.

Н. Д. ГРАДОВСКАГО.

(Право перевода на иностранные языки сохраняется за авторомъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау, Площ. Вольш. Театра, 2.

1891.

Slaw 3115.17.5

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BY EXCHANGE
(N. Y. PUBLIC LIBRARY)
MAY 24 1923

23-59
57

Въ то время, какъ настоящая наша книга печаталась и издавалась въ свѣтъ, въ ежедневныхъ и повременныхъ журналахъ продолжали появляться различныя мнѣнія, въ извѣстныхъ двухъ направленіяхъ, по поводу *евреевъ* и ихъ *современнаго правового положенія въ Россіи*. Появились также, въ „Новомъ Времени“, и „Московскія письма“ Г. Иловайскаго, извѣстнаго у насъ составителя историческихъ учебниковъ, который заявилъ себя сторонникомъ недопущенія евреевъ въ *Восточную Русь*, на томъ, между прочимъ, основаніи, что, по его мнѣнію, они, изъ-за своей вѣры, никогда не были терпимы на Руси, особенно *московской*. Мнѣніе это не новое. Оно давно уже укоренилось въ нашемъ обществѣ, не встрѣчая, до сего времени, ни съ чьей стороны серьезныхъ возраженій. Даже борцы изъ лагеря іудофиловъ сходились, весьма характеристично, съ своими противниками, по этому, казалось бы, капитальнѣйшему для нихъ пункту, выражая одинаковыя съ ними, въ этомъ отношеніи, убѣжденія о Россіи, на основаніи, конечно, тѣхъ же историческихъ сочиненій, по которымъ Г. Иловаискій составлялъ свои учебники. Вслѣдствіе этого, невѣротерпимость къ евреямъ стала предполагаться нашимъ *историко-національнымъ принципомъ*, которому слѣдуетъ и *современная*

Русь. Такимъ образомъ, православная Русь, своими же, русскими, писателями и публицистами, изображалась, въ понятіяхъ, отъ начала до конца, страшною столь же невѣротерпимою и фанатичною къ евреямъ, какъ и всѣ прочія христіанскія націи.

Неудивительно, поэтому, что и въ Европѣ представилось точно такое же представленіе о Руси, какъ древней, такъ и современной. Леруа-Больё, этотъ извѣстный французскій публицистъ,—не имѣя, конечно, никакихъ основаній не довѣрять фактамъ, передаваемымъ собственными нашими историками,—не далѣе, какъ въ февральской книжкѣ „Revue des Deux Mondes“, въ статьѣ своей: „Les juifs et l'antisémitisme“ (Евреи и антисемитизмъ), прямо и съ увѣренностью, пишетъ, что евреи, по религіознымъ предлогамъ (griefs religieux), вовсе не допускаясь въ Россію, при первыхъ еще царяхъ изъ Дома Романовыхъ, разумѣя тутъ, по всей вѣроятности, и Петра I. Съ такою же легкостью составилось въ передовыхъ европейскихъ странахъ понятіе и о томъ, что Россія, до сихъ поръ, невѣротерпима къ евреямъ, и что религіозные поводы дѣйствія играютъ существенную роль и въ ея современныхъ отношеніяхъ къ евреямъ. И вотъ изъ-за этого, преимущественно, — изъ-за предполагаемой *историко-національной нетерпимости* нашей къ евреямъ—загорѣлся, недавно, сырѣ-боръ въ Англіи, не оглянувшейся, при этомъ, какъ на свое прошлое, такъ и на прошлое всѣхъ, вообще, христіанскихъ странъ на Западѣ. Появились даже, въ Лондонѣ, блестящіе и шумные митинги изъ назвавшихъ

себя „друзьями Россіи“, съ цѣлью формальнаго протеста противъ несовременности ея религіознаго на- правленія и подачи дружескаго ей совѣта послѣдо- вать болѣе толерантной политикѣ, относительно своихъ подданныхъ іудейскаго закона.

Между тѣмъ, въ сущности, это было не иное что, какъ сраженіе съ мельницами и пустые удары по водѣ. Не христіанскимъ странамъ Западной Европы, и не Англи, проповѣдывать Россіи *въ- ротерпимость*, хотя бы по поводу евреевъ. Не на- ходились-ли они повсемѣстно тамъ, по религіоз- нымъ предлогамъ, иной же разъ изъ чисто-своеко- рыстныхъ побужденій властителей странъ, въ со- вершенно безправномъ положеніи еще въ концѣ прошлаго, а въ нѣкоторыхъ странахъ, и въ началѣ нынѣшняго столѣтія? Не религіозная-ли нетерпи- мость Англїи была одною изъ главныхъ причинъ появленія, на американскомъ материкѣ, колонизаціи изъ ея же подданныхъ, которые, подъ защитою созданнаго ими сильнаго и независимаго государ- ства, состоятъ, нынѣ, въ постоянномъ антагонизмѣ съ бывшею своею метрополїею? Да давно-ли отрѣ- шилась Англїя и отъ религіозной исключительности, по отношенію къ евреямъ? Не по этой-ли при- чинѣ были они лишены, не далѣе, какъ въ 50-хъ годахъ текущаго столѣтія, права участія въ пар- ламентѣ, а слѣдовательно, и права считаться тамъ вполне натурализованными гражданами страны, въ которой они обитали, въ качествѣ осѣдлыхъ жите- лей и вмѣстѣ ея подданныхъ?

Но посыпавшіеся на Россію, благодаря нашимъ

же писателямъ, преимущественно, іудефобскаго лагеря, упреки въ невѣротерпимости къ евреямъ являются, до крайности, несправедливыми и неумѣстными, и по другой, болѣе существенной причинѣ—по воображаемости такой невѣротерпимости и ея рѣшительному у насъ несуществованію, въ томъ видѣ, въ какомъ она проявлялась въ римско-католическихъ и протестантскихъ странахъ. Книга наша докажетъ, что *Русь*, со времени принятія христіанства, въ лицѣ своихъ святителей и государей, была всегда, напротивъ, *свѣточемъ въротерпимости и человѣчныхъ отношеній къ иновѣрнымъ людямъ*, какой бы расы и религіи они ни были, не исключая и *евреевъ*,—въ тѣ, даже, времена, когда на Западѣ горѣли для нихъ еще костры, когда христіанскія тамъ страны попирали челоуѣческую ихъ личность и обагрjali себя ихъ кровью, не только изъ чисто-религіозныхъ, но и своекорыстныхъ цѣлей. Западныя *рыцари* ставили себѣ въ заслугу проливать кровь обезоруженныхъ и беззащитныхъ евреевъ, и это воспѣвалось тамъ, какъ подвиги мужества и христіанскаго благочестія. Наши русскіе, православные, *витязи* проливали только свою кровь, на полѣ брани, и не считали христіанскимъ, для себя, подвигомъ поднимать мечъ противъ слабыхъ и беззащитныхъ, хотя бы то были и евреи. Какая первая изъ европейскихъ странъ, какъ не Россія, признала евреевъ людьми достойными правъ гражданскаго состоянія, наравнѣ съ другими? Въ 1772 году, въ Европѣ не было еще и признаковъ движенія въ поль-

зу общечеловѣческихъ правъ евреевъ, а между тѣмъ, въ этомъ именно году, нашею великою императрицею, Екатериною II, были имъ дарованы вѣроисповѣдныя и гражданскія права, наравнѣ съ прочими подданными, одинаковыхъ съ ними состояній. Городовымъ ея положеніемъ 1785 года, евреи не были устранены и отъ занятія общественныхъ должностей, въ городахъ, гдѣ обитали, и слѣдовательно, были принципиально признаны ихъ гражданами, въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ другихъ же европейскихъ странахъ, они продолжали еще тогда покупать, на вѣсь золота, свое право на существованіе въ странѣ и на защиту со стороны закона и власти. Если же, впоследствии, стали проявляться у насъ нѣкоторыя ограничительныя узаконенія, въ которыхъ сквозили и *религіозныя* поводы дѣйствія, то нынѣ, съ отмѣною, въ 1887 г., по Высочайшей волѣ благополучно царствующаго Императора, древняго, не касавшагося однихъ евреевъ, но специализированнаго, по отношенію къ нимъ, въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, ограничительнаго узаконенія, воспрецавашаго имъ держать у себя, по найму, лицъ христіанскихъ исповѣданій, — вышесказанные поводы, въ дѣлѣ *гражданскихъ отношеній* къ подданнымъ еврейской вѣры могутъ считаться утратившими свое исключительное значеніе.

Не подлежитъ, поэтому, сомнѣнію, что причины нынѣшняго правоваго положенія евреевъ въ Россіи скрываются не въ недостаткѣ вѣротерпимости къ нимъ, но въ представленіяхъ совершенно иного

рода и свойства, обсужденіе которыхъ есть дѣло внутренней политики, которая нигдѣ не терпитъ, и менѣе всего въ Англіи, вмѣшательства со стороны постороннихъ странъ и націй, и которая, у насъ, подѣ мудрымъ руководствомъ Державнаго нашего Вождя, не преминетъ, конечно, принять соотвѣтственное нашимъ общегосударственнымъ интересамъ направленіе, и по отношенію къ подданнымъ еврейскаго исповѣданія.

Николай Градовскій.

10 апрѣля 1891 г

ВВЕДЕНИЕ.

Съ нѣкоторыхъ поръ, въ дѣлѣ репрессій относительно евреевъ, стала грозно звучать „*черта ихъ осѣдлости*“. Въ ней видятъ несомнѣнный признакъ исконной у насъ къ нимъ нетерпимости, и церкви, и русскаго народа, и державныхъ его властителей. Допущеніе ихъ къ осѣдлости въ западныхъ частяхъ современной Руси объясняется одною только жалкою необходимостью, подчиняться которой, для *восточной Руси*, не предполагается никакихъ историческихъ основаній, никакого нравственнаго и общественнаго долга, который вытекалъ бы изъ древнихъ нашихъ отношеній къ лицамъ еврейскаго племени. Всѣми, вообще, нашими историками принято какъ бы за правило не говорить о существованіи іудеевъ среди великорусскаго (суздальско-ростовскаго) народа, по какому либо для нихъ на то праву. Ими упоминается только о нашихъ отношеніяхъ къ временно-пріѣзжавшимъ въ Московскую Русь польско-литовскимъ евреямъ, какъ объ отношеніяхъ весьма неприязненныхъ ¹. Это даетъ поводъ многимъ заключать,

¹ Новѣйшій нашъ историкъ, Г. Иловайскій, не представляетъ исключенія изъ этого. Онъ, какъ это видно изъ помѣщенной имъ въ „Новомъ Времени“ статьи по поводу его пререканій съ Г. Безобразовымъ (1891 г. № 5338), ставитъ себѣ въ особую заслугу, что имъ впервые введенъ въ Русскую исторію, а именно въ только-что помывшемся третьемъ томѣ его сочиненія, цѣлый отдѣлъ о евреяхъ. Но онъ самъ сознаетъ, что отдѣлъ

что евреи въ земляхъ суздальско-ростовскихъ, до и послѣ начатія процесса сплоченія Руси, вовсе не были терпимы и что вслѣдствіе этого осѣдлыхъ, туземныхъ, евреевъ въ царскомъ періодѣ тамъ вовсе и не существовало. Предполагается, вообще, что еслибъ это было иначе, то племя ихъ, при той природной пронырливости, какая ему приписывается, не преминуло бы, конечно, проникнуть и въ Великороссію, какъ страну всегда болѣе или менѣе торговую и промышленную. Изъ этого, для *восточной Руси*, которой ея сплоченіе и образованіе въ крѣпкое и сильное государство стоило вѣковыхъ усилій, выводится *историческое какъ бы право* не терпѣть и теперь у себя іудеевъ и всѣми мѣрами ограждать свою территорию отъ ихъ вторженія въ нее. Съ этой точки зрѣнія, весьма многіе изъ числа нашихъ русскихъ писателей, историковъ, публицистовъ и даже проповѣдывающихъ съ кафедръ профессоровъ, подъ вліяніемъ непріязненныхъ чувствъ къ евреямъ, стремятся, нынѣ, болѣе чѣмъ когда нибудь, къ распространенію путемъ печати, въ обществѣ и правящихъ кружкахъ, мнѣнія, что идея закрытія евреямъ свободнаго доступа въ восточную Русь коренится въ нашей глубокой старинѣ, пылавшей, будто, постоянно одною лишь нетерпимостью къ нимъ, подобно тому, какъ это было и въ другихъ христіанскихъ странахъ. Сущствующая нынѣ „*черта*

этотъ посвященъ только евреюству въ Западной Руси, т. е. *польско-литовскимъ* евреямъ, допускавшимся, при царяхъ, въ Великороссію, на основаніи лишь договоровъ съ польскими королями. О евреяхъ же, обитавшихъ въ Московскомъ государствѣ, помимо этого, и въ довольно значительномъ даже числѣ, со времени царя Алексія Михайловича, Г. Илювайскимъ, какъ и прочими историками, тщательно умалчивается и ничего не разясняется.

осѣдлости“, въ сознаниі тѣхъ лицъ, является, поэтому, спасительнымъ, для великорусскаго народа, учрежденіемъ, выражающимъ собою истинный характеръ обычныхъ его отношеній къ евреямъ и ихъ племени. Многія изъ такихъ лицъ идутъ дальше. Они, не стѣняясь, утверждаютъ, что со времени возникновенія у насъ христіанства наши православные обычаи, нравы и законы никогда не мирились съ существованіемъ *іудей* на землѣ русской. Такимъ образомъ, всѣ наши святители, всѣ наши государи и православный нашъ народъ изображаются ими столь же фанатичными гонителями сыновъ Израиля, какъ византійцы, вестготы, испанцы, франки и тевтоны. Отуманиваясь, въ этомъ случаѣ, своею слѣпою ненавистью къ іудейскому племени, они навлекаютъ на православную нашу Русь незаслуженныя нареканія въ такихъ же безчеловѣчійхъ, какія омрачаютъ прошлое другихъ христіанскихъ народовъ. Еврейскіе публицисты и писатели, изъ русскихъ же евреевъ, отъ которыхъ въ переживаемое нами время нельзя, конечно, требовать, чтобы свѣтлыя стороны сѣдой нашей старины были имъ столь же дороги, какъ для сажихъ русскихъ, вѣрятъ, большею частью, нашимъ историкамъ и писателямъ, такъ сказать, на-слово, не справляясь непосредственно съ нашими историческими памятниками, вслѣдствіе чего, многіе изъ такихъ евреевъ составили себѣ также представленіе, что въ великорусскихъ земляхъ осѣдлыхъ евреевъ вообще не существовало и что причиною этого было не только обычное недопущеніе лицъ іудейскаго закона къ водворенію въ православной странѣ, но и истребленіе ихъ даже въ ней огнемъ и мечомъ. Усвоеніе же такихъ предпо-

ложеній самими еврейскими писателями содѣйствовало еще къ большему укорененію въ русскомъ обществѣ мысли, что это дѣйствительно тажъ и было и что существованіе черты осѣдлости евреевъ, въ основаніи которой лежитъ идея безусловнаго закрытія, для нихъ, доступа въ великорусскія земли, оправдывается нашими *историко-національными* отношеніями къ нимъ. Евреи, — говорится обыкновенно, — не были терпимы въ Великороссіи прежде, они не должны быть терпимы и теперь. Не Восточная, а *Западная* Русь унаслѣдовала ихъ отъ Польши, пусть, поэтому, и остаются они тамъ. Восточная Русь, во время процесса своего сплоченія, — говорятъ тѣ же историки и публицисты, — не имѣла евреевъ среди своего народонаселенія, она не привлекала ихъ къ себѣ, не отрекалась отъ прежней своей принципиальной нетерпимости къ нимъ, не давала имъ мѣста на своей территоріи, подобно Польшѣ, а потому и имѣетъ, нынѣ, прямое основаніе опираться на свои преданія къ недопущенію ихъ въ свои предѣлы и къ ихъ изгнанію изъ нихъ. Нетерпимость къ евреямъ и ихъ племени дѣлается, такимъ образомъ, *историческимъ* для Великороссіи *девизомъ*, а нынѣшняя черта ихъ осѣдлости приобрѣтаетъ *историческое* въ ней значеніе.

Исходя, главнымъ образомъ, изъ этихъ взглядовъ и предположеній, лица, непріязненно настроенныя противъ евреевъ, не углубляясь въ вопросъ объ ихъ правовомъ у насъ положеніи, съ точки зрѣнія *общегосударственныхъ* интересовъ, горячо отстаиваютъ нынѣ дальнѣйшее сохраненіе вышеупомянутой черты, желая видѣть Великороссію и всѣ завоеванныя ею на сѣверо-и юго-востокѣ земли вновь безусловно закрытыми для еврей-

скаго населенія, сосредоточеннаго въ западныхъ частяхъ Имперіи.

Подобный образъ мыслей, въ наше время, требуетъ, однако, несомнѣнно, ближайшаго обсужденія, какъ идущій въ разрѣзъ, и съ общимъ теченіемъ европейской гражданственности, и съ принятымъ уже разъ направленіемъ у насъ къ постепенному расширенію правъ жительства евреевъ, съ цѣлью возможнаго разрѣженія ихъ массъ, чрезмѣрно скученныхъ нынѣ въ чертѣ ихъ осѣдлости. Поэтому, задача подлежащаго труда будетъ заключаться въ сколь возможно тщательнѣйшемъ изслѣдованіи — существуютъ-ли дѣйствительно какія либо оправдывающіеся нашими традиціями и современными условіями нашей внутренней политической жизни *поводы* или *мотивы* къ дальнѣйшему сохраненію для *Восточной* Россіи ея совершенно исключительнаго положенія относительно евреевъ, находящихся теперь уже болѣе столѣтія въ русскомъ подданствѣ?

Не приступая, однако, еще къ сказаннымъ изслѣдованіямъ, мы ощущаемъ потребность ознакомить, сперва, читателей съ временемъ появленія локализирующей евреевъ черты и условіями, при какихъ установленіе это получило у насъ законодательную санкцію, какъ равно представить, въ общихъ чертахъ, нѣкоторыя наглядныя *политическія*, *административныя* и *бытовыя* неудобства его существованія.

Мысль о локализациі евреевъ въ древней Руси, какъ *до*, такъ и *послѣ* образоваанія Московскаго царства, была вовсе неизвѣстна.

Черта еврейской осѣдлости есть учрежденіе, сра-

внительно, весьма у насъ недавнее. Нынѣшнее его названіе присвоено ему лишь положеніемъ 1835 г. Но не нося еще этого названія, оно возымѣло свое начало въ самомъ законѣ нѣсколько ранѣе, не прежде, однако, какъ въ концѣ царствованія Екаторины II.

Личныя предначертанія императрицы, со времени измѣненія ею знаменитымъ своимъ наказомъ 1767 года политическихъ взглядовъ предшествующихъ императрицъ на начала вѣротерпимости и допущенія, съ 1769 года, вновь евреевъ въ предѣлы русскаго государства,—какъ убѣждаютъ въ томъ основанныя на документахъ историческія данныя ¹,—не давали, собственно говоря, никакого повода къ локализациі еврейскаго населенія въ какой либо части государства.

При принятіи евреевъ, въ 1772 году, въ числѣ жителей Бѣлоруссіи, въ русское подданство, было торжественно заявлено, въ особой прокламаціи (плакатѣ) отъ имени императрицы, что евреи вступаютъ въ это подданство на одинаковыхъ правахъ съ прочими жителями и что права эти даруются имъ на всемъ пространствѣ Имперіи ². Эта воля государыни была выражена въ цѣломъ рядѣ позднѣйшихъ ея указовъ и повелѣній, касавшихся евреевъ.

Изъ ея наказа, даннаго первымъ правителемъ Бѣлорусскаго края, видно, что провозглашенныя въ немъ начала равенства въ правахъ, „*безъ различія закона (въры)*

¹ См. наше же сочиненіе: Торговля и другія права евреевъ въ Россіи, изд. 1886 г., стр. 58—64.

² Ц. С. З., т. XIX, № 13850.

и народа“, признаваясь государынею такими, которыя, по ея собственному выраженію: „*суть коренныя, основанныя на правилъ православія, политики и здраваго разсудка*“¹, должны были имѣть примѣненіе и по отношенію къ подданнымъ еврейскаго исповѣданія. Эта законодательная воля Екатерины Великой ясно усматривается, какъ изъ содержанія вышеупомянутой прокламаціи, такъ и изъ того, что приведенное выраженіе: „безъ различія закона и народа“, т. е. вѣры и происхожденія, встрѣчалось во всѣхъ повелѣніяхъ государыни, относившихся и къ правамъ евреевъ, почти въ продолженіи всего ея царствованія.

Не взирая, однако, на совершенно ясный смыслъ этихъ верховныхъ распоряженій нашей великой императрицы, евреи стали прикрѣпляться къ своимъ мѣстамъ постоянной осѣдлости административнымъ порядкомъ, а слѣдовательно, не вполнѣ *легально*, почти вслѣдъ за дарованіемъ имъ правъ русскаго гражданства, равныхъ съ прочими жителями.

Это было дѣломъ тогдашнихъ правителей Бѣлорусскаго края и сената, который, какъ извѣстно, пользовался тогда широкими полномочіями по управленію дѣлами государства².

¹ П. С. З., т. XIX, № 13807.

² Въ то время у насъ не было еще ни государственнаго совѣта, ни министерствъ такихъ, какъ теперь; не было, поэтому, и строгаго разграниченія между законодательными, судебными и исполнительными функциями высшей правительственной власти. Сенатскіе указы содержали въ себѣ нерѣдко постановленія, даже дѣлыя положенія, чисто законодательнаго свойства, обращавшіяся къ исполненію въ порядкѣ управленія,

Въ то время, какъ еще дѣйствовали первоначальныя екатерининскія постановленія о евреяхъ, принятыхъ въ русское подданство, они, путемъ *административныхъ* распоряженій, не стали уже допускаться властями къ жительству, торговлѣ и промысламъ внѣ мѣстъ, въ которыхъ ихъ застало русское владычество.

Такимъ образомъ, постоянное сосредоточеніе евреевъ въ западныхъ частяхъ Имперіи осуществлено сперва, такъ сказать, *фактически, въ порядкѣ управленія*, безъ всякаго прямого или косвеннаго о томъ *законодательнаго* акта за собственноручною подписью государыни. Начало этому положено двумя указами сената, состоявшимися по текущимъ дѣламъ управленія и воспріявшими свою силу въ общемъ порядкѣ сенатскихъ постановленій. Первымъ изъ нихъ, появившимся въ 1776 году, т. е. черезъ четыре года по присоединеніи Бѣлоруссіи, было постановлено къ руководству мѣстныхъ властей, согласно съ ихъ собственными о томъ представленіями, что право свободного избранія мѣста жительства и рода занятій повсемѣстно въ Имперіи можетъ принадлежать изъ евреевъ только *принявшимъ христіанство*, чѣмъ давался властямъ прямой законный поводъ не допускать къ поль-

---

безъ предварительнаго доклада Высочайшей власти. Многія изъ такихъ постановленій могли не быть, слѣдовательно, выраженіемъ личной воли государыни и даже совершенно быть ей неизвѣстными, коль скоро они не были ей предварительно доложены или обжалованы, въ установленномъ порядкѣ. Къ числу такихъ законодательныхъ актовъ принадлежали и многіе указы, касавшіеся правъ евреевъ, въ томъ числѣ и указы, которые приведены ниже.

зованію такимъ же правомъ всѣхъ прочихъ евреевъ, т. е. пребывавшихъ въ своей вѣрѣ¹.

Другимъ указомъ сената, вослѣдовавшимъ 7 мая 1786 г., т. е. десять лѣтъ спустя, подъ заглавіемъ „объ огражденіи правъ евреевъ въ Россіи, касательно ихъ подсудности, торговли и промышленности“, было, между прочимъ, отказано евреямъ въ просьбѣ „о свободной запискѣ въ купечество и мѣщанство въ другихъ городахъ, *кроме Бѣлорусскихъ губерній*, чѣмъ вполнѣ подтверждалось принятое уже въ административной области правило о недопущеніи лицъ іудейскаго закона къ повсемѣстному жительству въ Имперіи.

Этотъ послѣдній указъ состоялся по всеподданнѣйшимъ прошеніямъ нѣкоторыхъ евреевъ объ ихъ огражденіи отъ притѣсненій со стороны мѣстныхъ властей. При передачѣ этихъ прошеній на разсмотрѣніе сената, императрица, предоставивъ ему постановить по нимъ самостоятельное рѣшеніе, съ обращеніемъ его къ немедленному исполненію, въ порядкѣ управленія, повелѣла, однако, генераль-прокурору замѣтить сенату, въ его руководствѣ, „что когда означенные еврейскаго закона люди вошли уже, на основаніи указовъ ея величества, въ *состояніе, равное съ другими*, то и надлежитъ, при всякомъ случаѣ наблюдать правило ея величествомъ установленное, что всякъ, по званію и состоянію своему, долженствуетъ пользоваться выгодами и правами, *безъ различія закона и народа*“.

Изъ этого, между прочимъ, видно, въ какой сте-

¹ 1-е П. С. З., XX, № 14522.

пени не соответствовало личной волѣ императрицы, установленное двумя поименованными сенатскими указами упомянутое выше правило, клонившееся въ локализацию евреевъ въ Россіи. Тѣмъ не менѣе, правило это осталось въ силѣ, по необжалованію сенатскихъ постановленій, въ коихъ оно заключалось¹.

Но за симъ, въ самомъ уже концѣ царствованія Екатерины II, локализациа евреевъ въ западномъ краѣ получила и законодательную санкцію.

Это совершилось незадолго до кончины императрицы, при обстоятельствахъ, которыя, въ связи съ предшествовавшими, наводятъ полнѣйшее сомнѣніе, чтобы эта мѣра могла вытекать изъ собственной мысли государыни, строго ею обсужденной съ законодательной стороны.

Сказанная санкція наложена двумя именными указами. Одинъ появился 23 декабря 1791 г., за четыре года, другой 23 іюня 1794 г., менѣе чѣмъ за два года до кончины Екатерины.

Въ первомъ изъ этихъ указовъ, касавшемся правъ евреевъ, высланныхъ изъ дѣйствовавшей въ Турціи арміи, коимъ императрица еще въ 1769 году разрѣшила селиться въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ и Таврической губерніи, было присовокуплено, что Бѣлорусскіе евреи, „по законамъ и указамъ императрицы, не имѣютъ никакого права записываться въ купечество во внутренніе русскіе города и порты, а только... дозволено имъ пользоваться правомъ гражданства и мѣщанства въ Бѣлоруссіи. Присовокупленіе это,

¹ 1-е П. С. З. т. XXII, № 16391.

какъ видно изъ указа, сдѣлано въ разрѣшеніе возбужденнаго объ этомъ вопроса главнокомандовавшимъ въ Москвѣ, княземъ Прозоровскимъ. Такимъ образомъ, по поводу вопроса о правѣ повсемѣстнаго жительства евреевъ, именнымъ указомъ, въ этомъ случаѣ, не устанавливалось новаго какъ бы закона, но возбужденный вопросъ разрѣшался какъ бы на основаніи существовавшихъ уже прежде, по этому предмету, законодательныхъ повелѣній и распоряженій императрицы. На самомъ же дѣлѣ, такихъ повелѣній и распоряженій не было, а напротивъ, изъ прежнихъ указовъ Екаторины видно, что точно такіе же вопросы, возбужденные въ 1780 и 1785 годахъ, по поводу ходатайствъ евреевъ о припискѣ въ купечество внѣ Бѣлоруссіи, были разрѣшены Государыней тремя именными указами въ совершенно иномъ смыслѣ¹. Поэтому, справедливо считать, что въ вышеупомянутомъ указѣ 1791 г., о которомъ идетъ рѣчь, личная воля императрицы, по предмету локализациі евреевъ, была выражена впервые, такъ какъ, до того, этой воли, въ видѣ закона или спеціального повелѣнія, Государынею объ этомъ формально выражаемо не было. Это былъ первый актъ, формально выражавшій волю императрицы, по этому предмету. Законовъ и указовъ, на которые была сдѣлана въ этомъ именномъ указѣ общая ссылка, безъ ихъ точнаго указанія, въ смыслѣ предшествовавшихъ прямыхъ и категоричныхъ повелѣній на счетъ локализациі евреевъ, въ дѣйствительности не существовало; но тѣмъ не менѣе, съ момента появленія того акта, бѣлорусскіе евреи прямо,

¹ Торговля и другія права евреевъ, изд. 1886 г., стр. 72—74.

а прочіе косвенно, лишались, уже въ силу самаго закона, права повсемѣстнаго жительства въ Россіи¹.

Другой изъ тѣхъ актовъ былъ поднесенъ къ подписи Екатерины подъ наименованіемъ: „о сборѣ съ евреевъ, записавшихся по городамъ въ мѣщанство и купечество, установленныхъ податей *вдвое* противу положенныхъ съ мѣщанъ и купцовъ христіанскаго закона разныхъ исповѣданій“. Между тѣмъ, кромѣ возложенія на евреевъ этой непомерной тягости, въ указъ было включено и перечисленіе въ западномъ краѣ тѣхъ смежныхъ между собою губерній, воими какъ бы предварительно ограничено императрицею право евреевъ по отправленію „мѣщанскихъ и купеческихъ промысловъ“, съ запискою по городамъ „въ мѣщанство и купечество“².

Съ того времени можно считать и установленіе у насъ *черты постоянной осѣдлости евреевъ*, которая могла и тогда уже быть обозначена на каждой географической картѣ, посредствомъ проведенія линіи по границамъ вышесказанныхъ смежныхъ между собою губерній, отдѣлявшимъ ихъ отъ прочихъ частей государства.

Изъ однихъ этихъ фактовъ достаточно уже усматривается, что евреи и самую верховною властью фиксированы, сначала, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости не путемъ отдѣльно изданнаго, по этому предмету, прямого *органическаго закона*, но мѣрою чисто-распоряди-

¹ 1-е П. С. З., т. XXIII, № 17006.

² П. С. З. т. XXIII, № 17224.

тельнаго свойства, принятою въ порядкѣ верховнаго управления по текущимъ дѣламъ государства.

Какъ бы то ни было, но съ того времени въ русскомъ царствѣ появилась *цѣлая сплошная область*, исключительно отведенная для жительства евреевъ, весьма сходственно съ тѣмъ, какъ нѣсколько тысячу лѣтъ тому назадъ, въ царствѣ египетскомъ, была отведена имъ земля Гессемская, съ тою только разницею, что изъ Библіи усматривается, что земля эта была предоставлена въ ихъ исключительное обладаніе, и не видно, чтобы при ихъ водвореніи на ней и послѣ того она была населена какими либо другими жителями.

У насъ же евреи закрѣплены въ мѣстностяхъ обитаемыхъ, которыя и во времена Екатерины II принадлежали къ числу наиболѣе населенныхъ. Ближайшимъ и немедленнымъ послѣдствіемъ этого было образованіе у насъ двухъ какъ бы совершенно различныхъ русскихъ народонаселеній: одно, которое было обречено на постоянное сожительство съ евреями, и другое, которое отъ такого сожительства было вовсе освобождено. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ понятіи, такъ и на самомъ дѣлѣ, произошло и весьма своеобразное раздвоеніе нашей *единой и нераздѣльной Руси* на двѣ различныя, въ этнографическомъ, торговомъ, промышленномъ и административномъ отношеніяхъ, части: *на Русь съ евреями и Русь безъ евреевъ*.

Отдавали-ли себѣ тогдашнія государственныя власти ясный отчетъ о такомъ неизбѣжномъ, при локализациі евреевъ, и въ то же время столь несоотвѣтственномъ съ коренными политическими понятіями о нашей Руси, дѣленіи ея, или нѣтъ,—трудно себѣ объяснить. Но, во

всякомъ случаѣ, можно, кажется, безошибочно сказать, что въ основаніи сказанной мѣры менѣе всего лежали какія бы то ни было соображенія здравой политики о правильнѣйшемъ, по возможности, распредѣленіи народонаселенія по государству и практическихъ выгодахъ, для его общихъ интересовъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. Едва-ли не единственною, въ этомъ случаѣ, побудительною причиной была цѣль чисто-*религіозная* — огражденіе святой Руси отъ постояннаго обращенія съ людьми еврейскаго вѣроисповѣданія, которымъ, незадолго передъ тѣмъ, въ двухъ именныхъ указахъ императрицы Елисаветы Петровны было публично присвоено названіе „враговъ Христа“¹, и каковыми евреи являлись, вообще, въ господствовавшихъ тогда понятіяхъ о нихъ.

Но опять-таки остается непонятнымъ, почему, при такомъ религіозномъ созерцаніи о царствѣ русскомъ, сѣверо- и юго-восточныя его части, гдѣ обитали чуждыя славянамъ племена, такия, какъ чудь, весь, меря, мурома, мордва, пермяки и т. п., гдѣ и теперь еще народонаселеніе испещрено смѣсью самыхъ разнородныхъ племенъ, могли являться въ представленіяхъ тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей болѣе достойными названія святой Руси, чѣмъ сѣверо- и юго-западныя ея земли, гдѣ всегда обитали славяно-русскія племена, гдѣ Русь возымѣла свое начало и гдѣ колыбель и нашего православія, и всѣхъ преданій нашей заветной старины?

Есть лица, оправдывающія такой несообразный

¹ 1-е II. С. З., т. XI, № 8673 и 8840.

взглядъ чувствомъ проявившагося тогда нерасположенія къ странамъ, утратившимъ, будто, свой славяно-русскій характеръ, или, выражаясь болѣе вульгарнымъ языкомъ, ополячившимся вслѣдствіе своего продолжительнаго нахожденія подъ владычествомъ Польши. На это можно замѣтить, однако, что справедливость этихъ чувствъ не находила оправданія и въ то даже время, ни въ исторіи, ни въ политикѣ нашей, такъ какъ извѣстно, что всѣмъ областямъ, отходившимъ отъ Польши и сливавшимся вновь въ одно цѣлое съ Русью, присвоивалось публично, во всѣхъ государственныхъ актахъ, значеніе такихъ, которыя не покорялись силою оружія, но только *возсодинялись* съ нею, какъ земли родныя, завѣтныя. Но если допустить, что въ дѣлѣ сосредоточенія тамъ евреевъ преобладающимъ двигателемъ было сказанное чувство, то нужно согласиться и съ тѣмъ, что этотъ образъ дѣйствія былъ плодомъ безотчетнаго побужденія, а не сознательной мысли, зрѣло и всесторонне обсужденной съ точки зрѣнія мѣстныхъ и общихъ интересовъ государства. Безотчетность этого побужденія дѣлается нагляднѣе, если принять въ соображеніе, что и лицамъ, имъ руководствовавшимся, не могло, конечно, быть желательнымъ, чтобы ополячившіяся земли оставались въ этомъ состояніи какъ можно долѣе. Между тѣмъ, легко было понять и имъ, что сосредоточеніе всей только-что вышедшей изъ-подъ польскаго владычества массы еврейскаго населенія исключительно въ тѣхъ мѣстахъ не представляло собою удобнаго средства къ достиженію противоположной цѣли— скорѣйшаго обновленія земель древней нашей Руси *элементомъ русскимъ*. Какъ бы въ извиненіе этого,

нѣкоторые указываютъ на то, что въ моментъ присоединенія польскихъ провинцій, съ еврейскимъ въ нихъ населеніемъ, истинно русскіе люди были озабочены огражденіемъ отъ евреевъ не столько тѣхъ частей государства, которыя, по причинамъ историческимъ, съ ними уже освоились, сколько тѣхъ, которыя не приходили еще съ ними въ соприкосновеніе. Но мысль эта, нужно опять замѣтить, противорѣчила, однако, политическимъ взглядамъ и предначертаніямъ о евреяхъ самой Еватерины, отличавшейся, какъ извѣстно, въ своихъ взглядахъ обнятіемъ общихъ интересовъ государства и знакомствомъ съ истиннымъ духомъ нашихъ православно-національныхъ преданій. Продолжавшійся два десятилѣтія первоначальный ея образъ дѣйствія, относительно своихъ подданныхъ еврейскаго исповѣданія, явно свидѣтельствуетъ, что ея вовсе не сознавалась потребность въ какомъ либо преимущественномъ огражденіи отъ нихъ однѣхъ частей государства передъ другими. Поэтому, если и допустить, что такое стремленіе овладѣло чувствами русскихъ властей, то ему все-таки несправедливо было бы присвоить значеніе мысли законодательной, вытекшей изъ личныхъ взглядовъ императрицы и зрѣло ею обсужденной, съ точки зрѣнія общегосударственной пользы. Вѣрнѣе, слѣдовательно, предполагать, что и это побужденіе всецѣло принадлежало тогдашнимъ органамъ правительственной власти и было плодомъ ихъ безотчетныхъ чувствъ, поддерживавшихся слѣпыми предрасудками и предубѣжденіями противъ евреевъ.

Такимъ образомъ, нельзя не согласиться, что локалізація евреевъ на земляхъ древней Руси обязана своимъ возникновеніемъ, преимущественно, слѣпымъ и

безотчетнымъ чувствамъ непріязненнаго настроенія къ евреямъ. Польскій режимъ поддерживалъ въ властяхъ исключительныя воззрѣнія на евреевъ. Допущеніе ихъ къ свободному расселенію по Россіи казалось имъ чѣмъ-то невозможнымъ, совершенно безотчетно. *Локализациія евреевъ* и есть именно продуктъ такого безотчетнаго чувства. Вотъ почему можно сказать, что въ данномъ случаѣ дѣйствіе предшествовало какой либо сознательной о немъ законодательной мысли: прикрѣпленіе евреевъ къ мѣстамъ ихъ осѣдлости осуществилось фактически, въ порядкѣ управленія, прежде, чѣмъ появилась какая либо созрѣвшая объ этомъ идея въ законодательной области. Она, и по появленіи своемъ на политическомъ горизонтѣ, осталась не провѣренною въ ея основаніяхъ и цѣляхъ, а слѣдовательно—въ безотчетномъ состояніи слѣпнаго чувства. Это видно изъ того, что и впоследствии вопросъ о локализациіи евреевъ не подвергался законодательнымъ обсужденіямъ, въ смыслѣ отдѣльнаго самостоятельнаго предмета. Закрытіе для евреевъ большей части государства было принято за фактъ, свершившійся безповоротно, о которомъ поднимать особаго вопроса уже какъ бы не слѣдовало. Поэтому, у насъ и не допускалась уже мысль о возможности обсужденія правъ евреевъ въ Россіи иначе, какъ только при условіи существованія той территориальной грани, того рубежа, переступить которые имъ воспрещено и которымъ въ нашихъ законахъ присвоено позднѣе названіе *черты ихъ постоянной осѣдлости*.

Оправдывая этотъ образъ дѣйствія исторически-сложившимися обстоятельствами, сторонники локализациіи евреевъ въ Россіи обнаруживаютъ при этомъ склон-

ность отвергать, однако, чтобы единственною его причиною были *религіозныя* предразсудки и предубѣжденія противъ евреевъ. Въ доказательство этого, они ссылаются, обыкновенно, на образъ дѣйствія верховныхъ властителей русской земли, утверждая, что всѣ они искони и постоянно, какъ *до* такъ и *послѣ* образованія русскаго царства, стремились по отношенію къ евреямъ къ одному и тому же: *недопущенію* ихъ въ свои владѣнія или ихъ *вытѣсненію* оттуда, какъ элемента, положительно вреднаго, для религіозно - нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ русскаго народа. Этими объясненіями стараются присоединить къ религіознымъ поводамъ дѣйствія мотивы еще и другого порядка: *понятія* *объ общественной недоброкачественности евреевъ*, какъ бы съ самыхъ древнихъ у насъ временъ.

Вопросъ объ этомъ представляется тѣмъ серьезнѣе, тѣмъ насущнѣе, что всѣмъ такимъ мотивамъ придается существенное значеніе и въ наше время, съ цѣлью сохраненія мѣръ репрессивнаго характера относительно евреевъ, въ томъ числѣ и существующаго въ нашихъ законахъ установленія черты ихъ постоянной осѣдлости, во всей суровой его строгости.

Мало того, въ этихъ именно видахъ поборниками идеи этого установленія, нерѣдко, подается даже мысль, не только объ отмѣнѣ допущенныхъ, въ этомъ отношеніи, смягчительныхъ узаконеній, но и о произведеніи тщательнаго разбора правъ евреевъ, проживающихъ уже нынѣ въ внутреннихъ частяхъ Имперіи, съ тѣмъ, чтобы подвергнуть немедленной высылкѣ въ сказанную черту тѣхъ изъ нихъ, которые оказались бы не

вполнѣ правильно пользующимися предоставленными имъ льготами: евреевъ болѣе зажиточныхъ — на ихъ собственный счетъ, а бѣднѣйшихъ — на счетъ казны. Вслѣдствіе этого, потребность въ изслѣдованіи сказанныхъ мотивовъ дѣлается еще какъ бы болѣе настоятельно, въ интересахъ даже возможнаго сбереженія наличныхъ средствъ государства, имѣющаго столько другихъ разнообразнѣйшихъ нуждъ.

Постараемся прежде отдать себѣ нѣсколько болѣе ясный отчетъ: что же такое въ дѣйствительности эта пресловутая *черта постоянной осѣдлости евреевъ* и какія вытекаютъ изъ нея установленія ближайшія послѣдствія, какъ для самихъ евреевъ, такъ и вообще для государства и его народонаселенія.

Россія, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу государствъ единоподержавныхъ, т. е. такихъ, которыя, по своей политической организаціи, составляя *единое и нераздѣльное цѣлое*, не распадаются на конфедеративныя части, политически отдѣленныя между собою территоріальными границами и пользующіяся, въ большей или меньшей степени, внутреннимъ политическимъ самоуправленіемъ. Финляндія есть единственная область, которая, находясь подъ скипетромъ русской державы, представляетъ, въ этомъ отношеніи, нѣкоторое исключеніе.

Слѣдовательно, современный политическій строй русскаго государства, соответствующій его національному духу, не даетъ никакого повода къ нарушенію кореннаго принципа о его единствѣ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, въ томъ числѣ и *этнографическомъ*. Всѣ народности, не смотря на различіе областей, сли-

ваются въ нашемъ государствѣ, также какъ и оно само, въ одно единое, нераздѣльное цѣлое.

Согласно съ этимъ своимъ строемъ и въ силу своихъ единодержавныхъ началъ, Россія управляется, на всемъ своемъ пространствѣ, и *единими, общими законами*, съ нѣкоторыми органическими изъ нихъ изъятіями, до времени допущенными, по отношенію къ народностямъ, которыя, имѣя *національныя отношенія* къ землямъ, покореннымъ силою оружія, требуютъ, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, и нѣ котораго отдѣльнаго устройства.

Евреи, однако, къ такимъ народностямъ, очевидно, не принадлежатъ, такъ какъ они живутъ среди общаго народонаселенія, на земляхъ, къ которымъ заявляютъ *національныя притязанія* не имѣютъ никакихъ основаній. Между тѣмъ, установленная черта ихъ осѣдлости, образуя внутри государства территоріальную границу, которая можетъ быть обозначена на каждой географической картѣ, и, такимъ образомъ, отдѣляя собою отъ прочихъ частей государства смежныя между собою губерніи, заключающія еврейское населеніе, унавивляетъ какъ бы *національныя* отношенія евреевъ къ землямъ края, гдѣ тѣ губерніи находятся, и присвоиваетъ этимъ и самому краю какой-то особый политическій отгѣнокъ, различающій его отъ прочихъ полостей и областей Россіи, гдѣ евреевъ нѣтъ. Этимъ путемъ у насъ дѣйствительно образуются какъ бы *два Руси*: Русь съ многочисленнымъ еврейскимъ населеніемъ, и Русь безъ такого населенія.

Одновременно съ этимъ, по меньшей мѣрѣ, неудобнымъ, въ политическомъ отношеніи, послѣдствіемъ, ска-

занное дѣленіе нераздѣльной Руси влечетъ за собою многія другія, невыгодно отражающіяся на современныхъ ея условіяхъ, между прочимъ и по отношенію къ желаемому *равенству въ правъ свободнаго жительства каждаго въ своей странѣ.*

Собственно говоря, при существованіи въ государствѣ сословныхъ различій, полнымъ равенствомъ въ правахъ не пользуются и нѣкоторые другіе классы, кромѣ евреевъ, такъ какъ многія изъ правъ, какъ извѣстно, присваиваются лицамъ на основаніи особыхъ сословныхъ льготъ или привилегій. Но есть, однако, права, которыя принадлежатъ каждому, безъ различія классовъ или состояній, въ смыслѣ его природныхъ, естественныхъ правъ. Въ ряду этихъ послѣднихъ первое мѣсто всегда занимало и занимаетъ, конечно, *право свободнаго жительства и передвиженія въ государствѣ, какъ равно и право свободныхъ между собою сношеній всѣхъ вообще жителей*, обитающихъ въ государствѣ въ качествѣ его подданныхъ. Пользованіе тѣмъ или другимъ изъ сказанныхъ правъ, въ виду фискальныхъ или общеполіцейскихъ цѣлей, можетъ быть обусловлено извѣстнымъ, законами опредѣленнымъ, порядкомъ. Но это не есть уничтоженіе этихъ правъ. Ни одно изъ нихъ вслѣдствіе этого не утрачиваетъ ни своего значенія, ни своей силы, не переставая реально существовать для всѣхъ и каждаго въ государствѣ, коль скоро въ немъ нѣтъ, конечно, состояній рабскихъ.

Примѣръ этого видѣнъ и у насъ. Въ то время, когда существовало крѣпостное право, укрѣплявшее за личностью владѣльцевъ часть сельскаго народонаселенія и представлявшее нѣчто въ родѣ рабства, всѣ лица,

принадлежавшія къ этому классу, подобно тому, какъ нынѣ евреи, были лишены, между прочимъ, права свободнаго жительства и передвиженія въ государствѣ, а также и права свободныхъ сношеній съ прочими подданными. Съ упраздненіемъ же крѣпостнаго права и уничтоженіемъ класса крѣпостныхъ людей, каждый изъ подданныхъ, начиная съ высшаго сановника до простаго поселанина, сталъ обладать въ равной мѣрѣ природными каждому правами, въ силу своего гражданскаго положенія, и пользоваться ими въ извѣстномъ, установленномъ для каждаго состоянія, порядкѣ, на всемъ пространствѣ своей отечественной территоріи, безъ различія края или области. Каждый, изъ низшихъ даже сословій, не исключая и бывшихъ крѣпостныхъ людей, можетъ нынѣ, при условіи соблюденія предписаннаго закономъ порядка, избирать повсемѣстно въ государствѣ мѣсто постояннаго своего жительства, перемѣнять его, пользоваться правомъ отлучекъ изъ него, по срочнымъ или безсрочнымъ паспортамъ, избирать родъ своихъ занятій, съ перечисленіемъ себя изъ одного состоянія въ другое, приобрѣтать повсюду недвижимую собственность и заниматься всѣми вообще дѣлами гражданскаго оборота, торговыми и неторговыми, для снисканія себѣ средствъ къ жизни и извлеченія выгодъ, не стѣсняясь никакою мѣстностью.

Единственное исключеніе изъ этого составляютъ до сихъ поръ, одни только *евреи*, замѣнутые въ чертѣ ихъ постоянной осѣдности, откуда они могутъ появляться въ внутреннія части Имперіи, для временнаго или постояннаго въ нихъ жительства, не иначе, какъ на основаніи особыхъ, *льготныхъ*, о томъ положеній.

Установленіе этой черты является, такимъ образомъ, и главнымъ, такъ сказать, регулирующимъ факторомъ условій ихъ гражданскаго быта у насъ.

Со времени его появленія въ нашемъ государственномъ строѣ и присвоенія этимъ способомъ западному краю значенія какъ бы *національной родины евреевъ*, характеристическое отличіе всѣхъ принимаемыхъ въ отношеніи ихъ мѣръ заключается, преимущественно, въ ограниченіи ихъ мѣста пребыванія исключительно этимъ краемъ.

Первое время, евреи не пользовались, въ этомъ отношеніи, никакими льготами. Сплошь до самаго царствованія императора Александра I, появленіе ихъ въ мѣсть, опредѣленныхъ для ихъ постоянной осѣдности, было *безусловно* воспрещено. Судя по сохранившимся официальнымъ даннымъ о взглядахъ на евреевъ тогдашнихъ вліятельныхъ властей, нельзя предполагать, чтобы ими допускались какія либо послабленія въ этомъ отношеніи.

Но такъ какъ сосредоточеніе въ западномъ краѣ всей массы еврейскаго населенія не замедлило обнаружить вредныя тамъ послѣдствія, для мѣстныхъ экономическихъ интересовъ, то еще въ сказанное царствованіе была признана правительствомъ необходимость въ нѣкоторомъ улучшеніи быта евреевъ, между прочимъ, и путемъ смягченія строгости законовъ, относительно безусловной ихъ замкнутости въ своей чертѣ. Вслѣдствіе этого, тогда же, были приняты нѣкоторыя мѣры къ расширенію этихъ правъ, ограничившіяся, впрочемъ, дарованіемъ евреямъ, въ видѣ *льготныхъ изъятій*, права временнаго пріѣзда въ закрытыя для нихъ мѣстности,

и притомъ, какъ сказано въ положеніи 1804 года, только для „усовершенствованія себя въ художествахъ и показанія особливыхъ искусствъ“, или для образованія дѣтей въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, университетахъ и с.-петербургской академіи художествъ. Вмѣстѣ съ этимъ, было предоставлено евреямъ селиться, изъ числа сказанныхъ мѣстностей, въ губерніяхъ Астраханской и Кавказской ¹. Но льготами этими мало кто изъ евреевъ воспользовался въ то время, какъ по общему ихъ тогда нерасположенію помѣщать своихъ дѣтей въ русскія учебныя заведенія, такъ и потому, что съ образованіемъ не были соединены какія либо преимущества для нихъ. По неимѣнію этихъ преимуществъ, окончившіе образованіе евреи, даже изъ получившихъ ученныя степени, оторвавшись отъ обычныхъ тогда евреямъ коммерческихъ дѣлъ, не могли обращать прибрѣтенныя знанія на какое либо другое поприще гражданской дѣятельности и имѣть, слѣдовательно, расчетъ отрывать отъ себя дѣтей для ихъ образованія въ учебныхъ заведеніяхъ, находившихся въ болѣе или менѣе отдаленномъ отъ нихъ разстояніи, внѣ черты ихъ осѣдности. Что касается губерній Астраханской и Кавказской, то они, въ то же царствованіе, были вскорѣ вновь закрыты для евреевъ, оставшись закрытыми и впредь, по положенію 1835 г., изданному въ царствованіе Николая I.

Въ основаніи этого положенія, хотя и лежала мысль дарованія евреямъ нѣкоторыхъ облегченій по правамъ ихъ жительства, но облегченія эти, на самомъ дѣлѣ, были

¹ 1-е П. С. З., т. XXVIII, № 21547.

весьма незначительныя. Окончившимъ курсъ наукъ съ учеными степенями были предоставлены права на получение личнаго и потомственнаго дворянства, а получившимъ ученую степень доктора—и право на вступленіе въ учебную и гражданскую службу, но не иначе, какъ съ Высочайшаго на то каждый разъ разрѣшенія. Только вступившимъ въ такую службу было предоставлено право повсемѣстнаго жительства въ Имперіи, а лекарямъ имѣть волюную въ ней практику. Всѣмъ остальнымъ евреямъ былъ дозволенъ лишь временный пріѣздъ въ внутреннія губерніи, съ ограниченіемъ его весьма краткими сроками, по судебнымъ процессамъ объ имуществѣ и по нѣкотораго рода торговымъ дѣламъ, операціи которыхъ должны были производиться въ мѣстахъ ихъ осѣдности. При этомъ, купцы 1-й и 2-й гильдіи имѣли право, на весьма тоже ограниченные сроки, право пріѣзда въ Москву и Ригу, для закупки лишь товаровъ, а для торговли — только на важнѣйшія ярмарки, какъ-то: *нижегородскую, ирбитскую, коренную* (близъ г. Курска), *харьковскую и сумскую*. Далѣе, расширеніе правъ жительства евреевъ, въ царствованіе Николая I, не пошло, — не принципиально, впрочемъ, но только потому, что правительство задалось мыслью предпослать слиянію евреевъ въ правахъ съ прочими жителями распространеніе среди этихъ иновѣрцевъ *общаго* или, какъ тогда выражалось въ оффиціальныхъ бумагахъ, *религіозно-нравственнаго образованія*. Это давало поводъ евреямъ предполагать скрытыя намѣренія въ обращенію ихъ въ христіанство и отклоняло ихъ отъ русскихъ школъ и учебныхъ заведеній.

Только при императорѣ Александрѣ II были приняты,

какъ извѣстно, нѣкоторыя болѣе рѣшительныя, хотя тоже *льготныя* лишь мѣры къ расширенію сказанныхъ правъ, съ цѣлью возможнаго разрѣшенія въ западномъ краѣ еврейскаго населенія и привлеченія полезнѣйшей его части въ внутреннія губерніи.

Но сказаннымъ родомъ мѣръ, цѣль эта могла быть достигнута, конечно, лишь въ весьма слабой степени. По ограниченному кругу лицъ, коимъ предоставлены новѣйшія, по правамъ жительства, *льготы*, и стѣснительности ихъ условій, изъ густыхъ массъ еврейскаго населенія могло выдѣляться не много людей, для поселенія внѣ черты своей постоянной осѣдности. Со времени этихъ льготныхъ разрѣшеній прошло теперь болѣе 30 лѣтъ. Между тѣмъ, евреевъ, воспользовавшихся ими и переселившихся въ внутреннія губерніи, оказывается, и въ настоящее время, самый незначительный процентъ, въ сравненіи съ ихъ собственнымъ населеніемъ, и ничтожный—въ сравненіи съ общимъ народонаселеніемъ внутри Россіи. Если же бывають слышны отзывы объ ихъ чрезмѣрномъ будто тамъ наплывѣ, то это происходитъ, во первыхъ, потому что переселявшіеся евреи, въ силу своихъ льготъ, могли скопляться и группироваться въ однихъ только городахъ, давая этимъ поводъ многимъ, непріязненно къ нимъ расположеннымъ, вопить объ ихъ многочисленности; во вторыхъ, потому что въ этихъ центрахъ, по мѣрѣ ихъ прибытія, дѣятельность полицейскихъ властей стала значительно усиливаться, что содѣйствовало распространенію слуховъ о многочисленномъ ихъ къ намъ наплывѣ.

Замѣчаемая же въ внутреннихъ губерніяхъ усиленная степень дѣятельности органовъ полицейской власти,

относительно, какъ переселяющихся, такъ и водворившихся уже евреевъ, объясняется тѣмъ, что, независимо отъ лежащихъ на полиціи общихъ обязанностей по удостовѣренію личности и предупрежденію и пресѣченію преступленій, присоединяются къ дѣятельности тѣхъ органовъ еще обязанности по разбору правъ жительства сказанныхъ евреевъ внѣ черты ихъ осѣдности и особому надзору, какъ *за ними*, такъ и *за родомъ ихъ занятій*.

Причина этого явленія въ административно-полицейской сферѣ скрывается, главнымъ образомъ, въ томъ именно обстоятельстве, что изъ всей массы евреевъ, сосредоточенныхъ въ западномъ краѣ, право повсемѣстнаго жительства предоставлено только нѣкоторымъ ихъ категоріямъ, и притомъ не на основаніи общихъ законовъ, за-урядъ съ прочими жителями, одинаковыхъ съ ними состояній, но лишь въ видѣ изыятія изъ исключительныхъ постановленій о евреяхъ, въ видѣ *льготныхъ* передъ ними *преимуществъ*, обусловленныхъ, въ то же время, извѣстными требованіями закона, невыполненіе коихъ, со стороны евреевъ, лишаетъ ихъ тотчасъ этихъ преимуществъ и влечетъ за собою обратную высылку виновныхъ, въ административномъ порядкѣ или по суду, въ черту постоянной еврейской осѣдности. Такимъ образомъ, иные изъ этихъ евреевъ, первое, болѣе или менѣе продолжительное время по ихъ водвореніи въ внутреннихъ губерніяхъ, а другіе въ теченіи и всего времени ихъ прожительства въ нихъ, продолжаютъ отличаться отъ другихъ подданныхъ по своимъ правамъ жительства, не получая, и въ этомъ отношеніи, окончательнаго сліянія съ ними въ правахъ гражданскаго состоянія.

Такой условный характеръ изъясненныхъ льготъ указываетъ самъ собою на существованіе *тѣсной внутренней ихъ связи* съ установленіемъ упомянутой черты. Не будь этого установленія — не было бы и этихъ льготъ. Вслѣдствіе этого, большая часть евреевъ, получившихъ право постояннаго жительства внѣ ихъ областнаго „гетто“ и переселившихся за его черту, являются лицами, далеко еще не освобожденными отъ своихъ бытовыхъ отношеній къ нему. Отношенія эти продолжаютъ существовать и обнаруживать, болѣе или менѣе, вліяніе на состояніе евреевъ, проживающихъ въ внутреннихъ частяхъ государства.

Разсмотримъ нѣсколько ближе этотъ предметъ.

Согласно съ имѣющимися въ законахъ постановленіями о *льготныхъ, по правамъ жительства, евреяхъ*, они могутъ быть подведены подъ слѣдующія *пять* главныхъ категорій: къ *первой* принадлежатъ купцы первой гильдіи; къ *второй* — окончившіе курсъ собственно въ университетахъ, съ дипломами, по медицинскому факультету — на высшія, а по другимъ факультетамъ и на прочія ученныя степени, до кандидата включительно, а также еврей-врачи, не имѣющіе высшихъ ученыхъ степеней, но принятые въ государственную службу; къ *третьей* — окончившіе курсъ въ высшихъ спеціальныхъ или техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ и медицинскихъ (какъ, напримѣръ, военно-медицинской академіи), а также приобрѣвшіе извѣстное профессиональное званіе по низшимъ отраслямъ врачебнаго искусства, какъ-то: провизора, аптекарскіе помощники, дантисты, фельдшера, повивальныя бабки, или изучаю-

щіе фармацію, фельдшерское и повивальное искусство; къ *четвертой*—мастера и ремесленники, и наконецъ, къ *пятой* — отставные и безсрочно-отпускные нижніе чины.

Принадлежностью къ той или другой изъ этихъ категорій обусловлена для евреевъ и самая возможность пользованія ими правомъ повсемѣстнаго жительства въ Россіи. Только подъ флагомъ своей категоріи, дающей ему право повсемѣстнаго жительства, но еще не уничтожающей, однако, всѣхъ отгѣнговъ его различія въ правахъ отъ прочихъ, подданныхъ, можетъ еврей перешагнуть черту, въ которой заключена вся остальная масса его единовѣрцевъ, для своего поселенія въ мѣстахъ, находящихся внѣ ея.

До настоящаго времени значительнѣйшая часть льготныхъ евреевъ, а именно принадлежащіе къ ремесленному классу, при строгомъ соблюденіи требованій закона въ *паспортномъ отношеніи*, должна не менѣе строго соблюдать и требованія относительно *рода своихъ занятій*. Малѣйшее нарушеніе предписаннаго, въ томъ или другомъ отношеніи, порядка, можетъ служить для полиціи законнымъ поводомъ къ препровожденію еврея въ мѣсто его родины, собственною властью или по суду. Въ обоихъ случаяхъ высылка сопровождается принудительною продажей всего того, что еврей не могъ бы забрать съ собою, а въ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда эта мѣра опредѣляется по суду, она бываетъ, иной разъ, сопряжена и съ конфискаціею принадлежащаго еврею имущества. Суровость этихъ мѣръ не подлежитъ смягченію и въ томъ случаѣ, еслибъ связанный еврей, вслѣдствіе продолжительнаго

пробыванія въ внутреннихъ губерніяхъ, приобрѣлъ, въ дѣйствительности, осѣдлое въ нихъ положеніе и принесъ дѣятельностью своею существенную пользу, какъ мѣстному населенію, такъ и казнѣ. Правда, что отчасти именно въ этихъ соображеніяхъ воспослѣдовало, въ 1880 году, со стороны подлежащаго вѣдомства распоряженіе, коимъ воспрещено губернаторамъ собственной властью высылать изъ внутреннихъ губерній евреевъ, которые поселились въ нихъ до означеннаго года и проживали бы по узаконеннымъ видамъ. Но этимъ распоряженіемъ, какъ еврей, которыхъ оно касалось, такъ и другіе, изъ числа принадлежащихъ къ *льготнымъ категоріямъ*, не освобождались, однако, отъ установленной законами надъ ними административно-полицейской опеки мѣстныхъ властей. Опека эта осталась ни въ чемъ неизмѣнною и по настоящее время, вслѣдствіе чего, тѣмъ властямъ и теперь открыта возможность практиковать сказанныя высылки, не только путемъ судебного преслѣдованія, но и въ административномъ порядкѣ, не говоря о столицахъ, гдѣ главнымъ начальникамъ полиціи предоставлены особыя, въ этомъ отношеніи, права.

Изъ евреевъ, проживающихъ, нынѣ, внѣ черты общей ихъ осѣдлости, окончательно выбывшими изъ льготныхъ категорій могутъ признаваться только весьма немногіе, а именно: еврей, получившіе въ государственной службѣ или внѣ оной, за общественныя заслуги, чины и ордена, присвоивающіе, вообще, на основаніи законовъ о состояніяхъ, личное или потомственное дворянство; еврей, изъ числа обладающихъ высшимъ образовательнымъ цензомъ, приписавшіеся въ внутреннихъ губерніяхъ къ го-

родскому состоянію, и купцы первой гильдіи, непрерывно пробывшіе въ ней не менѣе десяти лѣтъ, со дня приписки ихъ къ одному изъ городовъ внутреннихъ губерній, такъ какъ въ отношеніи этихъ купцовъ въ законахъ (п. 4 примѣч. 3 къ ст. 128, ч. 2, т. XI уст. торг., по прод. 1879 г.) объяснено, между прочимъ, что они по истеченіи вышеозначеннаго срока получаютъ право повсемѣстнаго жительства въ городахъ, внѣ черты ихъ осѣдлости находящихся, на общемъ основаніи, хотя бы потомъ и выбыли изъ первой гильдіи. Но при всей несомнѣнности выхода этихъ евреевъ, въ отношеніи правъ жительства и вообще своего гражданскаго состоянія, изъ-подъ дѣйствія исключительныхъ о нихъ узаконеній, едва-ли и такимъ личностямъ было бы справедливо присвоивать значеніе гражданъ, окончательно натурализованныхъ и вошедшихъ, въ этомъ отношеніи, въ состояніе совершенно равное съ другими такими же подданными. Въ ихъ правахъ жительства продолжаютъ и затѣмъ замѣчаться весьма существенныя оттѣнки различій, стѣсняющіе ихъ, между прочимъ, и въ семейномъ отношеніи.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что, въ отличіе отъ другихъ русскихъ подданныхъ, сказанныя личности изъ евреевъ могутъ, какъ и всѣ вообще ихъ единовѣрцы, быть не допускаемы въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, не только къ постоянному, но даже къ временному проживательству; на основаніи старинной льготы, неправильно, быть можетъ, присвоиваемой себѣ тѣмъ княжествомъ ¹, но

¹ См. Сводъ узаконеній объ евреяхъ, Е. Б. Левина, стр. 613—615.

тѣмъ не менѣе терпимой, и при русскомъ владычествѣ, по настоящее время. Въ силу другой льготы, предоставленной уже самими законами казакамъ Войска Донского (примѣч. 2 къ ст. 17 т. XIV уст. о пасп., по прод. 1887 г.), къ постоянному проживательству въ ихъ области могутъ быть не допускаемы даже тѣ евреи, которые, на основаніи особыхъ льготныхъ своихъ положеній, пользуются правомъ повсемѣстнаго жительства на всемъ пространствѣ Имперіи, коль скоро они не имѣли бы опредѣленныхъ ученыхъ степеней или не состояли на службѣ по опредѣленію отъ правительства. Изъ этого общаго правила не сдѣлано никакихъ изъятій относительно личностей изъ евреевъ, вышедшихъ изъ ихъ льготныхъ категорій и пользующихся сказаннымъ правомъ на общемъ основаніи съ прочими подданными. Вслѣдствіе этого, тѣ изъ нихъ, которые не имѣли бы требуемыхъ ученыхъ степеней или не состояли бы въ коронной службѣ, могутъ, равнымъ образомъ, быть устраняемы отъ постоянного жительства въ землѣ Войска Донского. Но не говоря объ этихъ ограниченіяхъ, какъ о такихъ, которыя основаны на мѣстныхъ льготахъ и привилегіяхъ отдѣльныхъ странъ и областей, совершенно независимо отъ установленія черты осѣлости евреевъ, — нельзя не указать на нѣкоторыя другія стѣснительныя для сказанныхъ личностей различія въ правахъ, которыя не могли бы имѣть мѣста при несуществованіи въ нашемъ государствѣ упомянутого выше установленія. Едва-ли можно отрицать справедливость того, что евреи, имѣющіе за собою служебныя, общественныя или торговыя заслуги и пользую-

щієся правами жительство въ Россіи *на основаніи общихъ уже законовъ*, во всякомъ случаѣ въ правѣ считать свое осѣдлое положеніе и свой семейный очагъ въ находящихся внѣ черты общей еврейской осѣдлости мѣстахъ, гдѣ они поселились, вполнѣ неприкосновеннымъ, не только по отношенію къ себѣ лично, но и по отношенію ко всѣмъ вообще членамъ своего семейства, особенно ближайшимъ по родству. Между тѣмъ, эта справедливая ихъ увѣренность не находитъ, однако, полнаго оправданія на самомъ дѣлѣ.

Такъ, напримѣръ, нельзя не замѣтить, что всѣ сказанныя личности изъ евреевъ не могутъ не ощущать тягости установленія черты еврейской осѣдлости въ томъ отношеніи, что они лишены возможности свободно и безпрепятственно принимать къ себѣ живущихъ въ западномъ краѣ родственниковъ боковыхъ и восходящихъ линій, даже изъ числа самыхъ близкихъ, какъ-то: отца, мать, дѣда, братьевъ и сестеръ, дядей и тетокъ, коль скоро они сами по себѣ не имѣютъ права повсемѣстнаго жительство въ Россіи. Ту же самую тяжесть ощущаютъ на себѣ и евреи, имѣющіе университетскіе дипломы. Кромѣ того, нельзя сказать, чтобы положеніе и этихъ евреевъ не носило на себѣ отгѣнковъ нѣкоторой исключительности, такъ какъ, при всей несомнѣнности уравниванія ихъ въ правахъ съ коренными жителями, они продолжаютъ числиться въ своей категоріи и, слѣдовательно, пользоваться своими правами не на основаніи общихъ законовъ, но на основаніи исключительной льготы, понятіе о которой, какъ объяснено выше, нераздѣльно съ представленіемъ объ установленіи черты осѣдлости евреевъ.

Вообще евреи, изъ числа принадлежащихъ къ льготнымъ категоріямъ, одни продолжительное время послѣ дарованія имъ права повсемѣстнаго жительства, другіе же и постоянно, ощущаютъ тяжесть сказаннаго установленія, не только въ семейномъ отношеніи, но и лично на себѣ.

Для того, чтобы уяснить себѣ это нѣсколько точнѣе, по отношенію къ евреямъ каждой категоріи въ отдѣльности, необходимо сперва замѣтить, что всѣ такіе евреи могутъ быть сведены собственно къ *двумъ*, весьма характеристичнымъ, *группамъ*. Къ одной можно отнести тѣхъ, которые, проживая въ внутреннихъ губерніяхъ, имѣютъ возможность тутъ же снабжать себя *паспортами и видами*, не обращаясь уже, для этого, въ мѣста, откуда они родомъ; къ другой—тѣхъ, которые лишены этой возможности, въ виду разрѣшенія имъ проживать внѣ ихъ черты не иначе, какъ по *паспортамъ и билетамъ*, выдаваемымъ имъ въ мѣстахъ, находящихся въ ней.

Хотя изъ приведенныхъ пяти категорій къ послѣдней группѣ принадлежитъ только одна—*четвертая*, но она представляется самою численною, обнимая собою толпу *мастеровъ* и *ремесленниковъ*, воспользовавшихся льготами по переселенію за свою черту, на основаніи известнаго узаконенія 28 іюня 1865 г. „о дозволеніи евреямъ механикамъ, винокурамъ, пивоварамъ и вообще мастерамъ и ремесленникамъ проживать повсемѣстно въ Имперію“.

Крайняя шаткость и непрочность правъ жительства евреевъ этой категоріи на ихъ новыхъ мѣстахъ водворенія, въ внутреннихъ губерніяхъ,—очевидна. Можно

сказать, что всё такіе евреи стоятъ одною ногою въ ихъ чертѣ, а другою внѣ ея. Вслѣдствіе неразрѣшенія имъ, по переселеніи въ сказанныя губерніи, права приписки тамъ къ городскимъ и сельскимъ обществамъ, они, проживая внѣ сказанной черты, числятся, однако, состоящими въ ней, какъ по ихъ актамъ состоянія, такъ и по отбыванію государственныхъ податей и повинностей, находясь въ прежнихъ своихъ обществахъ, вслѣдствіе чего, и выдаваемые имъ оттуда паспорта и билеты не могутъ быть иными, какъ только *срочными*.

Это обстоятельство удерживаетъ за всѣми вообще *евреями-ремесленниками*, проживающими въ внутреннихъ губерніяхъ, значеніе какъ бы людей, только временно допущенныхъ къ такому проживательству, не взирая на то, что формально имъ разрѣшено переселяться туда на постоянное жительство съ своими семьями, обзаводиться самостоятельнымъ хозяйствомъ и, такимъ образомъ, какъ бы окончательно основывать тамъ свою осѣдность. Воспрещеніе сказаннымъ евреямъ права приобрѣтенія и владѣнія въ сказанныхъ губерніяхъ недвижимою собственностью присвоиваетъ ихъ осѣдности въ нихъ еще болѣе характеръ только *временнаго водворенія*, зависящаго какъ бы отъ усмотрѣнія мѣстныхъ властей и случайныхъ обстоятельствъ. Необходимость постоянной провѣрки паспортовъ, выправляемыхъ этими евреями, по вышесказанной причинѣ, не здѣсь, а въ мѣстахъ прежней своей осѣдности, болшею частью, весьма отдаленныхъ отъ ихъ новыхъ мѣстъ жительства, возлагаетъ на полицію спеціальныя обязанности по строгому за этимъ надзору. Сдѣланное же, почти одновременно съ изданіемъ упомянутаго закона

объ евреяхъ-ремесленникахъ, распоряженіе, касательно непрѣмной отмѣтки на ихъ паспортахъ и билетахъ разрѣшеннаго имъ ремесла, вмѣняетъ полицейскимъ властямъ въ обязанность имѣть самое зоркое наблюденіе и за самымъ *родомъ занятія* такихъ евреевъ въ мѣстахъ, гдѣ они вновь поселились. Такимъ образомъ, съ перваго момента появленія здѣсь *еврея-ремесленника*, онъ приобретаетъ вмѣстѣ и значеніе какъ бы лица не вполне благонадежнаго, требующаго неослабнаго за нимъ полицейскаго присмотра.

Въ поводахъ къ притѣсненію подобныхъ евреевъ, къ возбужденію вопросовъ объ ихъ правѣ дальнѣйшаго пребыванія внѣ ихъ черты и къ самой ихъ высылкѣ туда обратно — недостатка нѣтъ. Какъ легки предлоги къ осуществленію этой мѣры надъ евреемъ-ремесленникомъ — не трудно усмотрѣть. Возьмемъ, на примѣръ, еврея-ремесленника, который, поселившись въ одномъ изъ городовъ внѣ своей черты, устроилъ бы въ немъ свое ремесленное заведеніе, обзавелся хозяйствомъ, и такимъ образомъ основавъ тамъ свою осѣдность, прожилъ бы съ семьей въ своемъ новомъ мѣстопробываніи, безукоризненно, въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ, положимъ — даже два десятилѣтія. Прервавъ давно всѣ свои отношенія съ мѣстами, которымъ законъ присвоиваетъ значеніе общей родины евреевъ, и не имѣя за симъ никакихъ уже ни семейныхъ, ни другихъ интересовъ къ возвращенію туда, онъ являлся бы, въ дѣйствительности, человекомъ вполне тутъ осѣдлымъ. Два десятилѣтія составляютъ такой періодъ времени, въ теченіе котораго могутъ народиться два поколѣнія нисходящаго потомства. Сказанный ремесленникъ могъ бы,

Слѣдовательно, имѣть уже дѣтей и внуковъ, которые, родившись внѣ черты осѣдлости евреевъ, не являлись бы уже вовсе уроженцами западнаго края. Понятно, что обратная высылка туда этого еврея съ его семьею представлялась бы для него мѣрою не только стѣснительною и разстроивающею, но, въ полномъ смыслѣ слова, разорительною, такъ какъ она была бы сопряжена съ закрытіемъ его ремесленнаго заведенія и принудительною продажею его имущества, а нерѣдко, и съ его конфискаціею, не представляя ему въ будущемъ иной перспективы, какъ полнѣйшей нищеты, по господствующему въ западномъ краѣ, какъ извѣстно, крайнему избытку предложенія не только на ремесленный, но и на всякій другой промышленный трудъ. Не взирая, однако, на это, предложомъ къ высылкѣ связаннаго еврея, со всей его семьею, можетъ служить въ настоящее время столь малозначущее обстоятельство, какъ несвоевременная выправка имъ своего паспорта, хотя иной разъ причиною этого можетъ быть не онъ самъ, а власти того отдаленнаго пункта въ западномъ краѣ, въ которомъ тотъ паспортъ подлежитъ къ выдачѣ. Несомнѣнно, что въ подобномъ случаѣ полицейская власть въ правѣ оказать такому еврею и снисхожденіе, воль скоро имъ были бы представлены оправдательные документы о принятіи надлежащихъ мѣръ къ полученію оттуда новаго срочнаго паспорта, въ замѣнъ прежняго. Но это все - таки зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія полицейскихъ властей, изъ чего видно, что законъ, въ одномъ уже паспортномъ отношеніи, ставитъ въ весьма шаткое положеніе осѣдность въ внутреннихъ губерніяхъ каждаго еврея-ремесленника,

въ томъ числѣ и такого даже, о которомъ сказано выше, безъ всякой видимой къ тому причины, кромѣ существованія у насъ установленія черты, высылки въ которую могутъ легко практиковаться.

Ничѣмъ инымъ, какъ существованіемъ этой черты, не можетъ объясняться и та шаткость, въ какую въ внутреннихъ губерніяхъ ставятся еврейскіе ремесленники, какъ закономъ, такъ особенно его толкованіями, по поводу ихъ *торговыхъ и промышленныхъ* занятій тамъ. Собственно евреямъ этимъ, во время ихъ пребыванія внѣ черты ихъ постоянной осѣдлости, разрѣшено вступать въ обѣ гильдіи и расширять, слѣдовательно, свои торговыя и промышленныя операціи, до размѣровъ даже первой гильдіи. Но какъ въ законѣ нѣтъ прямого дозволенія заниматься имъ, на ихъ новыхъ мѣстахъ водворенія, другими родами и видами промысловъ кромѣ *ремесленныхъ*, и это истолковано на практикѣ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, т. е. въ томъ, что каждый изъ этихъ евреевъ можетъ заниматься исключительно тѣмъ только ремесломъ, на которое выдано ему свидѣтельство и которое обозначено въ его паспортѣ, то этимъ открывається множество поводовъ къ практикованію высылки такихъ евреевъ въ ихъ черту. Сперва это практиковалось непосредственно самою полиціей. Хотя же впоследствии, въ видахъ недопущенія крайняго произвола въ подобныхъ случаяхъ, сдѣлано подлежащимъ вѣдомствомъ, на основаніи указаній сената, распоряженіе, чтобы полиція прибѣгала къ этимъ мѣрамъ не иначе, какъ по постановленіямъ мѣстной ремесленной управы объ исключеніи еврея изъ цеха; но и засимъ, еврей-ремесленники не могутъ быть признаны до-

статочны обезпеченными, *по ихъ занятіямъ*, отъ частыхъ случаевъ связанныхъ высылковъ. Въмѣсто полиціи, еврей, въ этомъ отношеніи, поставленъ, нынѣ, въ зависимость отъ личнаго произвола тѣхъ членовъ управъ, которые командированы для освидѣтельствванія ихъ занятій по квартирамъ или въ ремесленныхъ ихъ заведеніяхъ. Осмотръ этотъ производится, обыкновенно, по заявленію околоточнаго, а иной разъ—даже и дворниковъ, не поладившихъ съ евреемъ. При этомъ представляется для членовъ управъ множество вполне законныхъ предлоговъ къ составленію неодобрительныхъ объ еврей актывъ и къ признанію его подлежащимъ высылкѣ въ черту. Такимъ предлогомъ можетъ служить и то, если бы было обнаружено, что еврей, кромѣ ремесла, обозначеннаго въ его паспортѣ, занимается чѣмъ либо другимъ, хотя бы для всѣхъ вообще не воспрещеннымъ и по свойству занятія для него весьма подходящимъ, и то, еслибы еврей дозволилъ себѣ продажу постороннихъ издѣлій, хотя бы того же самаго ремесла, каковымъ занимается и онъ, или продажу на сторону матеріала, изъ котораго онъ выдѣлываетъ свои издѣлія. Наконецъ, изъ встрѣчающихся на практикѣ случаевъ извѣстно, что еврей можетъ иной разъ быть признанъ вовсе не занимающимся своимъ ремесломъ по одному засвидѣствованію старшаго дворника, что онъ находится въ частыхъ отлучкахъ изъ своей квартиры. Между тѣмъ, по роду ремесла, отлучки эти бывають иногда вполне необходимы, напримѣръ, когда *еврей-портной* бываетъ вынужденъ развозить лично изготовленное платье, или являться въ дома для принятія заказовъ. Въ разсмотрѣніе обвиненій, по существу, полиція въ этихъ

случаяхъ не въ правѣ входить. Разъ ремесленною управою удостовѣренъ фактъ невыполненія евреевъ-ремесленникомъ исключительныхъ требованій закона о его ремесленныхъ занятіяхъ, — это признается непреложнымъ доказательствомъ и служитъ достаточнымъ уже для полиціи законнымъ поводомъ для обратной высылки еврея въ мѣста, признающіяся его родиной, хотя бы онъ ни въ какихъ другихъ нарушеніяхъ и вообще ни въ чемъ дурномъ не былъ заподозрѣнъ.

Этотъ образъ дѣйствія, разрушающій всякую въ внутреннихъ губерніяхъ прочность осѣдлаго положенія евреевъ-ремесленниковъ, не исключая даже тѣхъ, которые имѣли бы уже продолжительное пребываніе въ нихъ, жили бы въ ладахъ съ окружающимъ населеніемъ и не пользовались бы репутаціею дурныхъ и порочныхъ людей, находитъ оправданіе и въ принятомъ толкованіи исключительныхъ постановленій о нихъ. Это усматривается изъ того, что десять и болѣе лѣтъ спустя по изданіи упомянутаго выше закона объ евреяхъ-ремесленникахъ, когда весьма многіе изъ нихъ могли имѣть уже продолжительное пребываніе въ внутреннихъ губерніяхъ, разъяснено послѣдовательно сенатскими указами, что наказанію, по ст. 1171 улож. о нак. (изд. 1886 г.), т. е. кромѣ немедленной высылки, еще и конфискаціи заключающагося въ товарахъ имущества, подвергаются изъ евреевъ-ремесленниковъ: и еврей, который занимался бы сбытомъ издѣлій чужихъ ремесленныхъ заведеній или фабрикъ, и еврей, который сбывалъ бы такіа издѣлія по коммисіямъ, и еврей-булочникъ, который продалъ бы на сторону хоть фунтъ муки, и еврей, который, занимаясь приготовленіемъ кошернаго мяса, продалъ бы

кусокъ мяса постороннему лицу, и т. п. Въ недавнее время, былъ даже такой случай, что еврею—часовыхъ дѣлъ мастеру было воспрещено административными вѣдомствами заниматься фотографическимъ искусствомъ, на томъ основаніи, что оно не принадлежитъ къ числу цеховыхъ.

Вообще, при истолкованіяхъ въ крайне-тѣсномъ смыслѣ правъ *евреевъ-ремесленниковъ* по ихъ занятіямъ ремеслами въ внутреннихъ губерніяхъ, поводомъ къ ихъ высылкѣ въ черту прежней осѣдлости могло бы, пожалуй, послужить и то, напримѣръ, еслибъ еврей-ремесленникъ, будучи по отмѣченному на его паспортѣ ремеслу сапожникомъ, сталъ выдѣлывать башмаки, или будучи скорнякомъ, обрабатывающимъ кожи, позволилъ себѣ заняться выдѣлкою изъ нихъ какихъ либо общепотребительныхъ издѣлій, и т. п., хотя, въ то же время, эти ремесленники и не уклонялись бы отъ выборки за право занятія этими вспомогательными для себя промыслами надлежащихъ документовъ, оплачиваемыхъ сборами въ пользу казны. Намъ извѣстенъ только-что встрѣтившійся новый случай высылки въ черту осѣдлости еврея-ремесленника, занимавшагося мастерствомъ по изготовленію земледѣльческихъ орудій. Ремесленникъ этотъ приговоренъ къ связанной высылкѣ за то, что онъ съ ремесленнымъ своимъ занятіемъ соединилъ обязанности приказчика по торговымъ дѣламъ.

Причины, какія могли бы вынудить еврея-ремесленника, при долговременномъ его проживательствѣ на новомъ мѣстѣ водворенія, перемѣнить одно ремесло на другое или обратиться къ другимъ какимъ занятіямъ, хотя не ремесленнымъ, но закономъ всѣмъ и каждому

дозволеннымъ, — не принимаются при этомъ въ соображеніе. Между тѣмъ, причинами этими могли бы быть такія уважительныя обстоятельства, какъ физическія къ тому препятствія, преклонность лѣтъ, дряхлость, болѣзнь, увѣчые и т. п., или же столь же мало зависящія отъ воли ремесленника экономическія случайности такого рода, какъ развитіе конкуренціи по ремеслу, которымъ еврею разрѣшено исключительно заниматься, или внезапное почему либо уменьшеніе спроса на издѣлія этого ремесла въ томъ мѣстѣ, гдѣ много лѣтъ передъ этимъ еврей поселился, и т. п.

Изъ этого достаточно усматривается, въ какой степени шатки и непрочны, вслѣдствіе существованія у насъ установленія черты постоянной осѣдности евреевъ, права жительства *евреевъ - ремесленниковъ*, поселившихся въ внутреннихъ губерніяхъ на основаніи своихъ льготъ.

Обратимся, засимъ, къ группѣ живущихъ внѣ этой черты евреевъ, которые имѣютъ возможность снабжать себя *видами* и *паспортами*, не обращаясь уже туда. Мы не будемъ говорить о тѣхъ изъ нихъ, которые были бы приняты въ службу и состояли бы въ ней, съ правомъ на награжденіе чинами и орденами, а также о евреяхъ, окончившихъ курсъ въ университетахъ, такъ какъ узаконенія о нихъ, съ самаго начала ихъ появленія, не давали повода къ возбужденію какихъ либо вопросовъ собственно о правѣ ихъ жительства внѣ черты осѣдности. Возможность спокойнаго прожительства такихъ личностей въ внутреннихъ губерніяхъ, по получаемымъ тамъ же видамъ, паспортамъ или аттестатамъ, была всегда несомнѣнною.

Но нельзя сказать то же самое о евреяхъ, принадлежащихъ къ категоріи, указанной въ 1-мъ примѣч. въ ст. 17 т. XIV, по прод. 1881 года, т. е. о евреяхъ, окончившихъ курсы въ высшихъ *спеціальныхъ* заведеніяхъ, а также занимающихся различными отдѣльными отраслями врачебнаго искусства. Льготное узаконеніе о нихъ было издано 29 января 1873 года; но такъ какъ въ немъ ничего не было сказано объ ихъ правѣ на какія либо другія занятія, кромѣ ихъ профессиональныхъ, то до вослѣдованія указа сената 27 марта 1887 г. (Собр. узак. и распор. правит. № 82749), коимъ разъяснено, что вообще евреи, которымъ предоставлено право повсемѣстнаго въ Имперіи жительства, пользуются повсемѣстно и правомъ заниматься торговлею и промыслами, на общемъ основаніи,—т. е. въ теченіи восьми лѣтъ,—неоднократно встрѣчались предлоги къ возбужденію вопросовъ, стѣснявшихъ права жительства сказанныхъ евреевъ въ внутреннихъ губерніяхъ.

Особенно шаткимъ и непрочнымъ, въ этомъ отношеніи, представлялось положеніе тѣхъ евреевъ этой категоріи, которые занимаются профессіями по врачебной части, какъ-то: аптекарей, провизоровъ, фельдшеровъ, дантистовъ и повивальныхъ бабокъ, а также молодежи, изучающей эти спеціальныя знанія. Евреи-ремесленники, по своимъ занятіямъ, подчинены ремесленнымъ управамъ и, какъ объяснено выше, только по засвидѣтельствованіямъ этихъ управъ могутъ подвергаться теперь полицейскими властями административнымъ высылкамъ за нарушеніе постановленій, касающихся ихъ профессій. Между тѣмъ, всѣ вообще евреи,

занимающіеся упомянутыми врачебными профессіями, за исключеніемъ, быть можетъ, тѣхъ немногихъ, которые успѣли пристроиться въ какихъ либо врачебныхъ учрежденіяхъ, какъ-то: въ городскихъ больницахъ, родовспомогательныхъ заведеніяхъ и т. п., состояли, до вышесказаннаго сенатскаго указа, подъ непосредственнымъ надзоромъ самой полиціи. Въ то время, какъ извѣстно, былъ возбужденъ полиціей вопросъ о правѣ провизоровъ содержать аптеки внѣ черты ихъ постоянной осѣдности. Хотя вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ сенатомъ въ утвердительномъ смыслѣ, но это мало чѣмъ ограждало еще тогда, какъ этихъ, такъ и другихъ евреевъ однородной съ ними спеціальности, отъ вмѣшательства полиціи въ ихъ занятія и возможности практикованія надъ ними административныхъ высылковъ въ западный край. Всѣ такіе евреи не принадлежать, конечно, къ классу зажиточныхъ людей. Они могутъ имѣть, поэтому, опору только въ личномъ своемъ трудѣ. Если они оставили свою родину, то это само собою свидѣтельствуется, что они не могли имѣть тамъ надежды на обезпеченіе себя отъ нищеты — ни своими профессиональными, ни другими занятіями. Но и здѣсь, въ внутреннихъ губерніяхъ, одна сказанная профессія ихъ, при конкуренціи по тѣмъ же спеціальнымъ отраслямъ со стороны лицъ другихъ исповѣданій, а также при господствующихъ еще у насъ общихъ предразсудкахъ и предубѣжденіяхъ противъ евреевъ, могла оказываться, въ этомъ отношеніи, крайне недостаточною, не только первое время по переселеніи ихъ сюда, но и впослѣдствіи. При всемъ своемъ искусствѣ и знаніи своего спеціальнаго дѣла, сказанные евреи могли часто

оставаться, болѣе или менѣе продолжительное время, безъ практики и, слѣдовательно, нуждаться въ другихъ дозволенныхъ законами родахъ занятій, для возможности дальнѣйшаго прожительства въ внутреннихъ губерніяхъ. Въ такой поддержкѣ существованія могли нуждаться аптекаря и, еще болѣе, изучавшіе фармацію, фельдшерское и повивальное искусство, такъ какъ лица эти принадлежатъ къ числу молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ нищета принудила оставить на родинѣ свои бѣдныя семьи, для возможнаго обезпеченія своей будущности приобрѣтеніемъ специальныхъ свѣдѣній по сказаннымъ частямъ.

Между тѣмъ, вопросъ о правѣ всѣхъ сказанныхъ евреевъ на свободное занятіе всякаго рода торговою и промышленною дѣятельностью внѣ черты ихъ осѣлости не могъ тогда считаться вполне разрѣшеннымъ, даже относительно евреевъ-провизоровъ. Этими лицамъ, независимо отъ ихъ специальныхъ занятій по части фармаціи въ частныхъ и казенныхъ аптекахъ, хотя и было предоставлено упомянутымъ выше сенатскимъ рѣшеніемъ право содержанія своихъ собственныхъ аптекъ, т. е. такихъ заведеній, которыя, по смыслу ст. 24 уст. о пошлинахъ за право торговли и промысловъ, относятся къ числу торговыхъ и промышленныхъ; но изъ этого не слѣдовало еще, однако, чтобы имъ было разрѣшено заниматься другими родами и видами торговли и промысловъ. Кругъ такихъ занятій являлся, слѣдовательно, въ весьма ограниченномъ видѣ и для этихъ евреевъ. Что касается остальныхъ евреевъ, занимающихся специальными профессіями по врачебной части, то относительно ихъ не имѣлось никакихъ правительственныхъ указаній — мо-

гутъ-ли или не могутъ такіе евреи заниматься внѣ черты ихъ осѣдлости чѣмъ либо другимъ, кромѣ прямыхъ ихъ профессій. Въ узаконеніи 19 февраля 1879 года ничего объ этомъ не сказано (прим. 1 къ ст. 17 т. XIV, уст. о пасп., по прод. 1881 г.). Въ виду же не искоренившася еще у насъ обычая истолковывать права евреевъ въ томъ смыслѣ, что *каждому еврею не воспрещено только то, что законами ему буквально дозволено*, являлась полнѣйшая возможность къ истолкованію этого узаконенія въ ограничительномъ для тѣхъ евреевъ смыслѣ, а именно въ томъ, что имъ всѣмъ, подобно тому, какъ и евреямъ-ремесленникамъ, разрѣшено проживательство внѣ черты еврейской осѣдлости, исключительно, подъ условіемъ занятія ими только одними своими спеціальными профессіями. Отсюда, для административно-полицейскихъ властей, вытекалъ прямой законный поводъ предназначать къ обратной высылкѣ въ ту черту, изъ такихъ евреевъ, и провизора, который не содержалъ бы аптеки и не занимался бы исключительно фармаціей, и фельдшера, который не ограничивался бы исключительно своими обязанностями, и повивальную бабку, которая не занималась бы исключительно однимъ повивальнымъ искусствомъ, и дантиста, который не занимался бы исключительно зубною частью, — чѣмъ полицейскія власти и пользовались, въ довольно широкихъ размѣрахъ.

То же самое можно сказать и объ участи евреевъ и евреекъ, проживавшихъ въ столицахъ и другихъ городахъ внутреннихъ губерній, для изученія всѣхъ этихъ врачебныхъ искусствъ. Изъ нихъ молодая, напимѣръ, дѣвушка, которая посвятила бы себя изученію родо-

вспомогательнаго дѣла, — дѣвушка, которая была бы совершенно безупречнаго поведенія, самою полиціей ни въ чемъ дурномъ не заподозрѣнная, могла быть подвергнута, однако, внезапной высылкѣ въ мѣста своей родины, единственно, на основаніи того законнаго къ тому повода, что она, для поддержанія своего существованія, позволила себѣ имѣть другія какія либо занятія, хотя бы эти занятія заключались, положимъ, въ томъ, что она стала бы выдѣлывать шерстяныя вязанія и торговать ими. Изгнанная, такимъ образомъ, изъ внутреннихъ губерній, она, конечно, могла быть поставлена въ совершенно безпомощное положеніе, такъ какъ въ западномъ краѣ она не имѣла бы уже, быть можетъ, возможности найти себѣ занятія, а если она была сиротою, то могла бы не найти тамъ, для себя, ни привѣтливаго семейнаго очага, ни надлежащаго пріюта.

Едва-ли не въ худшемъ, сравнительно, положеніи находились, въ то время, принадлежащіе къ той же, *третьей*, категоріи еврей, окончившіе *курсъ въ высшихъ спеціальныхъ или техническихъ заведеніяхъ*, — такихъ, напримѣръ, какъ институтъ инженеровъ путей сообщенія, рижское политехническое училище и др. Право повсемѣстнаго жительства предоставлено этимъ евреямъ однимъ и тѣмъ же узаконеніемъ съ предъидущими евреями, безъ разъясненія, какъ и въ отношеніи ихъ, могутъ-ли они въ черты постоянной еврейской осѣлости заниматься торговою и промышленною дѣятельностью. Такое отсутствіе въ законахъ прямыхъ и положительныхъ указаній объ этомъ, тогда какъ, въ то же время, подобныя указанія сдѣланы относи-

тельно евреевъ съ высшимъ университетскимъ образованіемъ и евреевъ-врачей, принятыхъ въ государственную службу, имѣло послѣдствіемъ то, что на практикѣ встрѣчались частые случаи отказа тѣмъ евреямъ въ выдачѣ имъ торговыхъ документовъ, какъ на сказанныя занятія, такъ и на открытіе промышленныхъ заведеній, даже изъ числа вполнѣ соответствующихъ ихъ спеціальнымъ знаніямъ. Вслѣдствіе этого, евреи съ высшимъ спеціальнымъ образованіемъ, не имѣя такихъ профессиональныхъ занятій, какъ евреи, занимающіеся врачебными искусствами, должны были претерпѣвать весьма продолжительное время крайнюю нужду и лишенія. Жалобы, какія по этой причинѣ были принесены многими изъ нихъ, дали поводъ къ возбужденію подлежащими вѣдомствами, по этому предмету, общаго даже вопроса, который и былъ разрѣшенъ, наконецъ, въ утвердительномъ смыслѣ, упомянутымъ указомъ сената 1887 года. Но нельзя, однако, не замѣтить, что и по расширеніи, такимъ образомъ, круга занятій сказанныхъ евреевъ, ихъ положеніе внутри Россіи продолжаетъ все-таки носить довольно рѣзкій оттѣнокъ *исключительности*, такъ какъ они, подобно евреямъ, окончившимъ курсъ въ университетахъ, пользуются своими правами и преимуществами на основаніи не *общихъ законовъ*, но *особыхъ льготныхъ постановленій*, содержащихся въ *Уставѣ о паспортахъ и бѣглыхъ* (т. XIV св. зак.), и тѣмъ какъ-бы приурочиваются закономъ, въ принципѣ, во время ихъ проживания внѣ черты осѣдности, совершенно несогласно съ дѣйствительностью—къ разряду людей неосѣдлыхъ и не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій.

Перейдемъ теперь къ евреямъ *первой* изъ обозначенныхъ выше категорій—*купцамъ первой гильдіи*.

Въ узаконеніяхъ, ихъ касающихся, объяснено, между прочимъ, что вмѣстѣ съ припискою къ городамъ, внѣ черты постоянной осѣдности евреевъ находящимся, еврей-купцы 1 гильдіи пользуются всѣми правами, *коренному русскому купечеству* по этой гильдіи присвоенными, не только по торговлѣ, подрядамъ, откупамъ, устройству фабрикъ и заводовъ, учрежденію банковскихъ конторъ, но и по приобрѣтенію даже недвижимой собственности въ Имперіи. Столь полное, по видимому, уравненіе тѣхъ евреевъ въ правахъ съ русскимъ купечествомъ, ихъ совершенная развязка, въ то же время, какъ по актамъ состоянія, такъ и въ паспортномъ отношеніи, съ мѣстами прежней ихъ осѣдности, наконецъ, уподобленіе ихъ, самимъ закономъ, коренному русскому купечеству—все это даетъ, на первый взглядъ, понятіе, что евреи, изъ купцовъ первой гильдіи, приписавшись однажды къ городамъ внутреннихъ губерній, дѣлаются тамъ, съ того времени, дѣйствительно коренными и вполне осѣдлыми обывателями, о принудительномъ возвращеніи которыхъ въ черту еврейскаго областного „гетто“ не можетъ быть и рѣчи. Но такое понятіе является, въ сущности, весьма ошибочнымъ. Еврейское купечество первой гильдіи, напротивъ, *первыя десять лтъ*, со времени приписки къ городамъ въ мѣстахъ новаго своего водворенія, далеко еще не можетъ быть признано обеспеченнымъ въ своихъ правахъ жительства, въ одинаковой мѣрѣ съ коренными жителями, состоящими въ той же

гильдіи. Въ то время, какъ *русскіе купцы* первой гильдіи, не только *христіанскихъ*, но и *не-христіанскихъ* исповѣданій, живутъ въ своихъ мѣстахъ и пользуются правомъ повсемѣстнаго жительства въ качествѣ природныхъ русскихъ гражданъ, т. е. безусловно и совершенно независимо отъ ихъ нахождения или ненахождения въ той гильдіи,—еврей-купцы первой гильдіи, до истечения вышесказаннаго десятилѣтнаго срока, пользуются, въ сущности, только правомъ *временного проживательства* внѣ черты ихъ постоянной осѣдности, подъ условіемъ непрерывнаго своего состоянія въ сказанной гильдіи и исправнаго платежа по ней пошлинъ. Такимъ образомъ, спокойное пребываніе каждаго изъ сказанныхъ евреевъ въ внутреннихъ частяхъ Имперіи поставлено первыя десять лѣтъ,—а если принять во вниманіе, что для пріобрѣтенія права переселенія за свою черту онъ долженъ, по закону, еще тамъ состоять въ первой гильдіи не менѣе *пяти* лѣтъ, то *пятнадцать* лѣтъ,—въ зависимость отъ такого случайнаго обстоятельства, какъ постоянное нахожденіе торговаго лица, въ теченіи столь продолжительнаго періода времени, въ положеніи человѣка, который, предполагается, не долженъ претерпѣвать въ своихъ коммерческихъ предпріятіяхъ неудачъ и всегда долженъ обладать достаточнымъ капиталомъ и кредитомъ для производства торговыхъ оборотовъ въ объемѣ, предназначенномъ для купцовъ первой гильдіи. Закономъ какъ бы не допускается мысль о возможности дальнѣйшаго пребыванія еврея-купца первой гильдіи въ внутреннихъ губерніяхъ, въ случаѣ упадка его денежныхъ средствъ, ранѣе опредѣленнаго срока, по времени, столь продолжительнаго. Вслѣдствіе

этого, при малѣйшей его неисправности по взносу гильдейскихъ пошлинъ, засвидѣтельствованной подлежащимъ казеннымъ управленіемъ, купецъ тотъ теряетъ, тотчасъ, свои льготы и преимущества по правамъ жительства и, какъ лицо, превратившееся въ обыкновеннаго еврея, для котораго доступъ въ внутреннія части государства закрытъ, предназначается къ высылкѣ изъ нихъ, съ семьєю и своею прислугой еврейскаго закона, по распоряженію административно-полицейскихъ властей. Изъ этого видно, что первое, и весьма продолжительное время, совпадающее обыкновенно съ тѣмъ періодомъ жизни, когда человѣческая дѣятельность способна проявляться съ наибольшою энергіей и предприимчивостью, закономъ не присвоивается и такимъ личностямъ изъ евреевъ, какъ купцы первой гильдіи, иного значенія, какъ *временныхъ выходцевъ* изъ западнаго края, какъ какой-то иноземной для Россіи страны, ставя ихъ въ положеніе людей, которымъ постоянно угрожаетъ опасность подвергнуться административной высылкѣ изъ мѣстъ, гдѣ они могли пріобрѣсть, въ дѣйствительности, вполне уже прочную осѣдлость. Для выхода изъ этого положенія и пріобрѣтенія права повсемѣстнаго жительства въ Россіи, на общемъ основаніи, т. е. такого права, какимъ пользуется у насъ, въ настоящее время, каждый простой поселянинъ,—еврей, изъ купцовъ первой гильдіи, долженъ пройти, слѣдовательно, тяжелое торговое испытаніе, продолжающееся не менѣе пятнадцати лѣтъ. При этомъ требуется, чтобы срокъ этотъ истекъ до самаго конца. Прекращеніе сказаннымъ евреемъ платежа своихъ гильдейскихъ пошлинъ, хотя бы за день до истечения этого срока—не могло бы его

избавить отъ вышесказанныхъ послѣдствій. Въ строгомъ смыслѣ законовъ, и это могло бы быть принято за преждевременное выбитіе еврея изъ первой гильдіи и повлечь за собою для него потерю права повсемѣстнаго жительства, съ предназначеніемъ его къ административной высылкѣ, не принимая въ уваженіе, ни той пользы, какую онъ могъ уже принести казнѣ, какъ выборкою цѣнныхъ торговыхъ документовъ, такъ и вообще своими коммерческими операціями, ни причинъ, вынудившихъ его къ выбитію изъ первой гильдіи. Между тѣмъ, нельзя отрицать, что причины тѣ, нерѣдко, могутъ заключаться въ обстоятельствахъ совершенно случайныхъ, отъ лица не зависящихъ, т. е. такихъ, которыя, не навлекая на еврея никакихъ подозрѣній, не только въ злостномъ банкротствѣ, но и въ торговой несостоятельности, могли бы не лишать его и послѣ выбитія изъ гильдіи значенія полезнаго, въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, дѣятеля.

Изъ сказаннаго видно, что въ теченіе цѣлой земской давности купцамъ первой гильдіи, изъ *евреевъ*, присвоивается въ внутреннихъ губерніяхъ значеніе какъ-бы людей *временно-запозжихъ*, людей *чужеземныхъ*, иностраннаго какъ бы происхожденія, которые, въ предположеніи объ ихъ неблагонадежности, должны подлежать особому, со стороны полиціи, надзору. Усвоеніе этого взгляда, какъ равно допущеніе изъясненныхъ мѣръ строгости, по отношенію къ евреямъ-купцамъ этой гильдіи — лицамъ зажиточнымъ, ничѣмъ не опозореннымъ и такимъ же, въ сущности, русскимъ подданнымъ, какъ и всѣ другіе жители, представляются образомъ дѣйствія, который ничѣмъ инымъ не можетъ объяс-

няться, какъ цѣлью открытія законныхъ поводовъ къ возможно-частымъ высылкамъ и этихъ евреевъ изъ мѣстъ, не признающихъ ихъ родиною. Поэтому, въ установленіи черты осѣдлости евреевъ, узаконяющемъ подобныя взгляды и понятія и служащемъ факторомъ, физически, такъ сказать, способствующимъ осуществленію такихъ исключительныхъ мѣръ строгости надъ евреями, скрывается главная, если не единственная причина ихъ шаткаго и непрочнога положенія въ сказанныхъ мѣстахъ. Въ дѣлѣ стѣснительныхъ толкованій правъ жительствова евреевъ, переселившихся, на основаніи дарованныхъ имъ льготъ, въ внутреннія части государства, сказанное установленіе, можно сказать, имѣеть всегда *побуждающее* и *рѣшающее* значеніе. Не будь его, не было бы и поводовъ, ни къ такимъ толкованіямъ, ни къ установленію льготныхъ между евреями различій, по ихъ правамъ жительствова,—различій, усложняющихъ законодательство и административную дѣятельность органовъ исполнительной власти и влекущихъ за собою безпрестанные случаи разоренія семейныхъ очаговъ евреевъ въ мѣстахъ, гдѣ они водворились и приобрѣли осѣдлое положеніе, не самовольно, но въ силу самаго закона.

Столь же неблагоприятно отражается, въ этомъ отношеніи, установленіе вышеупомянутой черты и на правахъ жительствова евреевъ, принадлежащихъ къ *пятой* и послѣдней изъ разсматриваемыхъ нами категорій—*отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ*.

Право повсемѣстнаго жительствова этихъ евреевъ въ государствѣ основано на Высочайше утвержденномъ 25-го іюня 1867 года положеніи объ устройствѣ быта

всѣхъ вообще такихъ чиновъ, а также на сопровождавшемъ изданіе этого положенія Высочайшемъ же указѣ о приведеніи его въ дѣйствіе¹.

По важности содержащихся въ этомъ указѣ основаній этого узаконенія приведемъ, текстуально, главнѣйшія изъ нихъ: „При устроеніи на правильныхъ и прочныхъ основаніяхъ быта сельскаго населенія въ государствѣ, — сказано въ указѣ, — Мы обратили попечительное вниманіе Наше и на положеніе тѣхъ членовъ сего населенія, которые, проведя значительную часть своей жизни на службѣ въ рядахъ войскъ нашихъ, увольняются въ безсрочный отпускъ и отставку. Усматривая, что съ устройствомъ нынѣ всего сельскаго населенія на равноправныхъ началахъ и *съ постепеннымъ сокращеніемъ сроковъ дѣйствительной въ рядахъ войска службы*, устранились преграды къ возвращенію увольняемыхъ нижнихъ чиновъ въ первобытное ихъ гражданское состояніе, и признавая, что вступленіе ихъ вновь въ сельскія и городскія общества, съ правами членовъ оныхъ, послужить вѣрнѣйшимъ способомъ къ обезпеченію ихъ быта, Мы повелѣли: для устройства увольняемыхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ принять за основаніе, что солдатъ съ поступленіемъ на службу не долженъ утрачивать прежнія свои гражданскія права въ обществѣ, а по увольненіи изъ войскъ, возвращаясь въ первобытное свое положеніе, вступаетъ вновь въ пользованіе означенными правами, *съ тѣми сверхъ того преимуществами, на которыя онъ пріобрѣлъ право выслугою установленнаго срока*“.

¹ 2-е П. С. З., XLII, № 44745.

Изъ этого ясно усматривается, что въ основаніе устройства быта всѣхъ вообще увольняемыхъ за выслугою сроковъ нижнихъ чиновъ, какъ безсрочно-отпускныхъ и отставныхъ, такъ и тѣхъ, которые, при предвидѣвшихся преобразованіяхъ въ порядкѣ отбыванія воинской повинности, могли бы получить, впоследствии, другое наименованіе, — было принято, главнымъ образомъ, то, чтобы чины эти, не составляя уже никакого отдѣльнаго сословія въ государствѣ, существовали на общихъ основаніяхъ, установленныхъ для лицъ низшихъ, непривилегированныхъ у насъ классовъ, т. е. *сельскихъ* или *городскихъ*.

На этихъ основаніяхъ начертаны и вышеупомянутыя правила о нижнихъ чинахъ, съ предоставленіемъ имъ общаго, съ тѣми состояніями, права повсемѣстнаго жительства и свободной приписки къ сельскимъ и городскимъ обществамъ. Это же самое право, во всемъ его объемѣ, распространено и на нижнихъ *чиновъ еврейскаго закона*, хотя, по отношенію къ нимъ, оно могло имѣть значеніе *исключительнаго* передъ прочими ихъ единовѣрцами *преимущества*.

Въ силу этого, п. 6-мъ тѣхъ правилъ постановлено, между прочимъ, что „съ изданіемъ вышеупомянутаго положенія отмѣняется запрещеніе нижнимъ чинамъ *еврейскаго закона* поселяться въ мѣсть, гдѣ евреямъ дозволяется осѣдность“. Сказанныя правила, вмѣстѣ съ этимъ постановленіемъ, вошли въ сводъ военныхъ постановленій, а также въ т. IX свода законовъ о состояніяхъ, въ видѣ приложенія къ ст. 141 общаго положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной

зависимости, и признаются дѣйствующими по настоящее время, какъ не отмѣненныя и ни въ чемъ не измѣненныя въ законодательномъ порядкѣ.

Такимъ образомъ, на точномъ основаніи дѣйствующаго и теперь узаконенія, при изданіи котораго имѣлись уже въ виду предстоявшія, въ то время, преобразования въ порядкѣ отбыванія воинской повинности и значительныя сокращенія ея сроковъ, съ цѣлью облегченія всѣхъ классовъ народонаселенія,—нижніе чины изъ *евреевъ*, уравниены въ правахъ и преимуществахъ со всѣми другими такими же чинами.

Вслѣдствіе этого, каждый изъ этихъ евреевъ, подобно имъ, въ награду за прохожденіе военной службы, извѣстное, опредѣленное число лѣтъ, пріобрѣталъ, со дня увольненія въ безсрочный отпускъ или отставку, право свободнаго избранія мѣста жительства, съ припискою къ одному изъ сельскихъ или городскихъ обществъ, на всемъ пространствѣ Имперіи, какъ въ чертѣ, такъ и внѣ черти постоянной осѣдлости евреевъ.

Но какъ закономъ припискою къ одному изъ установленныхъ въ государствѣ состояній пріобрѣтаются, *eo ipso*, и всѣ присвоенныя ему права и преимущества, то очевидно, что нижніе чины изъ евреевъ, по ихъ припискѣ къ обществу сельскихъ или городскихъ обывателей, войдя въ равное съ ними состояніе, пріобрѣтали и одинаковыя съ ними права, по занятію всѣми дозволенными имъ родами и видами торговли и промысловъ, подчиняясь дѣйствию уже *общихъ*, а не *исключительныхъ* объ евреяхъ законовъ.

Казалось бы, поэтому, что на практикѣ не должны были бы уже встрѣчаться какія либо сомнѣнія и недо-

разумѣнія, относительно права повсемѣстнаго жительства сказанныхъ евреевъ, а также ихъ женъ и дѣтей, съ цѣлью ихъ недопущенія въ внутреннія губерніи или ихъ обратной высылки оттуда въ мѣста, въ коихъ дозволена евреямъ постоянная осѣдность.

Менѣе всего, конечно, можно было ожидать этого, относительно *безсрочно-отпускныхъ* и *оставныхъ евреевъ*, какъ отбывшихъ воинскую повинность по прежнему рекрутскому уставу, вслѣдствіе продолжительности ея сроковъ, сравнительно, болѣе тяжкую. Этихъ евреевъ, отъ какихъ либо посягательствъ на сказанное ихъ право, должно было, между прочимъ, ограждать и то обстоятельство, что многіе изъ нихъ, претерпѣвъ продолжительную разлуку съ своими семьями, имѣли случай участвовать въ военныхъ кампаніяхъ, слѣдовательно, находиться на полѣ брани, нерѣдко получать раны и увѣчья и удостоиваться знаковъ военнаго отличія, въ томъ числѣ, иной разъ, и георгіевскаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что никакихъ посягательствъ на ихъ право повсемѣстнаго жительства и не встрѣтилось бы, если бы у насъ не существовало установленія черты постоянной еврейской осѣдности.

Но въ виду этой черты и открываемой ею возможности къ высылкѣ евреевъ изъ внутреннихъ губерній, не замедлили явиться стремленія къ изысканію предлоговъ къ этому, по отношенію и къ сказаннымъ евреямъ.

Содержащееся въ упомянутомъ выше п. 6-мъ правилѣ о нижнихъ чинахъ постановленіе, касающееся этихъ евреевъ, какъ нельзя болѣе способствовало этому. Во первыхъ, оно не содержитъ въ себѣ ничего иного, какъ

только отмѣну прежняго запрещенія нижнимъ чинамъ, изъ евреевъ, селиться внѣ черты ихъ постоянной осѣдлости. Во вторыхъ же, въ этомъ своемъ видѣ, при неимѣннн въ виду законодательныхъ его мотивовъ, оно являлось въ глазахъ исполнительныхъ властей лишь *льготнымъ извѣтiемъ*, въ пользу этихъ евреевъ, изъ исключительныхъ узаконенiй объ ихъ единовѣрцахъ, т. е. такимъ постановленiемъ, которое издано въ духѣ не искоренившагося еще у насъ вполнѣ обычая предоставлять всѣмъ вообще евреямъ, даже самыя естественныя права—въ видѣ особыхъ льготъ и привилегiй.

Оба эти обстоятельства давали поводъ и возможность прибѣгнуть, при примѣненiи этого постановленiя, и къ обычному способу истолкованiя правъ евреевъ, о которомъ упомянуто выше, т. е. въ томъ смыслѣ, что „не воспрещеннымъ для нихъ надлежитъ считать лишь то, что буквальныймъ выраженiемъ закона имъ дозволено“. Въ сущности, этотъ способъ толкованiя, по отношенiю къ правамъ собственно евреевъ изъ нижнихъ чиновъ, получившихъ право повсемѣстной приписки къ сельскимъ и городскимъ обществамъ, никакъ уже не могъ имѣть мѣста, такъ какъ евреи эти, по точному разуму приведеннаго нами выше узаконенiя, вошли въ состоянiе совершенно равное—не только съ другими такими же чинами, но и съ коренными обывателями, къ обществамъ которыхъ они приписались, и, какъ находящiеся, засимъ, подъ дѣйствiемъ общихъ законовъ, не могли, въ строгомъ смыслѣ, и признаваться составляющими въ внутреннихъ губернiяхъ какую либо особую *льготную категорию* своихъ единовѣрцевъ, отличающую ихъ отъ прочихъ тамъ жителей, подобно тѣмъ

льготнымъ категоріямъ, о которыхъ говорено выше. Довозательство, что и само законодательство имѣетъ взглядъ на сказанныхъ евреевъ, устраняющій возможность примѣненія къ ихъ правамъ обычнаго способа толкованія, служитъ то обстоятельство, что когда, вскорѣ по изданіи правилъ о нижнихъ чинахъ, встрѣтилась надобность въ воспрещеніи изъ нихъ евреямъ питейной торговли въ мѣстахъ, находящихся внѣ черты ихъ постоянной осѣдности, то эта мѣра установлена не путемъ истолкованія упомянутого выше п. 6-го тѣхъ правилъ, который, какъ не содержащій никакихъ указаній относительно занятій приписавшихся въ внутреннихъ губерніяхъ евреевъ—нижнихъ чиновъ, могъ, при вопросѣ о питейной торговлѣ, давать, самъ по себѣ, поводъ къ ограничительному истолкованію ихъ права на нее,—но путемъ изданія, въ законодательномъ порядкѣ—особаго объ этомъ правила, составляющаго нынѣ примѣчаніе къ подлежащей статьѣ уст. питейнаго. Это ясно указывало, что права тѣхъ евреевъ подлежатъ общему способу толкованія, т. е. совершенно обратному съ обычнымъ, по отношенію къ евреямъ, а именно, что „воспрещеннымъ для нихъ слѣдуетъ считать лишь то, что закономъ положительно не дозволено“.

Не взирая на это, въ виду искушеній, какія представляетъ существованіе мѣстъ, именуемыхъ родиной евреевъ, для ихъ высылки туда изъ внутреннихъ губерній, на практикѣ, встрѣчались неоднократныя попытки къ истолкованію правъ жительства приписавшихся въ нихъ евреевъ, изъ нижнихъ чиновъ, обычнымъ для лицъ этого исповѣданія способомъ. По представлявшейся возможности придавать отмѣннѣ запрещенія этимъ ев-

реямъ селиться внѣ черты ихъ осѣдлости значеніе *исключительной льготы*, а также въ виду отсутствія въ этомъ постановленіи положительнаго указанія о *родѣ ихъ занятій*, мѣстными властями, вслѣдъ за издавіемъ правила о воспрещеніи имъ торговли питіями, былъ возбужденъ общій вопросъ объ ихъ правѣ на какія бы то ни было занятія въ сказанныхъ губерніяхъ, съ видимою цѣлью ихъ изгнанія оттуда, такъ какъ было вполне понятнымъ, что жить, ничѣмъ не промышляя, не представляется ни для кого возможнымъ¹. Другой примѣръ подобной же попытки представляетъ вопросъ, возбужденный позднѣе, о правѣ повсемѣстнаго жительства дѣтей безсрочно-отпускныхъ и отставныхъ евреевъ, причемъ высказывались сомнѣнія даже о дѣтяхъ, родившихся послѣ приписки ихъ отцовъ въ внутреннихъ губерніяхъ. Другими словами—возбуждался вопросъ о сообщеніи этими евреями, по рожденію, ихъ права повсемѣстнаго жительства, не только въ томъ случаѣ, когда они не осуществили бы его при жизни, посредствомъ сказанной приписки, но и въ томъ, когда, по ея воспослѣдованію, они пріобрѣли бы внѣ черты ихъ осѣдлости права состояній сельскихъ или городскихъ обывателей.

Первый изъ этихъ вопросовъ—о правѣ торговыхъ и промышленныхъ занятій нижнихъ чиновъ, изъ евреевъ, за исключеніемъ продажи питей—не доходилъ до сената и былъ устраненъ подлежащими высшими вѣдомствами; но второй—о дѣтяхъ этихъ евреевъ—былъ доведенъ, этими же вѣдомствами, до сената и потребовалъ, со сто-

¹ Цирк. мин. финанс. отъ 27-го ноября 1869 г. за № 7068, помѣщ. въ Указат. прав. расп. по мин. фин. за 1869 г. № 50.

роны его, пространнаго и мотивированнаго рѣшенія, для устраненія недоразумѣній, которыя, собственно говоря, не могли бы и возникнуть, еслибъ у насъ не существовало побуждающей и способствующей къ тому причины, скрывающейся въ установленіи черты осѣдлости евреевъ.

Хотя, такимъ образомъ, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, не было дано хода обычному толкованію правъ евреевъ, тѣмъ не менѣе, едва-ли не этимъ именно способомъ лишены, въ послѣднее время, права повсемѣстнаго жительства нижніе чины, изъ евреевъ *воинскаго запаса*. Это послѣдовало по поводу жалобъ нѣкоторыхъ, уволенныхъ въ военный запасъ, евреевъ, проживавшихъ въ одной изъ столицъ и предназначенныхъ полиціей къ высылкѣ въ сказанную черту, какъ не имѣющихъ права пользованія повсемѣстнымъ въ Россіи жительствомъ. Поводомъ къ истолкованію этого права, по отношенію къ запаснымъ евреямъ, въ ограничительномъ смыслѣ послужило, главнымъ образомъ, то соображеніе, что эти нижніе чины не составляютъ уже, внѣ службы, такого обособленнаго военнаго сословія, какъ отставные и безсрочно-отпускные, и что уволенные отъ службы возвращаются, нынѣ, въ среду своихъ обществъ и къ своимъ прежнимъ занятіямъ, сохраняя свои прежнія права, по состоянію присвоенныя, и не выдѣляясь изъ остальнаго населенія ¹.

Между тѣмъ, изъ приведенныхъ выше основаній правилъ объ устройствѣ быта нижнихъ чиновъ, какъ изъ самыхъ правилъ, усматривается, что, съ изданіемъ

¹ Указъ сената отъ 31-го марта 1886 г., за № 3747.

ихъ, уволенные изъ службы, за выслугою сроковъ, безсрочно-отпускные и отставные солдаты, равнымъ образомъ, не составляли уже обособленнаго сословія въ государствѣ, подлежа припискѣ въ сельскимъ и городскимъ состояніямъ въ указанномъ для нихъ тѣми правилами порядкѣ, и что при этомъ именно условіи не встрѣтилось, въ то время, препятствія къ уравненію съ ними въ правахъ нижнихъ чиновъ еврейскаго закона. Нынѣшніе чины *воинскаго запаса* изъ лицъ низшихъ состояній, хотя и увольняются въ него за выслугою менѣе продолжительныхъ сроковъ, въ сравненіи съ прежними безсрочно-отпускными и отставными солдатами, но будучи обучены, въ извѣстной степени, воинской дисциплинѣ и не менѣе связанные возможностью призыва къ службѣ вновь, во всякое время, едва-ли утрачиваютъ для государства одинаковое съ ними значеніе солдатъ. Поэтому, не представляется вполнѣ понятнымъ, почему эти солдаты изъ евреевъ могли быть лишены одинаковыхъ правъ съ прочими—путемъ одного лишь истолкованія дѣйствующаго о нижнихъ чинахъ узаконенія, съ приведеніемъ тѣхъ его основаній, въ виду которыхъ это уравненіе въ правахъ было признано столь же возможнымъ, сколько справедливымъ. Лишеніе или предоставленіе правъ признается вообще, по основнымъ нашимъ законамъ, мѣрою законодательною. Не требовалось-ли, поэтому, въ данномъ случаѣ, испрошеніе особаго закона? Но не входя въ болѣе подробное разсмотрѣніе этого предмета, мы замѣтимъ только, что, во всякомъ случаѣ, при несуществованіи у насъ установленія черты еврейской осѣдлости, не могло бы и послѣдовать, конечно, истолкованіе упомя-

нутыхъ правилъ о нижнихъ чинахъ въ ограниченномъ, для евреевъ воинскаго запаса, смыслѣ, такъ какъ не было бы и повода въ возбужденію и самаго вопроса о высылкѣ такихъ евреевъ изъ мѣста ихъ пребыванія.

Что касается всѣхъ прочихъ евреевъ, сосредоточенныхъ чертою ихъ осѣдлости въ 15-ти губерніяхъ западнаго края, то для всего ихъ населенія, простирающагося до 2.800,000 душъ, внутреннія части Имперіи признаются безусловно закрытыми, съ незначительными исключеніями, для купцовъ обѣихъ гильдій и нѣкоторыхъ другихъ промышленниковъ, которымъ въ извѣстныхъ, указанныхъ закономъ, случаяхъ разрѣшается лишь *временный прїездъ*, на кратковременные сроки, изъ которыхъ наибольшій, допущенный для однихъ купцовъ первой гильдіи, не превышаетъ *шести мѣсяцевъ*.

Вытекающія изъ установленнаго, такимъ образомъ, порядка жительства евреевъ въ Россіи ближайшія и общія для всѣхъ ихъ послѣдствія, въ *политико-гражданскомъ отношеніи*—очевидны. Формально, всѣ, вообще, евреи, живущіе какъ въ чертѣ ихъ постоянной осѣдлости, такъ и внѣ ея, признаются одинаково *русскими подданными*. Вслѣдствіе этого, отъ нихъ, въ равной мѣрѣ со всѣми, требуется строгое выполненіе обязанностей по отношенію къ обществу и государству. На евреевъ падаютъ скорѣе большія, чѣмъ меньшія тягости, по отбыванію всѣхъ установленныхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей, въ томъ числѣ и воинской, по защитѣ отечественной территоріи, въ рядахъ войскъ, на всемъ ея пространствѣ, на всѣхъ ея окраинахъ. Между тѣмъ, существованіе такого установленія, какъ сказанная черта, лишая ихъ, въ то же время, одинако-

выхъ съ прочими подданными выгодъ, по правамъ жительства, торговли и промысловъ въ Россіи, и создавая искусственно, изъ извѣстныхъ ея частей, какъ бы отечественную для евреевъ территорію, къ землямъ которой, на самомъ дѣлѣ, евреи сами никогда не имѣли никакихъ національныхъ отношеній и не могутъ, поэтому, имѣть и никакихъ національныхъ притязаній, способствуетъ къ укорененію и господству у насъ неправильно установившагося взгляда, что *отечественною родиною* состоящихъ въ русскомъ подданствѣ евреевъ, какъ замѣчено уже выше, слѣдуетъ признавать не всю Россію, но лишь исключительно мѣста, гдѣ ихъ застигло русское владычество. Вслѣдствіе этого, если прежде говорилось, что евреи составляютъ „націю въ націи“, то теперь можно сказать, что, благодаря сказанной чертѣ, они имѣютъ въ Россіи „*отечество въ отечествѣ*“. Въ этомъ именно скрывается, преимущественно, причина, почему у насъ никто еще изъ евреевъ, не исключая и тѣхъ немногихъ личностей, о которыхъ сказано выше и которыя какъ бы вошли уже въ состояніе, равное съ прочими подданными, не имѣетъ, въ сущности, по настоящее время, значенія вполне *натурализованнаго* въ Россіи подданнаго. Этимъ подерживается и тотъ, ни съ чѣмъ несообразный и, вмѣстѣ, весьма на практикѣ сбивчивый, взглядъ, вслѣдствіе котораго всѣ вообще русскіе подданные еврейскаго исповѣданія являются, и въ наше время, въ общественныхъ и законодательныхъ понятіяхъ, такими же *инородцами*, какъ *киргизы, самоды, калмыки*, къ числу которыхъ они, по законамъ о состояніяхъ, въ дѣйствительности, у насъ и отнесены, уподобля-

ясь, слѣдовательно, племенамъ *кочующимъ* и *бродячимъ*, покореннымъ силою оружія и платящимъ дань. Этотъ взглядъ, какъ совершенно извращающій дѣйствительность, едва-ли могъ представляться когда либо полезнымъ для правильнаго хода законодательныхъ мѣръ относительно евреевъ.

Средневѣковой обычай присвоенія еврею закона-ми *исключительнаго положенія* среди общества, въ которомъ онъ живетъ, давно уже исчезъ въ политической сферѣ всѣхъ прочихъ европейскихъ государствъ. Въ настоящее время, евреи признаются тамъ, вообще, такими же природными гражданами, какъ и всѣ другіе жители, и не только ни въ чемъ не различаются отъ нихъ, по своимъ правамъ, но и не именуются, даже евреями, ни въ актахъ состоянія, ни въ публичныхъ актахъ, нося одно *общее названіе* съ жителями каждой страны. Въ этомъ отношеніи, не представляютъ никакого исключенія и сосѣднія съ нами державы: *Пруссія* и *Австро-Венгерія*, которыя, подобно всѣмъ другимъ, не отступаютъ отъ началъ гражданскаго равенства евреевъ, не взирая на обнаруживающіяся въ нихъ, отъ времени до времени, антисемитическія движенія, ни на то, что тамъ относительный процентъ еврейскаго населенія весьма значителенъ, а въ послѣдней изъ этихъ державъ, Австро-Венгрии, онъ является, сравнительно, даже болѣе значительнымъ, чѣмъ въ Россіи ¹.

Но этого еще мало, что евреи не признаются у

¹ По отношенію къ общему народонаселенію, еврейское населеніе составляетъ въ Россіи 3,2%, а въ Австро-Венгрии 4,05%. Ср. Стат. Россіи и Запад. Евр. госуд. профессора Яасона, стр. 67.

насъ повсемѣстно *природными гражданами*. Установленіе черты ихъ осѣдлости превращаетъ всю почти ихъ массу, въ тѣхъ мѣстахъ государства, которыя для нихъ закрыты, т. е. въ большей его части, въ людей *безправныхъ*, которые, какъ изгнанные оттуда, поставлены какъ бы совершенно *вне закона*. Одно появленіе тамъ еврея, безъ особаго льготнаго на то права, признается дѣйствиємъ, которое, само по себѣ, составляетъ проступокъ, наказуемый по закону и влекущій за собою немедленную высылку виновнаго обратно въ вышесказанную черту, не входя въ разборъ его личныхъ качествъ. Каждый изъ такихъ евреевъ, внѣ сказанной черты, имѣетъ, слѣдовательно, вмѣстѣ, и значеніе личности, находящейся, для всѣхъ и каждаго, какъ бы *подъ запретомъ*, входитъ съ которою въ явныя или тайныя сношенія признается дѣйствиємъ, нарушающимъ законъ и какъ бы предосудительнымъ.

Отсюда ясны ближайшія бытовья послѣдствія установленія черты и для каждаго *коренного жителя* въ мѣстахъ, для евреевъ закрытыхъ. Въ этихъ мѣстахъ всѣ классы населенія, высшіе и низшіе, одинаково лишены права и возможности пользоваться сказанными евреями, какъ для личныхъ своихъ услугъ, такъ и для сношеній съ ними по дѣламъ гражданскаго оборота, торговымъ и не торговымъ, не исключая комисіонныхъ. Ни дворянинъ, ни горожанинъ, ни поселянинъ не имѣютъ въ внутреннихъ губерніяхъ права явно продать что либо находящемуся *подъ запретомъ* еврею, ни купить у него, ни дать ему порученіе, ни что либо принять отъ него, ни заключить съ нимъ выгоднаго

для себя, личнаго или имущественнаго, договора, подъ опасеніемъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ, ничтожности акта. Въ комисіонныя дѣла, по торговой части, русскіе купцы не могутъ входить даже заочно въ сдѣлки съ евреями, живущими въ своей чертѣ, за исключеніемъ, когда еврей — купецъ 1 гильдіи, и когда товаръ, служащій предметомъ комисіоннаго дѣла, состоитъ изъ произведеній губерніи, въ которой тотъ еврей живетъ. Каждое изъ сказанныхъ дѣйствій было бы признано незаконнымъ и являлось бы и для кореннаго жителя проступкомъ, отъ котораго онъ могъ бы имущественно пострадать.

Такимъ образомъ, стѣсненіе русскихъ и евреевъ въ ихъ взаимныхъ между собою сношеніяхъ представляется, въ сущности, *обоюднымъ ограниченіемъ правъ*, относительно свободнаго распоряженія тѣхъ и другихъ своимъ лицомъ и имуществомъ.

Такая же *обоюдность* въ ограниченіи правъ ощущается и въ мѣстахъ осѣлости евреевъ, такъ какъ установленіе упомянутой выше черты, присвоивая имъ въ нихъ значеніе людей, изгнанныхъ изъ первенствующей части государства, даетъ поводъ къ установленію и тамъ разнаго рода *ограниченій* въ правахъ жительства, торговли и промысловъ евреевъ, — *ограниченій*, стѣсняющихъ, въ то же время, и права совмѣстно живущихъ съ ними коренныхъ жителей.

Существованіе такого неестественнаго и несовременнаго порядка вещей не можетъ не дѣйствовать, съ тою же *обоюдностью*, весьма неблагоприятно и въ *религіозно - нравственномъ* отношеніи. Среди христіанскаго населенія — онъ способствуетъ къ извра-

ценію евангельскихъ истинъ, какъ о любви къ ближ-
нему, такъ и о другихъ общественныхъ добродѣ-
теляхъ, научающихъ не презирать, а уважать каж-
дую человѣческую личность. Среди евреевъ — онъ
способствуетъ не къ искорененію, а къ развитію среди
нихъ тѣхъ нежелательныхъ явленій, которыя поро-
ждаются *нищетою* и *приниженнымъ положеніемъ въ*
обществѣ. Такое у насъ положеніе евреевъ не можетъ
не вліять самымъ неблагоприятнымъ образомъ и на на-
родные *нравы* и *обычаи*, ведя не къ ихъ смягченію, а
къ ихъ огрубленію, подобно тому, какъ и существо-
ваніе класса паріевъ или рабства. Не возстають-ли
наука и опытъ противъ всѣхъ видовъ приниженного
состоянія людей, главнымъ образомъ, именно въ виду
этого нежелательнаго въ обществѣ послѣдствія? Не по
этой-ли самой, между прочимъ, причинѣ упразднено и
у насъ состояніе людей, находившихся въ крѣпостной
зависимости?

Едва-ли можно, поэтому, отрицать, чтобы устанав-
ливаемый чертою осѣдлости евреевъ порядокъ не пред-
ставлялся положительно вреднымъ, для преуспѣянія также
и *общественной у насъ нравственности*. Чувства вражды
и неприязни къ людямъ, изъ-за *вѣры* или *расы*, не одоб-
ряются правилами этой нравственности, ни въ какомъ
уже христіанскомъ государствѣ. *Принципіально*, они
не одобряются и у насъ, какъ состоящія въ яв-
номъ противорѣчій съ требованіями нашей право-
славной религіи и здраваго разсудка. Ближайшія
историческія изслѣдованія приводятъ, какъ мы уви-
димъ, къ полному убѣжденію, что собственно *сла-*
вяно-русскія племена, изъ коихъ образовалась наша

Русь, по природнымъ свойствамъ ихъ народнаго характера, никогда и не были склонны, какъ до, такъ и *послѣ* принятія христіанства, къ усвоенію этихъ чувствъ въ той степени, какъ другія европейскія народности. Никакъ нельзя сказать, чтобы наша православная, „помѣстная“, церковь могла имѣть какое либо неблаго-творное, въ этомъ отношеніи, вліяніе. По признанію даже иностранныхъ историковъ, греко-восточное духовенство вообще, а русское въ особенности, всегда отличалось несравненно значительнѣйшею степенью общественной терпимости ко всему иновѣрному и инородному, чѣмъ духовенство западныхъ церквей, латино-римской, лютеранской, протестантской и другихъ религіозныхъ конгрегацій, даже изъ числа считающихся самыми либеральными въ области догматовъ христіанской вѣры. Святители нашей православной церкви, какъ и наши православные государи, согласно съ народнымъ духомъ, не были склонны переносить въ сферу общественныхъ отношеній людей суровость религіозныхъ взглядовъ на иновѣрцевъ, въ томъ числѣ и на *евреевъ*. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить, между прочимъ, то, что въ Уложеніи царя Алексія Михайловича 1649 года, составленномъ не только при участіи, но подъ главнымъ руководствомъ патріарха и „всего священнаго собора“, не постановлено *ничего исключительнаго* относительно пріѣзда и пребывания евреевъ въ русской странѣ, ничего такого, что могло бы дать поводъ къ установленію гоненій противъ нихъ и возбуждать или поощрять въ народѣ *исключительную неприязнь* къ нимъ. Между тѣмъ, весьма легкіе предлоги къ внесенію въ сказанное Уложеніе какихъ либо

исключительныхъ мѣръ нетерпимости къ евреямъ могли бы представлять многія обстоятельства: и имѣвшіеся уже слѣды исключительной религіозной непріязни къ нимъ въ греческихъ канонахъ и „градскихъ законахъ греческихъ царей“, служившихъ, въ числѣ другихъ религіозно-гражданскихъ памятниковъ, источниками Уложенія, и живыя, въ то время, преданія о „жидовской ереси“ еврея Схарія или Захарія, которому она приписывалась народною молвою, и, наконецъ, нахождение уже тогда въ предѣлахъ русскаго царства, болѣе или менѣе, значительнаго числа евреевъ, не только *пріѣзжихъ*, но и *осёдлыхъ*, съ которыми православный людъ имѣлъ возможность приходиться въ ежедневныя столкновения. Исконная *уживчивость* съ евреями русскаго народа, подобно тому, какъ и съ другими иновѣрцами, изъ христіанъ и не-христіанъ, различныхъ расъ и исповѣданій, подтверждается многими историческими фактами, начиная съ самыхъ отдаленныхъ временъ существованія Руси. Эта черта народнаго характера составляетъ, конечно, одну изъ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ *славяно-русской національности*. Утверждать противное значитъ несправедливо набрасывать тѣнь на нее. Общелюбіе славяно-русскихъ племенъ способствовало усвоенію ими духа православной вѣры и присуще ихъ народному характеру и по настоящее время. *Русскій простолюдинъ*, при своихъ религіозныхъ и бытовыхъ взглядахъ на людей не-русскаго происхожденія, говорящихъ на неизвѣстномъ ему языкѣ и не творящихъ, по православному обычаю, крестнаго знаменія, не станетъ, быть можетъ, съ ними брататься, водиться съ ними въ домашнемъ быту, будетъ гнушаться

ихъ пищи, особенно когда ему извѣстно, что они не христіане, вовсе не творящіе знаменія креста. Все это можетъ соблюдаться имъ, еще строже, относительно евреевъ, коль скоро ему съ дѣтства внушено, что они виновники мученій и распятія Христа, безъ всякихъ поучительныхъ, при этомъ, разъясненій о вѣротерпимости. Но этотъ же самый простолюдинъ, почти всегда, одаренъ настолько здравымъ смысломъ, что онъ, обыкновенно, не утрачиваетъ личнаго сужденія о хорошемъ и дурномъ человѣкѣ, даже по отношенію къ евреямъ, и способенъ легко осваиваться и уживаться съ ними, не чуждаясь общественныхъ съ ними сношеній и не питая къ нимъ, безъ особыхъ къ тому поводовъ, личной неприязни. Еслибъ это было иначе, то нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія, что происшедшіе, въ недавнее время, такъ называемые, *еврейскіе погромы* имѣли бы уже свои прецеденты въ западномъ краѣ, гдѣ евреи, со времени первоначальнаго принятія ихъ въ русское подданство, въ числѣ жителей Бѣлоруссін, т. е. теперь уже болѣе ста лѣтъ, живутъ густыми массами среди кореннаго населенія, имѣющаго съ ними многообразнѣйшія, личные и имущественныя, отношенія. Но такихъ прецедентовъ, однако, не было, и фактъ спокойнаго пребыванія тамъ евреевъ, въ теченіи столь значительнаго уже періода времени, не вызывая никакихъ смуть и волненій со стороны мѣстныхъ жителей, въ тѣхъ даже мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ *русское православное населеніе*, служитъ самымъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ уживчивости русскаго народа съ людьми и еврейскаго закона. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы русскій простолюдинъ въ Курской,

Орловской, Воронежской и другихъ губерніяхъ, не входящихъ въ черту осѣдлости евреевъ, въ чемъ либо отличался отъ такихъ же простолюдиновъ въ губерніяхъ Кіевской, Еватеринославской, Херсонской, Черниговской, Полтавской и другихъ, въ эту черту входящихъ.

Но то, что сказано о бытовой терпимости къ евреямъ *нижнихъ классовъ* русскаго народа, изъ коихъ образовались сельскіе и городскія сословія, можно сказать и въ отношеніи *высшихъ его классовъ*, составляющихъ нынѣ дворянство и духовенство. Въ доказательство всегдашней уживчивости съ евреями даже и этихъ классовъ русскаго народа, и отсутствія въ нихъ бытовой къ нимъ непріязни изъ-за расы или вѣры, можно привести, между прочимъ, тотъ историческій, но мало извѣстный въ нашемъ обществѣ, фактъ, что русскіе *помѣщики* и владѣльцы, изъ лицъ *благаго и чернаго духовенства*, охотно водворяли евреевъ на своихъ земляхъ и принимали ихъ въ личное услуженіе, записывая ихъ за собою въ родѣ крѣпостныхъ людей. Изъ сохранившихся въ нашихъ государственнхъ актахъ свѣдѣній объ этомъ, видно, что въ первой половинѣ XVIII столѣтія, въ Малороссіи, такихъ евреевъ оказалось нѣсколько сотенъ, и они значились записанными за владѣльцами большихъ помѣстій, какъ-то: графами фонъ-Минихъ, Головкинскими, Толстыми, князьями Трубецкими и друг., за разными военными и гражданскими чинами, какъ-то: обозными генералами, генеральными войсковыми судьями, бунчуковыми товарищами и сотниками, за Кіево-Софійскимъ монастыремъ и даже, какъ объяснено въ официальномъ объ этомъ документѣ, за попами и протопопами. Отъ пользованія связанными евреями ихъ владѣльцы должны

были отказаться лишь вслѣдствіе строгихъ указовъ императрицъ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны, воими было повелѣно, подѣ страхомъ „*тяжчайшаго*“, не только наказанія, но „*истязанія*“, выслать изъ Россіи, за рубежъ, т. е. въ Польшу, какъ этихъ, такъ и всѣхъ вообще евреевъ, жившихъ, въ то время, въ *малороссійскихъ* и *великороссійскихъ* городахъ, селахъ и деревняхъ¹. Наконецъ, въ вышеизъясненномъ отношеніи, не лишень, между прочимъ, значенія и тотъ фактъ, что въ началѣ настоящаго столѣтія, въ царствованіе императора Александра I, когда евреи, за незначительными изъятіями, почти вовсе не допускались еще въ внутреннія части государства, имъ былъ разрѣшенъ, однако, пріѣздъ туда, для занятій по части винокуренія и выдѣлки хлѣбныхъ водокъ, вслѣдствіе ходатайствъ объ этомъ самихъ *русскихъ помѣщиковъ*, — ходатайствъ, которыя были поддержаны, между прочимъ, извѣстнымъ Сперанскимъ, состоявшимъ въ то время губернаторомъ въ Пензѣ.

Несправедливо утверждать, поэтому, какъ это дѣлаютъ многіе, что *расовая* и *религіозная неприязнь* къ евреямъ присуща національному духу русскаго народа и что она господствуетъ въ немъ по настоящее время. Русское народонаселеніе, искони, испещрено *расами восточнаго происхожденія*, число которыхъ, съ расширеніемъ территоріи нашего государства, не уменьшалось, а увеличивалось. Народъ нашъ имѣлъ возможность постепенно свыкаться и осваиваться съ ними, будучи отъ природы въ этому расположенъ. Русская почва, какъ по этнографическимъ условіямъ страны, такъ и по при-

¹ Торговля и друг. права евреевъ въ Россіи, изд. 1886, стр. 37—45.

роднымъ свойствамъ ея господствующаго народонаселенія, не представляетъ, слѣдовательно, говоря вообще, никакихъ благопріятныхъ условій, для развитія у насъ *антисемитизма*, дышущаго чувствомъ вражды и непріязни, не имѣющаго въ себѣ ничего человѣчнаго и порицаемаго, какъ общественною нравственностью, такъ и христіанскою религіей. Антисемитизмъ, проповѣдуемый въ смыслѣ гоненій, преслѣдованій и истребленій, можетъ быть присущъ только жесткимъ натурамъ, такимъ, какими отличались нѣкогда вестготы, франки, тевтоны и друг. Да и въ Германіи, гдѣ онъ проявился, въ послѣднее время, нѣкоторымъ образомъ, въ научной формѣ, онъ не находитъ много адептовъ и ограничивается извѣстною только партией, преимущественно, изъ числа нигдѣ не желаемыхъ социалистовъ, не обнаруживая никакого вліянія на измѣненіе гражданскаго положенія евреевъ, разъ уже признанныхъ тамъ, какъ и въ другихъ европейскихъ странахъ, полноправными гражданами.

Антисемитизмъ у насъ находитъ, между тѣмъ, существенную поддержку въ чертѣ осѣдлости евреевъ. Отдѣляя ихъ географически, а слѣдовательно, вполне нагляднымъ образомъ, отъ прочаго народонаселенія и указывая, этимъ способомъ, *всенародно*, что люди эти принадлежатъ къ такой *расѣ* и такой *вѣтвѣ*, которая въ большей части государства терпима быть не могутъ, установленіе это, тѣмъ самымъ, какъ бы поощряетъ навязываніе, извнѣ, русскому народу несвойственныхъ ему чувствъ расовой и религіозной непріязни къ нимъ. Поощреніе же такого рода чувствъ можетъ вести къ разнузданію страстей и ихъ разгулу, небезопасному для общественнаго въ государствѣ спокойствія и тишины.

Нужно, поэтому, чтобы основанные на иныхъ взглядахъ и предположеніяхъ и выдвигаемые сторонниками локализаціи евреевъ въ Россіи *мотивы* къ дальнѣйшему сохраненію у насъ такого несовременнаго учрежденія, какъ *черта постоянной осѣдлости евреевъ*, были весьма вѣски и убѣдительны, со стороны ихъ *практической*, для государства, пользы, чтобы была возможность присвоить имъ значеніе вполнѣ справедливыхъ, разумныхъ и соотвѣтственныхъ потребностямъ времени *поводовъ дѣйствія*.

Приступая къ ближайшему разсмотрѣнію этихъ мотивовъ, необходимо, однако, предпослать еще нѣскольکو словъ о томъ *способѣ ихъ изслѣдованія*, какого мы намѣрены держаться.

Лица, стремящіяся доказать несостоятельность, съ современной точки зрѣнія, установленія, лишающаго евреевъ *права повсемѣстнаго жительства въ государствѣ и свободнаго въ немъ передвиженія*, взываютъ, обыкновенно, къ началамъ *общей справедливости*. Исходя изъ этого взгляда, они переносятъ вопросъ о сказанномъ правѣ въ область *гражданскаго правосудія*. Съ ихъ точки зрѣнія, ограниченіе правъ жительства евреевъ, извѣстною, опредѣленною, мѣстностью есть не иное что, какъ одна изъ карательныхъ мѣръ уголовныхъ кодексовъ, которая можетъ являться справедливою тогда только, когда она, на основаніи общихъ понятій объ *уголовной вѣнчливости*, опредѣлена лично, за извѣстное преступное дѣяніе. Вслѣдствіе этого, въ глазахъ тѣхъ лицъ, каждый изъ евреевъ, заключенный въ чертѣ его осѣдлости, является лицомъ, которое подвергнуто невинно, а слѣдовательно—*несправедливо*, уголовной какъ бы карѣ. Но мы не

можемъ согласиться съ такимъ взглядомъ. Это избитый путь, который ни къ чему не ведетъ и ничего не доказываетъ. По общимъ положеніямъ уголовныхъ кодексовъ о вѣрности, наказаніе должно быть дѣйствительно *лично*, опредѣленное въ установленномъ порядкѣ, за извѣстное, предусмотрѣнное законами, преступное дѣяніе. Но именно поэтому, ограниченіе, какому подвергнуты евреи въ правахъ ихъ жительства, не имѣетъ ничего общаго съ гражданскимъ и уголовнымъ правосудіемъ. Эта мѣра есть чисто *политическая*, а въ области политики, многое имѣетъ свою *относительную справедливость*, которая можетъ расходиться съ общими понятіями объ абсолютной правдѣ, но которая, тѣмъ не менѣе, можетъ находить оправданіе въ условіяхъ *мсты и времени*. Съ точки зрѣнія абсолютной правды и справедливости можетъ осуждаться, пожалуй, существованіе и тѣхъ различій въ правахъ людей, которыя вводятся установленіемъ отдѣльныхъ *сословій* или *состояній*. Учрежденія этого рода, имѣя въ своемъ основаніи *исключительныя льготы и привилегіи*, устанавливаютъ также довольно рѣзкое *неравенство* въ правахъ людей, по ихъ происхожденію, — неравенство, которое касается, между прочимъ, и ихъ *правъ жительства и свободного передвиженія по государству*. Между тѣмъ, подобныя учрежденія существуютъ, однако, не только у насъ, но и въ болѣе прогрессировавшихъ уже государствахъ, и лицамъ, родившимся въ состояніи, которому присвоенъ законами сравнительно меньшій объемъ правъ, не приходитъ, однако, на мысль роптать на несправедливость ихъ положенія, съ точки зрѣнія гражданского правосудія. Какое отступленіе отъ идеи абсолютной справедливости,

требующей безусловнаго равенства въ правахъ людей, можетъ быть рѣше, какъ то, которое представляетъ, на примѣръ, *привилегія лордовъ* въ Англіи? Но и тамъ, въ этой классической странѣ свободы, никому изъ гражданъ, съ политическимъ смысломъ, не приходитъ на умъ предлагать билли объ отмѣнѣ этого учрежденія. Оно существуетъ уже вѣка и, по всей вѣроятности, еще долго будетъ существовать, не взирая на все свое внутреннее противорѣчіе съ идеями объ общей справедливости.

Поэтому, жаловаться еврею на несправедливость или неправосудность ограниченія его правъ жительства, когда эта мѣра вызывалась бы *политическими* соображеніями, вполне оправдывающимися *относительными условіями* страны и времени, было бы столь же почти абсурдно, какъ камчадалу жаловаться на несправедливость лишенія его природою солнечныхъ лучей, въ теченіе цѣлаго полугодія.

Исторія свидѣтельствуетъ, что у всѣхъ вообще народовъ, сформировавшихся въ отдѣльныя государства и имѣющихъ самостоятельный политическій бытъ, существуютъ и свои относительные интересы, которымъ присвоивается названіе *высшихъ государственныхъ интересовъ* или *интересовъ національныхъ*. Они имѣютъ, въ извѣстный, данный моментъ государственнаго существованія народа, значеніе какъ бы *относительныхъ* для него *истинъ*, а слѣдовательно, и свою относительную, въ сознаніи людей, справедливость. Въ ней, этой относительной справедливости высшихъ или національныхъ государственныхъ интересовъ, могутъ находить справедливое оправданіе различныя учрежденія, совершенно

независимо отъ общихъ понятій о справедливости, которыми они, по своимъ основаніямъ, могутъ иной разъ, до извѣстной степени, не соответствовать и даже вовсе съ ними расходиться. Такимъ же точно образомъ, можно предположить, что въ тѣхъ же интересахъ, національно-политическихъ, можетъ находить свои справедливыя основанія и такое установленіе, какъ *черта осѣдлости евреевъ*, не взирая на его средневѣковой отгѣнонь, а также на замѣчаемую рѣзкость его отступленій отъ идеи равенства въ правахъ и на простирающія отъ этого нѣкоторыя невыгодныя послѣдствія, въ *бытовомъ* отношеніи, не только для евреевъ, но и для общаго народонаселенія.

Изъ этого само собою слѣдуетъ, что въ вопросѣ объ установленіи сказанной черты, какъ вопросѣ *политическомъ*, можетъ имѣть значеніе лишь та относительная справедливость, о которой мы сказали и какую представляетъ согласность или несогласность этого установленія съ государственною пользою нашей русской націи, въ *данный моментъ ея политическаго существованія*.

Этимъ опредѣляется и самый способъ изслѣдованія *мотивовъ* или *доводовъ*, о которыхъ идетъ рѣчь. Они должны быть разсмотрѣны не съ точки зрѣнія общихъ понятій объ абсолютной справедливости и гражданскаго правосудія, но исключительно съ точки зрѣнія *національно-русскихъ интересовъ*, съ цѣлью ближайшаго, по возможности, разъясненія: находятъ-ли *локалізація евреевъ въ Россіи* свое разумное оправданіе въ нихъ.

До настоящаго времени, выясненіе мотивовъ *исключительнаго* у насъ *законодательства о евреяхъ* было

весьма мало затронуто нашею литературой. Едва ли нашъ трудъ, изданный отдѣльной книжкою, въ 1885 г., подъ заглавіемъ: „*Торговля и другія права евреевъ въ Россіи, въ историческомъ ходѣ законодательныхъ мѣръ*“, — не представляетъ первую попытку такого рода критическаго изслѣдованія. Но трудъ этотъ, переведенный, нынѣ, въ Парижѣ, на французскій языкъ, обнимаетъ только періодъ времени, начиная съ царя Алексія Михайловича до императора Николая I, а слѣдовательно, не касается, прямымъ образомъ, современнаго о евреяхъ законодательства. Вслѣдъ за нашимъ, появился, въ 1886 г., другой трудъ, кн. Н. Н. Голицына, подъ заглавіемъ: „*Исторія русскаго законодательства о евреяхъ*“, — трудъ весьма объемистый, содержащій обзоръ тѣхъ же мѣръ и за тотъ же періодъ времени. При всей, вообще, неудовлетворительности его, явномъ пристрастїи дѣлаемой въ немъ оцѣнки фактовъ и бросающемся въ глаза усиленїи къ ихъ подбору и искаженїю, онъ не лишенъ, однако, нѣкотораго значенія, заключаая матеріалъ, полезный для сравненій, выводовъ и заключеній по вопросамъ, касающимся связанныхъ мотивовъ, на основанїи добытыхъ авторомъ, въ архивахъ, документальныхъ источниковъ. Все же, что было писано, до этого, по предмету *исключительныхъ узаконеній о евреяхъ*, ограничивалось, преимущественно, составленіемъ изъ нихъ сводовъ и рассмотрѣніемъ праваго въ Россіи положенія евреевъ, съ точки зрѣнїя понятія объ общечеловѣческихъ правахъ и отвлеченной справедливости, безъ надлежащаго выясненія характеристическаго различія *новѣйшей* эпохи отъ *древней*, когда евреи не состояли еще въ русскомъ

подданствѣ ¹. Но всѣ обращенія къ одной только отвлеченной справедливости, какъ сказано выше, не могутъ имѣть, въ политической области, иного значенія, какъ голоса вопіющаго въ пустынь. Одинъ только *общегосударственный интересъ* страны, и притомъ ея *національный, мстный, соотвѣтствующій* ея дѣйствительнымъ нуждамъ и потребностямъ, въ извѣстный, данный моментъ ея политическаго существованія—можетъ служить, въ этомъ случаѣ, справедливымъ указателемъ того, что для страны нужно и чего ей не нужно, не упуская изъ вида и ея *національно-политическихъ устоевъ*, имѣющихъ корень въ *старинѣ*.

Держась твердо этой точки отправления, посмотримъ—въ чемъ именно заключается тотъ рядъ мотивовъ, въ зависимость отъ которыхъ ставится, обыкновенно, жизненное у насъ значеніе установленія *черты оседлости евреевъ*, имѣющей послѣдствіемъ ихъ *локализацию* въ Россіи, съ недопущеніемъ въ прочія ея части.

Пользуясь всеобщюю осязаемостью факта, что евреи нетерпимы въ большей части государства, многіе склонны присвоивать такой нетерпимости значеніе *искони* установившагося у насъ *политико-національнаго* принципа, оправдывающагося, и въ настоящее время, жизненными потребностями русской страны.

¹) Въ этомъ отношеніи, замѣчаются недостатки и въ извѣстныхъ сочиненіяхъ Г. Оршанскаго, при всей несомнѣнности высокихъ ихъ достоинствъ въ другихъ отношеніяхъ. Это было причиною, что и этимъ почетнымъ авторомъ нить, не только *религіозной*, но и *бытовой* нетерпимости къ евреямъ, проводится черезъ всю русскую исторію и что *наша старина* изображается въ столь же мрачныхъ краскахъ, какъ и другія христіанскія страны.

Этимъ создается, такъ сказать, *первая группа* мотивовъ, въ вопросѣ объ ограниченіи правъ жительства евреевъ, — *мотивовъ историко-національныхъ*, глубоко какъ бы коренящихся въ нашей старинѣ и, въ тоже время, какъ бы *стихійныхъ*, зависящихъ отъ *вѣры и расы*, т. е. отъ такихъ элементовъ, борьба съ которыми предполагается какъ бы въ самой природѣ вещей, а потому — *всегдашней и постоянной*, необходимо имѣющей свое прошлое.

Но одновременно съ этого рода мотивами, отыскиваемыми въ противоположности человѣческихъ натуръ и религіозныхъ вѣрованій и какъ бы находящими свое разумное оправданіе въ законѣ естественной необходимости, указывается, въ связи съ ними, еще внѣшній фактъ *религіозно-племенного устоя* евреевъ, который, по ходячимъ предположеніямъ, они находятъ въ своихъ письменныхъ источникахъ религіозно-гражданскаго характера, такихъ, какъ Талмудъ и позднѣйшія раввинскія творенія, обособляющіе ихъ среди христіанъ и враждебно, будто, ихъ настраивающіе къ нимъ, вызывая борьбу и съ вредными, для *общества*, началами еврейства.

Это устанавливаетъ *вторую группу* мотивовъ — *политико-гражданскихъ и культурныхъ*.

Наконецъ, *численность* евреевъ въ составѣ русскаго народонаселенія; предположенія объ ихъ свойствахъ къ быстрому размноженію, путемъ *естественнаго прироста*; приписываемыя имъ, съ одной стороны, отвращеніе къ *земледѣльческому* и, вообще, всякому *производительному* труду, требующему приложенія физическихъ силъ, а съ другой — предполагаемая алчность къ наживѣ, посред-

ствомъ *преднамеренной эксплоатаціи* христіанъ, путями даже недозволенными, но находящими, будто, поощреніе въ еврейскихъ религіозно-культурныхъ понятіяхъ о правилахъ *общественной нравственности*,—правилахъ, какихъ евреи держатся, будто, среди христіанскихъ народовъ,—все это даетъ понятіе о крайней вредности евреевъ и для развитія *экономическихъ силъ* государства, особенно по отношенію къ *земледѣльческимъ* въ немъ *классамъ*. Отсюда является, имѣющая связь, съ предшествующими, *третья группа* мотивовъ—*мотивовъ экономическихъ*.

Каждую изъ этихъ группъ мы рассмотримъ въ отдѣльности, съ цѣлью ближайшаго, по возможности, выясненія—существуютъ-ли, въ дѣйствительности, изъясненные мотивы и могутъ-ли они служить, для законодательства *побудительными поводами дѣйствія*, къ сохраненію нынѣшняго порядка вещей, относительно евреевъ.

Издаваемая, нынѣ, первая часть нашего труда посвящается мотивамъ *историко-національнымъ*. Обращаясь къ нимъ, замѣтимъ, вообще, что, въ дѣлѣ изслѣдованія характера нашихъ *историческихъ отношеній* къ *инородцамъ іудейскаго закона*, нѣкоторое значеніе, для современныхъ условій жизни, можетъ имѣть лишь устанавливавшійся, въ томъ или другомъ періодѣ, обычаями или законами, *принципіальный* образъ дѣйствія, и не иначе, какъ тотъ, въ которомъ были бы признаки *исключительности* по отношенію къ евреямъ. Если такой исключительности не существовало, если какой либо ограничительный законъ распространялся, *въ одной мѣрѣ*, на другихъ иновѣрцевъ, то нельзя, справедливимъ образомъ, сказать, чтобы евреи, въ тотъ исто-

рический моментъ, были предметомъ *исключительной религиозной* или *политической неприязни*. Равнымъ образомъ, если въ законодательныхъ памятникахъ не находится слѣдовъ мѣръ и постановленій, направленныхъ къ гоненіямъ и преслѣдованіямъ евреевъ, то нельзя, справедливымъ образомъ, утверждать, чтобы встрѣчавшіеся въ эпоху, къ коей относятся тѣ памятники, *отдѣльные случаи насилій* надъ евреями были послѣдствіемъ принципіально установленнаго законами образа дѣйствія и могли быть возводимы, и по отношенію къ тому даже времени, на степень какихъ либо *руководящихъ*, для политики, *началъ* или *принциповъ*. Изысканія объ этомъ составляютъ, такъ сказать, всю суть въ вопросѣ объ *историко-національныхъ* къ евреямъ отношеніяхъ всѣхъ, вообще, христіанскихъ государствъ, въ томъ числѣ и Россіи.

Мотивы историко-національные.

I.

Устраненіе евреевъ изъ внутреннихъ частей Имперіи, какъ и всѣ, вообще, репрессивныя мѣры въ отношеніи ихъ, объясняется многими, какъ сказано выше, силою *тихой* борьбы двухъ противоположныхъ, по расѣ и вѣрѣ, человѣческихъ натуръ: *славяно-русской* и *еврейской*. При этомъ, съ цѣлью представленія всей рѣзкости ихъ различія и вселенія общаго презрѣнія въ послѣдней, дается ей, съ нѣкотораго времени, публично, наименованіе *жидовской*, — наименованіе, начавшее приобрѣтать, по мѣрѣ очищенія русскаго языка отъ славянскаго нарѣчія, значеніе браннаго и укоризненнаго. Подъ впечатлѣніемъ такихъ представленій, создалось, въ наше время, понятіе о неизбѣжности сказанной борьбы и какъ бы всегдашнемъ ея существованіи на Руси, отражавшемся, съ глубокой древности, на нашихъ *національно-политическихъ отношеніяхъ* къ евреямъ.

Подобная идея, находящая у насъ ревностныхъ пропагандистовъ, высказана, нѣкоторымъ образомъ, въ научной формѣ, г. Иловайскимъ, въ его «Московскихъ письмахъ», а нѣсколько ранѣе и г. Леонтовичемъ, профессоромъ Новороссійскаго университета, въ запискѣ, послужившей, между прочимъ, основаніемъ тѣхъ заключеній, къ какимъ пришла бывшая одесская, по еврей-

скому вопросу, комиссія. Это даетъ понятіе какъ бы о постоянномъ господствѣ въ нашей политической сферѣ *безусловной нетерпимости* къ лицамъ еврейскаго происхожденія и еврейской вѣры. Такое мнѣніе горячо поддерживается у насъ, нынѣ, весьма многими органами печати, и поводъ къ этому даютъ, къ сожалѣнію, и такіе даже историки, какъ Костомаровъ и Соловьевъ. Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ?

Предпошлемъ, сперва, нѣкоторыя общія соображенія.

Терпимость и нетерпимость суть два противоположныя политическія направленія, которыя, казалось бы, въ политическихъ понятіяхъ одной и той же страны, должны были бы взаимно себя исключать. Трудно, поэтому, представить себѣ государство, управляющееся общими законами, гдѣ принципиально, въ одно и тоже время, могли бы существовать и *терпимость* и *нетерпимость* къ извѣстному культу и его послѣдователямъ. Какое же изъ двухъ этихъ направленій, по отношенію къ евреямъ, существуетъ въ нашей *современной* Руси.

Съ одной стороны, торжественное провозглашеніе, въ законахъ, повсемѣстной въ государствѣ терпимости ко всѣмъ вообще офиціально признаваемымъ иновѣрнымъ исповѣданіямъ, христіанскимъ и нехристіанскимъ, въ томъ числѣ и къ *еврейскому*, а также самый фактъ существованія у насъ многомилліоннаго еврейскаго населенія, на первый взглядъ, могутъ дать понятіе о Россіи, какъ о странѣ, изъ политической сферѣ которой древніе принципы христіанскихъ государствъ, водворившіе въ нихъ нетерпимость къ евреямъ и ихъ культу, уже отвергнуты, подобно тому, какъ и въ тѣхъ государствахъ.

Съ другой же стороны, вѣковое закрытіе для евреевъ большей части Россіи и принимаемыя мѣры къ ихъ недопущенію туда могутъ давать прямой поводъ къ предположеніямъ совершенно обратнымъ, а именно, о господствѣ еще у насъ *нетерпимости* къ нимъ, и притомъ такой, которая завѣщена намъ нашею же стариною. При ближайшемъ же разсмотрѣніи этого противрѣчиваго, въ принципѣ, положенія вещей, вполне уясняется, что политической формѣ нашихъ современныхъ отношеній къ евреямъ, выражающейся, нынѣ, въ ихъ локализациі, нельзя, справедливымъ образомъ, присвоить наименованіе *политики безусловной къ нимъ нетерпимости*, — политики, которая ставила бы для евреевъ дилемму: принять христіанскую вѣру или оставить предѣлы государства, и которая имѣла свои примѣры на Востокѣ—въ Византіи, на Западѣ—въ католическихъ и протестантскихъ странахъ и, наконецъ, отчасти у насъ, въ Россіи, въ царствованіе *Екатерины I, Анны Иоанновны* и особенно *Елисаветы Петровны*.

Въ настоящее время, евреи допущены къ *постоянному жительству* въ предѣлахъ государства, хотя и въ особо предназначенной для этого области. Они живутъ, слѣдовательно, на русской землѣ, пользуясь въ ней, и значеніемъ русскихъ подданныхъ, и правами русскаго гражданства, и свободою отправленія обрядовъ своей вѣры, наравнѣ, почти, съ другими тамъ подданными. Нѣкоторые изъ евреевъ допускаются не только къ временному пріѣзду, но и къ постоянному жительству и внутри Россіи. Поэтому, нынѣшняя политика относительно ихъ, при совершенно объективномъ на нее взглядѣ, не имѣетъ ничего общаго, ни съ духомъ прозавившихся,

вслѣдъ за кончиною Петра I, *политическихъ стремлений къ очищенію отъ евреевъ русской территоріи*, ни тою *стихійною нетерпимостію* къ нимъ, которая столь настойчиво приписывается, иными, нашему національно-политическому образу дѣйствія, съ самыхъ первыхъ временъ существованія Руси.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что, по всѣмъ признакамъ, въ нашей политической сферѣ господствуетъ, въ настоящее время, *извѣстная терпимость къ евреямъ*. Но нельзя не замѣтить, что терпимость эта представляетъ черты совершенно *своеобразной политики*, которая, до ея возникновенія въ концѣ XVIII столѣтія, не имѣла вполнѣ тождественнаго примѣра, не только у насъ въ Россіи, но и во всѣхъ другихъ христіанскихъ странахъ, въ томъ числѣ и Польшѣ. Во всѣхъ этихъ странахъ существовали тоже ограниченія въ правахъ жительства евреевъ и ихъ свободнаго передвиженія по государству. Но ограниченія эти заключались, преимущественно, въ недопущеніи ихъ къ жительству въ извѣстныхъ только центрахъ населенія: иной разъ въ *селеніяхъ*, иной разъ въ *городахъ*. Существовалъ обычай выдавать этимъ послѣднимъ особыя грамоты или привилегіи на изгнаніе евреевъ изъ своей черты, а также отводить имъ въ городахъ, для ихъ жительства, особые кварталы, которые были извѣстны подъ названіемъ Ghetto, Judenviertel, и имѣли, верѣдво, цѣлью безопасность самихъ евреевъ отъ нападокъ фанатической черни. Слѣдовъ же отведенія евреямъ *сплошныхъ областей*, которымъ присвоивалось бы значеніе ихъ *отчизны* и гдѣ, только на этомъ какъ бы основаніи, имъ была бы предоставлена *равноправность* съ прочими тамъ жите-

лами, не встрѣчается въ исторіи законодательства тѣхъ странъ. Правда, что во Франціи была попытка къ локализациі евреевъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи, присоединенныхъ отъ Германіи при Людовикѣ XIV. Но это объясняется тѣмъ, что до французской революціи, самое право жительства всѣхъ, вообще, тамъ евреевъ предполагалось, принципиально, въ зависимости отъ личнаго произвола королевской власти. Пользоваться такимъ правомъ могли евреи только въ видѣ личной привилегіи, на основаніи особыхъ королевскихъ грамотъ (*lettres patentes*), приобрѣтавшихся за деньги. Наши же евреи, со времени Екатерины II, признаются состоящими въ русскомъ подданствѣ, слѣдовательно, въ положеніи какъ бы *натурализованныхъ гражданъ*, хотя въ отведенныхъ только для нихъ областяхъ. Поэтому можно безошибочно сказать, что своеобразность, какая придается нашей современной политикѣ, относительно евреевъ, ихъ локализацией въ юго-западныхъ частяхъ Имперіи и привислянскихъ губерніяхъ, не можетъ признаваться заимствованною изъ Западной Европы; она не имѣетъ и въ Россіи своей отдаленной исторіи. Ни въ лѣтописяхъ нашихъ, ни въ законодательныхъ памятникахъ петровскаго и до-петровскаго времени, не встрѣчается слѣдовъ политической мысли о *локализациі евреевъ* въ какихъ либо частяхъ русской страны. Отсюда дѣлается очевиднымъ, что и мотивы этой политики, строго говоря, не подлежатъ собственно изслѣдованію на почвѣ *историко-національныхъ преданій* древней Руси. Повѣствованія о встрѣчавшихся у насъ случаяхъ проявленія нетерпимости къ евреямъ, объ истребленіяхъ ихъ при отказѣ отъ крещенія, объ изгнаніяхъ и

различныхъ стѣсненіяхъ ихъ гражданскихъ и религиозныхъ правъ, если и предположить достовѣрность этихъ фактовъ, не могутъ представлять полезнаго и практическаго для законодательства матеріала. Не только древнія, завѣщанныя стариною, но и болѣе близкія, по времени, формы и установленія не стѣсняютъ, обыкновенно, и не должны стѣснять законодательную дѣятельность, разъ ихъ измѣненіе признано необходимымъ и полезнымъ. Держаться въ политикѣ иного правила и стремиться къ удержанію какихъ либо формъ и установленій на томъ только основаніи, что они соотвѣтствовали, въ извѣстное время, національному духу, могло бы привести положительно къ абсурдамъ. При такихъ возрѣніяхъ, можно было бы прійти къ выводу о необходимости удержанія прежнихъ пытокъ и казней, крѣпостнаго права и множества другихъ формъ и установленій прежняго времени, въ томъ числѣ и отмѣннаго, въ 1887 году, закона, воспрещавшаго евреямъ держать у себя христіанъ для постоянныхъ домашнихъ услугъ. Такимъ образомъ, можно было бы дойти, пожалуй, и до заключенія, что допущеніе свободнаго употребленія *табака* и торговли этимъ товаромъ противно также историко-національнымъ преданіямъ русскаго народа, въ виду того лишь, что всѣ десять статей XXV главы Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, согласно съ предшествовавшими царскими повелѣніями и распоряженіями, посвящены строгимъ воспрещеніямъ, относительно держанія и употребленія табака и особенно торговли имъ,

¹ Св. Зак. т. I Осн. Зак., ст. 45; т. XI, ч. I. Уст. Дух. Дѣлъ Иностр. Ислов., ст. 1 и 2. и т. XIV. Уст. о пресѣч. протест., изд. 1876 г., ст. 73.

подъ страхомъ „битія вкнупомъ на возлѣ“, пытокъ и смертной даже казни. Нѣтъ сомнѣнія, что наши старовѣры, чуждающіеся до сихъ поръ этого „богопротивнаго зелья“, должны признавать его воспрещеніе однимъ изъ самыхъ національныхъ законовъ нашихъ и соблюдать объ его отмѣнѣ.

И такъ, въ дѣлѣ изслѣдованія мотивовъ, лежащихъ въ основаніи нынѣшнихъ ограниченій въ правахъ жительства евреевъ, преданія нашей старины, съ законодательной точки зрѣнія, едва-ли могутъ имѣть какое либо существенное значеніе.

При всемъ томъ, есть, однако, обстоятельства, въ виду которыхъ, при разсмотрѣніи мотивовъ локализациі евреевъ въ Россіи, нельзя не коснуться и *историко-національной стороны* отношеній государства къ лицамъ этого исповѣданія.

Первое, что обращаетъ на себя вниманіе—это то, что стихійные элементы, дѣйствительной или воображаемой, борьбы у насъ съ евреями—*раса* и *вѣра*, какъ факторы постоянно присутствующіе, сами по себѣ даютъ понятіе о *необходимой связи настоящаго съ прошлымъ*. Поэтому, ходячіе толки о сказанной борьбѣ, какъ о многовѣковомъ явленіи въ русской странѣ, могутъ легко пріобрѣтать полную вѣроятность въ убѣжденіи массы людей, которымъ неизвѣстны историческіе факты, касающіеся этого предмета. При незнакомствѣ съ этими фактами, явленія, зависѣвшія отъ *чисто-случайныхъ* обстоятельствъ, могутъ быть принимаемы за послѣдствія *принципіально* установленныхъ національно-политическихъ воззрѣній и привести къ заключенію, что борьба съ евреями была *обычнымъ образомъ дѣйствія*

правившихъ русскою землею верховныхъ ея властителей. Это именно и даетъ, главнымъ образомъ, средство и возможность лицамъ, склоннымъ къ агитаціи противъ евреевъ, распространять непріязненные къ нимъ чувства и удерживать отъ коренныхъ реформъ гражданскаго быта этой части русскаго народонаселенія. Одно лишь тщательное изслѣдованіе нашихъ *древнихъ національно-политическихъ отношеній* къ евреямъ можетъ устранить этотъ мотивъ, которому въ правительственныхъ сферахъ, повидимому, придаются еще, къ сожалѣнію, вѣсь и значеніе.

Но при разсмотрѣніи этого предмета, мы имѣемъ нѣкоторое основаніе къ оставленію вовсе въ сторонѣ, собственно, *расовый* или *племенной* вопросъ.

Въ какомъ бы смыслѣ его ни принимать: въ смыслѣ-ли *антисемитизма*, т. е. врожденнаго чувства непріязни къ человѣческой натурѣ восточнаго происхожденія, или въ смыслѣ какой либо *національной вражды* къ евреямъ, какъ отдѣльному племени или націи,—ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, мы не видимъ надобности много распространяться объ этомъ предметѣ.

Приведенные раньше наглядные факты о природномъ свойствѣ всѣхъ классовъ русскаго народонаселенія—низшихъ и высшихъ—къ уживчивости съ людьми семитическаго происхожденія, не исключая *евреевъ*, достаточно убѣждаютъ въ ошибочности предположеній о присутствіи въ русскомъ человѣкѣ чувства какого либо непреодолимаго отвращенія къ ихъ расѣ. У насъ существуетъ, такъ сказать, лишь *напускной антисемитизмъ*, проявляющійся, преимущественно, въ чиновничь-

емъ міръ и среди представителей нѣкоторыхъ органовъ печати, преслѣдующихъ личныя свои цѣли.

Что касается *племенной* или *національной* вражды къ евреямъ, какъ отдѣльному народу или націи, отставившей свои права на независимое политическое существованіе, то историческія данныя исключаютъ всякую возможность предположенія чего нибудь подобнаго. Въ древній періодъ, когда евреи не состояли еще въ русскомъ подданствѣ, они не являлись на Руси въ сплоченномъ видѣ, жили разсѣянно среди *славяно-русскихъ* и *литовскихъ* племенъ и не давали никакого повода смотрѣть на себя какъ на отдѣльный, независимый народъ или націю, которая вызывала бы необходимость къ какой либо борьбѣ съ нею. Новѣйшія же историческія изысканія вполне убѣждаютъ, что евреи имѣли способность къ ассимиляціи съ туземными жителями, въ такой степени, что усваивали себѣ ихъ нравы, обычаи и языкъ и носили ихъ *языческія*, а въ послѣдствіи и *христіанскія* даже имена, мужскія и женскія ¹.

Но главнымъ и прямымъ поводомъ для насъ къ устраненію изъ нашихъ изслѣдованій *расоваго* или *племенного мотива* можетъ служить то обстоятельство, что онъ никогда не усваивался и нашимъ законодательствомъ, а, напротивъ, всегда исключался имъ, какъ *до*, такъ и *послѣ* принятія евреевъ въ русское подданство. Содержащееся въ именномъ указѣ императрицы Елисаветы Петровны 2-го декабря 1742 г. повелѣніе о невысылкѣ изъ русской имперіи евреевъ,

¹ „О языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Русѣ“, изслѣд. А. Я. Гаркави, и „Литовскіе евреи“, соч. проф. Спб. университета С. А. Бершадскаго, стр. 395.

принявших православную веру, а равно введенное въ царствованіе императрицы Екатерины II правило о допущеніи обращающихся *въ христіанство* евреевъ къ повсемѣстному жительству въ Россіи и позднѣйшія подобныя же узаконенія—явно свидѣтельствуютъ, что въ нашихъ національно-политическихъ отношеніяхъ въ евреямъ не *раса*, а *религія* служила главнымъ стимуломъ. Въ такомъ же отдѣльномъ отъ понятія о расѣ видѣ является *религіозный мотивъ* и въ нашемъ современномъ законодательствѣ. Это явственно видно изъ закона, содержащагося въ ст. 964 т. IX о сост., изд. 1887 г., въ силу котораго каждый еврей, съ момента принятія христіанства, не только православнаго, но и всякаго другого исповѣданія, пріобрѣтаетъ полноправность и подлежитъ исключенію изъ еврейскихъ обществъ. Это даетъ право заключать, что еслибъ все еврейское населеніе Россіи, котораго, примѣрно, считается свыше 3.500,000, приняло христіанство, то дѣйствующее у насъ исключительное законодательство о евреяхъ, въ частяхъ и цѣлости, а слѣдовательно, и установленіе *черты ихъ постоянной осѣдлости*, тотчасъ утратили бы, *eo ipso*, свою силу и значеніе. Очевидно, что *раса* здѣсь не причесть и что русскіе наши законы, какъ прежде, такъ и теперь, не придають этому, собственно, стихійному элементу никакого особаго значенія.

Это одно достаточно, кажется, убѣждаетъ, что въ *группѣ историко-національныхъ мотивовъ* приходится считаться лишь съ *религіозными* и что эти только мотивы, какъ имѣющіе жизненность въ нашемъ законодательствѣ, до настоящаго времени, заслуживаютъ нѣсколько болѣе внимательнаго разсмотрѣнія.

II.

Религіозные поводы дѣйствія обусловливаются, вообще, какъ извѣстно, понятіемъ о присутствіи въ государственной сферѣ, такъ называемаго, *принципа господствующаго исповѣданія* или *первенствующей церкви* (religion d'État, Staatsreligion). Тамъ, гдѣ этотъ принципъ дѣйствуетъ, въ смыслѣ *законодательнаго начала*, можетъ существовать одна лишь *въротерпимость*, но не можетъ быть рѣчи о *религіозной свободѣ* и совершенной *полноправности* исповѣданій и ихъ послѣдователей, такъ какъ съ ограниченіями *религіозныхъ правъ* тѣсно связаны и многія ограниченія въ *правахъ гражданскихъ и политическихъ*. То или другое положеніе каждаго иновѣрнаго исповѣданія зависитъ, при этомъ, отъ степени въротерпимости къ нему. Исторія свидѣтельствуетъ, что существовали эпохи, когда въ политической сферѣ христіанскихъ народовъ, искони появившаяся идея господствующаго исповѣданія *исключала собою* всякое понятіе о въротерпимости. Въ то время тѣсный союзъ государства съ церковью имѣлъ самыя неблаготворныя послѣдствія для благоденствія массы подданныхъ. Такъ это было, не только на *Западѣ*—въ *католическихъ* и *протестантскихъ* странахъ, но и на *Востокѣ*—въ единовѣрной съ нами *Византіи*.

Тамъ, въ рукахъ ослѣпленныхъ фанатизмомъ свѣтскихъ и духовныхъ властей, превратившаяся въ органическое начало идея господствующаго исповѣданія отождествлялась, нѣкогда, съ понятіемъ о безусловной нетерпимости къ людямъ, исповѣдывавшимъ другую вѣру. Вслѣдствіе этого, появлялся рядъ дышавшихъ безчеловѣчіемъ

эдиктовъ, декреталій, буллъ и законовъ, съ цѣлью истребленія такихъ людей или ихъ принужденія къ перемѣнѣ вѣры путемъ возмутительнѣйшихъ насилій со- вѣсти. Для достиженія этой цѣли разнудывались на- родныя страсти, воздвигались костры, порождались внут- реннія смуты, Варѣоломеевскія ночи, жесточайшія вой- ны, оставлявшія за собою потоки крови множества не- винныхъ жертвъ.

Въ нашей же, именно святой, въ этомъ отношеніи, *Руси*, съ самыхъ первыхъ временъ принятія ею хри- стианства, союзъ государства съ церковью и усвоенный принципъ ея господства въ немъ, въ противополож- ность Западу и Византіи, имѣли совершенно инныя по- слѣдствія, — послѣдствія болѣе счастливыя для *началъ въротерпимости* и общаго благоденствія различныхъ, въ русской странѣ, племенъ и народностей. Русь, въ ти- хомъ единеніи съ своею „помѣстною“ церковью, ни- когда не была и не могла быть свидѣтельницею вы- шесказанныхъ, освящавшихся духовными и свѣтскими законами, ужасовъ. Въ ея политической жизни нѣтъ періода, гдѣ господство вѣры давало бы поводъ къ про- явленію надъ иновѣрцами, исповѣдывавшими *прирожден- ную имъ религію*, безчеловѣчій и жестокостей, по- добныхъ тѣмъ, которыя составляютъ темное пятно въ исторіи не только католическихъ, но и протестантскихъ странъ. *Подъ стѣнью православія и законовъ русскихъ*, всѣ племена, даже *языческія*, всегда пользовались у насъ, въ несравненно большей степени, спокойствіемъ и мирнымъ житіемъ, чѣмъ въ другихъ христіанскихъ странахъ. Встрѣчавшіеся на Руси, съ вѣковыми про- межутками времени, случаи религіозныхъ вспышекъ фа-

натизма или буйства мѣстной толпы, жертвами которыхъ дѣлались *евреи*, представляютъ весьма рѣдкіе примѣры, имѣвшіе, какъ мы увидимъ ниже, совершенно *случайный* характеръ, не находившіе *органической* поддержки въ законахъ, и они, во всякомъ случаѣ, никакъ не могутъ быть объясняемы цѣлями, какія преслѣдовались въ русской странѣ *принципомъ господствующаго исповѣданія*.

Между тѣмъ, многіе, незнакомые близко съ существомъ этого принципа и тѣмъ значеніемъ какое онъ имѣлъ и имѣеть у насъ, на Руси, склонны отождествлять его съ началомъ *религіозной нетерпимости* и относить къ нему, въ смыслѣ необходимаго его послѣдствія, какъ тѣ случайныя вспышки религіознаго фанатизма, которыя встрѣчались, въ прежнее время, относительно евреевъ, такъ и возникшія въ XVIII столѣтіи ограничительныя узаконенія, ихъ касающіяся. Усматривая, въ этомъ, дѣйствіе одного и того же *общаго начала*, лица тѣ склонны устанавливать и внутреннюю съ нимъ связь сказанныхъ событій, съ присвоеніемъ имъ значенія *національно-политическаго* образа дѣйствія, имѣющаго прямое отношеніе къ *религіознымъ* интересамъ русской земли.

Вслѣдствіе этого, не только въ обществѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ, замѣчается крайнее смѣшеніе *различныхъ политическихъ моментовъ*, — смѣшеніе, лишающее возможности отдѣлять отъ нашей старины не только то положеніе вещей, которое начинается съ момента принятія евреевъ, въ 1772 году, въ русское подданство, но и положеніе намъ современное. Этому слѣдуетъ приписать распространеніе у насъ того мнѣнія, что *репрессивная политика*, каковая принята, от-

носителю евреевъ, имѣть у насъ, на Руси, съ самой глубокой старины, свою непрерывную нить, оставшуюся нетронутою даже политикою Екатерины II. Послѣднее даетъ тоже поводъ къ отождествленію ея образа дѣйствія съ тѣмъ, какой былъ допущенъ въ предшествующія ей царствованія императрицъ Екатерины I, Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны. Какъ примѣръ смутнаго понятія, какое постоянно господствовало объ этихъ двухъ совершенно различныхъ, по положенію вещей, періодахъ времени, можно привести, между прочимъ, тотъ фактъ, что когда, въ царствованіе императора Александра I, министерство финансовъ вошло съ представленіемъ о закрытіи для евреевъ вновь Астраханской губерніи и Кавказской области, куда евреямъ, на основаніи Положенія о нихъ 1804 года, было разрѣшено переселяться изъ мѣстъ постоянной ихъ осѣдлости, то въ числѣ другихъ доводовъ министерствомъ тѣмъ приведено то, что со времени императрицы Елисаветы Петровны правительство всегда закрывало имъ путь къ водворенію въ внутреннихъ губерніяхъ Россіи¹. Между тѣмъ, подобное сравненіе никакъ не могло и тогда уже, имѣть мѣста, такъ какъ евреи, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, не состояли еще въ русскомъ подданствѣ, число ихъ, до воспослѣдовавшихъ при Екатеринѣ раздѣловъ Польши, было незначительное и по представлявшейся, въ то время, возможности къ тому было повелѣно выслать всѣхъ евреевъ за границу. Тогдашняя политика, относительно ихъ, не могла, слѣдовательно, представлять никакого подходящаго примѣра для

¹ П. С. З., т. XL № 30404.

времени, когда они вошли цѣлыми массами въ составъ общаго народонаселенія государства, въ качествѣ его подданныхъ, и къ высылкамъ ихъ за границу не представлялось уже, ни основанія, ни возможности. Случаи смѣшенія этого новѣйшаго у насъ періода времени съ тѣми, когда прїѣзжавшіе и жившіе въ Россіи евреи не имѣли еще другого значенія какъ заѣзжихъ, чужеземныхъ людей, встрѣчается, въ нашей правительственной сферѣ, по настоящее время. Такъ, состоявшій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комитетъ о евреяхъ, съ цѣлью повѣрпленія своихъ доводовъ о необходимости принятія проектированныхъ имъ временныхъ о нихъ правилъ 3 мая 1882 года, объяснилъ, между прочимъ, что „вообще, при императрицахъ Елисаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II, какъ видно изъ ея манифеста о вступленіи на престоль, правительство не желало имѣть евреевъ въ Россіи“. Между тѣмъ, такой выводъ совершенно несогласенъ съ дѣйствительными фактами. Въ манифестѣ Екатерины о вступленіи на престоль нѣтъ ни слова о евреяхъ. Если же въ другомъ ея манифестѣ, воспослѣдовавшемъ 4 декабря 1762 года, т. е. пять мѣсяцевъ спустя, дѣйствительно и было подтверждено повелѣніе императрицы Елисаветы Петровны о недопущеніи евреевъ въ Россію, въ числѣ другихъ иностранцевъ, то этотъ законъ не имѣетъ никакого отношенія къ вновь наступившему затѣмъ періоду времени, когда, вслѣдствіе измѣненія извѣстнымъ Наказомъ Екатерины 30 іюля 1767 года характера взглядовъ на начала вѣротерпимости, евреи были вновь допущены ею въ Россію, сперва разрѣшеніемъ имъ селиться въ Но-

вороссійскомъ краѣ, а затѣмъ и принятіемъ ихъ, въ 1772 году, въ подданство.

Вслѣдствіе такой невѣрности и сбивчивости понятій объ отношеніяхъ русскаго государства къ евреямъ въ различные періоды времени, необходимо разсмотрѣть этотъ предметъ нѣсколько ближе, въ связи съ жизненными проявленіями *принципа господствующаго исповѣданія* въ нашей религіозно-политической сферѣ. Но какъ принципъ этотъ есть общее христіанскимъ странамъ начало, искони установившееся и различнымъ образомъ себя проявлявшее, то необходимо, предварительно, отдать себѣ сколь возможно болѣе ясный отчетъ о его существѣ и значеніи, сообразно съ политическими взглядами на него въ различныя эпохи. Это дастъ, вмѣстѣ, и возможность представить то разительное отличіе, какое замѣчается, въ этомъ отношеніи, между Русью и другими христіанскими странами и выяснитъ — имѣетъ-ли нынѣшняя у насъ *исключительная политика* относительно евреевъ, носящая печать *своеобразности*, какое либо основаніе въ требованіяхъ принципа, устанавливающаго, какъ отношенія государства къ церкви, такъ и относительное положеніе всѣхъ прочихъ въ немъ, христіанскихъ и нехристіанскихъ, исповѣданій.

III.

Христіанская вѣра, какъ извѣстно, восторжествовала, впервые, въ Восточной Римской имперіи, при Константинѣ Великомъ и матери его св. Еленѣ. Хотя крещеніе было принято этимъ императоромъ, лично, лишь передъ самою его кончиной, послѣдовавшей въ 337 году, но вслѣдствіе извѣстнаго видѣнія, какое онъ

имѣлъ передъ битвою съ Максентіемъ еще въ 319 году, имъ было повелѣно замѣнить серебрянаго орла крестообразными знаменами и украсить щиты именемъ Христа. Изображеніе символа христіанской вѣры на внѣшнихъ знакахъ государственнаго могущества имѣло, вмѣстѣ, значеніе торжественнаго провозглашенія въ монархіи господства сказанной вѣры. Съ этого момента, можно считать появленіе въ политической сферѣ христіанскихъ народовъ *идеи господствующей вѣры* или *церкви*—идеи, которой верховная власть, удовлетворяя потребностямъ времени и собственнымъ чувствамъ религиозной ревности, не замедлила присвоить значеніе *органическаго начала*, выразившагося и въ законахъ.

Въ историческомъ развитіи и примѣненіи, на дѣлѣ, этого принципа различаются, главнымъ образомъ, *два эпохи: первая*, когда естественная въ религиозной области нетерпимость къ вѣрованіямъ, не признающимъ истинными, переносится въ политическую сферу и отождествляется тамъ съ нетерпимостью къ самимъ ихъ послѣдователямъ, вслѣдствіе чего, посягательствомъ, съ ихъ стороны, на цѣлостность и неприкосновенность религиозныхъ правъ первенствующей церкви признается одинъ лишь фактъ исповѣданія ими своей вѣры. Это эпоха *безусловной религиозно-политической нетерпимости*. При господствѣ такой нетерпимости, замѣчается среди народностей пылкихъ и жесткихъ натуръ, во времена невѣжества и суевѣрій, стремленіе къ обращенію сказаннаго принципа въ обоюдоострый мечъ: съ одной стороны, для защиты и обороны церкви отъ совраженій и пропаганды, съ другой стороны, для искорененія въ государствѣ всѣхъ вообще признающихся основанными на лжеуче-

ніяхъ культовъ или исповѣданій, путемъ насильственнаго обращенія въ христіанство, нерѣдко съ помощью жестокихъ казней или изгнаній изъ страны. Обѣ эти цѣли: *оборонительная* и *наступательная*—являются тогда нераздѣльными въ понятіи объ обязанностяхъ облеченныхъ властію ревнителѣй правовѣрія (ортодоксіи), по отношенію къ церкви, признанной первенствующею въ странѣ ея законами.

Другая эпоха есть та, когда, при успѣшнѣйшемъ усвоеніи истинъ христіанской религіи, фанатизмъ нѣсколько утихаетъ и проявляются понятія о *въротерпимости*, началамъ которой, мало-по-малу, подчиняется и вышеупомянутый принципъ, вслѣдствіе чего, онъ утрачиваетъ свою первоначальную суровость и начинаетъ ограничиваться, изъ соединяемыхъ съ нимъ цѣлей, преимущественно одною *защитою и обороною церкви*, отъ прямыхъ на нее посягательствъ, заключающихся въ дѣяніяхъ, которыя могутъ имѣть послѣдствіемъ стѣсненіе ея исключительнаго права на пропаганду и уменьшеніе числа послѣдователей православія, путемъ совращеній. Это—эпоха *условной религіозно-политической терпимости*. При господствѣ такой терпимости, допускается существованіе въ государствѣ иновѣрцевъ, съ извѣстными ограниченіями въ правахъ и разрѣшеніемъ, въ то же время, болѣе или менѣе, безпрепятственнаго отпращенія ими обрядовъ своей вѣры.

Христіанскія страны на *Востокѣ*, гдѣ господствовали византійскіе законы и греческіе каноны, имѣли свою эпоху безусловной религіозно-политической нетерпимости, выражавшейся въ суровыхъ формахъ религіозныхъ гоненій и преслѣдованій, между прочимъ, и по

отношенію къ евреямъ. Нетерпимость эта ослабла, однако, въ концѣ существованія Византійской имперіи и нивогда не достигала тамъ тѣхъ безчеловѣчій, свидѣтелемъ которыхъ былъ впоследствии *Западъ*. Въ христіанскихъ странахъ, гдѣ, въ дѣлахъ вѣры, водворился абсолютизмъ римско-католическій, а затѣмъ и протестантскій, эпоха религиозныхъ гоненій и преслѣдованій приняла, какъ вообще, такъ въ особенности по отношенію къ людямъ іудейскаго закона, болѣе жестокій характеръ и имѣла весьма продолжительный періодъ времени.

Что касается собственно *русской страны*, то, съ принятіемъ христіанства, она, въ то же время, была озарена, въ этомъ отношеніи, какъ бы особымъ свѣтомъ. Можно сказать, что *Русь*, возрожденная христіанствомъ, появилась, въ союзѣ съ нашею „помѣстной“, православною, церковью, съ началами *въротерпимости*. Эпохи абсолютной невѣротерпимости, соединенной съ фанатическими склонностями къ религиознымъ гоненіямъ и преслѣдованіямъ, на Руси вовсе не было. Хотя общая христіанству идея о его миссіи—распространять евангельское ученіе среди народовъ—была присуща и нашей православной церкви, но у насъ установились вмѣстѣ, съ самаго начала, и понятія, *во первыхъ*, что между идолопоклонниками и людьми, вѣрующими въ единого Бога, имѣется существенное различіе; *во вторыхъ*, что, согласно этому, преимущественною заботой государства и церкви, въ дѣлѣ распространенія христіанства, должно быть обращеніе въ него *язычниковъ*. Эти два понятія отчетливо замѣтны во всѣхъ первоначальныхъ и послѣдующихъ дѣяніяхъ верховныхъ властителей рус-

свой земли и святителей церкви. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что въ первое время принятія Русью христіанства, хотя и встрѣчаются слѣды стремленія къ обращенію въ него путемъ *внѣшняго принужденія*, но исключительно только по отношенію къ язычникамъ. Что касается людей, признававшихся поклонниками единого Бога, какъ-то: магометанъ и іудеевъ, то они, вообще, къ принятію христіанства русскими законами не принуждались.

Такая умѣренность относительно иновѣрцевъ объясняется, какъ усвоеніемъ христіанскихъ истинъ, сравнительно, въ большей чистотѣ, такъ и общежительными нравами и обычаями славяно-русскихъ племенъ. Это было причиною, что и наши государи, сперва въ лицѣ великихъ князей удѣльно-вѣчевого періода, а затѣмъ и нашихъ царей, не были вообще склонны переносить въ политическую сферу суровость религіозныхъ взглядовъ и выражать ихъ законодательнымъ путемъ. Обычай обращенія въ христіанство силою, съ помощью меча, вскорѣ исчезъ у насъ даже по отношенію къ язычникамъ. Слѣды безусловной религіозной нетерпимости и суровыхъ мѣръ внѣшняго принужденія къ обращенію въ православіе встрѣчаются въ русскихъ законахъ, при царяхъ, лишь въ эпоху появленія у насъ *внутренняго раскола*, по отношенію собственно къ „отщепенцамъ“, т. е. отпавшимъ отъ православія. Только отпавшіе отъ него и признавались у насъ, въ строгомъ смыслѣ, *еретиками*, подлежащими, въ случаѣ упорства въ своихъ вѣрованіяхъ, жестокимъ казнямъ, какъ люди, которые, сами по себѣ, представляли, для интересовъ первенствующей вѣры, соблазнъ, независимо отъ того, обнаруживали-ли они въ себѣ склон-

ность къ совращеніямъ въ свою ересь, или нѣтъ. Что касается *иноземныхъ* людей, не принадлежавшихъ къ православію, а также „*басурманъ*“, подъ общимъ названіемъ которыхъ разумѣлись всѣ вообще *не-христиане*, державшіеся обряда *обръзанія*, какъ-то: іудеи и магометане, изъ коихъ послѣднимъ присвоивалось еще названіе агарянъ ¹, то ихъ религія, по существовавшимъ обычаямъ и законамъ, никогда не служила препятствіемъ къ допущенію ихъ жительства на русскихъ земляхъ. Отъ нихъ требовалось только, подъ страхомъ, болѣе или менѣе, тяжкихъ казней и наказаній, воздержаніе отъ совращенія русскихъ людей въ свою вѣру и соблюденіе нѣкоторыхъ другихъ церковныхъ воспрещеній, относительно брачныхъ съ ними сопряженій и домашнихъ общеній. Отправленіе же ими на Руси обрядовъ своей вѣры, по домамъ, т. е. не публично, не считалось преступленіемъ, подлежащимъ какой либо карѣ.

Таково было общее направленіе нашихъ національно-политическихъ отношеній къ неправославнымъ христианамъ и всякаго рода другимъ иновѣрнымъ людямъ.

Это имѣло, по отношенію собственно къ *евреямъ*, то послѣдствіе, что и они, какъ мы увидимъ, пользовались на Руси извѣстною, довольно широкою, вѣротерпимостью.

Для того, чтобы изобразить, нагляднымъ образомъ, въ какой степени были различны проявленія принципа господствующей вѣры въ другихъ христіанскихъ странахъ, мы приведемъ, въ примѣръ, рядъ историческихъ

¹ По всей вѣроятности, потому что Исмаилъ, сынъ Агари, считается родоначальникомъ аравитянъ, среди которыхъ явился Магометъ и распространился его вѣра.

событій, характеризующихъ собою отношенія тамъ къ евреямъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, подъ вліаніемъ этого принципа ¹.

IV.

Возьмемъ сперва *Византійскую имперію*. Извѣстно, что вслѣдъ за послѣднею трехлѣтнею, при императорѣ Адрианѣ, ожесточенною съ римлянами войною евреевъ, ихъ погибло до полумилліона, а остальные были проданы въ рабство или сами разсѣялись по лицу земли. Но еще до этого окончательнаго ихъ разсѣянія, они жили въ Римѣ и другихъ римскихъ областяхъ и городахъ, занимаясь тамъ всѣми родами и видами *торговой* и *промышленной* дѣятельности, въ томъ числѣ и *сельскою*. Они воздѣлывали собственные виноградники, разводили сады, были фабрикантами шелковыхъ и пурпуровыхъ издѣлій, угольщиками, кожевниками, ковачами оружія, хлѣбопеками, поварами и упражнялись всякаго рода другими полезными ремеслами. Они были также искусными моряками и строителями кораблей. Разнаго

¹ Источники, откуда почерпнуты нами нижеслѣдующія историческія данныя, главнымъ образомъ, слѣдующіе: извѣстный словарь Эрша и Грубера: Allgemeine Encyclopedie der Wissenschaften und Künste, II, Отд., Н—N, изданіе А. Г. Гофмана, 1850 г., 27 ч. подъ буквою I, Judengeschichte und Judenemanzipation.— „Die früheren und gegenwärtigen Verhältnisse der Juden in den saemmtlichen Landestheilen des Preussischen Staates, 1850 г. Бреславль, сочиненіе двухъ должностныхъ лицъ въ Пруссіи: Людвига Рёне, камергерихтсрата, и Генриха Симона, оберландгерихтс-ассесора, пользовавшихся архивами министерствъ: внутреннихъ дѣлъ и юстиціи.—Recueil des lois, décrets, ordonances, avis du conseil d'État, arrêtés et réglemens concernant les israélites depuis la Révolution de 1793—извѣстный въ оффиціальной сферѣ Франціи сборникъ А. Э. Галфена. Парижъ. 1851 г.—Les Juifs en France, en Italie et en Espagne, par I. Bédarride. Парижъ. 1859 г. De la Réforme politique des Juifs par C. G. Dohm. Bresslau. 1782 г.

рода плоды, хлѣбъ, лѣсной матеріалъ, ленъ, оливковое масло, шерсть—были предметами ихъ оптовой и мелочной торговли. Евреи отличались отъ прочихъ жителей только обрядами своей вѣры. Со времени Тиверія, положеніе ихъ въ Римской монархіи сдѣлалось измѣнчиво. Одни изъ императоровъ воздвигали на нихъ гоненія, имѣвшія, впрочемъ, исключительно политической характеръ; другіе относились къ нимъ съ полною терпимостью. Антонинъ Пій, Маркъ Аврелій, Александръ Северъ возстановляли ихъ права и, не взирая на воздвигнутыя на нихъ, послѣ Эліогабала, вновь жестокія гоненія, которымъ подверглись одинаково и христіане, мы видимъ, что лѣтъ двѣсти спустя послѣ разсѣянія евреевъ Адрианомъ, въ Римской монархіи встрѣчается вновь значительное число ихъ, въ качествѣ мирныхъ и осѣдлыхъ ея обитателей, изъ коихъ весьма многіе пользовались всѣми правами и преимуществами римскихъ гражданъ. Среди нихъ были старѣйшины, которые занимали почетнѣйшія мѣста въ государственной службѣ. Имъ присвоивались высшія званія, съ титулами: „viri clarissimi, spectabiles, illustres“. Каждый носившій послѣдній изъ этихъ титуловъ считался вторымъ послѣ императора. Іудейскія школы процвѣтали. Евреи служили также въ *военной* службѣ, не исключая императорской гвардіи, и тѣ, которые происходили изъ своихъ наслѣдственныхъ благородныхъ родовъ, пользовались правами и преимуществами своего состоянія, въ силу и римскихъ законовъ.

При такомъ положеніи евреевъ въ Римской монархіи, возникшіе, съ первыхъ временъ христіанства, несогласія и споры между ними и отцами церкви, по поводу догмата о единствѣ Божіемъ, должны были,

естественно, по провозглашеніи христіанской вѣры господствующей, принять характеръ открытой религіозной борьбы. Во время этой борьбы, со стороны нѣкоторыхъ отцовъ церкви, какъ, на примѣръ, Іоанна Златоуста и, въ особенности, св. Амвросія, появлялись сильныя, духомъ, и словомъ, устныя рѣчи и письменныя посланія, присвоивавшія еврейскимъ вѣрованіямъ въ единство Божіе значеніе лжеученія и ереси, вредныхъ для интересовъ христіанства. По поводу сожженія однимъ изъ епископовъ, въ порывѣ религіозной ревности, еврейской синагоги, св. Амвросій обращался къ императору Θεодосію I, съ посланіемъ, въ коемъ одобрялъ и восхвалялъ поступокъ епископа. Все это не могло, конечно, не воспламенять умы въ христіанскомъ населеніи, ежедневно увеличивавшемся въ числѣ, и охватывать религіознымъ рвеніемъ и самихъ монарховъ. При всемъ томъ, нетерпимость къ еврейскому вѣроученію не выходила, первое время, изъ религіозно-догматической области, гдѣ, конечно, и не могло быть иного чувства. Законъ и мечъ не принимали еще участія въ проявившейся между іудаизмомъ и церковью борьбѣ. Обнаруживая, такимъ образомъ, сначала, одну лишь *религіозную* нетерпимость къ евреямъ, отцы церкви, въ томъ числѣ и поименованные выше, изобличали евреевъ только въ ложныхъ вѣрованіяхъ, не обвиняя ихъ, однако, въ порочной жизни и невыполненіи ими общественныхъ и служебныхъ обязанностей.

Вслѣдствіе этого, первые греческіе цари, при всей ихъ религіозной ревности, не рѣшались обращать религіозную нетерпимость, къ вѣрованіямъ евреевъ, въ *политическую*, въ нимъ самимъ. Принципъ господствующей

щей, вѣры, поэтому, не выходилъ, сперва, изъ предѣловъ, какіе указывались только потребностью въ защитѣ и оборонѣ церкви. При царѣ Константинѣ, это *охранительное* направленіе выразилось лишь въ замѣщеніи государственныхъ должностей, преимущественно, лицами изъ *христіанъ*, державшихся православія, установленнаго вселенскими соборами, хотя въ этомъ могла уже скрываться и мысль принужденія евреевъ въ переходу въ христіанство. Въмѣстѣ съ тѣмъ, при томъ же царѣ, они были лишены нѣкоторыхъ прежнихъ своихъ преимуществъ, по замѣщенію городскихъ должностей декуріоновъ. Всѣми прочими гражданскими правами евреи продолжали пользоваться, и свобода отправленія ими обрядовъ своей вѣры законами не стѣснялась. Хотя, при императорѣ Констанціѣ (339), были уже приняты нѣсколько болѣе суровыя мѣры относительно евреевъ, но онѣ заключались въ опредѣленіи смертной казни за вступленіе въ бракъ съ христіанками, за соvrащеніе въ іудейскую вѣру и за держаніе рабовъ изъ христіанъ, т. е. въ воспрещеніи имъ нѣкоторыхъ только дѣйствій, признававшихся, въ то время, не безъ основанія, опасными для интересовъ господствующей вѣры. Безусловной политической къ нимъ нетерпимости, какъ видно, пока еще не проявлялось. Напротивъ, вышеупомянутое произвольное сожженіе однимъ изъ епископовъ іудейской синагоги, оправдывавшееся св. Амвросіемъ, не нашло одобренія со стороны императора Θεодосія I, которымъ по поводу этого, были изданы повелѣнія о недопущеніи подобныхъ произвольныхъ дѣйствій, причемъ, въ первомъ изъ нихъ, появившемся въ 398 г. (I. 9. C. Theod. de judaeis), было объяснено, между прочимъ,

что іудейская вѣра никакимъ закономъ не воспрещена и что, поэтому, евреямъ не слѣдуетъ препятствовать въ религіозныхъ сборищахъ, для богомоленія. Сынovieями Θεοδοσία были изданы подобныя же повелѣнія.

Воздержанность, какую, вообще, первые греческіе цари обнаруживали въ перенесеніи религіозной нетерпимости въ политическую сферу, усматривается, характеристично, изъ образа дѣйствія императора *Гонорія*. При немъ евреи служили еще въ военной службѣ, занимая почетнѣйшія должности, между прочимъ и въ корпусномъ учрежденіи, называвшемся *Agentum in rebus*, на чинахъ котораго лежали различныя обязанности, выполнявшіяся ими въ качествѣ императорскихъ комиссаровъ въ провинціяхъ, какъ-то: по завѣдыванію податною частью, почтами, по продовольствію арміи и т. п. Подъ вліяніемъ пролагавшей себѣ путь въ политическую сферу религіозной нетерпимости, Гоноріемъ было признано, однако, нужнымъ ограничить *военныя права* евреевъ. Вслѣдствіе этого, было повелѣно, сперва, не принимать ихъ вовсе въ военную службу, а за тѣмъ, относительно тѣхъ, которые состояли уже въ дѣйствительной службѣ (*qui armata militiam adpetisse probentur*), сдѣлано распоряженіе объ ихъ увольненіи изъ нея, и съ тѣмъ, чтобы они не пользовались уже въ обществѣ правами и преимуществами, какія предоставляла военная служба (*nullo veterum meritorum patrocinante iudicio*). Нѣкоторое изъятіе, въ этомъ отношеніи, было допущено лишь для евреевъ, находившихся въ упомянутомъ выше корпусѣ *Agentum in rebus*, которымъ было дозволено отбыть сроки службы. Допустивъ эти ограниченія, которыя далеко еще не выражали собою безусловной поли-

тической нетерпимости къ евреямъ, и не видя самъ никакихъ иныхъ мотивовъ къ этимъ мѣрамъ, кромѣ лишь религиозныхъ, Гонорій счелъ нужнымъ оговорить свои повелѣнія слѣдующимъ образомъ: „мы отнюдь не желаемъ, однако, ограничивать права научно-образованныхъ евреевъ на адвокатуру, какъ равно мы оставляемъ имъ пользованіе тѣми почетными мѣстами въ курии, на которыя они имѣютъ право, по преимуществамъ рожденія и высокому благородству рода своего“ (*praerogativa natalium et splendor familiae*). Въ заключеніи повелѣнія присовокуплено: „такъ какъ этимъ они должны быть довольны, то имъ не слѣдуетъ принимать воспрепеченіе имъ военной службы за свое извѣщеніе“ (въ государствѣ). Смыслъ этой оговорки въ императорскомъ повелѣніи ясно свидѣтельствуетъ, что въ основаніи упомянутыхъ ограниченій не лежало никакихъ мотивовъ укоризненнаго для евреевъ свойства, въ гражданскомъ собственно отношеніи. Между тѣмъ, нужно замѣтить, что, въ то время, дѣятельность евреевъ, съ общественной стороны, была извѣстна римлянамъ уже нѣсколько вѣковъ.

Но въ ту эпоху, религиозная нетерпимость не могла, однако, не взять верхъ. Духовенство греко-восточной церкви, изъ среды тамошнихъ племенъ, имѣя съ ними одинъ и тотъ же темпераментъ, далеко не отличалось тою умѣренностью, въ предѣлахъ которой постоянно держало себя, впоследствии, духовенство *русской православной церкви*. Поэтому, греческое духовенство, какъ и духовенство западной церкви, не было чуждо религиознаго фанатизма, хотя въ немъ всегда было замѣтно, и при этихъ увлеченіяхъ, несравненно больше обще-

ственной справедливости. Она выражалась въ томъ, что, побуждая власть къ политической нетерпимости относительно всѣхъ тѣхъ, которые признавались церковью зараженными вредными лжеученіями и ересями, греческое духовенство ограничивалось только обвиненіями чисто религіозно-догматическаго свойства, не вводя на этихъ людей вымышленныхъ обвиненій, съ цѣлью опороченія ихъ въ гражданскомъ отношеніи. Такого же точно направленія оно держалось и относительно евреевъ. Это видно, между прочимъ, изъ появившейся, при императорахъ Θεодосіѣ II и Валентіанѣ, въ 439 году, новеллы, которая, судя по ея содержанію и языку, хотя, по всей вѣроятности, и вылилась изъ пера духовнаго лица, но тѣмъ не менѣе не содержала въ себѣ, подобно тому, какъ и упомянутый законъ Гонорія, никакихъ мотивовъ, которые давали бы поводъ къ обвиненію евреевъ въ ихъ *гражданской недоброкачественности*. Мотивы сказанной новеллы исключительно *религіозные*. Въ ней объясняется, между прочимъ, что не одни евреи, но и самаряне и язычники, недостойны пользоваться одинаковыми правами и преимуществами съ прочими подданными, на томъ только основаніи, что они упорно держатся своихъ чудовищныхъ *еретическихъ* вѣрованій, противныхъ Божескимъ и человѣческимъ законамъ. Вслѣдствіе этого, преимущественное вниманіе было обращено на то, чтобы евреи отнюдь не сооружали новыхъ синагогъ, подъ страхомъ тяжкихъ денежныхъ штрафовъ, конфискаціи имущества и даже смертной казни. вмѣстѣ съ этимъ, евреи были лишены права государственной и общественной службы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ городскихъ

должностей изъ числа тѣхъ, которыя были сопряжены съ обязанностями, признававшимися наиболее тяжкою, лично или имущественною, повинностью, хотя и тутъ было повелѣно не допускать ихъ къ обязанностямъ судейскимъ и тюремныхъ приставовъ. Неустраненіе евреевъ, вполнѣ, отъ городскихъ повинностей объяснялось, въ сказанной новеллѣ, тѣмъ, что законъ, подвергая ихъ наказанію *за упрство въ ихъ ереси*, не имѣеть, однако, цѣли предоставлять имъ, въ то же время, какія либо облегченія въ тягостяхъ, какія несутъ прочіе жители. Очевидно, что весь законъ имѣлъ цѣлью принужденіе евреевъ, этимъ путемъ, къ принятію христіанства. Послѣдующіе императоры стремились, изъ религиозныхъ же побужденій, еще къ болшему стѣсненію правъ евреевъ. Изъ нихъ *Юстиніанъ*,—при которомъ, одновременно съ изданіемъ гражданскаго кодекса, извѣстнаго подъ названіемъ „Юстиніанова“, составлено систематическое собраніе религиозныхъ постановленій, подъ названіемъ „*Номоканона*“,—питалъ особую неприязнь къ евреямъ и самарянамъ, по причинѣ ихъ возстанія въ Кесаріи. Вслѣдъ за этимъ возстаніемъ, онъ повелѣлъ разрушать ихъ синагоги. Когда же, впоследствии, были представлены на его воззрѣніе ходатайства евреевъ объ ихъ освобожденіи отъ тягости общественныхъ повинностей, во вниманіе къ тому, что они не пользуются никакими служебными преимуществами, то Юстиніанъ, въ своемъ отвѣтѣ министру Іоанну, гнѣвно порицалъ подобное представленіе, говоря, что онъ удивляется, какъ благоразумному чело-вѣку можетъ прійти мысль о возможности допущенія какихъ либо облегченій въ пользу людей, которые упор-

ствують въ ихъ *еретическихъ безразсудствахъ*; что этого рода люди должны, напротивъ, быть доводимы до изнеможенія подъ бременемъ общественныхъ повинностей (*socialibus et officialibus functionibus*), не пользуясь, въ то же время, никакими почестями и преимуществами, въ томъ числѣ, и преимуществомъ изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній, дабы они постоянно пребывали въ томъ презрѣнномъ состояннн, въ какомъ находятся и ихъ души (новелла 556 г.). *Гераклій, Левъ Исавряннинъ* (иконоборецъ) и *Василій Македонянинъ* принимали, кромѣ того, и энергическія мѣры къ насильственному обращенію евреевъ въ христіанство. Впрочемъ, послѣдній изъ нихъ, Василій, при которомъ составлены извлечения изъ Юстиніановыхъ законовъ, извѣстныя подъ названіемъ „*Василики*“, отличался, сравнительно, нѣскольکو лучшими понятіями о справедливости въ дѣлѣ религіи и совѣсти. Поэтому, хотя и онъ былъ не прочь спасти души евреевъ, путемъ стѣсненія и ограниченія ихъ правъ, но, самъ лично, не прибѣгалъ, однако, къ изданію законовъ и предписаній о *принудительномъ крещеннн* евреевъ и допустилъ нѣкоторыя даже облегченія въ ихъ положенн, руководствуясь убѣжденіемъ, что обращенн ихъ въ христіанство должно быть достигаемо, преимущественно, путемъ *увѣщаннн* и *денежныхъ поощреннн*. Этнмъ онъ успѣлъ, отчасти, въ своей цѣли: многіе евреи рѣшились при немъ принять крещенн. Но такое обращенн въ христіанскую вѣру не могло, конечно, быть прочнымъ. По смерти Василія, евреи эти переходили вновь въ свою вѣру. Это раздражило его сына *Льва VI Философа* (въ IX столѣтн), который всѣ облегчительныя поста-

новленія своего отца, относительно евреевъ, отмѣнил и, пользуясь имѣвшимися въ „Василивахъ“ положительнымъ воспрещеніемъ евреямъ изучать Мишну (Талмудъ), повелѣлъ имъ всѣмъ *жить по христіанскому закону, подѣ страхомъ смертной казни*. Такимъ образомъ въ политическую сферу Византійской монархіи была внесена *безусловная уже нетерпимость* къ евреямъ. Повелѣніе евреямъ, подѣ страхомъ смертной казни, жить по христіанскому закону, т. е. не исповѣдывать своей вѣры, не имѣло иного смысла, какъ признаніе ея исповѣданія, явнаго или тайнаго, *государственнымъ преступленіемъ*. Это составляло, вмѣстѣ, какъ бы отрицаніе за еврейскою религіею права на значеніе въ государствѣ отдѣльнаго, самостоятельнаго, культа. Последователямъ его не оставалось ничего другого, какъ покориться верховной волѣ, или бѣжать изъ государства. Большая часть евреевъ предпочла, конечно, послѣднее.

Въ этомъ же духѣ и направленіи дѣйствовали, затѣмъ, и другіе греческіе цари; но при упадкѣ Византіи въ XIV и XV ст., когда ей было уже недосужно заниматься религіозными преслѣдованіями, положеніе евреевъ тамъ нѣсколько улучшилось.

Изъ этого видно, что въ греческой землѣ, гдѣ возникла, впервые, идея о принципѣ господствующей вѣры, было время, когда онъ отождествлялся въ понятіяхъ съ *безусловною нетерпимостью*, съ точки зрѣнія которой, одинъ фактъ исповѣданія вѣры, несогласной съ догматами православія, служилъ достаточнымъ поводомъ къ обвиненіямъ въ посягательствѣ на цѣлость и неприкосновенность церкви. Такимъ образомъ, не обвиняясь въ Византіи ни въ чемъ иномъ, кромѣ исповѣданія

своей вѣры, евреи находились около *шести* столѣтій подъ режимомъ сказанной нетерпимости, т. е. самыхъ жестокихъ религіозныхъ преслѣдованій. Если же къ религіознымъ поводамъ примѣшивались иной разъ политическіе, то это, единственно, вслѣдствіе встрѣчавшихся, въ то время, случаевъ открытаго возстанія евреевъ противъ мѣстныхъ властей. Собственно же религіозная ожесточенность противъ нихъ объясняется, отчасти, тѣмъ, что еврейская вѣра изображалась какъ бы *ересью христіанства*, а сами евреи *еретиками*, т. е. людьми, отъ него какъ бы отпавшими и упорствовавшими въ ихъ религіозныхъ заблужденіяхъ, вопреки пастырскихъ назиданій отцовъ церкви и велѣній верховной власти. Съ этой точки зрѣнія, на евреевъ стали смотрѣть какъ на государственныхъ преступниковъ, подлежащихъ наказанію и всякаго рода гоненіямъ и преслѣдованіямъ, съ цѣлью ихъ вразумленія и приведенія къ раскаянію въ ихъ еретическихъ вѣрованіяхъ. Въ понятіяхъ того времени представлялось, что иной образъ дѣйствія могъ бы навлечь на страну гнѣвъ Божій и различныя бѣдствія и что, напротивъ, всякаго рода насильственные мѣры къ спасенію душъ евреевъ могутъ извлечь на ревнителей христіанства небесное благословеніе. Все это не могло не портить нравы евреевъ, способствуя постепенному присвоенію имъ, въ народныхъ понятіяхъ, качества людей недостойныхъ и въ общественномъ отношеніи,—людей, которые заслуживаютъ, не только небесной, но и земной кары, какъ равно и презрѣннаго положенія въ обществѣ, единственно потому только, что они отказывались отъ почитанія имени Христа Спасителя и принадлежали къ племени, виновномъ въ Его

земныхъ страданіяхъ и распятіи. Въ то же самое время, съ цѣлью вселенія въ народѣ убѣжденія, что евреи, въ дѣйствительности, непримиримые враги христіанства, была распушена молва, что они имѣютъ обычай, въ ихъ праздникъ Амана, воздвигать висѣлицу крестообразной формы и даже распинать на ней живыхъ христіанъ. Эта молва была, между прочимъ, причиною возстанія народа противъ евреевъ въ Антиохіи (I. 18. Cod. Theodos. de jud.).

Укоренившіеся этимъ путемъ непріязненные взгляды на евреевъ, естественно, возжигали *религіозный фанатизмъ*, охватившій, постепенно, на Востокѣ народныя массы, духовенство и, какъ мы видѣли, самихъ греческихъ царей. Такое фанатическое настроеніе къ евреямъ перешло и на Западъ, гдѣ дикость и необузданность племенъ, того времени, и возникавшій абсолютизмъ римско-католической церкви готовили еще болѣе пищи и благопріятныхъ условій для разгула религіозныхъ страстей.

V.

Нельзя, однако, сказать, чтобы проявившаяся на Востокѣ безусловная нетерпимость къ евреямъ внезапно распространилась и на *Западъ*. Не взирая на изданный тамъ, Валентіаномъ III, жестокій, противъ евреевъ, законъ, въ силу котораго еврею, принявшему христіанство, не вмѣнялось въ вину никакое преступленіе противъ прежнихъ своихъ единовѣрцевъ, не исключая своего родного отца,—евреи, тѣмъ не менѣе, продолжали, первое время, пользоваться въ Италіи, сравнительно, большою степенью вѣротерпимости.

Лишившись правъ на государственныя и общественныя должности, они обратились тамъ къ разнаго рода торговой и промышленной дѣятельности, которою и занимались, сперва, довольно спокойно. Король остготовъ, Теодорихъ Великій, засталъ значительное ихъ число въ Римѣ, Равеннѣ, Генуѣ и Миланѣ.

Доказательствомъ, какъ много религіозный фанатизмъ и личные взгляды, въ дѣлахъ вѣры, зависятъ отъ *природнаго темперамента* людей и племенъ, могутъ служить, между прочимъ, два совершенно различныя, въ одно и то же почти время, религіозныя настроенія въ евреяхъ *остготовъ* и *вестготовъ*, принявшихъ христіанство, какъ извѣстно, по ученію Арія.

Въ то время, какъ остготы оказались къ нимъ вполне вѣротерпимы, вестготы, водворившіеся въ Испаніи и части Галліи, обнаружили совершенно противоположное направленіе.

Теодорихъ, король остготскій, по поводу разныхъ насилій, какимъ евреи начали уже подвергаться, со стороны духовенства и народа, въ Равеннѣ, Генуѣ, Миланѣ, принимаетъ мѣры къ ихъ прекращенію и, объявляя, что, по его убѣжденію, „всякое насиліе, въ дѣлѣ религіи, заслуживаетъ порицанія“, пишетъ миланскому духовенству, что „христіанская вѣра грабежа не дозволяетъ и что весьма неумѣстно обогащать церковь истиннаго Бога путемъ споліацій прочихъ вѣроисповѣданій“. Между тѣмъ, одинъ изъ вестготскихъ королей, тоже по поводу евреевъ, заявляетъ, почти одновременно, совершенно иное убѣжденіе. „Уповаю, — говоритъ онъ, — на силу Божію, я стану всячески нападать на враговъ Христа, не буду оставлять въ покоѣ этихъ поносителей“.

лей, употреблю всѣ силы, все свое терпѣніе, чтобы разсѣять ихъ, какъ пыль земную, ихъ истребить, какъ смрадный сосудъ, дабы распространить вѣру и воздвигнуть трофеи, для славы Божіей“.

Владычество вѣротерпимыхъ остготовъ, какъ извѣстно, было скоропроходящимъ. Фанатизмъ взялъ верхъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей, изъ римскихъ первосвященниковъ и католическаго духовенства, церковь эта, особенно въ лицѣ мѣстныхъ своихъ соборовъ, не ослабляла, но всячески поощрала *общественную неприязнь* къ евреямъ.

Въ этомъ отношеніи *вестготскіе короли* сдѣлались ревностнѣйшими исполнителями велѣній римско-католическаго абсолютизма. Въ V столѣтіи, они издавали, или подтверждали, рядъ законовъ, которые были пропитаны духомъ *нетерпимости* къ евреямъ, Шестымъ Толедскимъ соборомъ было постановлено отбирать отъ королей, при ихъ вступленіи на престолъ, присягу, что они, въ отношеніи евреевъ, будутъ руководствоваться началами безусловной невѣротерпимости и строго соблюдать жестокіе законы, изданные королемъ Хинтилою. Люди еврейскаго закона, подъ страхомъ побіенія камнями или сожженія живыми, должны были отречься, не только отъ своей вѣры и всѣхъ ея обрядовъ, въ томъ числѣ и отъ обрѣзанія, но и отъ всѣхъ своихъ обычаевъ, усвоенныхъ съ колыбели.

Имѣются слѣды, что вестготскіе короли не были чужды, въ этомъ случаѣ, и *корыстолюбивыхъ побужденій*. Такъ, на примѣръ, *король Егикъ*, продавъ евреямъ за большую цѣну право пребыванія въ его странѣ и допустивъ различныя льготы, относительно сво-

боды ихъ исповѣданія, пожелалъ, затѣмъ, воспользоваться ими и ихъ имуществами. Съ этою цѣлью, онъ взвелъ на евреевъ вымышленное обвиненіе въ заговорѣ и созвалъ семнадцатый Толедскій соборъ, послѣдній при вестготскихъ короляхъ. Этимъ соборомъ, въ угоду ему, было постановлено, между прочимъ, что евреи подлежатъ лишенію имущества, что ихъ надлежитъ обратить въ рабство, что ихъ дѣти должны быть отняты у родителей, для ихъ наставленія въ христіанской вѣрѣ, и что самихъ евреевъ слѣдуетъ распределить между христіанами, которымъ вмѣнить въ обязанность наблюдать, преимущественно, чтобы евреи не отправляли обрядовъ своей вѣры.

Изъ этого видно, что въ дѣлѣ осуществленія принципа господствующей вѣры, по отношенію къ евреямъ, на Западѣ, въ отличіе отъ Византійской имперіи, стали примѣшивать, съ самаго ранняго времени, къ религіозному фанатизму еще и *корыстолубивыя побужденія*.

Доказательствомъ, что самъ король Эгикъ не имѣлъ никакихъ другихъ гражданскихъ мотивовъ къ преслѣдованію евреевъ, можетъ служить то, что, воздвигнувъ сказанное гоненіе, какъ бы въ видѣ выполненія постановленій Толедскаго собора, король, тѣмъ не менѣе, призналъ возможнымъ сдѣлать исключеніе, по отношенію къ своей Септанской провинціи, гдѣ евреи были оставлены имъ въ покоѣ, на томъ основаніи, что они тамъ нужны, какъ для поправленія финансовъ, такъ и для торговаго и промышленнаго развитія мѣстности. Это подтверждаетъ и то, что съ евреями не соединялось

еще, въ то время, понятіе, какъ объ *эксплоататорахъ христіанъ*, среди которыхъ они жили.

Въ VIII столѣтіи вестготское владычество въ Испаніи смѣнилось, какъ извѣстно, мавританскимъ. Покоривъ Испанію, мавры утратили свой воинскій пылъ, сдѣлались мирными гражданами и обратились къ торговлѣ и промышленности. Подъ владычествомъ мавританскаго халифата, нашли себѣ покой и евреи. Въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, они пользовались тамъ полными правами гражданства, владѣли землями, занимались науками и всѣми отраслями торговли и промышленности, въ томъ числѣ и *земледѣліемъ*. Школы ихъ были въ самомъ цвѣтущемъ положеніи.

Но въ XV столѣтіи, съ прекращеніемъ мавританскаго владычества, начались жестокія религіозныя гоненія противъ мавровъ и евреевъ, какъ лицъ, отказывавшихся отъ исповѣданія господствующей римско-католической вѣры. По желанію Фердинанда II Католика, папы учредили инквизицію и въ Испаніи, съ преимущественною цѣлью преслѣдованія тѣхъ, которые, заявивъ себя открыто католиками, продолжали, втайнѣ, исповѣдывать прежнюю вѣру. Начались страшныя пытки и извѣстныя ауто-да-фе. Подъ предлогомъ ереси, 2,000 евреевъ, по повелѣнію папы Сикста IV (1471), были сожжены инквизиціей на кострѣ. Съ цѣлью насильственнаго обращенія мавровъ и евреевъ въ христіанство, въ 1412 году, испанскими кортесами, въ Вальядолидѣ, было постановлено отводить для нихъ въ городахъ отдѣльные кварталы, обведенные стѣною, въ которой, для выхода, была бы пробита одна только дверь, переступить порогъ которой не должна была ни одна христіанская

женщина. Одновременно съ этимъ, какъ маврамъ, такъ и евреямъ, было строго воспрещено быть врачами, аптекарями, продавцами аптекарскихъ товаровъ и жизненныхъ продуктовъ, содержателями трактировъ, управляющими имѣній, сборщиками податей, портными, мѣдниками, мясниками, столярами, кузнецами и даже сапожниками. Имъ было воспрещено, также, присвоивать себѣ названіе дона, т. е. господина, и повелѣно, подъ опасеніемъ ста ударовъ розгами, отращать себѣ бороды, носить шутовскую одежду и, при этомъ, отнюдь не покидать предѣловъ государства. Подобныя безчеловѣчныя постановленія кортесовъ состоялись и въ Толедѣ. Мѣры эти не были вызваны обвиненіями мавровъ и евреевъ въ какихъ либо *порочныхъ склонностяхъ* и не имѣютъ никакой иной мотивировки, кромѣ *религіозной*.

Папы, большею частью, подавали собою примѣръ такой же религіозной нетерпимости къ евреямъ. Проповѣдники католическіе поучали, что христіане не должны имѣть съ евреями, не только домашнихъ, но и *общественныхъ сношеній*, не продавать имъ даже насущнаго хлѣба. Народъ слѣдовалъ, слѣпо, этимъ наставленіямъ, и не было оскорбленій и поношеній, какихъ не претерпѣвали бы евреи. Папскими буллами исключалось, также, для евреевъ, множество занятій на поприщѣ общественной дѣятельности. Въ силу этихъ ограниченій, дѣятельность евреевъ, естественно, должна была быстро перейти, единственно, къ *денежнымъ дѣламъ*, которыя одни предполагались, для нихъ, доступными. Тѣмъ не менѣе, еще въ XV столѣтіи не видно, чтобы постановленія о такихъ мѣрахъ, независимо отъ религіозныхъ мотивовъ, были гдѣ либо основаны на доводахъ о вредѣ евреевъ

въ *соціальному* отношеніи. Это можно заключать изъ того, что нѣкоторые папы, имѣвшіе болѣе правильные взгляды на значеніе принципа господствующей вѣры и не слѣдовавшіе, слѣпо, указаніямъ изувѣрнаго фанатизма, относились къ евреямъ съ большею терпимостью. Таковъ былъ, на примѣръ, Мартынъ V (1417). Имъ была издана булла, кою воспрещались публичныя поношенія евреевъ, разрѣшалось имъ жить совмѣстно съ христіанами, владѣть домами и землями, заключать всякаго рода договоры и контракты, торговать на ярмаркахъ и рынкахъ, посѣщать учебныя заведенія, имѣть синагоги, причемъ, было воспрещено облагать евреевъ произвольными поборами. Но эти толерантныя распоряженія отмѣнялись вскорѣ другими папами. Это колебаніе во взглядахъ духовныхъ властителей, считавшихъ себя непогрѣшимыми, не есть ли одно изъ лучшихъ доказательствъ, что всѣ гоненія, коимъ подвергались евреи, не имѣли, въ своемъ основаніи, никакихъ другихъ мотивовъ, кромѣ *личныхъ взглядовъ* и притомъ—чисто *религиозныхъ*?

VI.

Посмотримъ теперь, какъ примѣнялся къ евреямъ принципъ господствующей вѣры во *Франціи* и *Германіи*.

Начнемъ съ Франціи, этой классической страны передовыхъ идей, и рассмотримъ *эпоху, предшествующую первой революціи*.

Въ то время, когда римскіе первосвященники были еще подчинены греческому экзарху въ Равеннѣ, когда духовная ихъ власть не была еще соединена съ свѣтскою и абсолютизмъ ихъ еще окончательно не устано-

вился, мѣстные епископы въ Галліи относились еще къ евреямъ безъ особой вражды и неприязни.

Такъ, напримѣръ, въ V столѣтіи, епископъ влермонскій, *Аполлинарій Сидоній*, по поводу судебного процесса еврея, пишетъ къ другому епископу: „Хотя обязанность христіанскаго пастыря и заключается въ борьбѣ съ заблужденіемъ евреевъ, но справедливость требуетъ защищать ихъ въ гражданскомъ процессѣ, когда истина на ихъ сторонѣ“. Другой епископъ—*арльскій*, своею кротостью и правосудіемъ, до того вселилъ къ себѣ общую любовь, что на его похоронахъ евреи пѣли ему гимны.

Въ V столѣтіи, принявъ христіанскую вѣру предводитель франковъ *Хлодвигъ*, сдѣлавшійся, вскорѣ, обладателемъ большей части Галліи. Съ этого, именно, времени начинается исторія Франціи.

Гражданское положеніе въ ней евреевъ, до конца VI столѣтія, мало извѣстно. Но не подлежитъ сомнѣнію, что взгляды и постановленія возымѣвшихъ свое начало, при вестготскихъ короляхъ, мѣстныхъ соборовъ не замедлили возжечь фанатизмомъ пылкую натуру верховныхъ предводителей столь варварскаго племени, какъ франки, и внести этотъ фанатизмъ и въ ихъ свѣтскія дѣянія. Господство вновь принятой ими вѣры не могло представляться имъ иначе, какъ безусловнымъ требованіемъ, чтобы всѣ одинаково исповѣдывали ее, подчиняясь, въ этомъ отношеніи, авторитету духовныхъ властей. Франки не могли не замѣтить, что евреи уклоняются отъ выполнения ея обрядовъ по убѣжденію, а слѣдовательно, съ несравненно большимъ упорствомъ, чѣмъ окружающія ихъ варварскія племена, изъ язычниковъ. Этого было достаточно, чтобы ожесточить королей противъ евреевъ.

Между тѣмъ, мѣстные соборы, съ своей стороны, продолжали поддерживать и укоренять въ сердцахъ это ожесточеніе. Соборы въ *Агдѣ* и *Эпюнѣ* подтвердили прежнія свои постановленія, относительно евреевъ. Соборъ *Орманскій* строго воспрещаетъ евреямъ требовать отъ своихъ рабовъ что либо противное католической вѣрѣ, а христіанкамъ выходить замужъ за людей іудейскаго закона. Это даетъ право предполагать, что многіе изъ евреевъ, и подъ владычествомъ франковъ, владѣли рабами, что они пользовались, слѣдовательно, правами владѣльческаго класса людей и что они не встрѣчали особой непріязни даже въ христіанскихъ семействахъ. Но образъ дѣйствія духовенства, а затѣмъ и свѣтскихъ властителей, не замедлилъ воспламенить религіознымъ фанатизмомъ и народъ. Вскорѣ, существовавшія въ Галліи еврейскія синагоги стали дѣлаться предметомъ нападеній, со стороны черни, и подвергались разрушенію.

Соборы въ *Клермонѣ* и *Макопѣ* воспрещаютъ допущеніе евреевъ къ отправленію судейскихъ обязанностей по дѣламъ христіанъ, а также должности сборщиковъ податей. Это, равнымъ образомъ, даетъ право предполагать, что евреи, въ Галліи, подъ франкскимъ владычествомъ, не устранялись, первоначально, отъ *государственныхъ и общественныхъ должностей*. Вообще, обнаружившееся стремленіе къ ограниченію правъ евреевъ не имѣло другой цѣли, какъ принужденіе евреевъ къ обращенію въ христіанство. Духовенство, вообще, поддерживало и поощряло это направленіе.

Въ VI столѣтіи, изъ римско-католическаго духовенства, едва-ли не одинъ *Григорій*, епископъ *Турскій*, не одобрялъ подобнаго рода дѣйствія. Епископъ этотъ, напи-

савшій „церковную исторію франков“, по своимъ взглядамъ и понятіямъ, стоялъ несравненно ближе къ чистотѣ евангельскаго ученія, чѣмъ прочія духовныя лица западной церкви. „Для привлеченія евреевъ къ христіанству, — говорилъ онъ въ своихъ поученіяхъ, — нужно дѣйствовать на ихъ убѣжденія мѣрами кротости, снисходительностью и назиданіями“. Единственное требованіе, какое онъ предъявлялъ, въ своихъ посланіяхъ, къ королямъ Теодориху и Теодеберту, по поводу евреевъ, заключалось въ томъ, чтобы они не дозволяли евреямъ держать христіанъ у себя въ *рабствѣ*, въ то время существовавшемъ. Но это не касалось, конечно, тѣхъ случаевъ, когда христіане, изъ людей свободныхъ, добровольно нанялись бы въ услуженіе къ евреямъ. Нѣтъ слѣдовъ, чтобы сказанный епископъ возставалъ и противъ этой формы взаимныхъ отношеній христіанъ и евреевъ; но закабаленіе себя христіаниномъ въ рабство еврею, весьма понятно, не могло и имъ быть одобряемо. Изъ этого видно, что Григорій Турскій не отождествлялъ въ своихъ понятіяхъ господство церкви съ безусловною нетерпимостью, но ограничивалъ этотъ принципъ одною лишь цѣлью огражденія вѣры отъ насилій, какія она могла бы потерпѣть въ лицѣ раба-христіанина.

Но такихъ духовныхъ лицъ среди римско-католической паствы было не много, не только въ то время, но и гораздо позднѣйшее. *Авитъ*, епископъ *Блермонскій* (VI ст.), быть можетъ, первый подалъ примѣръ абсолютной нетерпимости къ евреямъ, путемъ ихъ изгнанія: онъ изгналъ ихъ изъ своего діоцеза, единственно за то, что они не желали перемѣнить вѣры.

Этотъ образъ дѣйствія необузданнаго фанатизма въ лицѣ духовнаго пастыря не преминулъ подѣйствовать на *народъ и монарховъ*. Въ то время, свѣтская власть стала, все болѣе и болѣе, подчиняться авторитету духовной. Папы стремились уже къ свѣтской власти, которой и достигли при Стефанѣ II. При такихъ условіяхъ и общемъ тогда невѣжествѣ, религиозный фанатизмъ, по отношенію къ евреямъ, естественно, не могъ не перейти и въ политическую сферу. Евреи сдѣлались *классомъ людей гонимыхъ* и весьма часто—жертвами *корыстолюбивыхъ* замысловъ.

Въ скоромъ времени, исключительныя, относительно ихъ, мѣры, предписывавшіяся духовною властью, стали получать и *законодательную* санкцію во Франціи. Насильственное обращеніе евреевъ въ христіанство пріобрѣло, въ глазахъ верховныхъ властителей, значеніе *акта благочестія*, душеспасительнаго для нихъ самихъ.

Король *Хильдеберъ I*, въ 554 году, издаетъ уже эдиктъ о воспрещеніи евреямъ появляться на улицѣ, начиная съ Страстнаго четверга до Свѣтлаго Воскресенья. Тѣмъ же эдиктомъ было воспрещено евреямъ держать у себя въ услуженіи христіанъ, не только изъ класса *рабовъ*, но и *вольныхъ* людей.

Не взирая на это, есть слѣды, что евреи во Франціи, въ VII столѣтіи, занимали еще *общественныя должности* и служили *въ рядахъ войскъ*, ничѣмъ не возбуждая противъ себя народъ.

Но подъ вліяніемъ мѣстныхъ соборовъ, состоявшихся въ *Парижѣ*, *Реймсѣ* и *Шалонѣ*, король *Клотарій II* издалъ, въ 614 году, эдиктъ, которымъ онъ отрѣшилъ евреевъ отъ всѣхъ общественныхъ должностей, исключилъ ихъ

изъ милиціи и воспретять имъ возбуждать публично какія бы то ни были дѣла противъ христіанъ. Этимъ евреи были поставлены какъ бы *внѣ закона*, безъ всякихъ иныхъ къ тому причинъ, кромѣ *религіозной*, ибо тѣмъ же самымъ эдиктомъ повелѣно было евреевъ, заявившихъ желаніе получить какою либо должность, немедленно крестить.

Духовенство не довольствовалось, однако, еще этими мѣрами. Оно стремилось къ изгнанію ихъ вовсе изъ государства. И вотъ *Дагоберъ I*, эдиктомъ 633 г., повелѣлъ всѣмъ евреямъ избрать одно изъ двухъ: или немедленно принять католическую вѣру, или оставить предѣлы государства.

Нужно полагать, что евреи предпочли послѣднее, такъ какъ, послѣ того, весьма продолжительное время, не встрѣчается во Франціи никакихъ законодательныхъ постановленій, ихъ касающихся. Но извѣстно, что евреи появились вновь во Франціи, вмѣстѣ съ *маврами*, и когда войска этихъ послѣднихъ должны были отступить передъ Карломъ Мартеломъ, то значительное число евреевъ осталось во Франціи, преимущественно— *южной*, гдѣ одни изъ нихъ предались торговлѣ, другіе приобрѣли земли, для сельскохозяйственныхъ занятій, или занялись науками и искусствами.

Карлъ Великій, по смерти Карломана, правившей своей монархіей единодержавно, съ 771—814 годъ, многихъ изъ евреевъ отличалъ и даже приближалъ къ себѣ; но нельзя сказать, чтобы ихъ общее положеніе отъ этого улучшилось.

Пользуясь, при этомъ государѣ, извѣстною терпимостью, евреи занимались *торговлею* и *промышлен-*

ностью, улучшили свое матеріальное положеніе и стали составлять, среди христіанъ, зажиточный классъ людей, въ противоположность классу духовенства, которое разными излишествами довело себя до нищеты. До чего доходили эти излишества уже тогда, т. е. въ VIII вѣкѣ, можно судить по сохранившемуся въ исторической хроникѣ факту, что одинъ епископъ заплатилъ еврею огромную сумму, за изготовленіе себѣ блюда съ пряностями, привезенными этимъ евреемъ съ Востока (Moine de Saint-Gal, кн. I, стр. 6, 20). Такое поведеніе римско-латинскаго духовенства и его далеко не христіанскія воззрѣнія на истинное благочестіе въ дѣлѣ отношеній къ евреямъ не могли не дѣйствовать вредно и на нихъ. Они стали выражать публично свое неуваженіе къ духовенству, что вооружило противъ нихъ Карла Великаго. Не допуская прямыхъ насилій, съ цѣлью принужденія евреевъ къ принатію крещенія, онъ, тѣмъ не менѣе, въ началѣ IX ст., издалъ постановленія, которыя были почти равносильны этому принужденію. Подобно Клотарію II, онъ лишаетъ евреевъ права публичной себя защиты противъ христіанъ, воспрещаетъ евреямъ брать въ аренду ихъ имѣнія и закрѣпляетъ ихъ за собою на эмфитевтическихъ основаніяхъ, какъ равно отдавать христіанамъ, такимъ же образомъ, и свои имѣнія. Изъ этого можно заключать, однако, что евреи, въ то время, владѣли еще недвижимою собственностью и занимались различными отраслями *сельскаго хозяйства*, въ томъ числѣ и *земледѣліемъ*. Далѣе, Карлъ Великій издаетъ постановленіе, коимъ повелѣвается евреямъ, подъ опасеніемъ *денежной пени* въ сто су, въ пользу королевской казны;

или *ста ударовъ кнутомъ*, совершать свои браки не иначе, какъ въ церкви, съ благословенія христіанскихъ пастырей. Очевидно, что заднею мыслію подобныхъ мѣръ было все-таки принудительное обращеніе евреевъ въ христіанство. Если самъ Карлъ Великій, по духу того времени, не былъ въ состояніи отрѣшиться отъ увлеченій фанатизма, то тѣмъ менѣе можно было ожидать это отъ его преемниковъ.

За исключеніемъ наслѣдовавшаго Карлу Великому *Людовика I Благочестиваго* и двухъ другихъ королей, руководившихся болѣе здоровою политикою въ дѣлахъ вѣры: *Карла Лысаго* и *Карла V Мудраго*, которые не относились враждебно и къ евреямъ, и, не взирая на всѣ домогательства католическаго духовенства, даровали имъ различныя привилегіи, существенно облегчившія ихъ участь, — всѣ прочіе короли французскіе издавали эдикты и постановленія, явно свидѣтельствующіе, что во Франціи былъ *принципіально* установленъ законами порядокъ вещей, который отрицалъ за евреями, не только возможность пользованія прочнымъ осѣдлымъ положеніемъ въ странѣ и общими правами гражданства, но и *всякое человеческое достоинство*.

Получившій, съ начала среднихъ вѣковъ, свое развитіе *феодализмъ* имѣлъ весьма неблаготворныя послѣдствія и для евреевъ. Евреи сдѣлались собственностью ленныхъ владѣльцевъ, которые владѣли ими, какъ *рабами* и пользовались ихъ трудомъ и имуществомъ, по произволу. Бароны и графы, въ своихъ замкахъ, подъ вліяніемъ духовенства задавались и мыслію обращенія евреевъ въ христіанство, съ употребленіемъ все-

возможныхъ насильственныхъ мѣръ. Они располагали, такимъ образомъ, не только имуществомъ, но и жизнью евреевъ. Но закрѣпощеніе евреевъ феодалами имѣло, тѣмъ не менѣе, и нѣкоторыя хорошія для нихъ стороны. Зная ихъ смышленность и оборотливость въ дѣлахъ торговыхъ и промышленныхъ, дворяне оставляли ихъ при этихъ занятіяхъ, разрѣшая имъ, иной разъ, предпринимать путешествія, съ коммерческою цѣлью, подъ условіемъ дѣлежа прибылей. Дорожа, болѣе или менѣе, своими евреями, владѣльцы ограждали ихъ нерѣдко отъ народныхъ буйствъ и неистовствъ, особенно во времена крестовыхъ походовъ. Жизнь весьма многихъ евреевъ была тогда спасена, благодаря защитѣ и покровительству мѣстныхъ графовъ и бароновъ.

Въ концѣ X ст. *Капетинги* начали борьбу съ феодализмомъ, но это не послужило въ пользу евреевъ, такъ какъ короли, и этой династїи, продолжали находиться подъ вліяніемъ грубаго фанатизма. Филиппъ I, по примѣру меровинга Дагобера, повелѣлъ въ 1096 г. изгнать евреевъ изъ государства. Но, по слабости еще, въ то время, королевской власти, повелѣніе его было исполнено не всѣми ленными владѣльцами. Многіе евреи оставались по прежнему во Франціи, другіе, мало-по-малу, возвратились туда вновь.

Въ XI столѣтіи¹, возгорѣлись крестовые походы и фанатизмъ, въ эту эпоху, достигъ среди христіанъ западной церкви, своего апогея. Евреи первые сдѣлались жертвами этого всеобщаго настроенія.

¹ Мы увидимъ, какъ различны были, именно въ этомъ вѣкѣ, отношенія къ евреямъ нашихъ отцовъ церкви и князей.

Еще до рѣшенія на Клермонскомъ соборѣ перваго крестоваго похода, евреи, во Франціи, почувствовали уже приближеніе кровавой для себя бури. Многіе епископы поспѣшили воздвигнуть жестокія на нихъ гоненія. Епископъ *Лиможскій* (evêque de Limoges) далъ евреямъ мѣсячный срокъ, по истеченіи котораго они должны были, или принять крещеніе, или бѣжать изъ страны. Число ихъ было весьма значительное, но изъ нихъ четыре только рѣшились перейти въ христіанство; остальные бѣжали съ женами и дѣтьми, многіе изъ нихъ лишили сами себя жизни. Во всѣхъ городахъ Франціи и Италіи народъ возсталъ противъ евреевъ: ихъ изгоняли оттуда и грабили. Когда же первый крестовый походъ сталъ собираться, то католическіе проповѣдники взывали, общимъ голосомъ, къ рыцарямъ и народу, говоря: „Вы стремитесь въ Іерусалимъ, вы ищете невѣрныхъ въ отдаленныхъ странахъ, но вы забываете, что евреи—эти враги Христовы—живутъ среди васъ! Оставьте-ли вы ихъ въ мирномъ пребываніи, когда вы вооружены для истребленія невѣрныхъ? Прежде чѣмъ нести свое оружіе въ Іерусалимъ, вы должны ознаменовать себя здѣсь подвигами мужества“, подразумевая подъ ними *поголовное умерщвленіе* беззащитныхъ евреевъ. Вслѣдствіе такихъ изувѣрныхъ рѣчей, во всей западной Европѣ, кровь евреевъ стала литься ручьями. Они искали себѣ убѣжища въ христіанскихъ храмахъ, но и это не спасало ихъ.

Что касается французскихъ королей, то ихъ понятія о цѣляхъ и требованіяхъ принципа господствующей вѣры продолжали находиться въ прежнемъ состояніи.

Въ XII столѣтіи, при *Людвигъ VII, Петръ, аббатъ въ Клоуни*, подалъ, быть можетъ, первый примѣръ публичнаго обвиненія евреевъ въ *гражданской недоброкачественности*. Въ письмѣ своемъ къ Людовику, онъ обвиняетъ ихъ, *огульно*, въ грабежахъ и похищеніяхъ, въ переходѣ въ ихъ руки церковныхъ вещей, въ укрывательствѣ тѣхъ, которые ихъ похищаютъ, и въ *ростовщичество*. Съ его точки зрѣнія, конфискація ихъ имущества, какъ нажитаго неправильными путями, и обложение ихъ болѣе тяжкими, въ сравненіи съ христианами, сборами въ пользу крестовыхъ походовъ—являлись мѣрами вполне справедливыми. Совершенно противоположный совѣтъ давалъ, однако, тому же королю *св. Бернаръ*, аббатъ *Клервонскій*. Онъ писалъ ему: „Съ особымъ удовольствіемъ узнали мы, что въ вашемъ сердцѣ пылаетъ любовь къ Богу, но нужно, чтобы любовь эта умѣрялась разсудительностью: вы не только не должны преслѣдовать евреевъ, не только не должны ихъ истреблять, но не должны даже ихъ изгонять“. Папа *Иннокентій II*, посѣтившій, въ то время, Парижъ, отнесся также къ представлявшимся ему евреямъ съ надлежащею снисходительностью. Изъ этого видно, въ какой борьбѣ, и тогда, находились личные на нихъ религіозные взгляды представителей западной церкви,—борьбѣ, явно свидѣтельствующей, что, въ общественномъ отношеніи, евреи не подавали, въ сущности, никакихъ серьезныхъ поводовъ непріязни къ себѣ. Огульныя ихъ обвиненія, со стороны фанатиковъ, не имѣли, слѣдовательно, въ то время, иного источника, кромѣ произвольныхъ вымысловъ. Находя свою пищу въ разыгравшихся страстяхъ, подобныя обвиненія начали, однако, входить въ обычай и

укореняться на Западѣ, открывая широкое поле къ взведенію на евреевъ разныхъ небылицъ. Сказанный обычай сталъ, мало-по-малу, служить могущественнымъ средствомъ, для духовенства, къ возбужденію противъ евреевъ народа и властей. Королевская власть воспользовалась этимъ, для осуществленія своихъ *корыстлюбивыхъ* видовъ и цѣлей. Явилась мысль эксплуатировать евреевъ, отодвинувшая *религіозные поводы дѣйствія* на второй планъ. Короли стали стремиться, не столько къ обращенію въ христіанство евреевъ, сколько къ грубѣйшей споліаціи ихъ имущества и денегъ. Съ этого времени, въ христіанскихъ странахъ западной Европы, начинается рѣзко устанавливаться господствовавшая тамъ цѣлый рядъ вѣковъ—во Франціи, до первой революціи, а въ Германіи, до начала даже нынѣшняго столѣтія—особаго рода политика относительно евреевъ, которой можно присвоить названіе *политики своекорыстной или сребролюбивой ихъ терпимости*. Эта политика, *принципально* отрицавшая за евреями право постоянной осѣдлости въ государствѣ, давала монархамъ и феодальнымъ владѣльцамъ полный произволъ изгонять ихъ изъ страны и призывать ихъ вновь въ нее, изъ цѣлей личнаго своего обогащенія, путемъ денежныхъ съ ними сдѣлокъ, или просто—ихъ ограбленія. Принципъ такой политики, какъ мы увидимъ ниже, получилъ, въ Германіи, теоретическое даже развитіе, съ помощью *схоластическій казуистики*. Этимъ весь Западъ наложилъ на себя темное и неизгладимое пятно, какаго наша *древняя Русь* на себѣ вовсе не имѣетъ.

Корыстлюбивыя побужденія свѣтской власти, относительно евреевъ, имѣли свой зародышъ, какъ мы ви-

дѣли, еще при *вестготскихъ* короляхъ. Проявленія этого рода составляли, тогда, лишь отдѣльные случаи. Но начиная съ XII столѣтія, этотъ образъ дѣйствія сталъ принимать во Франціи болѣе опредѣленный характеръ, началъ узаконяться и слагаться въ политику. Это видно изъ мѣръ, какія были приняты королемъ *Филиппомъ II Августомъ* (1180—1223 г.)¹.

Участіе, съ духовенствомъ, въ введеніи на евреевъ огульныхъ обвиненій принимали, въ особенности, ихъ *должники*, желавшіе этимъ путемъ освободить себя отъ возврата занятыхъ у нихъ денегъ. Въ апрѣлѣ 1182 года, названнымъ королемъ были изданы два декрета, изъ коихъ однимъ всѣ долги христіанъ евреямъ были признаны *не подлежащими уплатѣ*, съ тѣмъ, чтобы *пятая часть* долговыхъ суммъ была пожертвована въ пользу казны, а другимъ—повелѣно *конфисковать* все движимое и недвижимое имущество евреевъ; имъ же самимъ приказано было, въ *трехмѣсячный срокъ*, оставить предѣлы государства.

Другими эдиктами христіане освобождались отъ своихъ долговъ евреямъ, подъ условіемъ уступки казнѣ известной части своихъ доходовъ (²/₃), изъ чего видно, что эти разорительныя для евреевъ мѣры приводились тогда въ соотношеніе съ податною системой. Эксплуатируя евреевъ, короли отягощали и народъ произвольными налогами.

По поводу возникшихъ, въ то время, обвиненій евреевъ въ *ростовщичество*, замѣтимъ, что тогда, какъ, отчасти, и теперь, былъ обычай называть человѣка, зани-

¹ Ex. chronica regum Francorum. D. Bouquet, t. XII, p. 214.

мавшася этимъ промысломъ, *ростовщиковъ*, совершенно независимо отъ размѣра взимавшася имъ роста. Кто давалъ деньги въ займы, хотя бы за весьма малый, сравнительно, процентъ, являлся уже въ понятіи ростовщикомъ. Въ средніе вѣка, когда не существовало еще, ни кредитныхъ учрежденій, ни понятій о правильной организаціи кредита—ремесло это вызывалось потребностями времени и получило широкое развитіе въ западной Европѣ, прежде, чѣмъ евреи стали публично обвиняться въ немъ. Толпы ростовщиковъ изъ христіанъ, крайне злоупотреблявшихъ кредитомъ, подъ названіемъ *флорентійцевъ*, *этрuscoвъ*, *корсовъ*, *ломбардовъ*, еще гораздо ранѣ XII вѣка, вселяли въ себѣ народную ненависть. Къ ростовщикамъ прибѣгали всѣ, начиная съ коронованныхъ главъ, до послѣдняго простолюдина. Путь къ этому ремеслу былъ, слѣдовательно, уже открытъ. Ростовщики, изъ христіанъ, составляли даже особые классы людей, покровительствуемые римскимъ престоломъ. Они покупали у него право исключительнаго занятія этой профессіей и пользовались различными привилегіями. „Эти пьявки,—пишетъ одинъ лѣтописецъ того времени,—пользовались преимуществомъ привлекать своихъ должниковъ къ суду въ Римѣ, гдѣ власти, заинтересованныя въ прибыляхъ, рѣшали дѣла въ пользу кредиторовъ“.

Первоначально, евреи не причислялись огульно къ классу *ростовщиковъ* и даже, какъ уже сказано выше, вовсе не обвинялись въ исключительномъ занятіи этимъ ремесломъ. Но когда Ватиканъ и подчиненныя ему, свѣтскія и духовныя, власти стали закрывать, для нихъ, всевозможныя отрасли производительной промышлен-

ности, даже изъ числа торговыхъ, когда надъ евреями стали, все чаще и чаще, практиковаться изгнанія изъ земель и странъ, съ конфискаціями ихъ имущества, и евреи утратили, вслѣдствіе этого, всякую увѣренность въ прочности своего осѣдлаго тамъ положенія, то естественное въ каждомъ человѣкѣ чувство самосохраненія должно было, весьма понятно, обратить этотъ гонимый классъ людей, преимущественно, къ денежнымъ дѣламъ, съ цѣлію скопленія серебра и золота. Обладаніе денежнымъ капиталомъ, въ звонкой монетѣ, присвоивало имъ нѣкоторое значеніе и, спасая ихъ нерѣдко отъ пытокъ, жесточайшихъ казней и всякаго рода насилій, служило имъ, вмѣстѣ, и средствомъ къ ихъ выкупу отъ изгнаній изъ страны. Право существованія въ ней стало покупаться евреями на вѣсь золота, чѣмъ широко начали пользоваться не только коронованныя особы, но и мѣстные владѣльцы. Трудно повѣрить этому, еслибы историческіе факты, имѣющіе документальную достовѣрность, не были на лицо.

Это не могло, конечно, не дѣйствовать на евреевъ деморализующимъ образомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что среди ихъ могли являться личности, злоупотреблявшія вышеупомянутымъ ремесломъ. Но такихъ личностей было, въ то время, множество и среди христіанъ. Это не давало, однако, повода къ ихъ огульнымъ обвиненіямъ, въ этомъ отношеніи. Довозательствомъ, что и евреи не были поголовными ростовщиками, въ дурномъ смыслѣ этого слова,—можетъ служить, между прочимъ, то, что въ южной Франціи ими дорожили, они пользовались тамъ спокойнымъ, сравнительно, пребываніемъ, не смотря на не малое свое число. Въ Про-

вансѣ и Лангедокѣ не было городка, гдѣ не было бы ихъ синагоги, а въ *Марселѣ* и *Монпелье* они пользовались и значительнымъ коммерческимъ положеніемъ. Собственно въ Марселѣ было двѣ синагоги и два еврейскихъ госпиталя. Но мѣстные ленные владѣльцы, свѣтскіе и духовные, эксплуатировали ихъ въ широкихъ размѣрахъ, облагая ихъ произвольными, въ свою пользу, денежными поборами. Въ *Безіе*, въ *Дижонѣ*, *Маконѣ*—право существованія было куплено евреями дорогою цѣной. Сверхъ того, ленные владѣльцы часто кредитовались у евреевъ на огромныя суммы. Такъ, напримѣръ, владѣтель Монпелье, Вильгельмъ, завѣщалъ своимъ наследникамъ уплачивать ежегодно одному еврею, нѣкому Боннѣ, по 5,000 соль (sols), до погашенія своего займа въ 50,000 соль.

Духовенство измышляло, иной разъ, для эксплуатации евреевъ, и *религіозныя поводы*. Въ Бозіе, напримѣръ, оно ввело въ обычай разрѣшеніе христіанамъ преслѣдовать ихъ въ Страстную недѣлю камнями. Избавлять себя отъ этого, они могли только деньгами. Висконтъ Раймонъ Тренхавель освободилъ вовсе ихъ отъ этого обычая, взявъ съ нихъ за это, по увѣренію одного католическаго лѣтописца, денежную плату.

Наконецъ, самъ король Филиппъ-Августъ, по изгнаніи евреевъ изъ государства, допустилъ вновь ихъ пребываніе въ немъ за большую сумму, которая ему понадобилась, для его войнъ съ фламандцами и Англіей. Съ тѣхъ поръ евреи во Франціи дѣлаются предметомъ вышеупомянутой *своекорыстной* или, точнѣе сказать, *сребролюбивой политики*, примѣру которой послѣдовали и другія католическія страны. Очевидно, что въ

ея основаніи лежали исключительно два только повода дѣйствія: *грубый фанатизмъ* и *корыстолобіе*. Что касается *огульныхъ обвиненій*, какія стали ввозиться на евреевъ, относительно ихъ собственнаго сребролюбія, стремленій къ эксплуатаціи и высасыванію жизненныхъ соковъ изъ христіанскаго народа, то имѣются прямыя поводы къ предположенію, что сами короли не давали особой вѣры этого рода обвиненіямъ, такъ какъ изгоняемые евреи, неоднократно, призывались ими вновь въ государство и это мотивировалось, нерѣдко, желаніемъ самого народа. Правила, какія были изданы Филиппомъ-Августомъ, по поводу этихъ обвиненій, доказываютъ не столько увѣренность его въ справедливости тѣхъ обвиненій, сколько намѣреніе открыть государству и мѣстнымъ жителямъ возможность къ ограбленію евреевъ, при каждомъ удобномъ къ тому случаѣ.

То же, или почти то же самое, повторялось и при послѣдующихъ короляхъ, причемъ, корыстное побужденіе всегда оставалось, конечно, скрытою цѣлью. Отмѣтимъ въ особенности личные взгляды и образъ дѣйствія *Людовика IX* (1226 — 1270), котораго римско-латинская церковь отнесла къ лику своихъ святыхъ. Онъ былъ, какъ извѣстно, одинъ изъ самыхъ усердныхъ сподвижниковъ крестовыхъ походовъ и, вмѣстѣ, однимъ изъ самыхъ фанатическихъ гонителей евреевъ. Подъ вліяніемъ господствовавшихъ среди католическаго духовенства невѣжественныхъ понятій о христіанскомъ благочестіи, король этотъ считалъ святымъ и угоднымъ Христу Спасителю дѣломъ допущеніе всякаго рода жестокостей въ отношеніи евреевъ. Онъ не видѣлъ грѣха даже въ умерщвленіи ихъ. Современный ему французскій лѣтописецъ,

Жуанвиль (Joinville), одинъ изъ самыхъ приближенныхъ къ нему людей, рассказываетъ, въ похвалу его благочестія и христіанской доблести, что имъ строго повелѣвалось каждому мірянину не вступать ни въ какія богословскія пренія съ евреями, но пронизывать каждаго изъ нихъ насквозь мечемъ, кто только осмѣлится порицать христіанскую религію ¹. За порицаніе же христіанской религіи могло легко быть принимаемо каждое слово еврея о своей вѣрѣ, каждое обрядовое дѣйствіе въ присутствіи христіанина, изъ мірянъ. Жестокость, относительно евреевъ, выражалась и въ эдиктахъ этого Людовика. Ими наложена санкція на состояніе рабства евреевъ. Съ цѣлью ихъ осмѣянія и поношенія въ глазахъ народа, было, впервые, повелѣно имъ носить на одеждѣ, спереди и сзади, желтый знакъ, съ правомъ для каждаго христіанина отбирать у еврея, въ свою пользу, одежду, на которой не было бы усмотрѣно такого знака. Можно легко себѣ представить, какъ это должно было разнуздывать чернь и подстрекать ее къ буйствамъ и разнаго рода произвольнымъ насиліямъ надъ личностью евреевъ. Этимъ же королемъ было повелѣно сжигать талмудъ и другія еврейскія книги. Нужно полагать, что и онъ не былъ чуждъ нѣкоторыхъ корыстолюбивыхъ при этомъ побужденій, судя по его распоряженіямъ, относительно денегъ и имущества ев-

¹ Aussi vous dis je, me fit le roy, que nul, si n'est grand clerc ou théologien parfait, ne doit disputer aux Juifs. Mais doit l'omme lay quand il oit médire de la foy chrétienne, défendre la chose non pas seulement de parolles, mais à bonne espée tranchant, et en frapper ces médisans et mescréant à travers du corps tant qu'elle y pourra entrer". Г. Галфенъ, изъ сборника котораго мы почерпнули этотъ гѣтоисный рассказъ, не безъ остроумія замѣчаетъ, что это былъ самый вѣрный способъ заставить еврея замолчать.

реевъ, которыя могли быть отбираемы отъ нихъ, по произволу. Мы увидимъ какую рѣзкую противоположность представлялъ, въ этомъ отношеніи, образъ дѣйствія русскихъ православныхъ князей тѣхъ же временъ.

Прочіе французскіе короли понимали такимъ же образомъ христіанское благочестіе, въ дѣлѣ своихъ отношеній къ евреямъ. Они изыскивали, однако, благодные предлоги, для удовлетворенія своихъ стяжательныхъ побужденій. Изъ постановленій *Филитта Красиваго* (ordonnance du Louvre, t. 1, p. 488), видно, что оффиціальнымъ предлогомъ къ мѣрамъ противъ евреевъ послужили исходившія отъ духовенства огульныя обвиненія ихъ въ томъ, что «они не только занимаются ростовщичествомъ, но позволяютъ себѣ другія невозможныя дѣйствія, развращая нравы правотѣрныхъ и производя столько бѣдствій, что отъ дальнѣйшаго ихъ пребыванія въ странѣ предвидится опасность для вѣры».

Между тѣмъ послѣдующіе факты не оставляютъ никакого сомнѣнія, что предлоги эти были чисто вымышленные и вовсе даже не религіозные. Въ этомъ убѣждаетъ въ особенности то, что сынъ Филиппа, *Людвикъ X* (le Hutin), допуская евреевъ вновь во Францію, мотивировалъ это, между прочимъ, тѣмъ, что онъ уступаетъ *общенароднымъ возгласамъ* (cédant à la commune clameur du peuple). Это даетъ право заключать, что самъ народъ не питалъ никакой особой неприязни къ евреямъ и что они не подавали, на самомъ дѣлѣ, никакихъ дѣйствительныхъ поводовъ къ упомянутымъ обвиненіямъ.

Нельзя, при этомъ, пройти молчаніемъ и о томъ режимѣ, какому *Людвикъ X* подвергъ вновь призван-

нихъ евреевъ. Режимъ этотъ характеристиченъ своимъ безчеловѣчїемъ. Евреи были вновь допущены къ жительству во Франціи, но только *временно*, срокомъ на 12 лѣтъ, и подъ тяжкими для нихъ денежными условїями: они должны были выкупить свои собственныя синагоги и владѣнїя у лицъ, которыя ихъ приобрѣли, и уступить королю *два трети* своихъ *денежныхъ претензій*. Затѣмъ, они были распредѣлены на три разряда: 1) евреевъ, которые прежде состояли въ крѣпостномъ состоянїи и возвращены ихъ владѣльцамъ, въ качествѣ ихъ *работъ*; 2) евреевъ, лично принадлежавшихъ королю, которые признавались его *рабами*, и 3) евреевъ чужестранныхъ, отвѣтственность за которыхъ возложена на владѣльцевъ, въ помѣстьяхъ, гдѣ такіе евреи проживали бы. При такихъ условїяхъ не могло, конечно, быть и рѣчи о какомъ либо свободномъ, для этихъ евреевъ, состоянїи, котормъ, болѣе или менѣе, обезпечивалась бы ихъ личная и имущественная безопасность. Все, что они приобрѣтали, зависѣло отъ произвола ихъ владѣльца и считалось въ ихъ пожизненномъ только пользованїи, такъ какъ послѣ ихъ смерти имущество дѣлалось собственностью ихъ владѣльцевъ — ленныхъ дворянъ или короля, т. е. признавалось какъ бы выморочнымъ. Очевидно, что въ основанїи этого порядка лежала одна только мысль — эксплуатаціи евреевъ. Но, для ея прикрытїя, былъ лицемѣрно приведенъ, въ упомянутомъ королевскомъ повелѣнїи, и мотивъ *религозный*, а именно: что король слѣдуетъ внушенїю римской церкви, его матери, пецись объ обращенїи этихъ невѣрныхъ въ истинную вѣру, ибо „Господь, — сказано въ повелѣнїи, — радуется объ одномъ кающемся грѣшникѣ болѣе, чѣмъ

о многих праведниках“. Лучшимъ же доказательствомъ, что въ этомъ не было и не могло быть никакой искренности и что интересы принципа господствующей вѣры не имѣли уже тутъ никакого значенія, можетъ служить практиковавшійся королями и отмѣненный лишь Карломъ VI, повелѣнiемъ 25 апрѣля 1393 года, обычай, въ силу котораго евреи, принявшіе добровольно христіанство, подлежали тоже немедленной конфискаціи имущества. Какъ ни страненъ этотъ фактъ, но онъ вполне подтверждается, однако, историческими данными. Вотъ что говоритъ по поводу этого Монтескьё, въ своемъ *Esprit des lois* (liv. XXI, chap. XX): „Быль, наконецъ, введенъ обычай, который подвергалъ конфискаціи имущество евреевъ, обращавшихся въ христіанство. Этотъ странный обычай извѣстенъ намъ изъ закона, которымъ онъ отмѣненъ. Его приписывали причинамъ весьма пустымъ: говорили, что евреевъ желали испытывать, чтобы у нихъ не оставалось ничего отъ дьявольской кабалы. Но, очевидно, что это служило средствомъ для удовлетворенія налоговъ, взимаемыхъ съ евреевъ монархами и владѣтельными лицами, которые могли лишаться ихъ, въ случаѣ принятія евреями христіанства. Въ эти времена смотрѣли на людей какъ на собственность, и я замѣчу мимоходомъ, какому произволу подвергалась эта нація. Имущество евреевъ конфисковалось, когда они желали сдѣлаться христіанами, и вслѣдъ затѣмъ ихъ жгли, когда они не желали оставаться ими“.

Изъ этого ясно видно, что официально выраженная въ вышеупомянутомъ повелѣнiи Людовика X религіозная заботливость о евреяхъ была, въ сущности,

пустою фразой, представлявшей смѣсь фарисейско-иезуитскаго лицемѣрія, столь противнаго духу христіанскаго ученія.

Не менѣе корыстолюбивъ и жестокъ былъ образъ дѣйствія *Филиппа V Долгаго* и *Филиппа VI Валуа*, которые не имѣли иной цѣли, какъ завладѣнія денежными претензіями евреевъ, съ тѣмъ, чтобы стать самимъ кредиторами своихъ подданныхъ. Евреи являлись, такимъ образомъ, орудіемъ корыстныхъ намѣреній королей, въ дѣлѣ ихъ личнаго обогащенія на счетъ народа. Филиппъ, повелѣніемъ въ 1340 г., изгнавъ ихъ изъ государства, конфисковалъ всѣ ихъ имущества и объявилъ себя владѣльцемъ ихъ денежныхъ претензій. Но это возстановило противъ него многихъ владѣтельныхъ бароновъ, желавшихъ тоже воспользоваться деньгами евреевъ. Вслѣдствіе этого, король былъ вынужденъ подѣлиться съ ними частью еврейскихъ долговыхъ капиталовъ. Мѣра эта имѣла, слѣдовательно, чисто-фискальный характеръ, не заключая въ себѣ никакихъ религіозныхъ побужденій.

Не лучше поступали съ евреями другіе французскіе короли. Очевидно, что при дарованіи евреямъ права временнаго только пребыванія въ странѣ, зависѣвшаго отъ личнаго взгляда и произвола властителя, мало кто изъ нихъ могъ рѣшиться затрачивать свои деньги на покупку имѣній или на какія либо, болѣе или менѣе, солидныя коммерческія предпріятія. Евреямъ оставалось одно—пускать свои деньги въ ростъ, къ чему ихъ приманивало, вонечно, и дозволеніе пользоваться высокимъ процентомъ. Но какъ только евреями были завязаны съ коренными жителями денежные отношенія

этого рода, политика королей, изъ мягкой, дѣлалась вновь суровою, и евреямъ грозило изгнаніе и ограбленіе.

Подобныя мѣры не могли не портить нравовъ евреевъ, онѣ наталкивали ихъ на ростовщичество, въ дурномъ смыслѣ этого слова. Короли умышленно поощряли ихъ къ этому роду дѣятельности, чтобы запутывать народъ и обращать, въ послѣдствіи, долговныя претензіи евреевъ въ вспомогательный къ налогамъ источникъ дохода. Не удивительно, поэтому, если среди евреевъ появилась, въ этомъ отношеніи, и значительная распущенность. Но причину этого, народъ, по невѣжеству, а духовенство и власти—предназначенно, стали приписывать еврейской натурѣ и ихъ богопротивной религіи.

Въ XV столѣтіи наступаетъ другая эпоха. Средніе вѣка, мало-по-малу, исчезаютъ. Начинается новая исторія европейскихъ народовъ. Открытіе Америки, изобрѣтеніе бумаги и книгопечатанія, реформація, должны были вознѣмѣть благотворное вліяніе на ихъ образъ мыслей и нравы, въ томъ числѣ, казалось, и на общественныя религіозныя взгляды. Но такова судьба этихъ послѣднихъ, что имъ было суждено еще долго оставаться на Западѣ въ состояніи неразвитости, подъ давленіемъ фанатизма и невѣжественнаго суевѣрія. Эти безотчетныя чувства, какъ свидѣтельствуемъ опытъ времени, способны овладѣвать человѣкомъ, во всякомъ состояніи. Суевѣрныя предубѣжденія и религіозная неприязнь вкрадываются также легко въ душу невѣжественныхъ простолюдиновъ, какъ и людей крѣпкихъ умомъ, людей ученыхъ и великихъ даже мыслителей, еоль скоро они не озарены свѣтомъ истинной религіи

и сердца ихъ не согрѣты чувствами любви и состраданія къ ближнему.

Многіе вѣка должны были еще пройти, пока на Западѣ Европы присущее русской странѣ и развивавшееся православіемъ чувство уваженія къ иноземнымъ людямъ всякихъ расъ и вѣръ сдѣлалось общимъ достоинствомъ низшихъ и высшихъ классовъ населенія: инквизиція и іезуитизмъ въ католическихъ странахъ, не меньшая склонность къ абсолютизму и религіозной исключительности въ протестантскихъ странахъ—держали народъ еще долгое время въ оковахъ слѣпого фанатизма, разжигавшаго религіозныя страсти и оставлявшаго за собой всюду кровавыя слѣды.

Въ борьбѣ съ *протестантизмомъ* во Франціи, ярость католическаго фанатизма воздвигала костры и проливали потоки крови, чисто изъ-за идеи господства церкви. Но было бы ошибочнымъ предполагать, чтобы нѣчто подобное было по отношенію къ евреямъ. Собственно религіозной борьбы съ ними не было во Франціи прежде, не было и послѣ, такъ какъ въ евреяхъ не обнаруживалось никакой склонности къ пропагандѣ своей вѣры. Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, слѣдовъ, чтобы они публично обвинялись въ этомъ и подвергались ограниченіямъ въ правахъ, наказаніямъ или изгнаніямъ, между прочимъ, и по этому поводу. Господство церкви не встрѣчало въ нихъ противодѣйствія, если не считать такимъ противодѣйствіемъ самый фактъ исповѣданія ими своей вѣры. Поэтому, ихъ продолжали, по прежнему, преслѣдовать тамъ, не столько изъ-за вѣры, сколько изъ усвоенной свѣтскою и духовною властью цѣли—извлеченія изъ нихъ какъ можно болѣе денежныхъ вы-

годъ. Ихъ религія и раса служили только формальными предлогами къ ихъ преслѣдованію. Оба эти стихійные элемента — *вѣра* и *раса* — въ судьбѣ французскихъ евреевъ играютъ весьма второстепенную роль. Главными побудительными поводами дѣйствія продолжали быть выжиманіе изъ евреевъ денежныхъ выгодъ и прибылей, въ виду которыхъ чувство безчеловѣчія проявлялось во всемъ своемъ безобразіи. *Эпоха своекорыстной политики* относительно евреевъ перешагнула далеко за предѣлы среднихъ вѣковъ. Это видно изъ послѣдующихъ законодательныхъ актовъ, какъ французскихъ королей, такъ и другихъ монарховъ и владѣтельныхъ князей Западной Европы, не исключая протестантскихъ земель.

Исторія евреевъ въ Испаніи и возмутительныя отношенія къ нимъ инквизиціи слишкомъ извѣстны, чтобы остановиться здѣсь на ней подробнѣе. Въ заключеніе, они были изгнаны навсегда изъ Испаніи. Подобная мѣра суевѣрія и невѣжественнаго фанатизма рѣшила вмѣстѣ, какъ извѣстно, и участь экономическаго благосостоянія страны. Съ изгнаніемъ изъ нея мавровъ и евреевъ былъ изгнанъ и элементъ труда и просвѣщенія. Золото и серебро Америки, при отсутствіи этого элемента, не пошло Испаніи въ прокъ. Страна эта, не взирая на груды вывозившихся изъ Новаго Свѣта драгоцѣнныхъ металловъ, пришла въ разореніе, и по настоящее время, т. е. около четырехъ уже вѣковъ, не въ состояніи подняться на уровень съ прочими европейскими государствами. То же самое можно сказать и о Португаліи, гдѣ короли, подъ вліяніемъ не мень-

шаго фанатизма, послѣдовали, вскорѣ, примѣру Испаніи и тоже изгнали евреевъ изъ своей страны.

Но времена существенно измѣнились. Господству католической церкви несравненно болѣе угрожали, вполнѣдствіи, *Лютеръ*, *Кальвинъ* и ихъ послѣдователи. Начавшаяся, во Франціи религиозная борьба съ реформаціей и другія внутреннія смуты поглощали вниманіе монарховъ и правительства.

Королевскіе эдикты объ изгнаніи евреевъ не соблюдались уже съ прежнею строгостью. Изъ Эльзасской провинціи, присоединенной къ Франціи при Людовикѣ XIV, они и не выходили, хотя право свободнаго ихъ пребыванія въ другихъ мѣстахъ и городахъ Франціи, въ томъ числѣ и въ Парижѣ, было тамъ ограничено.

Въ Мецѣ, вошедшемъ въ составъ Французской монархіи ранѣе прочихъ частей Эльзаса, привилегіи евреевъ были подтверждены Генрихомъ IV и Людовиками XIII и XIV, но далеко не безвозмездно. Тамошніе владѣльцы, за право держанія ихъ на своихъ земляхъ, должны были платить королямъ родъ денежной дани, которая падала, конечно, на самихъ евреевъ. Въ послѣдній годъ царствованія Людовика XIV, налогъ съ эльзасскихъ евреевъ, за право жительства и законной защиты, былъ опредѣленъ въ 40 франковъ, съ cadaго семейства; причемъ, въ видахъ удобнѣйшаго его взиманія, онъ капитализованъ и обращенъ въ общую сумму, которая была исчислена въ размѣрѣ 20,000 ливровъ. Изъ этой суммы ежегоднаго, съ мецкихъ евреевъ, дохода, Людовикъ XIV, по дарственной записи, предоставилъ 15,000 ливровъ потомственному дому герцога *Бранкаскаго* (de Brancas),

а 5,000 ливровъ графинѣ *де-Фонтэнъ* (comtesse de Fontaine).

Кромѣ этихъ денежныхъ вымогательствъ съ евреевъ, придумывались въ Эльзасѣ и другіе, совершенно произвольные, поборы. Такъ, независимо отъ поземельныхъ налоговъ, владѣльцы и городскія общины установили въ пользу свою особую таксу, для поголовнаго взиманія, съ каждаго, выѣзжавшаго изъ черты города или частныхъ владѣній и пріѣзжавшаго туда, еврея—особаго денежнаго сбора, размѣръ котораго былъ опредѣленъ въ 40 су (5 сентимовъ) съ коннаго человѣка и 20 су — съ каждаго пѣшехода, чѣмъ евреи уподоблялись тамъ почти скотамъ. Такова была алчность во Франціи, и королей, и частныхъ владѣльцевъ, къ извлеченію, съ лицъ іудейскаго закона, личныхъ для себя выгодъ и прибылей. Положеніе тамошнихъ евреевъ было тѣмъ тяжелѣе, что, при всемъ этомъ, кругъ ихъ дѣятельности былъ весьма ограниченъ. Хотя Людовикомъ XIV, въ 1657 году, было разрѣшено мецкимъ евреямъ, подъ условіемъ упомянутаго выше платежа, по 40 франковъ съ семьи, заниматься продажею различныхъ товаровъ, но почти вслѣдъ за его смертью, а именно, въ 1718 году, во время регентства, мѣстное купечество настояло на томъ, чтобы занятія евреевъ были ограничены исключительно однѣми денежными ссудами, за умѣренный процентъ. вмѣстѣ съ этимъ, евреи подвергались ограниченіямъ, относительно правъ пріобрѣтенія недвижимаго имущества. Въ самомъ городѣ Мецѣ былъ отведенъ для нихъ особый кварталъ для жительства, съ воспрещеніемъ владѣть въ другихъ кварталахъ домами, магазинами, лошадиными загонами, погребами, подвалами и т. п., а

также содержать ихъ по найму, подъ опасеніемъ денежнаго штрафа, съ каждаго еврея, по 3,000 фр., а съ христіанина, продавшаго или отдавшаго имъ въ наймы недвижимое имущество—по 1,000 фр. Независимо отъ этого, евреи нерѣдко дѣлались жертвами и народнаго фанатизма. По обвиненію ихъ въ отравленіи колодцевъ, они были изгнаны изъ Страсбурга, причемъ 2,000 евреевъ были сожжены на ихъ собственныхъ кладбищахъ, куда они были загнаны народомъ.

Такое положеніе вещей продолжалось до самой французской революціи.

Посмотримъ теперь, каковы были религіозно-политическія отношенія къ евреямъ въ христіанскихъ земляхъ *Германіи*, какъ католическихъ, такъ и протестантскихъ.

VII.

Въ *Германской монархіи*, съ самаго, почти, начала ея образованія, не было вовсе дано хода политикѣ *безусловной нетерпимости* къ евреямъ, изъ *религіозныхъ* цѣлей. Пылкія побужденія фанатизма и спекулятивные взгляды тогдашнихъ христіанскихъ миросозерцаній Запада на людей, изъ которыхъ можно было извлекать матеріальную пользу, не были въ духѣ холодной природы расчетливыхъ тевтоновъ или нѣмцевъ, и не могли, поэтому, въ смыслѣ мотивовъ, найти себѣ мѣсто въ законодательной дѣятельности тамошнихъ властелиновъ. Тамъ, почти сразу, водворилась, по отношенію къ евреямъ, расчетливая *политика своекорыстной или сребролюбивой ихъ терпимости*, которая, съ помощью схоластической казуистики, была систематизирована и

обращена въ законодательный принципъ. Евреи существовали, въ Германіи, подъ желѣзнымъ гнетомъ этой политики цѣлый рядъ вѣковъ, спасая себя отъ нея, когда имъ представлялась къ тому возможность, переходомъ толпами въ сосѣднія земли *славянскія*, преимущественно въ *Польшу*. Напрасно было бы искать въ основаніяхъ такой терпимости какихъ либо христіанскихъ началъ. Она имѣла свой корень въ языческихъ временахъ, была, слѣдовательно, по основной идеѣ, *языческой*, а по характеру—*варварскою*. Реформація не вдохнула въ нее ничего христіанскаго, но, напротивъ, оживляла и поддерживала ее фанатизмомъ, не уступавшемъ католическому. Вслѣдствіе этого, эпоха своекорыстной политики, относительно евреевъ, стала исчезать въ Германіи лишь въ концѣ XVIII столѣтія, а въ нѣкоторыхъ ея странахъ перешагнула и въ нашъ XIX вѣкъ.

Факты, исторически подтверждающіе все это, на лицо.

Еще до образованія, въ X столѣтіи, Германской имперіи и отдѣльныхъ въ ней электоральныхъ государствъ, положеніе евреевъ и отношеніе къ нимъ общественной власти въ христіанскомъ мірѣ, какъ извѣстно, были уже въ точности опредѣлены. Взглядъ на евреевъ, какъ на людей отверженныхъ, укоренился обычаемъ и законами, свѣтскими и духовными. Земли, въ которыхъ они рождались и жили, не признавались ихъ отечествомъ. Ихъ существованіе тамъ зависѣло отъ произвола властителей. Имущество и самая жизнь ихъ не были ограждены отъ народныхъ буйствъ и неистовствъ. Они устранялись вообще отъ всякаго рода общественныхъ и государственныхъ должностей. Со времени устранения ев-

реевъ римскими императорами отъ военной службы, они, нѣсколько уже тогда вѣковъ, не допускались къ ней. Вслѣдствіе этого, постепенно укоренился обычай смотрѣть на нихъ, какъ на людей неспособныхъ, да и недостойныхъ носить оружіе. Во Франціи, какъ мы видѣли, евреи попадали въ крѣпостную зависимость ленныхъ владѣльцевъ, которые не обязывали ихъ участвовать въ ихъ военныхъ подвигахъ. Но въ Германіи, гдѣ воинственный характеръ каждаго самостоятельнаго владѣльца обнаруживался, сравнительно, въ чертахъ болѣе рѣзкихъ, отъ людей крѣпостного состоянія требовались тотъ же воинственный духъ и пригодность къ боевому дѣлу. Это имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что евреи не были признаны тамъ пригодными къ крѣпостному даже состоянію. Тевтоны стали, поэтому, смотрѣть на жившихъ среди нихъ евреевъ какъ на совершенно особый классъ людей, способныхъ только къ неуважавшимся, въ то время, *торговымъ дѣламъ* и *денежнымъ операціямъ*. Выдѣленные, такимъ образомъ, изъ общей массы населенія, они составляли въ разныхъ мѣстахъ свои отдѣльныя общины. Владѣтельные князья, имѣя въ нихъ нужду, оставляли ихъ, первое время, въ покоѣ и даже предоставляли имъ довольно обширныя права и преимущества, какъ это видно, между прочимъ, изъ Магдебургскаго права (Magdebourger-Weichbild) и Саксонскаго Зерцала. Есть историческіе слѣды, что еще въ XII столѣтіи, ихъ старшины въ Майнцѣ и Вормсѣ пользовались большимъ почетомъ и именовались духовными примасами, консулами, а употреблявшіеся владѣтельными князьями по финансовой части—каммеръ-графами. Одна грамота 1259 года начинается такимъ

образомъ: «Ego, Lublinus et frater meus Neckelo judaei, Comites Comerae illustris Ducis Austriae» («Я, Люблинъ и братъ мой Некело, іудей, камеръ-графы свѣтлѣйшаго герцога Австріи») ¹.

Но эти, встрѣчавшіяся въ нѣкоторыхъ земляхъ Германіи, благопріятныя для евреевъ явленія должны были вскорѣ исчезнуть.

Еще съ первыхъ временъ электоральнаго порядка избранія германскихъ императоровъ, стало выясняться, повсемѣстно въ Германіи, дѣйствительное положеніе евреевъ среди христіанъ. Для представителей *Священной Римской Имперіи* сдѣлалось очевиднымъ, что евреи безъ ихъ могущественной защиты, существовать не могутъ. Не только спокойное пребываніе ихъ въ странѣ, но и самая ихъ жизнь могла подвергаться ежедневнымъ опасностямъ, какъ отъ произвола свѣтскихъ и духовныхъ властей, такъ и отъ народныхъ буйствъ и неистовствъ. Съ начатіемъ крестовыхъ походовъ, такая беззащитность евреевъ стала еще болѣе ощутительною. Папы, всенародно, уполномочивали крестоносцевъ принуждать силой евреевъ къ принятію крещенія, въ случаѣ же сопротивленія, умерщвлять ихъ безъ всякаго состраданія. Изъ приведенныхъ выше данныхъ, мы видѣли, какими ревностными исполнителями этихъ изувѣрныхъ папскихъ наставленій римскихъ владыкъ и подвѣдомственнаго имъ духовенства являлись крестоносцы и народъ. Съ одной стороны, римскіе императоры, какъ покорные слуги папскаго престола, должны были слѣпо покоряться этимъ же самымъ внушеніямъ, относительно евреевъ; но, съ

¹ „Meichelbeck, histor. Frisin II. Cod. probat., p. 23. См. Ренне и Сковъ, стр. 10.

другой стороны, расчетливымъ своимъ умомъ, монархи эти тотчасъ постигли, что, путемъ защиты и покровительства евреевъ, они могутъ открыть для себя обильный источникъ денежныхъ доходовъ. Первое время, когда папская власть была еще во всей своей силѣ, германскіе императоры не дѣйствовали, въ этомъ отношеніи, съ полною рѣшимостью. Но когда, съ восшествіемъ на престолъ Гогенштауфеновъ, эти монархи стали, мало-по-малу, освобождаться отъ опеки папъ и приобрѣли значительнѣйшую самостоятельность и въ дѣлахъ, касавшихся церкви, то они пожелали введенный уже ранѣе отдѣльными курфюрстами обычай—лично оказывать защиту и покровительство обитавшимъ въ ихъ владѣніяхъ евреямъ—превратить въ *имперское право*, основать его на болѣе твердыхъ началахъ и присвоить пользованію имъ, какъ источникомъ денежнаго для себя дохода, значеніе своей *исключительной регалии*. Необходимо было, главнымъ образомъ, поставить это дѣло такъ, чтобы такого рода регалия приобрѣла правомѣрный характеръ, въ глазахъ народа, и чтобы, въ то же время, терпимость и покровительство евреевъ не имѣли вида какой либо апостазіи. Изъ Саксонскаго и Швабскаго Зерцаловъ, представляющихъ собою сборники тогдашнихъ мѣстныхъ постановленій въ Германіи, особенно же изъ коментаріевъ къ нимъ, усматривается, что схоластическая казуистика того времени пришла, въ этомъ случаѣ, на помощь императорамъ. Не трудно было подыскать основанія къ вышеупомянутой для нихъ прерогативѣ и изобразить защиту и покровительство евреевъ, не только *правомъ* германскихъ монарховъ, но даже, нѣкоторымъ образомъ, ихъ *обязанностью*, хотя

только, конечно, нравственною, безъ взаимнаго на то какаго либо права со стороны самихъ евреевъ. Схоластиками того времени было найдено въ сочиненіяхъ Иосифа Флавія повѣствованіе о томъ, что онъ, Иосифъ, исцѣлилъ сына Веспасіана, Тита, отъ тяжкой болѣзни, за что Веспасіанъ объявилъ евреевъ, уцѣлѣвшихъ во время іерусалимскаго разгрома, своими придворными слугами или рабами, а себя—ихъ защитникомъ и покровителемъ. Такъ это было и при Титѣ. Схоластическая казуистика признала правомѣрнымъ присвоить германскимъ императорамъ, какъ преемникамъ римскихъ, право на евреевъ, въ смыслѣ ихъ личныхъ слугъ или рабовъ (*Kammerknecht*). Право это примирялось съ взглядами на евреевъ римско-католической церкви тою аргументаціей, что, такими отношеніями императоровъ къ евреямъ, требовавшаяся канонами приниженность ихъ среди христіанъ ничѣмъ не видоизмѣнялась, такъ какъ они все-таки продолжали составлять отдѣльный, отъ прочаго населенія, *классъ презрѣнныхъ рабовъ*, самая жизнь которыхъ должна была зависѣть отъ личнаго произвола императора. Императоръ былъ воленъ даровать или лишать ихъ жизни, оказывать или не оказывать имъ защиту, облагать или не облагать ихъ налогами и сборами. Конечно, императоры предпочли, исключительно, первое, т. е. обложеніе ихъ налогами и ихъ превращеніе въ денежную статью, какъ наиболѣе для себя выгодное и доходное. Слѣды подобной аргументаціи имѣются въ Зерцалахъ Саксонскомъ и Швабскомъ. *Евреи* сдѣлались, такимъ образомъ, *имперскою регалією*, подобно другимъ вещественнымъ предметамъ, составлявшимъ статьи государственнаго дохода.

Такимъ образомъ, идея столь варварскаго утилитаризма, практиковавшаяся, сначала, на основаніи *обычая*, была оформлена юридически и перешла въ *имперскіе законы*. *Фридрихъ II* (1220 — 1250) первый присвоилъ евреямъ формально названіе своихъ *каммеркнехтовъ* (servi postrae camerae speciales—kammerknechte). Въ золотой буллѣ Карла IV сказано, относительно евреевъ, слѣдующее: „Всѣ евреи лично и имущественно принадлежать нашему Двору (Kammer) и состоятъ въ нашей власти и нашихъ рукахъ, дабы мы, по могуществу нашему, поступали съ ними какъ пожелаемъ“. Желаніе же германскихъ императоровъ, въ этомъ случаѣ, заключалось собственно только въ одномъ — въ извлеченіи съ оказываемой евреямъ монаршей милости, нарушавшей нѣкоторымъ образомъ строгія требованія церковныхъ каноновъ, какъ можно болѣе *денежной пользы*. Нужда, въ какой, нерѣдко, находились эти императоры, особенно начиная съ XIV столѣтія, сдѣлала ихъ, въ этомъ отношеніи, весьма изобрѣтательными. Специальные *еврейскіе налоги*, въ различныхъ видахъ и подъ разными наименованіями, не замедлили явиться. Главными изъ нихъ были, такъ называемые, *охранныя деньги* (Schutzgeld). Налогъ этотъ, отъ исправнаго платежа котораго зависѣла самая возможность для евреевъ имѣть пребываніе въ странѣ и нѣкоторую увѣренность въ безопасности ихъ жизни, вносился, обыкновенно, къ дню *Св. Мартина*. Но деньгами такими императоры должны были часто дѣлиться съ курфюрстами, почему подать эта получила названіе *половинной* (halben Judensteuer). Кромѣ этого ежегоднаго налога, евреи были

подчинены еще другому спеціальному налогу, въ исключительную пользу самихъ императоровъ. Эта была подать поголовная, именовавшаяся *коронной* (Kron-oder Kroenungssteuer), а также *жертвенной* (Opferpfennig). Право на нее возводилось тоже ко времени римскаго императора Веспасіана, когда десятина, приносившаяся евреями въ жертву своему храму въ Іерусалимѣ, была обращена въ пользу храма Юпитера Капитолійскаго, или самихъ тѣхъ императоровъ. Эти деньги вносились ежегодно къ празднику Рождества Христова и платежу ихъ были подвержены всѣ евреи обоюго пола, начиная съ 12-ти лѣтнаго возраста, подобно тому, какъ это было установлено, въ то время, въ отношеніи податей, взимающихся и съ людей крѣпостнаго состоянія. Сказанная подать съ евреевъ была опредѣлена въ размѣрѣ 1 рейхсталера, а для неимущихъ евреевъ — 1 гульдена, съ каждой головы. Въ царствованіе императора Максимилиана, именно въ 1486 году, евреями, въ уплату этой подати, были поднесены *золотыя яйца*, причемъ, императоръ иронически замѣтилъ, что курицамъ, несущимъ такія яйца, не слѣдуетъ давать улетать, но надлежитъ ихъ крѣпко держать. Императоромъ Сигизмундомъ сборы съ этой подати были, преимущественно, употреблены на войну съ гусситами. Подъ понятіе этого же самаго налога подводились многіе другіе сборы, которые евреи должны были платить въ пользу разныхъ придворныхъ чиновъ и даже слугъ. Карлъ IV ограничилъ нѣсколько эту денежную ихъ тягость, повелѣвъ, чтобы они платили, ежегодно, по *пяти фунтовъ*, только слѣдующимъ лицамъ, изъ придворнаго штата: *гофмейстеру, маршалу, каммермейстеру, старшему каммергеру, кухмистру и шенку*

(виночерпю). Независимо отъ сказанныхъ налоговъ, за *право существованія* въ странѣ, евреи платили налоги и за *право торговли* въ ней (Leibgeld). Высшее управление и завѣдываніе евреями, обложенными такими налогами и сборами, какъ это видно, между прочимъ, и изъ Швабскаго Зерцала (Capit. 26, § 3), было ввѣрено, издавна, *епископу Майнцскому*, какъ государственному канцлеру, въ возмездіе за что, ему была представлена извѣстная десятина. Кромѣ того, учреждались и особые чины для завѣдыванія отдѣльными сборами, причемъ должности ихъ замѣщались, иной разъ, евреями же, изъ числа ихъ раввиновъ, которымъ присвоивался, въ этомъ случаѣ, эпитетъ „генеральныхъ“. Такъ, на примѣръ, изъ повелѣнія Карла V о *жертвенномъ* или *коронномъ* налогѣ, видно, что, именно, такому лицу было ввѣрено попеченіе о правильномъ поступленіи этого сбора въ имперскую казну.

Присвоенною себѣ, столь обширную надъ евреями, властью, императоры, вдобавокъ, весьма часто ею донельзя злоупотребляли. Имперское право защиты евреевъ дѣлалось, нерѣдко, въ рукахъ императоровъ, предметомъ торговли и денежныхъ оборотовъ. Такъ, на примѣръ, Оттонъ I, въ 965 г., когда это право было еще обычнымъ, уступаетъ его соборной церкви въ Магдебургѣ и тѣмъ самымъ отдаетъ евреевъ, въ своей монархіи, на произволъ католическаго духовенства. Когда же право защиты евреевъ было оформлено и укрѣплено законами, то произволу императоровъ не стало границъ. По отношенію къ нѣкоторымъ городамъ, они, изъ различныхъ политическихъ и фискальныхъ комбинацій, принимаютъ обязанность ни-

когда евреевъ насильно этимъ корпораціямъ не навязывать, т. е., другими словами, даруютъ тѣмъ городамъ *исключительныя льготы и привилегіи* не терпѣтъ среди себя евреевъ и ихъ, по желанію, изгонять изъ своей черты. Такія привилегіи были даны, на примѣръ, императорами Максимилианами, I и II, городамъ *Ульму* и *Нюрнбергу*. Нѣкоторымъ городамъ императоры закладывали сказанное право, какъ свое коронное имущество, за значительныя денежныя суммы. Такъ, Карлъ IV, провозгласившій евреевъ формально своими камернехтами, получилъ, въ 1349 году, отъ городского управленія имперскаго города Франкфурта-на-Майнѣ, 15,200 фунтовъ геллеровъ, подъ закладъ своего права на евреевъ, съ предоставленіемъ городу, на случай смерти или избіенія части евреевъ, права возмѣщенія своихъ потерь изъ ихъ же имущества. Въ 1372 году, онъ продалъ тому же городу, съ правомъ обратнаго выкупа, половинную часть евреевъ, съ условіемъ, впрочемъ, чтобы они продолжали пользоваться правомъ защиты. Но этимъ не ограничивался произволъ императоровъ. Они распространили его далѣе. Въ то время, среди мѣстныхъ владѣтелей встрѣтилась крайняя потребность въ деньгахъ, по случаю дѣлавшихся ими, въ большихъ размѣрахъ, покупокъ земли и людей. Вслѣдствіе этого, многіе изъ владѣтельныхъ бургграфовъ и князей задолжали евреямъ значительныя денежныя суммы. Тогда императорамъ пришло на мысль — изъ расчета собственныхъ выгодъ — воспользоваться своею неограниченною властью надъ лицомъ и имуществомъ евреевъ и произвольно освободить сказанныхъ владѣльцевъ отъ долговъ, черезъ признаніе ихъ денежныхъ обязательствъ

ничтожными. Такъ поступилъ еще Генрихъ VII, въ началѣ XIV столѣтія. Его примѣру послѣдовалъ Людви́къ V, сперва, въ 1343 году, по отношенію къ вѣрному своему бургграфу *Іоанну Нюрнбергскому*, а позднѣе—относительно *графа Вюртембергскаго* и *маркграфа Баденскаго*. Въ повелѣніи, которымъ эти феодальные владѣльцы были освобождены отъ платежа евреямъ своихъ долговъ, было объяснено, между прочимъ, что „такъ какъ жизнь и имущество евреевъ принадлежатъ имперіи, то императоръ властенъ поступать съ ними по своей волѣ: онъ можетъ торговать ими, удручать ихъ налогами, предавать ихъ сожженію или умерщвлять другими способами, оставляя ихъ въ живыхъ въ самомъ ничтожномъ числѣ, дабы оставалась только память объ ихъ имени, и что они должны быть довольными тѣмъ, что онъ, императоръ, нѣсколько облегчаетъ ихъ, такимъ образомъ, отъ тягостей земныхъ благъ“¹. Нужно-ли говорить, сколько эти слова и самый образъ дѣйствія католическихъ государей содержать въ себѣ глумленія надъ человѣчествомъ и священными его правами! Мы увидимъ ниже, такъ-ли поступали, на *Руси*, наши православные государи.

Между тѣмъ, представители имперской власти, начавши, однажды, упражняться въ примѣненіи къ евреямъ столь произвольной и своекорыстной политики, не оста-

¹ „Da die Juden“, so schloss der Kaiser „mit Leib und Gut dem Reich zu eigen verfallen seien, so koenne er damit thun, handeln und schaffen, wie er moege. sie *verbrennen* oder sonst toedten, bis auf eine geringe Zahl, damit nur ihres Namens Gedächtniss erhalten werde, und sie müssten froh sein, venn er ihnen blos die Last der irdischen Güter etwas erleichterte“. Roenne und Simou, стр. 12 и 13. Spittler's Geschichte von Württemberg, стр. 17.

навливались уже на этомъ пути. Они продолжали цѣлые вѣка дѣйствовать въ этомъ духѣ и направленіи. Сказанная политика была возведена въ систему финансовыхъ спекуляцій и доведена до крайности императоромъ *Венцеславомъ Люксембургскимъ* (1378—1406). Онъ освободилъ отъ еврейскихъ долговъ всѣхъ владѣтельныхъ князей, графовъ, рыцарей и всѣхъ, вообще, подданныхъ имперіи въ Франконіи и Швабіи, подъ условіемъ, чтобы часть денежныхъ претензій поступила въ личную пользу самого императора. Такимъ образомъ, онъ воспользовался, съ города Нюрнберга, 4,000 золотыхъ гульденовъ, съ графовъ Вюртембергскихъ — 5,000, съ эттингенскихъ владѣтелей—15,000 и такую же сумму съ баварскихъ герцоговъ. Нѣкоторые историческія данныя даютъ поводъ предполагать, что суммы эти представляли одни только проценты на капиталы, которые лежали въ долгу на владѣльцахъ имѣній. Этимъ объясняются, главнымъ образомъ, безпрестанныя, тогда, въ германскихъ земляхъ подстрекательства къ народнымъ возмущеніямъ противъ евреевъ и частые случаи ихъ сожженія тамъ. Жизнь ихъ не имѣла, слѣдовательно, прочныхъ гарантій даже въ охранныхъ грамотахъ, оплачивавшихся ими столь дорогою цѣной. Истребленіе евреевъ огнемъ сопровождалось нерѣдко возмутительнымъ безчеловѣчіемъ. Такъ, на примѣръ, въ *Баденѣ*, на одномъ изъ острововъ Рейна, былъ выстроенъ, для этой цѣли, деревянный домъ, куда евреи были загнаны и сожжены. То же самое произошло въ *Фрейбургѣ*. Въ *Майнцѣ*, евреи сдѣлали попытку къ своей защитѣ, но это имѣло послѣдствіемъ только то, что ихъ 12,000 погибло отъ огня; изъ этого числа, многіе, съ отчаянія,

сами себя предали пламени. Случаи самосоженія евреевъ, видѣвшихъ всю безнадежность своего положенія, встрѣчались и въ другихъ мѣстахъ. Въ *Шпейеръ*, *Оппенгеймъ* и *Франкфуртъ*, евреи запирались съ семействами и имуществомъ въ своихъ домахъ и зажигали ихъ. Въ *Эрфуртъ* обитало 3,000 евреевъ. Когда ихъ единовѣрцы, въ *Эйзенахъ* и другихъ тюрингскихъ городахъ, были избиты, то, не видя другого для себя исхода, эрфуртскіе евреи сожгли себя въ собственныхъ жилищахъ. То же самое послѣдовало и въ *Брабантъ*, гдѣ евреи оказали особую, при этомъ, рѣшимость покончить съ своею горькою земною участію. „Съ отрадой на лицахъ, — повѣствуется въ хроникѣ, — шли они къ кострамъ своимъ, на которые, сперва, бросали дѣтей, потомъ — женъ, и наконецъ сами ввергались въ пламя“. Католическій хроникеръ, передавая этотъ грустный фактъ, прибавляетъ отъ себя, что „ихъ смерть имѣла, впрочемъ, иную причину: алчность къ своему богатству“ (!). Такъ цинически относились къ жертвамъ возмутительнѣйшаго безчеловѣчія въ *католическомъ мірѣ*, гдѣ, базалось, изсякли всѣ христіанскія чувства, и сердца были навсегда закрыты, для всякаго состраданія.

Послѣ императора Венцеслава, германскіе монархи, какъ бы утомленные подобными явленіями, стали дѣлать попытки къ нѣкоторому улучшенію положенія евреевъ, не измѣняя, впрочемъ, ихъ значенія императорскихъ камеркнехтовъ. Карль V, напримѣръ, даровалъ евреямъ, въ теченіи своего царствованія, двѣ привилегіи, клонившіяся къ обезпеченію ихъ гражданскихъ правъ. Изъ нихъ въ послѣдней, 24 мая 1541 года, въ видахъ огражденія спокойнаго пребыванія евреевъ въ герман-

скихъ земляхъ, было повелѣно, между прочимъ, не допускать ихъ изгнаніе изъ городовъ, мѣстечекъ и деревень, гдѣ они приобрѣли осѣдлость, а также позволять имъ, во всей Священной имперіи, безпрепятственное передвиженіе, для торговли и промысловъ. Имперскій судъ усвоилъ себѣ правило, что евреи не могутъ быть изгоняемы изъ страны, въ которой ихъ существованіе было, однажды, допущено. Но этимъ общее положеніе евреевъ мало чѣмъ было улучшено. *Цеховое* устройство, въ городахъ, устраняло евреевъ отъ ремесленныхъ занятій. Они должны были продолжать мелкое торгашество и денежные операціи, ограничивавшіяся тоже, преимущественно, однѣми *денежными ссудами*. Къ тому же, автономія отдѣльныхъ владѣтельныхъ князей стала приобретать большее значеніе, въ ущербъ имперской власти. Владѣтельные князья, уже издавна присвоивавшіе себѣ фактически право защиты своихъ евреевъ, достигли формальной уступки себѣ императорами этого права. Отъ нихъ оно переходило въ частнымъ владѣльцамъ и городскимъ корпораціямъ. Австрійскіе герцоги, а затѣмъ и эрцгерцоги, не преминули широко воспользоваться этимъ правомъ. Изъ дневника (Tagebuch) герцога Фридриха IV видно, что евреи платили въ Австріи охранныя деньги и что съ нихъ было взыскано, на издержки по бракосочетанію эрцгерцогини Екатерины, 6,000 фунтовъ пфенниговъ. Герцогъ Альбрехтъ, неоднократно, признавалъ денежные претензіи евреевъ ничтожными. Въ XV и XVI столѣтіяхъ евреи часто изгонялись изъ австрійскихъ владѣній, съ разрѣшенія императоровъ, которые брали съ герцоговъ за это деньги, а сами герцоги продавали, въ свою пользу, имѣнія евреевъ, какъ свою

собственность (Kammergut). Затѣмъ, евреи, подобно тому, какъ во Франціи, вновь возвращались, подъ условіемъ платежа тяжкихъ налоговъ. То же самое происходило и въ другихъ отдѣльныхъ государствахъ Германіи.

Распространившійся, въ сѣверныхъ ея частяхъ, *протестантизмъ* относился къ господству своей вѣры столь же фанатично, какъ и католицизмъ. Вслѣдствіе этого, принятый въ Германіи порядокъ, въ отношеніи евреевъ, не измѣнился, и тамъ, въ своемъ характерѣ. Въ общихъ чертахъ, всѣ касавшіяся евреевъ законодательныя положенія, какъ въ католическихъ, такъ и въ протестантскихъ земляхъ, заключались въ томъ, что мѣста рожденія евреевъ не должны были признаваться ихъ отечествомъ, что ихъ не слѣдуетъ считать гражданами страны, въ которой они отбываютъ денежныя свои повинности, что они должны устраняться отъ военной службы и общественныхъ должностей, отъ занятій ремеслами, земледѣліемъ и хлѣбопашествомъ, и не допускаться, вообще, къ владѣнію землею. Дѣятельность торговая, хотя и была имъ разрѣшаема, но съ весьма стѣснительными ограниченіями. Евреямъ была предоставлена, преимущественно, одна *коробочная* или *разнощичья* торговля (Hausir-Handel), заключавшаяся въ покупкѣ и продажѣ мелочныхъ товаровъ, сбывавшихся ими въ мѣстахъ ихъ пребыванія или развозившихся ими по Германіи. Это приучило евреевъ къ странствованію, придававшему имъ видъ какъ бы неосѣдлыхъ людей. Эти странствованія внутри имперіи поощрялись самими императорами. Такъ, на примѣръ, еще императоромъ Генрихомъ IV (1056—1106), въ видахъ предоставленія евреямъ большей свободы въ этомъ отношеніи, было

воспрещено съ странствующихъ еврейскихъ разнощиковъ взимать особую подать (Hausirzoll). Но вслѣдствіе раздѣленія Германіи на множество отдѣльныхъ владѣній, вошло въ обычай взиманіе съ евреевъ *таможенныхъ* или *пограничныхъ денегъ* (Mauth-zoll, Grenzenabgaben), которыя составляли весьма доходную статью.

При этомъ получила удручающее, для евреевъ, развитіе, такъ называвшаяся, *поголовная* съ нихъ подать (Leibzoll), которая уподоблялась поштучному сбору со скота. Въ Эттингенской, на примѣръ, привилегіи 1398 г. сказано: «за лошадь, везущую полотно, 2 шиллинга, еврей, за свою голову, 6, за каждую штуку рогатаго скота—3 геллера». Въ другомъ постановленіи 1758 года, подъ рубрикою: «торговые промыслы» (Feilshafte), еврей помѣщенъ вмѣстѣ съ курами и телятами. Поголовная подать была собственно *товарною* или *торговою*, но съ понятіемъ о евреѣ было неразлучно, въ то время, понятіе о торговомъ лицѣ. Такимъ образомъ, каждый еврей, въ этомъ качествѣ, предполагался непременно подлежащимъ платежу торговой пошлины, хотя бы, на самомъ дѣлѣ, онъ являлся въ страну безъ всякихъ торговыхъ цѣлей. Подъ конецъ, стали смотрѣть, на него просто какъ на *товарную статью обложенія*, которая, въ дѣйствительности, представляла весьма выгодный для страны источникъ дохода. Къ этой подати присоединилась, а потомъ и слилась съ нею, *конвойная подать* (Geleitzzoll), взимаемая съ евреевъ за ихъ охрану на пути. Платежу поголовной подати, изъ корыстной цѣли обогащенія, были подвергаемы даже мертвыя тѣла евреевъ. Такъ, въ одномъ эдиктѣ сказано: „еврейскія мертвыя тѣла должны быть оплачиваемы поголовною

податью *post-mortem*, также, какъ и при переѣздахъ живыхъ людей“¹.

Кромѣ сказанныхъ податей, въ различныхъ германскихъ странахъ, не исключая протестантскихъ, до самаго позднѣйшаго времени, существовали разные другіе исключительные сборы съ евреевъ, за право жительства въ странѣ и законной защиты въ ней. Такъ, напримѣръ, въ Пруссіи, евреи подвергались слѣдующимъ исключительнымъ налогамъ: 1) *охранной подати* (*Schutzgeld*); въ 1700 году общій сборъ съ этой подати былъ определенъ закономъ въ 3,000 дукатовъ, въ 1728 году—въ 15,000 рейхсталеровъ, а въ 1768 году—въ 25,000; 2) *монетной подати*: на основаніи законовъ о ней, еврейскія общества были обязаны, ежегодно, вносить въ монетный дворъ въ Берлинѣ 12,000 серебряныхъ марокъ; 3) *денежной рекрутской подати*, общая сумма которой ежегодно простиралась до 4,800 рейхсталеровъ; 4) *подати* въ пользу *погребальной кассы* (*Leihhaus*)—300 рейхсталеровъ въ годъ; 5) *календарной подати* (*Kalendergelder*), взимаемой въ пользу академіи наукъ, по 400 рейхсталеровъ въ годъ. Кромѣ того, евреи подвергались множеству другихъ сборовъ, на разныя общественныя и государственныя потребности. Въ Силезіи, реформатскимъ правительствомъ были оставлены въ силѣ слѣдующіе, введенные католицизмомъ, исключительные съ евреевъ налоги: 1) *подать* за право пользованія *терпимостью въ странѣ* (*Toleranzsteuer*), т. е., другими словами, за право существованія въ ней;

¹ „Die todten Jndenkörper müssen den Leibzoll *post-mortem*, eben so wie bei dem Durchmarsche, zahlen“.

2) *акцизная подать* (Personalaccise), которую евреи платили поголовно, въ качествѣ купцовъ; 3) *подать* за право употребленія еврейской пищи (Nahrungssteuer), взимавшаяся съ кошернаго мяса, и т. п.

Не столько тягость и обременительность этихъ исключительныхъ налоговъ обращаютъ на себя вниманіе, сколько тотъ укоренившійся во всѣхъ отдѣльныхъ германскихъ владѣніяхъ законодательный принципъ, что доходы съ евреевъ составляютъ *королевскую регалию*, что сами евреи суть *королевскіе рабы* или *каммеркнехты*, которые могутъ существовать въ государствѣ лишь подъ условіемъ неограниченной надъ ихъ лицомъ и имуществомъ власти верховнаго обладателя страны. Не имѣя другого исхода, евреи подчинялись этому положенію вещей и, нерѣдко, располагали даже въ свою пользу владѣтелей, дорожившихъ ими, какъ доходною для себя статей. Въ Бранденбургскихъ, напримѣръ, провинціяхъ, образовавшихъ, въ послѣдствіи, Пруссію, встрѣчаются, въ XIV столѣтіи, грамоты, въ которыхъ маркграфы, говоря о евреяхъ, именуютъ ихъ не иначе, какъ „наши любезные каммеркнехты“; иной разъ имъ присвоивается названіе „мудрыхъ и скромныхъ людей“ (Weise und bescheidene Leute). Но это не препятствовало владѣтельнымъ лицамъ допускать крайнія злоупотребленія своей властью надъ ними, по примѣру германскихъ императоровъ. Встрѣчались безпрестанные случаи, что маркграфы и курфюрсты *продавали, закладывали* или *дарили* своихъ каммеркнехтовъ еврейскаго закона. Такъ, напримѣръ, еще въ XIII столѣтіи, герцогъ Рудольфъ Саксонскій, а въ 1322 году—маркграфиня Агнеса, закладывали городамъ *Бер-*

мину и *Кельну* свое право пользованія доходами за защиту евреевъ. Въ XIV столѣтіи, маркграфъ *Людвигъ* дѣлалъ такіе же заклады городамъ *Мюлебергу* и *Берлину*. Герцогами *Помераніи* были предоставлены доходы съ евреевъ въ даръ городу *Пренцлау*, и т. д. Такимъ образомъ, мысль, что евреи не могутъ быть признаваемы природными жителями страны, сколько времени они не существовали бы въ ней, и что они свое право на это существованіе должны оплачивать деньгами, была присуща всѣмъ, вообще, германскимъ законодательствамъ. Правительственною властью отрицалось въ евреяхъ *всякое человеческое достоинство*. Еврей, который не былъ бы снабженъ патентомъ на платежъ охранныхъ денегъ, лишался охраны законовъ и, какъ стоящій *вне ихъ*, могъ подлежать всякаго рода насиліямъ и травлѣ на подобіе дикаго звѣря.

Казалось, что *реформація*, свергнувшая абсолютизмъ католической церкви, должна была бы благотворно повліять и на отношенія государства къ евреямъ. Между тѣмъ, изъ историческихъ данныхъ, видно, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ, по распространеніи въ сѣверной Германіи протестантизма, въ положеніи евреевъ не послѣдовало, и тамъ, никакихъ улучшеній. Хотя, начиная съ XVIII столѣтія, и стали проявляться въ политической сферѣ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ земель болѣе правильныя понятія о *началахъ въротерпимости*, какъ это видно, между прочимъ, изъ рескрипта прусскаго короля *Фридриха I*, воспослѣдовавшаго при принятіи имъ королевскаго титула, а также изъ изданнаго при его премни-вѣ, *Фридрихъ-Вильгельмъ*, Общаго Земскаго Уложенія

(Allgemeines Landrecht)¹; тѣмъ не менѣе, относительно евреевъ удерживался еще въ законахъ Германіи древній, почерпнутый изъ римскихъ и каноническихъ источниковъ, взглядъ, что евреи, какъ отверженный классъ людей, не должны пользоваться правами наравнѣ съ христіанами, что самая жизнь евреевъ зависитъ отъ одной монаршей милости и что монархи вольны, поэтому, брать съ нихъ надлежащее, за такую милость, возмездіе.

Достойно замѣчанія, что, вслѣдствіе этихъ и другихъ подобныхъ исключительныхъ взглядовъ, во всей Западной Европѣ не было до конца XVIII столѣтія ни единой страны, гдѣ евреи были бы признаны состоящими въ ея подданствѣ гражданами, изъ чего слѣдуетъ, что они не пользовались тамъ этимъ значеніемъ и въ тотъ моментъ, когда, въ 1772 году, Екатерина Великая признала ихъ таковыми въ Россіи, въ числѣ прочихъ жителей Бѣлоруссіи. Россія опередила, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи, всю остальную Европу.

Въ Германіи, еще десять лѣтъ послѣ того, евреи продолжали находиться, повсемѣстно, въ *безправномъ* состояніи каммеркнехтовъ, откупая дорогою цѣною свое право существованія въ странѣ и защиты со стороны закона

¹ Въ рескриптѣ короля Фридриха I, по поводу вѣротерпимости, сказано, довольно неграмотнымъ, впрочемъ, языкомъ, слѣдующее: „Die Religionen müssen alle tolerirt werden und mus der Fiscal nuhr das Auge darauf haben, dass keine der andern Abrug Thou, den hier mus ein jeder nach Seiner fasson selich werden“, а въ Общемъ Земскомъ Уложеніи объяснено: „Jedem Einwohner im Staate mus eine vollkommene Glaubens und Gewissenfreiheit gestattet werden, Niemand ist shuldig, über seine Privatmeinungen in Religionssachen Vorshriften vom Staate anzunehmen, Niemand darf wegen seiner Religionsmeinungen beunruhigt, zur Rechenschaft gezogen, vespotet oder gar verfolgt sein“.

и власти. Исключеніе представляло одно маленькое герцогство *Опольцбахское* (Анспахъ), гдѣ, въ силу герцогскаго распоряженія, евреи, еще въ 1737 году, были освобождены отъ платежа охранныхъ денегъ и выведены тѣмъ, по крайней мѣрѣ, изъ описаннаго рабскаго своего положенія.

Но начиная, однако, съ послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка, налоги этого рода стали быстро и всюду въ Германіи отмѣняться. Такъ, въ *Австріи*, *Венгріи* и *Богеміи*, они были послѣдовательно отмѣнены, при Іосифѣ II, въ 1781, 1782 и 1783 годахъ; въ *Пруссіи*, при Фридрихъ-Вильгельмѣ II—въ 1787 г.; въ *архіепископствѣ Вормскомъ*—въ 1791 году; въ герцогствѣ *Нассаускомъ*—въ 1801 г.; въ *Брауншвейгъ-Люнебургѣ* и *Кургессенѣ*—въ 1803 году; въ *Курбаденѣ* и *Мекленбургъ-Штрелицѣ*—въ 1804 году; въ *Франкфуртѣ* и *Гессенъ-Дармштатѣ*—въ 1805 году. Затѣмъ, подобныя же отмѣны, послѣдовали въ *Баваріи* и герцогствахъ *Ангальтъ-Дессаускомъ*, *Видъ-Рункельскомъ*, *Нейвидскомъ*, *Вальдекскомъ* и *Гогенлогскомъ*. Наконецъ, въ *Саксоніи*, охранныя деньги, присвоивавшія евреямъ повсюду значеніе людей, живущихъ въ странѣ изъ одной лишь королевской милости, отмѣнены только въ 1813 году, и то благодаря распоряженію, сдѣланному, по этому предмету, русскимъ, въ то время, тамъ регентствомъ.

Изъ этого видно, что господствовавшая въ Германіи, съ XI столѣтія, *политика своекорыстной или сребролюбивой терпимости евреевъ*, открывавшая возможность во всякаго рода насиліямъ надъ ихъ лицомъ и имуществомъ, перешагнула даже въ нашъ XIX вѣкъ. Такимъ образомъ, евреи въ нѣмецкихъ земляхъ, среди

жесткихъ и расчетливыхъ, по своей природѣ, тевтонскихъ племенъ, были, въ теченіи полныхъ *восьми столтій*, предметомъ возмутительнаго произвола императоровъ, владѣтельныхъ герцоговъ, городскихъ корпорацій и даже частныхъ владѣльцевъ. Ограничивъ кругъ ихъ общественной дѣятельности, исключительно почти, однимъ *ростовищичествомъ* и сдѣлавъ ихъ, черезъ это, еще болѣе ненавистными для народа, монархи и владѣтельныя лица обогрjali земли своихъ странъ ихъ кровью, а сами пресыщались ихъ серебромъ и золотомъ, систематически поощряя развитіе среди нихъ алчности къ деньгамъ и ихъ наживѣ всякими путями. Постоянная, изъ поколѣнія въ поколѣніе, упражненія евреевъ, въ теченіи вѣковъ, въ мелкомъ торгашествѣ, денежныхъ ссудахъ и разныхъ видахъ посреднической дѣятельности, пониженное до крайности ихъ положеніе среди христіанскихъ населеній и ежедневныя опасенія, въ какихъ они находились, не только за цѣлость своего имущества, но и за самую свою жизнь,—все это должно было, естественно, выработать тотъ *еврейскій типъ*, съ какимъ евреи изъ Германіи появились, сперва, на земляхъ *польскихъ*, а затѣмъ и *русскихъ*, гдѣ съ ихъ массою смѣшались и тѣ немногіе евреи, которые издревле обитали уже на Руси и въ Литвѣ. Отличительныя черты этого типа заключались въ *внѣшнемъ видѣ* евреевъ и въ усвоенныхъ ими, во время угнетеній и гоненій—*нравахъ, обычаяхъ, рода дѣятельности* и особомъ, непріятно дѣйствующемъ на слухъ, *нѣмецко-еврейскомъ жаргонѣ*. Древніе евреи, имѣвшіе нѣкогда свое отечество, свое отдѣльное государственное устройство и законы, свои религіозныя и свѣтскія учрежденія, не погибшія и во

время вавилонскаго плѣненія, — евреи, отличавшіеся нѣкогда геройскими подвигами при защитѣ своего отечества, давшіе, впервые, человечеству понятіе о единомъ Богѣ, скривали десяти неизмѣнныхъ заповѣдей, пророковъ и т. д., — не могли бы узнать своихъ выродившихся потомковъ, подъ гнетомъ той части христіанскихъ народовъ, которая не исповѣдывала православія, и крайне была ослѣплена, цѣлые вѣка, фанатизмомъ и грубыми предрасудками. Между тѣмъ, типъ выродившихся евреевъ наглядно подтверждалъ, въ новѣйшее время, укорененныя римско-латинскомъ духовенствомъ понятія о нихъ, какъ о людяхъ презрѣнныхъ, не одаренныхъ отъ природы благородными свойствами души, трусливыхъ, слабосильныхъ, ненавидящихъ производительный трудъ, сопряженный съ примѣненіемъ физическихъ силъ, непомѣрно алчныхъ въ стяжанію серебра и золота и крайне одностороннихъ и вредныхъ въ общественной ихъ дѣятельности. Фактъ гражданской негодности евреевъ былъ какъ бы на лицо. Это содѣйствовало, конечно, къ утвержденію искони усвоенныхъ, относительно евреевъ, предубѣжденій и предрасудковъ, которые съ трудомъ искореняются, и въ настоящее даже время. Отвѣтственность за это передъ человечествомъ и судомъ исторіи останется навсегда на христіанскихъ народахъ Западной Европы. На Германію выпадаетъ значительнѣйшая доля этой отвѣтственности, такъ какъ, въ нѣмецкихъ земляхъ, были присканы основанія къ возведенію *произвола* надъ евреями на степень *закондательнаго принципа* и какъ бы несомнѣннаго, для монарховъ, на то права.

Явное противорѣчіе, однако, нагляднаго типа евре-

евъ съ природною ихъ смышленностью стало, въ Германіи, обращать на себя вниманіе, съ конца XVIII столѣтія, и наводитъ многіе умы на мысль, что причина неблагопріятныхъ явленій среди евреевъ скрывается, въ дѣйствительности, не *въ нихъ самихъ*, но въ *внѣшнихъ обстоятельствахъ*, отъ нихъ независящихъ. Многіе политическіе дѣятели начали высказывать, открыто, свое мнѣніе объ этомъ и посвящать этому предмету печатныя даже труды. Такъ, напримѣръ, въ Пруссіи, въ концѣ XVIII столѣтія, была весьма извѣстна, въ этомъ отношеніи, личность К. Г. Дома (Dohm), занимавшаго видный постъ въ министерствахъ: военномъ и иностранныхъ дѣлъ. Онъ издалъ сочиненіе, подъ заглавіемъ „О гражданскомъ улучшеніи евреевъ“ (Ueber die bürgerliche Verbesserung der Juden. Berlin und Stettin. 1781), въ которомъ горячо отстаивалъ общечеловѣческія права евреевъ, какъ людей, подобныхъ всѣмъ людямъ.

При всемъ томъ, нельзя сказать, чтобы воспослѣдовавшія въ Германіи упомянутыя выше отѣны законовъ, относительно взимавшихся съ евреевъ, какъ королевскихъ камеркнехтовъ, охранныхъ налоговъ и податей, были послѣдствіемъ проявившихся человѣческихъ въ нимъ чувствъ и вполнѣ сознанныхъ христіанскихъ началъ. Евреи обязаны тамъ своимъ освобожденіемъ отъ тяжелыхъ оковъ королевской власти, не столько этимъ внушеніямъ, сколько силѣ и давленію измѣнившихся политическихъ обстоятельствъ. Постепенное развитіе международныхъ отношеній и понятій о самостоятельномъ значеніи отдѣльныхъ государствъ, пролагавшихъ путь къ ихъ политическому равновѣсію, само собою, стало устанавливать преграды крайне-

му произволу надъ евреями. Мы видѣли, какъ безцеремонно, въ прежнія времена, французскіе короли и монархи Священной Римской Имперіи, изъ фанатизма или корыстолюбивыхъ цѣлей, изгоняли евреевъ изъ своихъ странъ въ другія, не принимая въ расчетъ своихъ политическихъ отношеній къ нимъ. Въ концѣ XVIII столѣтія, была признана полная невозможность подобнаго образа дѣйствія. Вслѣдствіе этого, долженъ былъ прекратиться, естественно, и дальнѣйшій произволъ, въ этомъ отношеніи, стѣснявшійся, въ тоже время, въ нѣкоторыхъ странахъ, и самою численностью евреевъ, какъ, напримѣръ, въ Австріи, Венгріи и Пруссіи. Разъ же фактъ невозможности произвольныхъ изгнаній евреевъ сдѣлался очевиднымъ, стародавнее германское учрежденіе еврейскихъ каммеркнехтовъ и охранныхъ съ нихъ денегъ, за право существованія въ странѣ, должно было, очевидно, утратить всякое значеніе. Съ отмѣною подобныхъ налоговъ и водвореніемъ въ политической сферѣ болѣе правильныхъ понятій о свободѣ совѣсти, исчезаетъ и эпоха вышеупомянутой политики *свокорыстной и произвольной терпимости* живущихъ въ странѣ евреевъ. Наступаетъ періодъ совершенно иного рода—религіозно-политической терпимости къ людямъ, не принадлежащимъ, вообще, къ господствующему въ странѣ исповѣданію,—*терпимости, обезпеченной положительнымъ выраженіемъ закона*. Устанавливаются болѣе опредѣлительныя отношенія государствъ къ существующимъ въ нихъ христіанскимъ церквамъ и другимъ вѣроисповѣданіямъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ, главнѣйшія христіанскія церкви *уравняются* въ правѣ защиты и покровительства законовъ; другія вѣроисповѣданія, въ видѣ

отдѣльныхъ религіозныхъ обществъ, признаются лишь *терпимыми* въ странѣ, подъ условіемъ выполненія ихъ членами, какъ добрыми гражданами, всѣхъ своихъ обязанностей, по отношенію къ государству. Въ предѣлахъ этого единственнаго требованія, терпимость людей, не принадлежащихъ къ исповѣданіямъ, за которыми признано главенство, пріобрѣтаетъ значеніе не *временной*, но *постоянной*. Согласно этимъ общимъ понятіямъ и основаніямъ, въ Пруссіи, на примѣръ, въ силу эдикта короля Фридриха Вильгельма 9 іюля 1788 года, главенство, въ государствѣ, признано, изъ христіанскихъ церквей, за *реформатскою, лютеранскою и римско-католическою*; въ числу же *открыто терпимыхъ* (öffentlich geduldeten), подъ условіемъ выполненія лицами, ихъ исповѣдующими, обязанностей добрыхъ гражданъ (so lange ein jeder ruhig als ein guter Bürger des Staates seine Pflichten eifüllet), были отнесены религіозныя общества: *евреевъ, гернгутеровъ, менонитовъ и братьевъ богемскихъ*. Подобное же установилось и въ прочихъ католическихъ и протестантскихъ странахъ. Изъ этого видно, что въ кратковременный періодъ такой терпимости не было дано въ ней вовсе мѣста нашей, на примѣръ, Греко-Восточной Кафолической церкви, вслѣдствіе чего она и не пользовалась въ Пруссіи, значеніемъ и правами даже терпимыхъ исповѣданій, и была, довольно продолжительное время, лишена тамъ, если не свободнаго отправленія обрядовъ вѣры, то права безпрепятственнаго сооруженія своихъ храмовъ, признаваясь опасною для религіозныхъ интересовъ покровительствуемыхъ тамъ христіанскихъ церквей. Но въ концѣ первой и началѣ второй половины нашего XIX вѣка, проявляется, въ ев-

ропейскихъ государствахъ, общее стремленіе къ безусловному *отдѣленію свѣтской власти отъ духовной*. Жизненные событія *рожденія, бракосочетанія и смерти* отдѣляются, въ понятіи, отъ *религіозныхъ обрядовъ крещенія* (или обрѣзанія), *вѣнчанія* и *погребенія*. Акты метрической записи о сказанныхъ событіяхъ изъемятся изъ рукъ духовенства и передаются въ руки гражданскихъ властей. Католическія и реформатскія страны впадаютъ изъ одной крайности въ другую: въ нихъ обнаруживается склонность къ отказу вовсе отъ принципа господствующаго исповѣданія. Понятія о невмѣшательствѣ государственной власти въ дѣла совѣсти и вѣры получаютъ широкое развитіе и начинаютъ приобрѣтать значеніе *конституціонныхъ принциповъ*. Всѣ, вообще, исповѣданія и принадлежація къ нимъ лица *уравниваются* въ религіозныхъ, гражданскихъ и политическихъ правахъ. Въ силу этого, *евреи* получаютъ тамъ гражданскую и политическую полноправность. Въ религіозно-политической сферѣ европейскихъ государствъ наступаетъ *новая эпоха—эпоха идеи о полной свободѣ совѣсти, въ дѣлѣ религіи*, или, такъ называемой, *религіозной свободѣ*, которая сдѣлалась предметомъ отдѣльныхъ изслѣдованій новѣйшихъ мыслителей и которой, между прочимъ, Эдуардъ Лабулэ посвятилъ столько прекрасныхъ критическихъ своихъ статей. Слово: „Евреи“, въ смыслѣ наименованія, указывающаго на потребность въ исключительныхъ мѣрахъ, вычеркивается изъ гражданскихъ и политическихъ кодексовъ. Всѣ эти формальныя измѣненія въ законахъ, несомнѣнно, совпадаютъ съ требованіями христіанскаго чувства уваженія къ личности каждаго, какой бы *вѣры* или *расы* онъ ни былъ. Но въ какой

мѣръ такіа *формальныя* признанія этой основной идеи христіанства могутъ, сами по себѣ, содѣйствовать ея развитію и укорененію въ странахъ, гдѣ, въ области религій, господствуетъ *индивидуализмъ*, или *коллективный* — въ образѣ отпавшей *римско-латинской* церкви, съ ея непогрѣшимыми *папами* во главѣ, или *личный* — въ образѣ христіанъ, отвергнувшихъ священныя преданія вселенской церкви, которыхъ нашъ современный политикъ и экономистъ, *Ѡ. Г. Тернеръ*, такъ справедливо, называетъ „почитателями буквы Писанія“¹ — это другой вопросъ, который разрѣшитъ исторія будущихъ временъ. Въ настоящее время, несомнѣнно только то, что вполнѣ свѣжія еще воспоминанія о жестокостяхъ и безчеловѣчійхъ, каковымъ евреи подвергались въ *католическихъ* и *протестантскихъ* странахъ, вслѣдствіе усвоивавшихся тамъ законами принциповъ и взглядовъ на отношенія государства къ лицамъ этого исповѣданія, налагаютъ темное, неизгладимое, пятно на весь Западъ и не вселяютъ увѣренности, чтобы конституціонныя измѣненія сказанныхъ принциповъ имѣли достаточно прочное обезпеченіе въ религіозныхъ воззрѣніяхъ тѣхъ странъ. Появившаяся, въ недавнее время, во Франціи, и имѣвшая, въ теченіи непродолжительнаго срока, 84 изданія, книга аббата *Эдуарда Дрюмона* (*Edouard Drumont*— «*La France Juive*». Paris), напоминающая, по своему крайнему фанатизму, невѣжественныя времена крестовыхъ походовъ, какъ равно проявленія *германскаго антисемитизма*, однимъ изъ ярыхъ представителей котораго является устранимый, ны-

¹) Нынѣ товарищъ министра финансовъ.—См. его историко-философскую монографію: „Церковь“.

нѣ, отъ должности придворнаго проповѣдника—лютеранскій пастырѣ *Штеккеръ* — и который, въ сущности, есть не иное что, какъ возвращеніе къ нехристіанскимъ началамъ неуваженія человѣческой личности,—служать указаніемъ, что въ Западной Европѣ тлѣетъ еще огонь средневѣбовыхъ страстей, способный охватывать легковѣрныя или жествія натуры, и что христіанскія истины, въ лонѣ тамошнихъ церквей и религіозныхъ конгрегацій, едва-ли имѣютъ вѣрный и надежный оплотъ.

VIII.

Перейдемъ теперь къ нашей *Руси*, и посмотримъ, такіе-ли плоды принесло *девятнадцатое* единеніе ея съ своею „помѣстною“, православною, церквю и имѣли усвоенный принципъ ея господства одинаковыя, для *евреевъ*, послѣдствія съ прочими христіанскими странами.

Объемистое сочиненіе кн. Н. Н. Голицына: „Исторія Русскаго законодательства о евреяхъ“ и появляющіяся, съ нѣкотораго времени, въ печати, въ томъ же духѣ и направленіи, отдѣльныя брошюры и мнѣнія—явно свидѣтельствуетъ, что лица, отстаивающія черту осѣдлости евреевъ и всѣ прочія ограниченія въ ихъ правахъ стремятся, всячески, доказать, что *Русь*, съ принятіемъ христіанства, обнаруживала ту же безусловную нетерпимость къ евреямъ, какъ Византія и западныя христіанскія страны, и, такимъ образомъ, мотивировать нынѣшній у насъ порядокъ вещей, относительно лицъ іудейскаго закона, *искони* установившимися *религіозно-политическими отношеніями* къ нимъ. „Суровый взглядъ на евреевъ,—говоритъ кн. Голицынъ,—былъ завѣщанъ, еще предшествовавшими вѣками, древней Россіей, тою

эпохой, когда въ Западной Европѣ пылали еще костры религиозной нетерпимости“ (стр. 5). Связывая, такимъ образомъ, съ проявленіями религиозно-политической нетерпимости Запада къ евреямъ наши *древне-національ-ныя* отношенія къ нимъ и придавая имъ одинъ *общій характеръ*, авторъ, какъ это видно изъ дальнѣйшихъ его объясненій, проводитъ мысль, что наши государи и князья, со временъ принятія христіанства, вплоть до принятія Екатериною II, въ 1772 г., евреевъ въ русское подданство, въ числѣ жителей *Бѣлоруссіи*, держались постоянно елисаветинской политики очищенія земли русской отъ людей *еврейскаго* закона, или, какъ принято, съ нѣкотораго времени, у насъ публично выражаться, — отъ „жидовъ“. Жиды, по распространяемому этимъ и другими авторами изъ числа извѣстныхъ даже нашихъ историковъ, мнѣніямъ всегда были ненавистны, и русскому народу, и его государямъ. Церковь наша, всегда, будто, внушала и поддерживала эту *общественную къ евреямъ неприязнь*, подъ вліяніемъ которой, древними обычаями нашими, и усвоенъ принципъ предполагаемой *безусловной нетерпимости къ нимъ*. Они, то и дѣло, либо изгонялись изъ Руси, либо не допускались въ нее. Въ этомъ только, по мнѣніямъ тѣхъ писателей, и заключались всѣ наши древнія отношенія къ нимъ. Самое принятіе евреевъ въ подданство Екатериною II, съ дарованіемъ имъ правъ русскаго гражданства, наивно объясняется кн. Голицынымъ, единственно, человѣколюбіемъ императрицы, ея гуманнымъ направленіемъ, т. е. тѣми поводами, какіе формально были выставлены въ ея деклараціи (плакатѣ), приобщенной къ именному указу 16 августа 1772 года о присоединеніи Бѣлоруссіи. Другихъ побудительныхъ

причинъ къ этому образу дѣйствія великой государыни авторъ не видитъ никакихъ. По его мнѣнію, при тогдашнихъ взглядахъ на евреевъ, какъ „на племя презрѣнное, безправное и, большею частью, бѣдное“, могъ, и въ то время, возникнуть вопросъ о поголовномъ ихъ изгнаніи изъ Россіи и быть разрѣшенъ, по усмотрѣнію правительства, въ утвердительномъ смыслѣ (стр. 106 и слѣд.). Человѣколюбивыя, въ этомъ случаѣ, движенія Екатерины, по отношенію къ новымъ своимъ подданнымъ еврейскаго закона, вовсе не приписываются авторомъ ея отрѣшенію отъ нашей древне-національной неприязни къ нимъ. Напротивъ, авторъ утверждаетъ фактъ постоянного присутствія въ императрицѣ этого настроенія и, въ подтвержденіе его несомнѣнности, онъ говоритъ, и о шаткости ея политическихъ взглядовъ на евреевъ, и о ея недоумѣніяхъ и колебаніяхъ относительно ихъ, и о вліяніи на нее Вольтера, этого крѣпкаго умомъ, но несогрѣтаго христіанскими чувствами, мыслителя XVIII вѣка. Подобными инсинуаціями, основанными, какъ бы на тщательно изслѣдованныхъ историческихъ данныхъ, авторъ старается внушить понятіе, что *осѣдлость евреевъ* въ Россіи была допущена Екатериной, исключительно, въ видѣ монаршей милости, оказаніе или неокказаніе которой зависѣло отъ доброй воли императрицы. По мнѣнію кн. Голицына, евреи, до того, никогда не пользовались подобною милостью на Руси, будучи предметомъ постоянныхъ изъ нея *изгнаній* или *недопущеній* въ нее, путемъ принятія къ тому насильственныхъ мѣръ, сходственныхъ съ тѣми, какія принимались въ другихъ христіанскихъ странахъ. Такою совершенно, въ сущности, произвольною установкой

историческихъ фактовъ, наши государи и князья, начиная съ первыхъ временъ обращенія ихъ въ христіанство, уподобляются, въ своемъ образѣ дѣйствія, относительно евреевъ, византійскимъ монархамъ, вестготскимъ, испанскимъ и французскимъ королямъ, императорамъ Священной Римской Имперіи и нѣмецкимъ владѣтельнымъ герцогамъ и курфюрстамъ, а влияние, въ этомъ случаѣ, нашей православной церкви—внушеніямъ и побужденіямъ фанатическаго духовенства западныхъ церквей и Византіи.

Не думаемъ, чтобы для истинно-русскихъ людей, любящихъ свою страну и усвоившихъ себѣ, болѣе или менѣе, вѣрныя понятія о настоящемъ духѣ нашей православной старины, подобные взгляды и уподобленія могли быть по сердцу. Кн. Голицынъ не принадлежитъ, конечно, къ числу ученыхъ историковъ. Онъ не можетъ быть, поэтому, достаточнымъ, въ этомъ случаѣ, авторитетомъ. Но тѣмъ не менѣе, съ его мыслями и воззрѣніями нельзя серьезно не считаться. Они легко усваиваются публикою и правящими кружками, порождая заблужденія, которыя теперь, съ особою рѣзкостью, отражаются, у насъ, на всемъ ходѣ дѣлъ, касающихся евреевъ. Заблужденія эти держатся стойко, такъ какъ не одинъ кн. Голицынъ впадаетъ и вводитъ въ нихъ, и официальные кружки, и публику, и учащееся юношество. Это дѣлается, совершенно одинаковымъ образомъ, и многими изъ весьма извѣстныхъ нашихъ писателей и публицистовъ, даже изъ числа занимающихъ профессорскія катедры. Вотъ что говорится, на примѣръ, по предмету нашихъ *древне-національныхъ отношеній* къ евреямъ, въ достойнѣйшемъ, во всѣхъ другихъ отноше-

ніяхъ, и справедливо пользующемся популярностью, печатномъ курсѣ государственнаго права одного изъ самыхъ почтенныхъ нашихъ профессоровъ: „Еврейская нація въ московскія времена *не имѣла доступа* въ наше отечество“... и далѣе: „въ московскія времена, какъ сказано, евреи совершенно *не допускались въ Россію*, а лица еврейскаго закона, пріѣзжавшія въ Москву *тайкомъ*, подлежали высылкѣ изъ государства“. Этимъ очерчивается, съ каедрой, весь характеръ нашей *руско-національной политики*, относительно евреевъ, въ теченіи восьми вѣковъ, и вселяется всеобщее убѣжденіе, что она заключалась единственно, будто, въ ихъ изгнаніяхъ и недопущеніяхъ въ Россію, что они могли появляться въ стольномъ городѣ православнаго царя—*Москвѣ*—только тайкомъ, какъ будто украдкою, безъ всякаго на то права, что наша Русь, въ этомъ отношеніи, была ничѣмъ не лучше другихъ христіанскихъ странъ и что образъ дѣйствія императрицъ Екатерины I, Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны былъ только продолженіемъ этой политики и вполне согласнымъ съ ея духомъ и направленіемъ. Въ послѣднее время, Г. Иловайскій, нашъ новѣйшій историкъ, тщеславящійся тѣмъ, что имъ, впервые, введенъ въ Русскую исторію особый отдѣлъ о евреяхъ, стремится всячески къ установленію понятія о существованіи, для *Велико-россіи*, историческаго какъ бы права на ихъ нетерпимость у себя, уподобляясь, въ этомъ случаѣ, средне-вѣковымъ схоластикамъ, которые, въ угоду монархамъ Священной Римской Имперіи, выводили для нихъ право даже на жизнь и смерть евреевъ, съ тою только разницею, что та казуистика основывалась на преданіяхъ

языческих, а Г. Иловайскій, свою казуистику, не колеблется основывать на преданіяхъ нашей *православной* старины. Между тѣмъ, распространяемыя имъ мнѣнія находятъ значительное число поборниковъ среди нашихъ же, русскихъ писателей и публицистовъ, принимающихъ, какъ и онъ, на вѣру все что говорится о евреяхъ въ нашихъ первоклассныхъ историческихъ сочиненіяхъ.

Неудивительно, поэтому, что сказаннымъ взглядамъ и понятіямъ поддаются и нѣкоторые изъ нашихъ еврейскихъ писателей, изъ числа молодыхъ людей, черпавшихъ свои свѣдѣнія изъ историческихъ сочиненій и университетскихъ курсовъ. Такъ, напримѣръ, въ издававшемся, на русскомъ языкѣ, еврейскомъ журналѣ „День“, мы находимъ статью, въ которой сказано, между прочимъ, слѣдующее: „Обращаясь къ исторіи нашего отечества, а именно—къ исторіи *Восточной Россіи*, мы и здѣсь, вплоть до временъ Екатерины II, встрѣчаемся съ *абсолютною безправностью* (sic) евреевъ, полнѣйшимъ отрицаніемъ въ нихъ правовой личности и точно также, какъ въ средневѣковой Европѣ, съ неоднократными случаями поголовнаго ихъ изгнанія изъ государства“ (1870 г., стр. 314). Даже въ самомъ „Восходѣ“ помѣщена была статья, подъ заглавіемъ: „Изъ давно минувшаго“, въ которой высказывается подобное же мнѣніе слѣдующимъ образомъ: „*Великороссійскій народъ*,—мы не говоримъ о массѣ (спѣшить присовокупить авторъ),—всегда противился поселенію евреевъ въ своей странѣ“ („Восходъ“ 1883 г., іюль и августъ, стр. 151). Если авторъ не разумѣетъ здѣсь общей массы коренного населенія, но только правящіе

классы, то нужно было бы объяснить точнее: кто же именно гналъ евреевъ, когда именно это было и на чемъ именно мѣры гоненія были основаны, — чтобы дать возможность различить *случайное явленіе* отъ явлей *принципіально установленнаго, законами и обычаями, порядка*, произволь и буйство — отъ законнаго выполнения властями ихъ обязанностей и т. п. Приведеніе же одного лишь голословнаго мнѣнія о гоненіи известнаго класса людей, безъ объясненія какаго рода оно было и въ какое время произошло, *мирное* или *военное*, лишаетъ такое мнѣніе всякаго вѣса и значенія. Между тѣмъ, подобныя повѣствованія, со стороны самихъ евреевъ, не могутъ не служить къ ихъ собственному вреду и даютъ русскимъ писателямъ, неприязненно къ нимъ расположеннымъ, поводъ сослаться на нихъ самихъ, какъ на лицъ, которымъ близко должно быть известно все, что происходило на Руси, относительно ихъ единовѣрцевъ. Это и сдѣлано, между прочимъ, кн. Голицынымъ, сославшимся въ своемъ сочиненіи, въ числѣ другихъ своихъ источниковъ, и на вышеприведенныя статьи (стр. 277). Такимъ образомъ, ошибочныя понятія и представленія о постоянномъ господствѣ на Руси, въ періодъ нашихъ *древне-національныхъ* отношеній къ евреямъ, *политики безусловной нетерпимости къ нимъ* укореняются въ лицахъ официальныхъ кружковъ и читающей публикѣ, не имѣющихъ, болѣею частью, возможности, да и самой надобности, провѣрять, по историческимъ документамъ, то, что преподано съ кафедръ и высказано, подъ видомъ тщательныхъ научныхъ изслѣдованій.

Поэтому, въ згучемъ вопросѣ дня о евреяхъ, когда

у насъ столь тенденціозно относятся къ нему, и представители науки, и авторы объемистыхъ сочиненій, и составители мелкихъ брошюръ и памфлетовъ, и не отличающіеся надлежащею правдивостью органы печати,—на русскомъ человѣкѣ, близко ознакомившемся съ этимъ предметомъ, лежитъ несомнѣнный долгъ изобличить всю несправедливость той параллели, какая столь безцеремонно проводится между *Русью* и *другими христіанскими странами*, въ дѣлѣ ихъ политическаго образа дѣйствія, относительно евреевъ, въ эпоху, когда *начала впротеримости*, вообще, не имѣли еще нигдѣ достаточно прочнаго обезпеченія въ законахъ, и тѣмъ разъ навсегда положить конецъ возможности разжигать и поддерживать, этимъ способомъ, неприсуція русскому народу и его державнымъ властителямъ религіозно-политическія страсти, обуревавшія нѣкогда Византію и Западъ.

Обратимся же къ ближайшему разсмотрѣнію этого, столь существеннаго, для настоящихъ нашихъ изслѣдованій, предмета.

Событіемъ формальнаго принятія евреевъ, въ 1772 году, въ русское подданство устанавливается въ исторіи евреевъ въ Россіи, дѣйствительно, какъ бы *два*, совершенно различныя, по ихъ характеру, *періода времени*.

Первый періодъ, начинающійся съ основанія Руси и оканчивающійся сказаннымъ событіемъ, обнимаетъ собою почти полныхъ *девять вѣковъ* и можетъ, справедливо, быть названъ *періодомъ нашихъ древнихъ національно-политическихъ отношеній къ евреямъ*.

Этимъ именно періодомъ мы займемся теперь, съ

цѣлью опредѣленія настоящаго его характера и отношеній къ нему смѣнившаго его *второго періода*, въ коемъ евреи вошли, впервые, въ составъ общаго народонаселенія Россіи, въ качествѣ лицъ, формально признанныхъ ея *подданными*.

Нѣтъ сомнѣнія, что до начавшагося у насъ со временъ Петра I упроченія законодательнымъ путемъ, началъ вѣротерпимости, окончательно санкціонованныхъ законами Екатерины Великой, появившаяся, и на Руси, съ принятіемъ христіанства, идея господствующей религіи выражалась нѣкоторою степенью *политической нетерпимости* ко всѣмъ, вообще, иновѣрцамъ. Но эта нетерпимость была совершенно *своеобразною* и не походила, по своему характеру, не только на нетерпимость, господствовавшую на *Западѣ*, въ римско-католическихъ и протестантскихъ земляхъ, но и на *византійскую*. *Во первыхъ*, наша нетерпимость не носила на себѣ отпечатка того фанатизма, который, въ своихъ порывахъ, не щадилъ, ни *жизни*, ни *чести* людей; *во вторыхъ*, допуская различіе между иновѣрными, *христіанскими* и *не-христіанскими*, исповѣданіями, преимущественно, въ тѣхъ только случаяхъ, когда дѣло шло объ установленіи уголовныхъ каръ за соvrраченія, она во всѣхъ другихъ отношеніяхъ относилась одинаково къ нимъ, за исключеніемъ *внутреннихъ расколовъ и ересей*, слѣдованіе которымъ, по тогдашнимъ взглядамъ, представлялось соблазномъ наиболѣе опаснымъ для интересовъ православія, требовавшимъ рѣшительнаго и немедленнаго пресѣченія, путемъ пытокъ и жестокихъ казней.

Еслѣдствіе этого, замѣчается тотъ фактъ, что наши

государи, начиная съ великихъ князей *удѣльно-вѣчеваго періода*, сдѣлавшись, тотчасъ по принятіи христіанства, верховными блюстителями чистоты православной вѣры, не были, однако, склонны, вообще, благодаря духу и направленію самой церкви, придавать, изъ видовъ насильственнаго прозелитизма, исповѣданію *прирожденной* чужеземцу иновѣрной религіи значеніе преступнаго дѣянія, требовавшаго преслѣдованія и уголовной кары, подобно тому, какъ это дѣлалось византійскими царями. Въ этомъ отношеніи, какъ мы увидимъ, не допускалось у насъ никакого исключенія и по отношенію къ *евреямъ*. Это имѣло то послѣдствіе, что всѣ вообще иновѣрцы, въ томъ числѣ и евреи, всегда пользовались на Руси правомъ свободнаго отправленія обрядовъ своей вѣры *въ своихъ жилищахъ*, гдѣ они оставлялись, обыкновенно, въ совершенномъ покоѣ. Такимъ образомъ, при всемъ сходствѣ, въ главныхъ чертахъ, отношеній къ господствующей церкви русскихъ государей съ византійскими, въ отношеніяхъ этихъ существовало, однако, то существенное различіе, что наши государи рѣдко выходили изъ своего значенія однихъ лишь *блюстителей* чистоты православія и *охранителей* интересовъ церкви. Ихъ образъ дѣйствія, въ религіозно-политической сферѣ, можно сравнить съ образомъ дѣйствія *добраго домостроителя*, ревностно неущагося объ охраненіи правовѣрія (ортодоксіи), среди своей семьи и своихъ домочадцевъ. Патріархальностью этого рода не внушалось народу и не питалось въ самихъ царственныхъ правителяхъ то чувство презрѣнія къ человѣческому достоинству иновѣрца, которое, какъ мы видѣли, столь рѣзко выражалось византійскими царями, начиная съ Θεодосія II. Мысль рев-

ностнаго обереженія церкви побуждала, конечно, властителей Русской земли избѣгать, по возможности, чужеземныхъ людей иныхъ вѣръ и отклонять отъ сношеній съ ними и народъ. Это была, несомнѣнно, своего рода нетерпимость, но нетерпимость, которую, во всякомъ случаѣ, можно назвать умѣренною, не дышавшею *человѣконенавистностью*, не отрицавшею возможности христіанскихъ чувствъ къ людямъ постороннихъ религій и вѣрованій. Домостроительство, основанное на такой нетерпимости, должно было естественно повести къ *религіозно-политической сосредоточенности* русской страны, къ ея обособленію среди другихъ земель и народностей, должно было затруднять въ значительной степени свободныя сношенія съ чужеземцами, не исповѣдовавшими православной вѣры; но не уничтожало въ православіи чувства уваженія къ *человѣческой личности* тѣхъ изъ нихъ, которые, случайно или съ разрѣшенія царской власти, пребывали въ предѣлахъ русской земли. Политику этого рода, по ея характеру, можно назвать, даже, политикой извѣстной *религіозной терпимости*, хотя крайне осторожнаго и недовѣрливаго свойства. Такое именно положеніе вещей и существовало у насъ, на Руси, во всю почти эпоху нашихъ древнихъ отношеній къ евреямъ. Съ образованіемъ же *Московского государства* характеръ этой политики, въ ея осторожныхъ и недовѣрчивыхъ чертахъ, не только ослабъ, но значительно даже обострился. Хотя, при христіанскихъ міросозерцаніяхъ, подобная политика не могла повести страну къ той степени отчужденности, какая господствовала, на примѣръ, въ Китаѣ, но и то положеніе вещей, какое влекло за собою вышеупомянутое рели-

гіовно—политическое настроеніе, должно было приносить довольно существенный вредъ, для успѣховъ просвѣщенія и матеріальныхъ интересовъ государства. Извѣстно, что, преимущественно, изъ видовъ обереженія чистоты православія, избѣгались у насъ всякаго рода сношенія съ чужеземными странами и что иностранные люди, по торговымъ даже дѣламъ, допускались въ русскую страну съ крайними затрудненіями, и не иначе, какъ на основаніи особыхъ льготъ или жалованныхъ грамотъ. Въ своей извѣстной статьѣ: „Очерки торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ“ извѣстный нашъ историкъ Костомаровъ говоритъ, между прочимъ: „Съ своей стороны власть, сохраняя непривосновенность православнаго ученія и древняго гражданскаго порядка, установившагося въ Россіи, отстраняла всякое нравственное сближеніе русскихъ съ иностранцами“. „Вообще,—продолжаетъ тотъ же историкъ,—торговые иностранцы въ Россіи пользовались большею благосклонностью правительства до половины XVII вѣка, чѣмъ послѣ того,—до Петра“. При Михаилѣ Теодоровичѣ, на примѣръ, ганзейскимъ купцамъ былъ вовсе запрещенъ въѣздъ въ Россію. Къ этому примѣшивались, конечно, кромѣ *религіозныхъ*, еще и *торговые мотивы*—огражденія русскихъ купцовъ отъ соперничества иностранныхъ. Русскіе купцы, какъ видно изъ той же статьи Костомарова и общихъ историческихъ свѣдѣній, не ладили, вообще, съ чужеземными торговыми людьми и не терпѣли конкуренціи, съ ихъ стороны. Въ XVI столѣтіи, по ихъ, отчасти, настояніямъ, была устранена въ Россіи торговля *англичанъ* и *голландцевъ*. Въ XVII столѣтіи, при Михаилѣ Теодоровичѣ, они жаловались

царю на *нѣмцевъ, персіанъ и всякихъ иноземцевъ*. Въѣздъ въ Россію и пребываніе въ ней иноземныхъ торговыхъ людей стѣснялись, также, во многомъ, существовавшими законами и обычаями. Такъ, напримѣръ, изстари, установился обычай не допускать прибывшихъ въ Москву, съ товарами, чужестранцевъ къ началію торга, пока царь не выбереть, для покупки себѣ, что либо изъ привезеннаго товара. Отъ этого происходили крайнія задержки въ торговлѣ, вынуждавшія, нерѣдко, иностранныхъ купцовъ прибѣгать къ пріѣзду въ Москву *утайкою*. Въ видахъ предупрежденія подобныхъ случаевъ и вообще наплыва иноземныхъ людей въ Москву, были принимаемы государственно-полицейскія мѣры. Такъ, напримѣръ, изъ указа царя Алексѣя Михайловича, 30 іюля 1654 года, объявленнаго изъ Разряда Приказу княжества Смоленскаго, видно, что въ Вяземскомъ уѣздѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по вяземской дорогѣ, которая вела изъ Смоленска въ Москву, было повелѣно учреждать заставы, для допроса проѣзжавшихъ по ней разныхъ людей: *кто они, откуда и какой вѣры*. Мотивомъ этого повелѣнія выставлена, въ сказанномъ указѣ, собственно специальная цѣль недопущенія насильственнаго вывоза въ Москву боярскими и всякихъ чиновъ людьми, въ числѣ плѣнныхъ (полоненныхъ) людей, крестьянъ Бѣльскаго, Смоленскаго и Дорогобужскаго уѣздовъ. Но какъ путь черезъ Смоленскъ былъ, въ то время, обычнымъ торговымъ трактомъ, для иноземныхъ купцовъ и другихъ людей, пріѣзжавшихъ въ Москву со стороны Польши, то можно, не безъ основанія, предполагать, что учрежденіе сказанныхъ заставъ имѣло, кромѣ сказанной цѣли, еще и другія,

а именно: *торговую*—предупреждения привоза въ столицу товаровъ утайкою, въ подрывъ русскимъ купцамъ, и *государственно-полицейскую*—тайнаго появленія въ первопрестольномъ городѣ православнаго царя иноземцевъ всѣхъ вообще вѣроисповѣданій, преимущественно же, *католиковъ* и *протестантовъ*. Такіе христіане, собственно говоря, мало чѣмъ и отличались, въ тогдашнихъ у насъ понятіяхъ, отъ не-христіанъ. Это можно заключать изъ того, что въ Московскомъ царствѣ не замедлилъ установиться обычай требовать *вторичное крещеніе* отъ тѣхъ изъ нихъ, кто изъявлялъ желаніе присоединиться къ православію. Слѣдовательно, западные христіане признавались людьми какъ бы *некрещеными*, т. е. такими же, почти, не-христіанами, какъ евреи и магометане, и даже нѣкоторымъ образомъ вреднѣе ихъ, такъ какъ, называя себя христіанами, они считались зараженными опасными для спокойствія церкви ересями и лжеученіями, какъ склонными къ пропагандѣ. Вообще, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Знаменскій, въ новѣйшемъ своемъ „Руководствѣ къ Русской Церковной Исторіи“, все свое, русское, казалось, въ тѣ времена, *православнымъ*, все чужое—*еретическимъ и бусурманскимъ* (стр. 130). *Евреи* не выдѣлялись тогда изъ этихъ общихъ взглядовъ на ино-вѣрцевъ.

Все это не могло не вліять, конечно, на политическую сдержанность Россіи, не только по отношенію къ иноземцамъ вообще, но и къ тѣмъ людямъ, которые, обитая въ Россіи, искони, считались иноземными, какъ не принадлежавшіе къ коренному, славяно-русскому, православному населенію. Это, несомнѣнно, должно было

придавать видъ стремленія Россіи къ вытѣсненію такихъ людей изъ своихъ предѣловъ. Такому положенію вещей способствовали, между прочимъ, и многія частности, имѣвшія вліяніе на закрытіе дверей въ Россію многимъ иноземнымъ промышленнымъ людямъ. Такъ, напримеръ, въ XVII столѣтіи, весьма стѣснительнымъ для иноземцевъ, въ торговомъ отношеніи, представлялся и обычай, о которомъ мы упомянули выше, а именно—воспрещеніе, подъ страхомъ тяжелыхъ каръ и наказаній, привоза табаку и торговли имъ. Осуществленіе мѣръ строгости за нарушеніе этого воспрещенія, встрѣчалось, тогда, не рѣдко. Такъ, изъ той же статьи Костомарова видно, что въ 1661 году, т. е. въ царствованіе еще Алексія Михайловича, торговой казни: „битію кнутомъ на козлѣ“, были подвергаемы, за торговлю табакомъ, персіяне, тереки (азіатскіе турки) и греки, среди которыхъ могли быть и евреи. Подобныя мѣры не могли, конечно, располагать этихъ чужеземцевъ появляться часто въ Москвѣ и Россіи, что вполне соотвѣтствовало, впрочемъ, и тогдашнимъ видамъ правительства.

Въ основаніи такого домостроительства, державшаго Россію столь продолжительное время въ обособленномъ состояніи, лежала, главнымъ образомъ, все-таки одна только *религіозная цѣль охраненія интересовъ православія*. Многія бытовыя стороны русской страны не могли не страдать, разумѣется, отъ такого порядка вещей. Онъ именно и былъ, какъ извѣстно, главнѣйшею причиною того застоя Россіи, который требовалъ могучаго толчка, даннаго ей Петромъ. Но за то политика ревностнаго обереженія чистоты православія, принес-

шая, въ временную жертву, многія матеріальныя пользы и выгоды страны, имѣла, однако, въ эпоху общаго невѣжества и грубаго фанатизма, и весьма плодотворныя послѣдствія: политика эта оградила русскую страну отъ преждевременнаго внесенія въ нее чужеземныхъ пропагандъ, отклонившихся отъ началъ православія и заключавшихъ въ себѣ, или элементы непоумѣрнаго абсолютизма и властолюбія, или элементы невѣрія; не сдѣлала русскую страну ареною тѣхъ безчеловѣчій, отъ которыхъ не угасали, на Западѣ, востры и лились потоки крови; сдерживала религиозныя страсти, установленіемъ за соображенія тяжкихъ, но вмѣстѣ правомѣрныхъ, казней; сохранила въ народѣ природныя *чувства чело­вѣчности* къ людямъ, безъ различія *вѣры* и *расы*; укоренила въ немъ и державныхъ его властителяхъ теплую вѣру; сблизила ихъ между собой и вселила въ нравы чувства любви и преданности къ престолу и отечеству. Такимъ образомъ, сказанная политика, при всей кажущейся узкости ея взглядовъ, приуготовила тѣ *національныя устои* русскаго государства, которые составляютъ нынѣ его силу, крѣпость и могущество. Русь, выполнившую эту свою задачу, никакъ нельзя упрекнуть, въ то же время, въ позорѣ тѣхъ ужасовъ, безчеловѣчій и освящавшихся законами религиозныхъ преслѣдованій и гоненій, отъ которыхъ терпѣли на Западѣ, до и послѣ появленія Реформаціи, не одни евреи, но и весь народъ.

Поэтому, хотя и несомнѣнно, что въ періодъ нашихъ древнихъ національно-политическихъ отношеній къ евреямъ существовала на Руси нѣкоторая степень религиозной нетерпимости къ иновѣрнымъ людямъ, но

несомнѣнно и то, что нетерпимость эта имѣла совершенно иной, чѣмъ на Западѣ, характеръ и, во всякомъ случаѣ, нельзя сказать, чтобы она была заимствована оттуда.

Посмотримъ теперь, не проявлялось-ли въ нашей религіозно-политической сферѣ, подъ вліяніемъ Византіи, что либо *исключительное* относительно *евреевъ*? Не принимала-ли нетерпимость къ нимъ, какъ это предполагается, болѣе обостренный характеръ, направленный къ ихъ преимущественному, передъ прочими чужеземцами, вытѣсненію изъ русской страны?

Многіе, подобно кн. Голицыну, въ виду встрѣчавшихся на Руси, съ вѣковыми промежутками времени, случаевъ фанатическихъ вспышекъ противъ евреевъ и нѣкоторыхъ даже жестокостей съ ними, склонны къ послѣднему заключенію, что у насъ съ самаго начала зародилась политика *исключительной къ нимъ нетерпимости*, которой неуклонно слѣдовали наши князья и цари и которая характеризуетъ собою наши *древнія національно-политическія отношенія къ евреямъ*. Къ этому присовокупляется, что побудительною причиной такой предполагаемой *исключительности* были *гражданская недоброкачественность* евреевъ и борьба, какую русская церковь была вынуждена вести съ еврействомъ, вслѣдствіе обнаружившихся въ немъ стремленій къ прозелитизму и распространенію среди русскаго народа ересей и лжеученій. Въ доказательство исконныхъ неприязненныхъ отношеній православія къ евреямъ и еврейству приводятся перешедшія къ намъ, изъ греческихъ законовъ, суровыя, по нашему требнію, формы чина присоединенія евреевъ къ православной вѣрѣ,

проявленіе „жидовскихъ ересей“ и изобличительныя, по поводу ихъ и, вообще, „еврейскаго невѣрія“, писанія отцовъ и духовныхъ пастырей нашей церкви, въ томъ числѣ и основателя Волоколамскаго монастыря, Іосифа Санина, проповѣди котораго, какъ извѣстно, собраны въ одну книгу, подъ названіемъ „Просвѣтителя“.

Поэтому, тщательное, по возможности, изслѣдованіе *первыхъ моментовъ зарожденія* и дальнѣйшаго развитія на Руси ея національно-политическихъ отношеній къ евреямъ, въ рассматриваемомъ древнемъ періодѣ, представляется столь же любопытнымъ, сколько важнымъ въ вопросѣ объ этихъ отношеніяхъ.

IX.

Приведенныя выше историческія данныя о Византіи и Западѣ изображаютъ достаточно ходъ событій, касавшихся отношеній къ евреямъ. Мы видѣли, что восточное духовенство греко-каѳолической церкви, начиная съ IV столѣтія, когда христіанство, при Константинѣ Великомъ, приобрѣло значеніе *господствующей*, въ Римской монархіи, *религии*, стало въ крайне-непріязненные отношенія къ евреямъ и вступило въ открытую съ ними борьбу. Хотя эта борьба ограничивалась, сперва, одними состязаніями въ области духовно-религіозной, но и тогда уже устные и письменныя изобличенія отцовъ церкви носили на себѣ оттънокъ сильной несдержанности, выражавшейся въ рѣзкихъ порицаніяхъ догматовъ еврейской вѣры, съ присвоеніемъ ей названій лжеученія и ереси, заслуживающихъ небесной кары и проклятій. При этихъ богословскихъ нападкахъ на евреевъ, соблюдалась, однако, какъ нами было уже объ-

яснено, нѣсколько большая справедливость, сравнительно съ позднѣйшими на нихъ нападеніями этого рода католическаго духовенства на Западѣ. Отцы греко-восточной церкви не касались *общественной жизни* евреевъ, не ввозили на нихъ обвиненія въ ихъ *гражданской недоброкачественности*. Ими порицалась только іудейская вѣра, а не ея послѣдователи. Вредъ отъ евреевъ усматривался въ одномъ только фактѣ исповѣданія ими своей религіи. Въ то время, евреи пользовались еще въ Римской монархіи равнымъ, съ прочими гражданами, положеніемъ и занимали государственныя и общественныя должности. Естественное чувство самозащиты вынудило ихъ къ попыткамъ отстаивать правоту своей вѣры, путемъ открытыхъ догматическихъ диспутовъ съ отцами церкви. Это было принято за противодѣйствіе евреевъ насажденію христіанства и усилило только раздраженіе противъ нихъ. Религіозная къ нимъ непріязнь, изъ богословской области, перешла, вскорѣ, и въ жизненныя отношенія духовенства къ евреямъ. Дошло дѣло до произвольныхъ въ епархіяхъ разрушеній синагогъ и другихъ насильственныхъ дѣйствій, съ цѣлью прозелитизма, и попытки къ уничтоженію вовсе въ предѣлахъ Византійской монархіи еврейскаго культа. Эти дѣйствія нашли поддержку со стороны нѣкоторыхъ отцовъ церкви, которые начали обращаться къ монархамъ съ убѣжденіями о необходимости и самаго узаконенія этихъ мѣръ, для безопасности церкви. Духовныя лица стали принимать участіи въ составленіи эдиктовъ, строго воспрещавшихъ въ государствѣ отправленіе обрядовъ еврейской вѣры и всякихъ знаковъ ея почитанія, даже въ жилищахъ евреевъ. Такимъ образомъ, *безусловная*

нетерпимость къ евреямъ не замедлила перейти и въ *политическую сферу*, въ самыхъ рѣзкихъ, какъ мы видѣли, чертахъ и формахъ.

На Западѣ, подъ вліяніемъ абсолютизма папской власти и невѣжественнаго фаватизма подчиненнаго римскому престолу духовенства, такая же нетерпимость къ евреямъ переносилась, вновь возникавшими монархіями, въ политическую сферу, въ болѣе еще грубомъ и безчеловѣчномъ видѣ. Римско-католическое духовенство и введенные имъ въ обычай помѣстные тамъ соборы, какъ мы видѣли, устанавливали, для руководства законодательной власти, начала и правила, относительно евреевъ, самаго возмутительнаго свойства, изображая ихъ, въ понятіяхъ, людьми, заслуживающими полнѣйшаго презрѣнія и недостойными пользоваться одинаковымъ, въ обществѣ, положеніемъ съ христіанами. Причемъ, стали присоединяться и поголовныя клеветанія евреевъ въ ихъ гражданской недоброкачественности, чего не было на Востокѣ. Изъ факта продажи Христа Іудею за 30 серебряниковъ выводились произвольныя заключенія, что всѣ евреи—„Іуды“, т. е. *христопродавцы*, предатели, изъ алчности къ деньгамъ и наживѣ. Вслѣдствіе этого, они стали поголовно обвиняться западнымъ духовенствомъ въ разнаго рода порочныхъ склонностяхъ, преимущественно къ ростовщичеству. Ихъ изображали народу въ тѣхъ чертахъ, въ какихъ они изображены Шекспиромъ въ его „Шейлокъ“, еще прежде, чѣмъ ростовщичество, въ силу тогдашнихъ обстоятельствъ, сдѣлалось, въ дѣйствительности, ихъ исключительнымъ, почти, ремесломъ. Къ этому присоединялись и разные суевѣрные вымыслы противъ нихъ, умышленно распро-

странявшіеся въ народѣ, тѣми же духовными пастырями. Такимъ образомъ, разгулъ религіозныхъ страстей, противъ евреевъ, ими, не только не сдерживался, но, напротивъ, всячески поощрялся. Кромѣ того, въ видахъ вселенія въ народѣ еще большаго презрѣнія къ іудеямъ и ожесточенія противъ нихъ, римско-католическое духовенство и помѣстные соборы, какъ мы видѣли, вводили въ обычай разнаго рода публичныя обрядности и дѣйствія самаго оскорбительнаго, для евреевъ, свойства. Между тѣмъ, на Западѣ, евреи, собственно говоря, не подавали никакихъ поводовъ къ религіозной борьбѣ съ собою. Не имѣя по своимъ религіознымъ вѣрованіямъ, какъ это будетъ объяснено ниже, никакой склонности къ прозелитизму, евреи не вступали тамъ, подобно тому, какъ на Востокѣ, въ догматическіе диспуты съ пастырями церкви, зная уже изъ опыта всю тщетность этого средства къ своей самозащитѣ. Тогда католическіе отцы церкви, съ цѣлью ихъ приниженія въ глазахъ народа, придумали организовать *искусственную борьбу* съ ними. Они устраивали публичные диспуты, на которые евреи приводились насильственнымъ образомъ, и на которыхъ разыгрывались грубѣйшія сцены богословскаго ихъ пораженія. Такъ, напримѣръ, тотъ же французскій лѣтописецъ, Жуанвиль, о которомъ мы говорили выше, приводитъ, между прочимъ, слѣдующій случай. На одномъ изъ сказанныхъ публичныхъ диспутовъ, на которомъ присутствовали насильственно приведенные евреи, находился, въ числѣ многочисленной публики, одинъ рыцарь. Увидѣвъ, что спрошенный евреемъ христіанинъ затрудняется отвѣтомъ, рыцарь однимъ ударомъ тяжелой палицы, которую держалъ въ

рукахъ, положилъ еврея на мѣстѣ и, обратившись къ духовенству, сказалъ: „Вы безумно поступили, давъ поводъ къ такому преисполненному заблужденіями, диспуту“. Все это усиливало, конечно, въ народѣ чувство презрѣнія къ человѣческой личности евреевъ.

Такимъ образомъ, дошло на Западѣ, постепенно, до полнѣйшаго отрицанія въ евреяхъ всякаго человѣческаго достоинства. За ними не стали признавать другого состоянія, какъ состоянія *рабства*, въ какомъ они, въ дѣйствительности, и находились во Франціи, Германіи и Польшѣ, гдѣ они тоже именовались *servi regii*. Мы видѣли, что вслѣдствіе этого, въ западныхъ странахъ Европы, преимущественно подъ вліяніемъ *католическаго элемента*, появилась и существовала, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, въ видѣ саницированнаго, духовными и свѣтскими законами, порядка вещей, особаго рода терпимость къ евреямъ, — *терпимость сребролюбивая, своекорыстная*, соединенная съ одновременнымъ признаніемъ полнѣйшей ихъ *безправности* въ странѣ.

Въ эпоху такой политики, захватившей собою, какъ уже сказано выше, даже нашъ XIX вѣкъ, освящались ея принципами и являлись вполне правомѣрными, въ глазахъ монарховъ и народа — всякаго рода насилія надъ лицами іудейскаго закона.

Русь нравственно чиста, въ этомъ отношеніи. Подобные принципы ея не усвоивались и не вводились, ни въ *церковные уставы*, ни въ *обычаи*, ни въ *законы*. Древнія національно-политическія отношенія ея къ евреямъ не носятъ на себѣ, поэтому, того темнаго пятна, которое, передъ человѣчествомъ и его исторіей, бу-

деть вѣчно лежать на христіанскихъ странахъ западной Европы.

Умѣренность и сдержанность въ религіозномъ рвеніи всегда составляли отличительную чергу, и русской церкви, и русскаго государства, съ первыхъ временъ ихъ вступленія въ тѣсный, между собою, союзъ. Взаимодѣйствіе ихъ представляетъ собою счастливое сочетаніе духовной власти со свѣтскою, какого не было, ни на Востоцѣ, ни на Западѣ.

Для того, чтобы отдать себѣ ясный отчетъ о причинахъ, поставившихъ у насъ, и церковь, и государство на совершенно иной путь, въ дѣлѣ отношеній къ ино-вѣрцамъ вообще, необходимо сказать, предварительно, въ чемъ именно заключается истинно-православное понятіе о *церкви*, какъ духовно-религіозномъ, свыше данномъ, установленіи, имѣющемъ *самобытную жизнь* и свою *отдѣльную и самостоятельную* сферу дѣятельности.

X.

По понятіямъ *истинно-православнымъ*, *церковь*, какъ божественное учрежденіе, имѣющее своимъ назначеніемъ на землѣ храненіе и распространеніе истинъ, устно преподанныхъ Христомъ, есть *единая, нераздѣльная*, не включающаяся въ территоріальные предѣлы какой либо одной страны или народности. Она есть *вселенская* и, какъ таковая, не имѣетъ надъ собою иного главы, кромѣ Божественнаго своего Учредителя—Христа Спасителя. Это коренное начало православія легло въ основаніе понятій о церкви, съ первыхъ же временъ ея существованія, когда самъ Христосъ

былъ еще на землѣ и когда, затѣмъ, христіанскія общества находились подъ непосредственнымъ руководствомъ св. апостоловъ и другихъ Его учениковъ. Въ первые вѣка христіанства, этотъ взглядъ сохранялся, во всей его чистотѣ. Хотя съ умноженіемъ христіанскихъ обществъ и постепеннымъ образованіемъ помѣстныхъ церквей, съ отдѣльными церковными управленіями, стали проявляться религіозныя разномыслія, вслѣдствіе которыхъ ощутилась потребность въ охраненіи истинъ вѣры, начертаніемъ ея *догматовъ* и установленіемъ *категорическаго символа* вѣры; но всѣ, вообще, тогдашніе христіане, какъ изъ мірянъ, такъ и духовенства, были проникнуты идеей, что это дѣло принадлежитъ исключительно единой и нераздѣльной *вселенской церкви*. Такимъ образомъ, каждая изъ помѣстныхъ церквей, признавая, въ своихъ соприкосновеніяхъ съ гражданскою жизнью людей, свѣтскую власть земныхъ владыкъ и отдавая, всегда, въ этихъ случаяхъ, «кесарево кесареви», въ то же время, сознавала себя лишь частью этого общаго цѣлаго, подчиняя себя, въ духовномъ отношеніи, лишь власти вселенской церкви. Органомъ этой послѣдней являлись собранія рукоположеннаго, преемственно отъ апостоловъ, священства, отъ всѣхъ, или большей части, существовавшихъ, въ то время, отдѣльныхъ христіанскихъ обществъ или церквей. Эти-то собранія, возмѣвшія свое начало въ апостольскія еще времена, стали извѣстны, впослѣдствіи, по провозглашеніи римскими императорами христіанской вѣры господствующею, подъ названіемъ *вселенскихъ соборовъ*. За такими единственно соборами признавалась, первоначально, *непогрѣшимость*, въ дѣлѣ установленія дог-

матовъ вѣры и рѣшенія возникавшихъ, по поводу ихъ, разномыслий. Въ этой сферѣ церковь, согласно съ духомъ божественнаго ученія Спасителя, признавала себя свободною и независимою, какъ непосредственно Имъ руководимая, при содѣйствіи Духа Святого.

Поэтому, съ точки зрѣнія истиннаго православія, присвоеніе себѣ какою либо властью, свѣтскою или духовною, единолично или хотя бы коллегіально, въ лицѣ мѣстныхъ соборовъ или духовныхъ установленій (синодовъ), авторитетности въ области догматовъ вѣры и ея религиозныхъ истинъ составляетъ противное христіанству отступленіе отъ коренныхъ его началъ, нарушающее свободу и независимость вселенской церкви. Въ сущности, такое отступленіе есть ни болѣе, ни менѣе какъ узурпація власти, принадлежащей единственно незримому Главѣ церкви, Господу нашему Иисусу Христу. Между тѣмъ, такую именно узурпацію власти представляетъ собою произвольное присвоеніе римскими первосвященниками, въ дѣлахъ вѣры, значенія *непогрѣшимыхъ*. Догматъ о такой непогрѣшимости, какъ извѣстно, содержитъ полнѣйшее отрицаніе авторитетности вселенской церкви, а вмѣстѣ, и коренного христіанскаго вѣрованія о непосредственномъ управленіи внутреннимъ ея сознаниемъ самимъ Христомъ. То же самое, хотя нѣсколько въ иной формѣ, замѣтно и въ протестантизмѣ, коимъ провозглашенъ личный индивидуализмъ или свобода cadaго вѣрующаго въ дѣлѣ толкованія истинъ вѣры и священнаго писанія. Здѣсь узурпируется вселенская власть церкви каждымъ вѣрующимъ въ отдѣльности. Вотъ что весьма справедливо сказано, по поводу этого, въ упомянутой монографіи

„Церковь“: „Все послѣдующее развитіе западной церкви (т. е. послѣ установленія въ 809 году Ахенскимъ помѣстнымъ соборомъ лжедогмата, видоизмѣниваго вселенскій символъ вѣры) объясняется этою исходною точкой, включавшею, уже какъ бы въ зародышѣ, догматъ о папской непогрѣшимости. Разъ, что подобное начало получило перевѣсъ, оно, естественнымъ образомъ, должно было развиваться, все болѣе и болѣе, въ необходимой логической послѣдовательности. Въ католицизмѣ получилъ свое выраженіе *индивидуализмъ коллективный*, общественный. Отъ вселенской церкви отдѣлилась значительная часть ея, вся западная церковь, поставивъ свой особый интересъ выше интереса вселенской церкви. Съ логической послѣдовательностью, въ этомъ направленіи, пошелъ еще далѣе протестантизмъ, ставъ на почву *индивидуализма личнаго*. Если же признавать руководящимъ началомъ индивидуализмъ, то несомнѣнно личный индивидуализмъ представляется логичнѣе общественнаго. Если не вселенская всеобщность является хранителемъ и истолкователемъ христіанской истины, то рационально-ли подчиняться авторитетнымъ приказаніямъ одной помѣстной церкви? Собственно умъ каждаго человѣка является, повидимому, лучшимъ критеріумомъ св. писанія, каждый тогда можетъ слѣдовать *личному убѣжденію*. Каждый станетъ понимать слово Божіе такъ, какъ оно ему истинно раскрывается, а не такъ, какъ приказываетъ это Римъ. Или вселенность, или личная индивидуальность—логически, въ этомъ отношеніи, не можетъ быть середины. Такимъ образомъ, индивидуализмъ, восторжествовавшій въ католической церкви, проявился и въ протестантизмѣ, но только еще съ боль-

шею послѣдовательностью и силой, въ видѣ *личнаго индивидуализма*. Въ этомъ смыслѣ, можно сказать, что протестантизмъ есть только послѣднее слово католицизма: основное же начало у нихъ общее. На это ужъ указалъ Хомяковъ, назвавъ католиковъ первыми протестантами“ (стр. 59, 60).

Но не говоря о чуждыхъ православію церквахъ, такихъ, какъ западныя, нарушеніе свободы и независимости вселенской церкви, въ дѣлахъ вѣры, проявилось и на *Востокъ*, въ нѣдрахъ самаго православія. Вслѣдъ за провозглашеніемъ въ Римской имперіи христіанской вѣры господствующею, сперва римскіе императоры, а затѣмъ и византійскіе монархи, пользуясь, съ одной стороны, своимъ могуществомъ, распространявшимся, первое время, на всѣ почти страны, гдѣ возникли и существовали христіанскія общества, а съ другой стороны—правомъ инвеституры подчинившихъ себя ихъ власти высшихъ іерарховъ церкви, стали, мало-по-малу, допускать сильную степень вмѣшательства во внутреннія дѣла вѣры. Вскорѣ *свѣтская* ихъ власть была ими совершенно почти слита въ понятіяхъ съ *духовною*.

Вотъ что справедливо замѣчаетъ, по поводу этого, авторъ упомянутой выше монографіи „Церковь“, *Θ. Γ. Тернеръ*: „Въ Византійской имперіи, вмѣшательство верховной гражданской власти во внутренній строй православной церкви высказывалось въ самой крайней степени; существовавшій, въ тѣ времена, порядокъ получилъ даже спеціальное названіе „византизма“, въ смыслѣ постоянного вторженія абсолютизма свѣтской власти во внутреннія дѣла „церкви“. По мѣрѣ того, какъ возникали разныя ереси, государственная власть вмѣ-

шивалась даже въ догматическую область церкви, становясь то на сторону православнаго, то на сторону еретическаго мнѣнія... „Византійскіе монархи созывали соборы и своимъ авторитетомъ, говоритъ Г. Тернеръ, такъ или иначе, заставляли рѣшать догматическіе вопросы, часто вопреки общему церковному сознанию, по личному ихъ усмотрѣнію, иногда даже по политическимъ разсчетамъ“... Хотя, какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же авторъ, на вселенскихъ соборахъ окончательно торжествовала не воля этихъ монарховъ, „а то, что признавалось истиной сознаниемъ церкви“, но тѣмъ не менѣе, это препятствовало установленію надлежащей степени самостоятельности этой послѣдней, какъ отдѣльнаго отъ государства, по существу своей миссии, органа, а вмѣстѣ и той гармоніи въ ихъ взаимныхъ между собою отношеніяхъ, которая служитъ вѣрнѣйшимъ ручательствомъ сдержанности религіознаго фанатизма, съ обѣихъ сторонъ, въ странахъ, гдѣ извѣстное вѣроисповѣданіе признано законами господствующимъ. Сліяніе политической власти съ духовною, какое существовало въ Византіи, вносило въ гражданскіе и церковные законы много человѣческихъ страстей, несвойственныхъ божественному ученію о любви къ ближнему. Однимъ изъ самыхъ вредныхъ послѣдствій такого отождествленія политической области съ религіозною было внесеніе, въ ту и другую, *безусловной нетерпимости къ иновѣрцамъ*, вообще, и къ *евреямъ*, въ особенности. *Религіозная нетерпимость* къ ложнымъ вѣрованіямъ превратилась въ *нетерпимость общественную, политическую*, къ людямъ, ихъ исповѣдывавшимъ. Явилась религіозная ревность къ ихъ истребленію или принуж-

денію, путемъ насильственныхъ мѣръ, къ отказу отъ своихъ заблужденій. Дѣйствія такого рода, въ совершенное извращеніе евангельскихъ истинъ и общечеловѣческихъ понятій, стали приниматься за *акты христіанскаго благочестія*. Мы видѣли, что до Θεодосія II, византійскими монархами соблюдалась еще нѣкоторая умѣренность въ такомъ религиозномъ рвеніи, и что Θεодосій I Великій, напримѣръ, не одобрялъ насильственныхъ дѣйствій греко-восточнаго духовенства, относительно разрушенія еврейскихъ синагогъ, не взирая на преисполненныя фанатизма посланія къ нему св. Амвросія. Но это продолжалось не долго. Вскорѣ сказанное рвеніе перешло всѣ границы политическаго благоразумія. Слѣды этого видны въ церковно-гражданскихъ постановленіяхъ греческихъ царей, содержащихся въ сборникахъ, которые, со временъ Юстиніана, стали издаваться тамъ подъ названіемъ „Номоканонъ“, „Василикъ“, и т. п. Многія изъ этихъ постановленій дышатъ ненавистью, не только къ вѣрованіямъ, признававшимся ложными, но и къ людямъ, державшимся ихъ, по убѣжденію своей совѣсти. Вслѣдствіе этого, воздвигались гоненія на цѣлыя массы населенія, причемъ, не дѣлалось никакого различія между почитателями *истукановъ* и почитателями *единого Бога*. Тогдашняя, въ понятіяхъ, нераздѣльность политической сферы дѣятельности монарховъ отъ духовной—представителей церкви—вела къ тому, что въ этихъ послѣднихъ развивался фанатизмъ, подъ вліяніемъ котораго, восточное духовенство предоставляло *мечу* дѣлать то, что, по евангельскому ученію, должна была совершать *проповѣдь*. Въ Византіи,—говорить преподаватель церковной

исторіи въ кievскомъ университетѣ Ф. А. Тарновскій, — „іерархія господствующей церкви всегда стремилась направлять царскій мечъ на враговъ и противниковъ церкви и на непослушныхъ овецъ, не хотѣвшихъ войти „въ двери овчїе“¹⁾). Византійскіе цари, стремясь, съ своей стороны, къ осуществленію тѣхъ отношеній государства и церкви, которыя извѣстны подъ названіемъ „цезарео-папства“, были склонны слѣдовать этимъ внушеніямъ и дѣйствовать путемъ насилій и принужденій въ области, ихъ нетерпящей, навязывая людямъ силою своей власти то, что составляетъ неотъемлемую принадлежность совѣсти и внутреннихъ убѣжденій. Такимъ образомъ, *духовно-религіозная* личность церкви сливалась съ *политическою*—государства и, можно сказать, исчезала въ немъ. Вслѣдствіе этого, не могли установиться и правильныя между ними отношенія, какъ между двумя отдѣльными, по существу ихъ земныхъ предназначеній, органами. Мы видѣли, какой участи подвергались въ Византіи евреи и другіе иновѣрцы, при такомъ смѣшеніи свѣтской власти съ духовною. На *Западѣ*, сказанное вмѣшательство было совершенно обратное: въ область *свѣтской* власти вторгалась *духовная*—въ лицѣ всемогущихъ тогда *папъ*. Но результатъ былъ тотъ же: въ понятіяхъ, точно такимъ же образомъ, отождествились обѣ эти власти, обѣ эти сферы, вслѣдствіе чего, онѣ слились и составили одно нераздѣльное цѣлое, между прочимъ, и по отношенію къ взглядамъ на способы и мѣры, по водворенію въ

¹⁾ „Грековосточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ“ Ф. А. Тарновскаго, 1883 г., стр. 284.

христіанскихъ странахъ *господства первенствующей церкви.*

Главнѣйшая причина проявленій въ политической сферѣ религіозной нетерпимости скрывается, слѣдовательно, въ отсутствіи той степени *самостоятельности* церкви и государства, какую они должны сохранять въ ихъ относительныхъ сферахъ, и той *гармоніи* во взаимныхъ ихъ, между собою, отношеніяхъ, христіанскій идеалъ которой, — какъ не менѣе справедливо замѣчаетъ тотъ же Г. Тернеръ, — „заключается въ такомъ взаимодѣйствіи, которое не стѣсняло бы естественной сферы жизни и дѣятельности каждаго изъ нихъ, при которомъ государственная власть не вторгалась бы въ дѣла церкви, и церковь не вторгалась бы въ дѣла государства“.

Между тѣмъ, исторія свидѣтельствуетъ, что этому именно идеалу наиболѣе соотвѣтствуютъ тѣ взаимныя отношенія государства и церкви, какія установились на *Руси*, съ самаго начала принятія ею христіанства.

Въ этомъ именно и скрывается главнѣйшая причина, почему русская земля, съ *первыхъ временъ* возникновенія въ ней христіанства, представляетъ, въ своей религіозно-политической сферѣ нѣчто совершенно иное, чѣмъ другія христіанскія страны, какъ вообще, такъ и по отношенію къ *евреямъ*.

Посмотримъ, каковы именно образомъ взаимныя отношенія государства и церкви сложились собственно у насъ.

XI.

Хотя, до образованія Московскаго государства, русскіе князья не носили *титула царя*, не вѣнчались на

царство ¹, но тѣмъ не менѣ каждый изъ нихъ, въ своихъ владѣнiяхъ, пользовался верховною властью, со всѣми ея атрибутами. Эта власть была крѣпкая и сильная, которой подчинялся весь народъ. Съ принятiемъ христіанства, князья, изъ коихъ нѣкоторымъ присвоивался титулъ *великихъ князей*, сдѣлались ревностными поборниками церкви. Находя въ нихъ поддержку и держась твердо ученiя евангельскаго и св. апостоловъ о повиновенiи предрержащей власти, какъ исходящей отъ Бога, наше духовенство, подобно тому какъ и на Востоке, подчинило себя, въ іерархическомъ отношенiи, власти князей. Ни епископскія кафедръ, ни митрополичій престолъ, не могли быть замѣщаемы безъ согласiя князя, не взирая на то, что до Василия Темнаго (XV столѣтiя), высшее духовенство поставлялось у насъ константинопольскимъ патріархомъ и состояло въ его зависимости. Нужно полагать, что князья, въ дѣлахъ, касавшихся внѣшняго устройства церкви и ея іерархіи, пользовались даже довольно широкою властью. Это подтверждается и сохранившимися историческими памятниками. Такъ, на примѣръ, въ изданномъ Археологическою Коммисіей „Свиткѣ правъ Ярослава“ имѣется повелѣнiе князя о томъ, чтобы всѣ епископы княженiя повиновались преосвященному митрополиту кievскому, подъ страхомъ изверженiя изъ сана и лишенiя престоловъ ². Но подчиняя себя княжеской власти и имѣя въ ней существенную

¹ Первый изъ русскихъ государей, принявшій титулъ царя и вѣнчавшійся на царство, былъ *Иоаннъ Грозный* (Дополн. къ Актамъ историч., I, 47).—См. также статью Пав. Безобразова: „Византійскій царь на московскомъ престолѣ“—„Историч. Вѣстникъ“, за май 1889 г.

² Акты, относящiеся къ исторiи Западной Россiи, т. I, № 106.

опору, отцы и святители русской помѣстной церкви наставляли и воспитывали князей въ духѣ *истиннаго православія*, научая ихъ, словомъ и примѣромъ, чтить неприкосновенность догматовъ вѣры, установленныхъ вселенскими соборами. Князьямъ внушалось, что православная церковь, въ духовномъ ея значеніи, какъ земной органъ незримой христовой церкви, по насажденію и укрѣпленію въ сердцахъ истинъ вѣры, имѣетъ своимъ главою не земного, а небеснаго Владыку—Христа Спасителя. Такимъ образомъ, въ нашихъ первыхъ христіанскихъ князьяхъ твердо укоренилось древнее, коренное понятіе православія, что каждый христіанинъ, какимъ бы земнымъ величіемъ онъ ни былъ облеченъ, есть прежде всего *сынъ* учрежденной Христомъ церкви, а она—его *мать*, наставляющая его на путь истинный и ведущая его ко спасенію. Въ этомъ только качествѣ—въ качествѣ *первыхъ сыновъ церкви*, русскіе князья разумѣли себя ея оберегателями и блюстителями благочинія въ ней. Эти взгляды и понятія объ ихъ отношеніяхъ къ церкви не измѣнились и съ принятіемъ ими, по образованіи Московскаго государства, титула царей и самодержцевъ, по примѣру византійскихъ монарховъ, а затѣмъ, со временъ Петра I, и императорскаго титула. Доказательствомъ этого служатъ дѣйствующіе, нынѣ, у насъ, основные законы, въ коихъ *православный царь*, совершенно согласно съ установившимися въ нашей церкви каноническими правилами, названъ „верховнымъ защитникомъ и хранителемъ догматовъ господствующей вѣры и блюстителемъ правовѣрія и всякаго въ церкви святой благочинія“ (Св. Зак. изд. 1857 г., т. I, Осн. зак., ст. 42). Въ этомъ только смыслѣ,—сказано въ

примѣчаніи къ этой статьѣ, — т. е. въ смыслѣ верховнаго въ государствѣ устроителя вѣшняго церковнаго порядка, Императоръ, въ актѣ о наслѣдіи престола 6 апрѣля 1798 года, именуется *главою церкви*.

Изъ этого видно, что начиная съ первыхъ временъ принятія Русью христіанства, отношенія верховной власти къ церкви имѣли у насъ иной характеръ, чѣмъ цезарео-папство Византіи, болѣе соотвѣтствовавшій духу истиннаго православія, а слѣдовательно, и болѣе правильный. Государя наши, до и послѣ принятія царскаго титула, всегда признавали сами себя и признавались церковью *первородными ея сынами*¹, во всемъ ей послуш-

¹ Это наглядно подтверждается, между прочимъ, словомъ, произнесеннымъ архипастыремъ Платономъ, при коронаціи императора Александра I. Вотъ что было сказано въ этомъ словѣ, по поводу отношеній главы государства къ церкви: „Накоонецъ, благочестію твоему предстанеть и церковь—сія *мать*, возродившая насъ духомъ, облеченная въ одежду, обогрѣнную кровью Единороднаго Сына Божія; сія августѣйшая дщерь неба, хотя довольно для себя находитъ защитою въ Единой Главѣ своей, Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ, яко ограждается силою креста Его, но и къ тебѣ, благочестивѣйшій государь, яко *первородному сыну своему*, простираетъ она свои руки и ими, обнявъ твою любезнѣйшую выю, умоляетъ не престанетъ, да сохранитъ залогъ вѣры цѣль и невредимъ“... Между тѣмъ, иноземные пропагандисты, преимущественно изъ католиковъ, отчасти по незнакомству съ каноническими правилами нашей православной вѣры, отчасти умышленно, изъ личныхъ своихъ видовъ, распространяютъ весьма ошибочныя понятія объ этомъ предметѣ, сравнивая власть русскаго царя надъ церковными установленіями съ властью римскаго папы. Такъ это сдѣлано, между прочимъ, перешедшимъ въ католицизмъ кн. Гагариннымъ, который, въ весьма извѣстной своей брошюрѣ подъ заглавіемъ: „La religion catholique deviendra-t-elle universelle?“, вращавшейся въ 50-хъ годахъ въ публикѣ, какъ заграницею, такъ и у насъ, указывая, подобно другимъ католическимъ аббатамъ и ксендзамъ, на то, что наше православное духовенство и самъ св. синодъ состоятъ въ подчиненіи верховной власти императора, ссылался на это, какъ на благопріятное условіе для сліянія православной церкви съ римско-латинской, подъ общимъ главенствомъ папы.

ными, что касалось *истинъ вѣры и ея догматовъ*. Таковъ былъ прежде, таковъ и теперь *характеръ отношеній* нашихъ православныхъ государей къ господствующей церкви. Составляя отличительную черту этихъ отношеній, съ самаго начала ихъ возникновенія, онъ способствовалъ сохраненію ихъ гармоніи, во всей чистотѣ православія. Православные наши князья и цари не подражали византійскимъ монархамъ въ стремленіяхъ къ управленію внутреннимъ сознаниемъ вѣрующихъ и церкви, къ господству надъ нею, въ этомъ отношеніи, или, другими словами, къ упомянутой выше узурпаціи на землѣ небесной власти Христа Спасителя — единого Главы церкви и Божественнаго Управителя ея внутреннихъ убѣжденій въ области вѣрованій. Въ этихъ проявленіяхъ свѣтской власти, въ Византіи, звучало еще нѣчто *языческое*, расходившееся съ *истинно-православными* понятіями о церкви. Русскимъ государямъ чувство такихъ стремленій было совершенно чуждо. Ни въ эпоху *удѣльно-вѣчевую*, ни въ эпоху *царскаго* своего *самодержавія*, они не обнаруживали посягательства на свободу и независимость церкви, въ дѣлѣ религиозныхъ убѣжденій объ истинахъ вѣры. Они не вторгались въ эту область своею властью, а, напротивъ, всегда охраняли ея чистоту православія и неприкосновенность вселенскихъ догматовъ, освященныхъ общимъ сознаниемъ вѣрующихъ. Отцы и святители нашей русской церкви, съ своей стороны, наставляя и воспитывая государей и народъ въ духѣ православія, не выходили изъ предѣловъ своей духовной миссіи, оставаясь всегда ей вѣрными. Въ совершенную противоположность съ папизмомъ, они не стремились къ присвоенію себѣ

свѣтской власти, даже въ то время, когда были облечены патріаршею властью. Они не вторгались въ область политическую, не нарушали гармоніи своихъ отношеній съ государственною властію. По отношенію къ иновѣрцамъ, они ограничивали свою дѣятельность устными и письменными озобличеніями ихъ религіозныхъ заблужденій, не возбуждая власти и народъ къ насиліямъ надъ ними и неуваженію ихъ человѣческой личности. Они не вводили въ русской землѣ, въ обычай, *помѣстныхъ соборовъ*, тавихъ, какіе безпрестанно созывались въ католическихъ странахъ, съ цѣлью переименованія догматовъ вѣры и приданія авторитетности церковнымъ правиламъ, предписывавшимъ свѣтской власти распространеніе господства церкви, съ помощью огня и меча, или путемъ изданія драконовскихъ законовъ, налагавшихъ на иновѣрцевъ печать отверженія и ставившихъ ихъ внѣ закона.

Вслѣдствіе такого счастливаго, основаннаго на духѣ истиннаго православія, сочетанія на Руси духовной власти со свѣтскою, державные наши властители, слушаясь наставленій отцовъ и святителей церкви и привлекая ихъ, нерѣдко, къ участию въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, въ то же время, сохраняли всегда и за собою свободу дѣйствія въ своей сферѣ, а также въ выборѣ мѣръ, касавшихся упроченія въ русской странѣ господства православной церкви. Мы видѣли, что, слѣдуя духу кротости православнаго ученія, они избрали ту политику домостроительства, о которой упомянуто выше и которая, преслѣдуя одну лишь цѣль *обороны и защиты* господствующаго исповѣданія, была чужда византійскаго и западнаго фанатизма и избѣгала насильственныхъ мѣръ къ прозелитизму. Характеристическая

черта этой политики по *дѣламъ внѣшнимъ* выражалась въ соблюденіи *всёвозможной осторожности* въ завязываніи отношеній съ иностранными землями, гдѣ господствовали отпавшія отъ православія церкви, а по *дѣламъ внутреннимъ*—въ возможномъ предупреденіи случаевъ *сворачиванія* коренного населенія, временно или постоянно жившими среди него иновѣрцами. Къ этому, преимущественно, были направлены всѣ мѣры тогдашней политики относительно этихъ послѣднихъ. Вслѣдствіе сего, съ принятіемъ Русью христіанства, стали устанавливаться болѣе или менѣе тяжкія кары за сворачиванія, а также воспрещенія иновѣрцамъ сооруженія храмовъ, съ цѣлью публичнаго отправленія обрядовъ вѣры, а русскимъ людямъ — вступленія въ бракъ и имѣть домашнія общенія съ людьми, не принадлежавшими къ православію, особенно не-христіанами ¹. Только

¹ Слѣды подобныхъ мѣръ встрѣчаются у насъ еще въ XI столѣтіи и ранѣе. Такъ, напримѣръ, еще въ церковномъ уставѣ Ярослава I было между прочимъ, постановлено слѣдующее: „съ некрещеными, съ иноязычникомъ отъ нашего языка, съ некрещеными, ни пити, ни ѣсти: докогда же крещается, аще кто вѣдая ѣсть и пьеть, да будетъ митрополиту у винъ“ (Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго права—Утина и Лазаревскаго. С.-П.-Б. 1859 г.). Нужно замѣтить, что этого же самаго правила держатся магометане и евреи, такъ какъ и ихъ законъ воспрещаетъ имъ раздѣлять пищу съ иновѣрцами, хотя и не вполне на одинаковыхъ основаніяхъ. Изъ понятія объ оскверненіи себя православнымъ, чрезъ домашнія общенія и раздѣленіе пищи съ некрещеными, вытекло постановленіе содержащееся въ ст. 70 г. XX Уложенія царя Алексія Михайловича о воспрещеніи русскимъ людямъ служить по найму у некрещенныхъ, какъ равно и многія другія подобныя мѣры. Изъ законодательныхъ памятниковъ XVII столѣтія, видно, напримѣръ, что по челобитной церковныхъ причтовъ, въ Москвѣ, о томъ, что „въ приходѣхъ *Нѣмцы* на своихъ дворахъ близко церквей поставили ропаты (?), а Русскихъ людей Нѣмцы у себя въ дворахъ держутъ и всякое оскверненіе Русскимъ людямъ отъ тѣхъ Нѣмцевъ будетъ“, а также о томъ, что „Нѣмцы покупаютъ дворы и дворовныя мѣста,

подобными мѣрами, чисто *охранительнаго* характера, выражалась наша тогдашняя религиозно-политическая нетерпимость къ иновѣрнымъ людямъ христіанскихъ и нехристіанскихъ исповѣданій, за исключеніемъ *внутренняго раскола*, относительно котораго цари наши, и изъ нихъ, какъ извѣстно, особенно царь Алексій Михайловичъ, имѣли болѣе суровые взгляды и принимали болѣе рѣшительныя мѣры. Изъ этого само собою слѣдуетъ, что, согласно съ началами нашей древне-національной политики, всѣ вообще исповѣдовавшіе *прирожденную* имъ религію иновѣрцы, не принадлежавшіе „къ отщепенцамъ“, т. е. къ русскимъ людямъ, отпавшимъ отъ православія, воль скоро они имѣли пребываніе на Руси, въ качествѣ заѣзжихъ гостей или ея подданныхъ, и не были изобличаемы въ стремленіяхъ къ совращеніямъ, пользовались огражденіемъ законовъ отъ всякаго рода поношеній и насилій за вѣру, подъ страхомъ, для нарушителей ихъ спокойствія, царскаго гнѣва и извѣстныхъ, опредѣленныхъ, наказаній. Изъ указа царя Михаила Ѳеодоровича 1545 г., видно, что въ его время, Москва была наполнена всякаго рода иновѣрцами, въ томъ числѣ и нехристіанами. Духовные представители нашей церкви, въ Московскомъ государствѣ, будучи чужды побужденій религиознаго фанатизма, не требовали и сами ихъ гоненій за вѣру. Но еслибъ такой фанатизмъ и существовалъ, тогда, въ нашемъ духовенствѣ, то едва-ли онъ нашелъ бы какую либо обязательную поддержку со

безъ Государеву указу“,—царь Михаилъ Ѳеодоровичъ воспретилъ *нѣмцамъ* и *нѣмкамъ*, въ Китаѣ и Бѣломъ городѣ на Москвѣ и за городомъ въ слободѣ, покупать дворы и повелѣлъ „ропѣты“ сломать (Дополнительный указъ 1643 г. къ Судебнику Іоанна IV Грознаго).

стороны властителей русской земли, въ смыслѣ непрекословнаго повиновенія велѣніямъ духовной власти. Признавая неприкосновенность правъ церкви во всемъ, что касалось религіи и ея догматовъ, они, какъ связано выше, сохраняли за собою *полную самостоятельность* дѣйствія, въ области политики и гражданскихъ дѣлъ.

Такимъ образомъ, въ русской странѣ, *государство*, съ одной, и *церковь*, съ другой стороны, всегда пользовались надлежащею степенью самостоятельности, въ ихъ относительныхъ сферахъ дѣятельности. Съ христіанствомъ не перешли къ намъ изъ Византіи цезарево-папскія отношенія свѣтской власти къ духовной. *Церковь* никогда не теряла у насъ своей *личности* и значенія отдѣльнаго и независимаго, въ дѣлахъ вѣры, органа. Легко быть можетъ, что этому способствовало, между прочимъ, и то обстоятельство, что въ первые вѣка, обнимающіе *удѣльно-вѣчевую* эпоху, князья наши не носили титула *самодержавныхъ царей*, подобно византійскимъ монархамъ. Проникнутые чувствомъ религіознаго благочестія, они смирялись передъ церковью, не утрачивали сознанія о божественномъ ея происхожденіи, предоставляли ей всегда первенствующее значеніе въ дѣлахъ вѣры, чтли свято неприкосновенность ея догматовъ, уважали духовную власть священства. Монгольское иго, какъ крестъ, ниспосланный Богомъ, не ослабило, а укрѣпило эти чувства, которыя съ вѣками приобрѣли непоколебимую силу и всецѣло перешли въ убѣжденія и московскихъ государей. Отцы и святители церкви съ своей стороны, держась твердо православія, не злоупотребляли своимъ вліяніемъ, оставаясь вѣрными своему призванію. Это и было главною причиною уста-

новленія въ русской землѣ той гармоніи отношеній государства и церкви, какой не встрѣчалось въ другихъ христіанскихъ странахъ, не исключая тѣхъ, гдѣ господствуетъ та же, греко-восточная, вѣра. Въ настоящее время, Русское государство состоитъ въ такомъ союзѣ съ своею православною помѣстною церковью уже *цѣлое тысячелѣтіе*. Однимъ изъ самыхъ благотворныхъ послѣдствій этого было то, что *догматическія разномыслія* не перерождались у насъ съ такою легкостью, какъ на Востоку и Западѣ, въ чувство *общественной непріязни* къ людямъ, ни въ пастыряхъ церкви, ни въ государяхъ, ни въ народѣ. Религіозная нетерпимость несравненно рѣже пересаживалась изъ духовной области въ политическую, и человѣческія страсти, не находя, такимъ образомъ, для своего разгула нигдѣ простора, не породили тѣхъ религіозныхъ смуть и волненій, свидѣтелями которыхъ были католическія и протестантскія страны, а также не мало, въ свое время, и Византія.

Прослѣдимъ, теперь, ходъ нашихъ древнихъ религіозно-политическихъ отношеній къ евреямъ съ *первыхъ моментовъ ихъ зарожденія*, подѣ влияніемъ очерченного нами характера общихъ отношеній государства и церкви, какъ между собою, такъ и къ людямъ иновѣрныхъ исповѣданій.

ХП.

Фактъ общезвѣстный, что въ *до-петровскую* эпоху, обнимавшую собою, со времени принятія Русью христіанства, почти полныхъ *восемь вѣковъ*, начала политической вѣротерпимости у насъ, какъ и всюду, не имѣли еще достаточно прочнаго обезпеченія въ поло-

жительномъ выраженіи закона. При отсутствіи же этого условія, въ русской странѣ, подобно тому, какъ и въ другихъ христіанскихъ странахъ, могла легко, подъ влияніемъ идеи господствующей вѣры, водвориться безусловная религіозно-политическая нетерпимость, какъ вообще, такъ и въ *свремѣ*, сопровождающаяся разнаго рода насиліями и причинившая столько бѣдъ на Востокъ и, въ особенности, на Западъ. Но мы видѣли, что, въ землѣ русской, это, однако, не восплѣдовало, благодаря политикѣ того внутренняго домостроительства, которую усвоили себѣ наши православные князья и государи. Въ основаніи ея лежало религіозно-общественное чувство уваженія къ *человѣческой личности, безъ различія націй и вѣры*, хотя и съ проявленіемъ въ политической сферѣ, особенно въ Московскомъ періодѣ, стремленій къ болѣе или менѣе строгому соблюденію осторожности въ сношеніяхъ съ чужеземными людьми иновѣрныхъ исповѣданій. Строгость въ этомъ образѣ дѣйствія зависѣла отъ тогдашнихъ взглядовъ и понятій о степени опасности, какую представляли для интересовъ православія та или другая иновѣрная религія. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что *лютеране* и даже *кальвинисты* считались у насъ, въ то время, сравнительно, менѣе опасными, чѣмъ *римско-латинская церковь*, которая съ самаго ея отпаденія отъ православія признавалась на Руси *еретическою*. Даже Іоаннъ IV Грозный склонился-было къ дозволенію лютеранамъ и кальвинистамъ имѣть въ Москвѣ свои церкви, хотя лѣтъ пять послѣ того, когда такія церкви были сооружены, онъ повелѣлъ ихъ сжечь (Карамз., т. IX, стр. 442). На однихъ только идолопоклонниковъ хри-

стіанская Русь не смотрѣла, какъ на опасныхъ враговъ церкви. Она сознавала, что ихъ грубыя вѣрованія представляютъ лишь духовную мертвенность, требовавшую оживленія силою креста. Но къ религіямъ, основаннымъ на извѣстныхъ догматическихъ принципахъ и, вслѣдствіе этого, болѣе жизненныхъ, наша Русь, возрожденная православіемъ и задавшаяся святою цѣлью храненія его во всей чистотѣ, не могла, конечно, относиться съ полною довѣрчивостію и съ ними не считаться. Въ то время, какъ извѣстно, не существовало никакихъ правильныхъ понятій о международныхъ отношеніяхъ, и Русь имѣла полную возможность не только не впускать въ свои предѣлы, но и изгонять изъ нихъ всѣхъ чужеземцевъ, къ которымъ она питала бы чувство особой неприязни, по степени той опасности, какую они могли, по тогдашнимъ взглядамъ, представлять, для ея религіозно-нравственныхъ или матеріальныхъ интересовъ. Поэтому можно, безошибочно, сказать, что еслибъ такая исключительность находила оправданіе въ нашихъ національныхъ чувствахъ, относительно *евреевъ*, въ эпоху, когда всюду еще господствовало преобладаніе силы надъ правомъ, то очищеніе Руси отъ незначительнаго, тогда, числа появившихся и проживавшихъ въ ней лицъ іудейскаго закона, съ закрытіемъ для нихъ всякаго доступа въ нее, было бы дѣломъ весьма легко осуществимымъ, особенно въ *первые три вѣка* нашего христіанства, т. е. до подпаденія, въ XIV столѣтіи, юго-западной Руси подъ владычество Литвы, а затѣмъ и Польши. Изъ этого слѣдуетъ, что по образу дѣйствія, какъ первыхъ отцовъ русской православной церкви, такъ и пер-

выхъ русскихъ христіанскихъ князей, можно судить каковъ былъ характеръ нашихъ *первоначальныхъ* и *послѣдующихъ религиозно-національныхъ отношеній къ евреямъ*. Если дѣйствительно они подвергались, въ удѣльно-вѣчевомъ и московскомъ періодѣ, какимъ-либо исключительнымъ изъ-за своей *вѣры* или *расы* гоненіямъ и ограниченіямъ въ правахъ, то нельзя, конечно, будетъ не прійти къ убѣжденію и о постоянномъ существованіи къ нимъ, на Руси, той національной неприязни, какую многіе стремятся, нынѣ, положить въ основу нашихъ современныхъ мѣропріятій, относительно евреевъ. Если же, наоборотъ, ничего подобнаго не было, то нужно будетъ согласиться, что предполагаемая, *древне-національная*, неприязнь наша къ евреямъ есть нечто иное, какъ игра воображенія, черпающаго свои представленія о ней изъ предразсудковъ и предубѣжденій и другихъ мутныхъ источниковъ антихристіанскаго человѣконенавистничества.

Переходя къ разсмотрѣнію этого существеннаго предмета, касающагося одного изъ фазисовъ, злосчастныхъ судебъ еврейскаго народа, столь вѣрно и хорошо понятыхъ и изображенныхъ блаженной памяти профессоромъ *Грановскимъ*, мы чувствуемъ себя, однако, въ нѣкоторомъ затрудненіи. Наша литература, къ сожалѣнію, весьма еще бѣдна критическими изслѣдованіями этого рода. „Извѣстія о хозарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и руссахъ“, профессора с.-петербургскаго университета, *Д. А. Хвольсона*, переданныя имъ по источникамъ арабскаго писателя X столѣтія, и небольшая, но весьма существенная, по своему значенію, статья бібліотекаря Императорской

публичной бібліотеки, *А. Я. Гаркави*, подъ заглавіемъ „Русь и русскіе въ средневѣковой еврейской литературѣ“¹, представляютъ едва-ли не единственную, въ новѣйшей нашей литературѣ, попытку къ пролітію свѣта на зарожденіе первоначальныхъ нашихъ отношеній къ евреямъ—какъ до, такъ и послѣ принятія Русью христіанства. Что касается нашихъ историковъ, даже самыхъ лучшихъ, то въ ихъ повѣтствованіяхъ проглядываютъ, вообще, предвзятые взгляды и убѣжденія, которые не даютъ возможности выяснить надлежащимъ образомъ настоящій характеръ нашихъ древне-національныхъ отношеній къ лицамъ іудейскаго закона. Касаясь евреевъ, они говорятъ о нихъ, большею частью, какъ бы вскользь, съ явно предрѣшеннымъ понятіемъ, что это народъ никуда негодный, вселявшій постоянно къ себѣ одну только ненависть и не пользовавшійся никогда у насъ религиозною и общественною терпимостью. При этомъ, говоря о нетерпимости къ нимъ, они не дѣлаютъ, обыкновенно, различія между *духовною* и *гражданскою* невѣротерпимостью, не освѣщаютъ приводимыхъ объ этомъ историческихъ данныхъ и фактовъ общими взглядами и не приводятъ эти послѣдніе въ надлежащее соотношеніе и связь съ положеніемъ вещей, какое, въ то или другое время, устанавливалось и существовало на Руси изъ-за идеи господствующаго исповѣданія. Вслѣдствіе этого, то, что было явленіемъ общимъ, относившимся одинаково ко всѣмъ вообще

¹ Къ предмету нашему имѣетъ нѣкоторое отношеніе и монографія г. Гаркави: „Объ языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси“, а также сочиненіе профессора с.-петерб. унив., С. А. Бершадскаго: „Литовскіе евреи“.

иновѣрцамъ, изображается ими какъ *исключительно касающаяся однихъ только евреевъ*. Явленію частному, случайному, они произвольно придаютъ значеніе тако-го, которое вытекало изъ *принципіально установленнаго порядка*. Съ этой точки зрѣнія, всѣ наши историки, или большая ихъ часть, принимаютъ, нерѣдко, за симптомъ господства въ нашей религіозно-политической сферѣ, извѣстной эпохи, или извѣстнаго періода времени, безусловной нетерпимости къ евреямъ, все: и случаи мѣстныхъ беспорядковъ, сопровождавшихся насиліями, отъ которыхъ страдали не одни евреи, и случаи проявленія жестокостей, въ военное время, каковымъ подвергались то же не одни евреи, и случаи мимутныхъ вспышекъ личнаго фанатизма, въ такомъ, напримѣръ, царѣ, какъ Іоаннъ Грозный, вавшемъ на плаху и русскія головы, и, наконецъ, даже случаи, въ коихъ отцы церкви эвергично изобличали заблужденія еврейской вѣры и обнаруживали христіанскую ревность къ обращенію на путь истинный ея послѣдователей, съ цѣлью ихъ душеспасенія. Все это принимается за чувство *исключительной* ненависти къ евреямъ, безусловной къ нимъ нетерпимости—и духовныхъ лицъ, и князей, и народа. Такимъ образомъ, всѣ *десять вѣковъ* нашихъ *древне-національныхъ отношеній къ евреямъ* отъѣняются *безусловною національно-политическою невѣротерпимостью къ нимъ*, съ представленіемъ о которой соединяется и представленіе объ ихъ постоянныхъ изгнаніяхъ изъ русской страны и недопущеніяхъ въ нее, особенно въ первопрестольный градъ православнаго царя—Москву.

Такой погрѣшности въ изображеніи фактовъ, касаю-

щихся евреевъ, не избѣгли, къ сожалѣнію, между прочимъ, и такіе почтенные историки наши, какъ *Костомаровъ* и *Соловьевъ*.

Первый изъ нихъ, — *Костомаровъ*, въ своемъ жизнеописаніи преподобнаго *Теодосія Печерскаго*, какъ одного изъ главныхъ дѣятелей своего времени (XI вѣка)¹, дѣлая общій выводъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописныхъ сказаній Печерскаго Патерика, касающихся поученій и духовной дѣятельности этого отца нашей церкви, говоритъ, что онъ „вооружался противъ вѣро-терпимости“ и „болѣе всѣхъ ненавидѣлъ жидовъ“. Это даетъ каждому понятіе, что великій угодникъ Божій, котораго чтить вся православная Русь и который, будучи строгъ въ обязанностямъ своего святого, иноческаго, подвижничества, но кротокъ и смиренъ въ сердцѣ, не могъ, казалось бы, по своимъ высокохристіанскимъ добродѣтелямъ, питать ненависти къ кому бы то ни было изъ живыхъ созданій Божіихъ, являлся, однако, на самомъ дѣлѣ, вовсе не таковымъ, дыша, напротивъ, ненавистью не только къ евреямъ, но ко всѣмъ, кто, по своимъ вѣрованіямъ, не принадлежалъ къ православію, внушая свѣтскимъ и духовнымъ сынамъ церкви подобную же ненависть и подвигая ихъ тѣмъ къ *общественной невѣротерпимости*, и, слѣдовательно, — ко всякаго рода насиліямъ надъ иновѣрцами. Не знаемъ, можетъ-ли наша православная церковь, да и самъ русскій народъ, быть признательными историку, за столь рѣзкое искаженіе религіозно-нравственныхъ чертъ одного изъ первостепенныхъ отцевъ нашей церкви? Мы остано-

¹ „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главѣйшихъ дѣятелей“, 31 и 82 стр.

вмся нѣсколько на этой его характеристикѣ, какъ потому, что она касается дѣятеля того времени, когда, впервые, зародились отношенія христіанской Руси къ лицамъ іудейскаго закона, такъ и потому, что представленіе, въ искаженномъ видѣ, историческихъ данныхъ этого рода, составляетъ именно тотъ ключъ, изъ котораго людьми, склонными къ человѣконенавистническимъ чувствамъ, черпается сила нынѣшнихъ возбужденій противъ евреевъ и еврейской части нашего народонаселенія.

Изображеніемъ преподобнаго *Теодосія Печерскаго*, въ изъясненномъ свѣтѣ, ученый его жизнеописатель современнаго намъ вѣка, какъ бы уподобляетъ его тѣмъ римско-латинскимъ пастырямъ, которые, во времена крестовыхъ походовъ, взывали къ монархамъ и народу, побуждая ихъ къ начатію своихъ рыцарскихъ подвиговъ, во имя Христа Спасителя, истребленіемъ мечомъ ближайшихъ его враговъ, т. е., всѣхъ жившихъ среди христіанъ *евреевъ*, или фанатическимъ борцамъ, такимъ, каковымъ былъ причтенный римско-латинскою церковью къ лику святыхъ Людовикъ IX, который, — какъ нами сказано выше, — въ своемъ религіозномъ рвеніи, скорѣ языческаго, чѣмъ христіанскаго духа, предписываетъ каждому христіанину изъ мірянъ, не вступая въ богословскія пренія съ евреемъ, пронизывать его мечомъ каждый разъ, когда тотъ осмѣлится дѣлать ему какія либо возраженія, по поводу христіанскихъ вѣрованій. Между тѣмъ, невѣрность, скажемъ болѣе — непристойность такого взгляда русскаго православнаго человѣка на характеръ поученій и духовной дѣятельности связаннаго святителя, уясняется уже тѣмъ, что приводится,

въ его жизнеописаніи, самимъ г. Костомаровымъ. Имъ цитируются слѣдующія переданныя лѣтописцемъ слова св. Θεодосія: „Живите мирно не только съ друзьями, но и съ врагами, однако, только съ своими врагами, а не съ врагами Божиими; свой врагъ тебѣ тотъ будетъ, кто убилъ бы передъ твоими очами твоего сына или брата; прости ему все; но Божіи враги—*жиды*¹, *еретики*, держащіе кривую вѣру... Нѣтъ лучше вѣры нашей, чистой, честной, святой; живучи въ этой вѣрѣ, можно избавиться отъ грѣховъ, сдѣлаться причастникомъ вѣчной жизни, а тѣмъ, которые пребываютъ въ вѣрѣ, *латинской*, *армянской*, *сарацинской* (магометанской), тѣмъ нѣтъ жизни вѣчной, ни части со святыми... кто хвалитъ чужую вѣру,—тотъ свою хулить, а кто хвалитъ и свою вѣру и чужую разомъ—тотъ двоевѣрецъ; и кто тебѣ скажетъ: и ту и другую вѣру Богъ далъ—ты *скажи ему*: развѣ Богъ двоевѣрент? Писаніе говоритъ: единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе“. Нужно вспомнить, что подобный Θεодосій, отличавшійся схимническою строгостью, поучалъ въ XI столѣтіи, когда насажденіе и укрѣпленіе православія въ народномъ сознаніи требовали особой твердости и энергіи. Но и въ этихъ энергичныхъ его словахъ, если вникнуть въ точный ихъ смыслъ, не содержится ничего иного, какъ наставленіе каждому принявшему православіе держаться твердо и неповолебимо своей вѣры. Изъ этого никакъ нельзя выводить заключеніе о чемъ либо *исклю-*

¹ Нужно замѣтить, что слово „жидъ“ является браннымъ только въ русскомъ нарѣчій, въ древне-славянскомъ же нарѣчій не было иного слова для наименованія евреевъ или іудеевъ; общимъ же укоризненнымъ выраженіемъ для всѣхъ не-исповѣдовавшихъ православную вѣру служило слово „басурманъ“, какъ въ простонародіи это существуетъ и въ настоящее время.

чительномъ относительно евреевъ, такъ какъ преподобнымъ Θεодосіемъ ставятся на одну ногу съ ними и другіе еретикъ: *католики, армяне, сарацины*. Нельзя также выводить изъ этихъ словъ представленія, что преподобный, кромѣ *чисто-духовной невѣротерпимости*, питалъ самъ и наставлялъ питать другихъ еще какую либо другую невѣротерпимость къ иновѣрнымъ людямъ, соединенную съ чувствомъ общественной ненависти къ нимъ и мыслью о какихъ либо угрожающихъ ихъ жизни и спокойствію насильственныхъ мѣрахъ. Въ этомъ же самомъ поученіи, св. Θεодосій, совершенно противоположно Людовику Святому и римско-латинскимъ отцамъ церкви, указываетъ на борьбу съ заблудшими въ кривыхъ и еретическихъ вѣрованіяхъ, не съ оружіемъ въ рукахъ, но словомъ кротости и силою убѣжденія, влады въ уста православныхъ замѣчательныя, по ихъ ясности и категоричности, отвѣты. Если понимать это иначе, и разумѣть вражду съ врагами Божиими, о которой говоритъ преподобный, не *духовную* только, но *общественную* и *политическую*, то нужно допустить и возможность предположенія, что жизнь людей, къ душеспасенію которыхъ онъ стремился, была ему не дорога и что этотъ ревностнѣйшій поборникъ православія по духу истиннаго евангельскаго ученія, былъ способенъ къ подстрекательству народа къ буйству, а въязей—къ войнамъ и истребленію не только евреевъ, но всѣхъ вообще людей, зараженныхъ ересями и заблужденіями. Но лучшимъ доказательствомъ, что великій угодникъ Божій не имѣлъ и не могъ имѣть ничего подобнаго въ своихъ озаренныхъ свѣтомъ истины мысляхъ, и что онъ, напротивъ, дорожилъ жизнью ска-

занныхъ людей, не изглаживалъ въ себѣ и не имѣлъ намѣренія изглаживать въ другихъ православныхъ общечеловѣческихъ къ нимъ чувствъ, — можетъ служить то, что самъ же г. Костомаровъ, какъ бы въ противорѣчіе собственнымъ своимъ выводамъ, говоритъ, что пр. Феодосій, при всей строгости своихъ духовно-религіозныхъ взглядовъ на заблудшихъ людей, тѣмъ не менѣе приказываетъ князю (Изяславу) „всякаго *невѣрнаго* (а слѣдовательно, и еврея), какъ и *правовѣрнаго*, — накормить, одѣть и избавить отъ бѣды“, т. е., другими словами, не отказывать ему въ помощи и надлежащей охранѣ со стороны власти и закона. Эти слова дышатъ христіанскою любовью, но отнюдь не челоуѣконенавистничествомъ. Что поученіями первыхъ отцовъ нашей церкви, какъ равно и всѣми послѣдующими, не только не искоренялись, но всячески укрѣплялись природныя русско-славянскимъ племенамъ чувства гостепріимства и общественнаго уваженія къ каждой личности, безъ различія вѣры и происхожденія, — чувства, которыя и лежали, въ то время, въ основаніи понятій объ общественныхъ и международныхъ нашихъ отношеніяхъ, подтверждается, между прочимъ, „Поученіемъ своимъ дѣтямъ“, или „Духовною“ *Владимира Мономаха*, которая г. Костомаровымъ приводится въ жизнеописаніи этого русскаго князя. Въ ней Мономахъ, въ числѣ другихъ наставленій, поучаетъ своихъ дѣтей, въ духѣ навиданій нашихъ отцовъ церкви, слѣдующими знаменательными словами: „Болѣе всего чтите гостя, *откуда бы онъ къ вамъ ни пришелъ*: посоль-ли, знатный-ли челоуѣкъ или простой, всѣхъ угощайте брашною и питеемъ, а если можно — дарами. Этимъ прославится че-

ловѣе по всей землѣ“. Очевидно, что *общественная невѣротерпимость*, которою нарушалось бы спокойствіе живущаго среди кореннаго населенія чужеземца иновѣрнаго исповѣданія, никогда не была даже въ духѣ русско-славянской національности, особенно со временъ водворенія у насъ православія. Но если г. Костомаровъ, говоря о невѣротерпимости въ жизнеописаніи св. Θεодосія, самъ разумѣлъ только *духовную невѣротерпимость*, то серьезному историку не стоило и выставять эту черту. Какой же духовный представитель своей религіи можетъ быть вѣротерпимъ къ догматамъ, съ нею несогласнымъ? Можетъ-ли католическій пастырь не порицать, а относиться съ похвалою къ вѣрѣ лютеранина или протестанта—и обратно, или пастырь православный—къ той или другой изъ этихъ вѣръ? Невѣротерпимость въ *духовно-религіозной сферѣ* есть чувство весьма естественное, обуславливающее самую жизненность извѣстной религіи, но оно не должно выходить изъ своихъ предѣловъ и обращаться въ чувство ненависти къ людямъ и невѣротерпимость общественную.

Между тѣмъ, есть основаніе къ предположенію, что оба эти чувства отождествлялись въ понятіяхъ такого даже историка, какъ г. Костомаровъ, ибо онъ прямо говорить о пр. Θεодосіѣ, что онъ „*болѣе всѣхъ ненавидѣлъ жидовъ*“; причемъ, различаетъ въ немъ какъ бы два рода ненависти: одну—*общую* ко всѣмъ вообще иновѣрнымъ людямъ и другую—*особую*: — къ *евреямъ*.

Къ заключенію о присутствіи въ пр. Θεодосіѣ этой послѣдней ненависти, г. Костомаровъ приходитъ на томъ основаніи, что въ лѣтописи сказано, что св. угодникъ

ходилъ къ *жидамъ* укорять ихъ, досаждая имъ, называя ихъ беззаконниками и отступниками, и хотѣлъ быть отъ нихъ убитымъ за Христа. Да, преподобный отецъ церкви дѣйствительно ходилъ съ этою цѣлью къ жившимъ въ Кіевѣ евреямъ, но *какъ* и *когда* ходилъ? Въ Печерскомъ Патерикѣ сказано объ этомъ слѣдующее: „Се бо аще обычай имяше блаженный, якоже и многожды, *въ нощи всталъ, отай всѣхъ*, и схожаше къ *жидамъ*, тѣхъ же о Христѣ препирая, коряте и досажаше я тѣмъ, яко отметники и беззаконники тѣхъ нарицаа: жадаше бо еже о Христовѣ исповѣданіи убіенъ быти“. Изъ этихъ словъ лѣтописца ясно видно, что пр. Θεодосій имѣлъ ревностное желаніе убѣдить проживавшихъ въ Кіевѣ евреевъ въ истинахъ православной вѣры, обратить ихъ въ нее, изъ цѣли ихъ же душеспасенія. Желаніе же кому либо христіанскаго душеспасенія никакъ не можетъ быть принято за признакъ ненависти къ нему, и къ тому же еще преимущественной. Вѣрнѣе и правильнѣе, напротивъ, предполагать въ такомъ стремленіи дѣйствіе любвеобильнаго чувства. Чѣмъ болѣе упорства обнаруживали евреи въ своихъ вѣрованіяхъ и заблужденіяхъ, тѣмъ болѣе проявлялъ св. угодникъ ревности къ ихъ обращенію на путь истинный, тѣмъ болѣе видѣлъ онъ для церкви торжества въ достиженіи своей душеспасительной цѣли. Въ этомъ рвеніи пр. Θεодосій не опасался досаждать евреямъ, укорять ихъ, называя отступниками (отметниками) и беззаконниками. Но укоризна, въ этомъ случаѣ, не можетъ тоже быть принимаема за признакъ ненависти, но скорѣе за признакъ душевной скорби, такой точно, какую ощущалъ самъ Спаситель, когда, обращаясь къ книжникамъ и фарисе-

ямъ, называлъ ихъ „лицемѣрами“, „змїями“ и „порожденїями ехиднинными“ (Матѣ., гл. 23, ст. 13—15, 23, 27, 29 и 39), а затѣмъ на крестѣ, въ мукахъ, о нихъ же молился, взывая къ Отцу Своему: „Отче! отпусти имъ, не вѣдають бо, что творять“. (Лук., гл. 23, 34). Не можетъ быть сомнѣнїя, что, въ подражанїе этому, поступилъ бы такимъ же образомъ и преподобный Θεодосїй, елибъ принялъ смерть отъ іудеевъ. Но ничего подобнаго не послѣдовало, однако, хотя Θεодосїй ходилъ къ нимъ въ Кїевѣ, въ ночное время, въ то именно, когда они, по своимъ религіознымъ обычаямъ, собирались для отправленїя своихъ молитвъ, чтенїя Св. Писанїя и духовныхъ бесѣдъ. Нельзя также не замѣтить, что хотя г. Костомаровъ и утверждаетъ, что пр. Θεодосїй, предпринявъ этотъ подвигъ, желалъ быть убитымъ именно отъ іудеевъ, но это не вполнѣ согласно съ словами лѣтописи, такъ какъ въ ней сказано только: „жадаше бо еже о Христѣ исповѣданїи убиенъ быти“. Нельзя предполагать, чтобы въ XI ст., въ Кїевѣ, хожденїя Θεодосїя, въ ночное время, и притомъ, какъ сказано въ лѣтописи, тайно отъ всѣхъ, не представляло для него, вообще, опасности, совершенно независимо отъ евреевъ. Христіанскїй его подвигъ, съ завѣдомымъ рискомъ для своей жизни, свидѣтельствуетъ только о самоотверженїи угодника въ этомъ случаѣ, а это еще болѣе подтверждаетъ присутствїе въ немъ не ненавистныхъ, но скорѣе любвеобильныхъ чувствъ къ заблудшимъ іудеямъ, такъ какъ, по изреченїю евангельскому: „Больше сея любве никтоже имать, да кто душу свою положить за друзи своя“ (Іоан. XV, 13). Крестная смерть Спасителя и всепрощенїе, дарованное Имъ на

крестѣ виновникамъ его земныхъ страданій, не есть ли доказательство Его любвеобилія въ народу, изъ котораго онъ изошелъ? Тайное ото всѣхъ хожденіе Θεодосія къ евреямъ указываетъ на его осторожность въ дѣлѣ своихъ духовно-религіозныхъ препирательствъ съ евреями и его явственное намѣреніе не привлекать къ этому народа, не возбуждать его и княжескую власть противъ евреевъ. То же самое можно сказать и о причтенныхъ къ лику святыхъ, другихъ отцахъ нашей церкви, этого же XI столѣтія: *Лука Жидяты*, епископъ Новгородскомъ и *Иларіонъ*, митрополитъ кievскомъ—современникахъ Ярослава I. Они письменно изобличали заблужденія евреевъ, съ *богословской* точки зрѣнія, но изъ писаній ихъ не усматривается, чтобы они возбуждали противъ нихъ народъ и князя.

Этотъ образъ дѣйствія первыхъ святителей вполне убѣждаетъ, что они, въ совершенную противоположность тому, что происходило въ Византіи, и особенно на Западѣ, подъ главнымъ руководствомъ римскихъ первосвященниковъ, не были склонны къ перенесенію невѣротерпимости изъ *духовно-религіозной* области въ *общественную* или *политическую*, какъ вообще, такъ и по отношенію къ *евреямъ*. Этому же самому направленію слѣдовали наши князья и государи.

Вслѣдствіе этого, въ то самое время, какъ въ Византіи и на Западѣ, цѣлымъ рядомъ церковныхъ и свѣтскихъ постановленій, эдиктовъ, декретовъ и буллъ, устанавливался *принципiальный порядокъ*, въ силу котораго признавалось актомъ благочестія и достойнѣйшимъ дѣломъ лишать евреевъ гражданскихъ правъ и подвергать ихъ разнаго рода гоненіямъ, а иной разъ и истребленію массами,

съ помощью огня и меча, — въ нашихъ русскихъ законодательныхъ памятникахъ, начиная съ Русской Правды и церковнаго устава Ярослава ¹⁾ и кончая Уложениемъ царя Алексія Михайловича 1649 года и его „новоуказными статьями“, не встрѣчается ничего относительно евреевъ, кромѣ, болѣе или менѣе, строгихъ наказаній за соvrращенія и нарушенія воспрещеній, преимущественно, духовнаго свойства, какъ то: относительно вступленія въ бракъ, раздѣленія съ православными пищи, совмѣстнаго сожителства въ домахъ, найма въ услуженіе христіанъ, держанія ихъ у себя рабами и т. п., однимъ словомъ — только возбраненій или ограниченій, которыя, съ точки зрѣнія извѣстной уже намъ политики внутренняго домостроительства, признавались, въ то время, необходимыми въ интересахъ религіозной цѣли обереженія чистоты православія. Къ тому же, всѣ этѣ мѣры не представляли, вообще, ничего *исключительнаго* по отношенію къ евреямъ, касаясь, въ одной мѣрѣ, и другихъ не-христіанъ. Самыя наказанія за нарушение сказанныхъ постановленій усилены лишь въ *московскомъ* періодѣ; въ *удѣльно-вѣчевомъ* же періодѣ они являются весьма слабыми, ограничиваясь одними лишь *денежными пенями* и *духовнымъ покаяніемъ*. Такъ, въ церковномъ уставѣ Ярослава I сказано, между прочимъ: „Аще жидовинъ или бусурманинъ ²⁾ съ русскою

¹⁾ Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго Русскаго права, — Утияна и Лазаревскаго. Сиб. 1859 г.

²⁾ Извѣстно, что въ народѣ русскомъ существовалъ и существуетъ, отчасти, и нынѣ, обычай именовать басурманомъ каждаго, кто не осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ, по православному обычаю. Нѣкоторыя узаконенія въ эпоху Московскаго государства даютъ поводъ къ предположенію,

будеть, иноязычници: митрополиту 8 гривенъ, а русскою поняши въ домъ церковный“, и еще тамъ же: „Аще кто съ бусурманкою или жидовкою блудъ совершитъ, а не женится: отъ церкви да отлучится и отъ христіанъ, а митрополиту 12 гривенъ. А тѣмъ вмѣстѣ разлучить мужа съ женою“. Изъ смысла этого постановленія видно, что въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ, за вступленіе въ бракъ русской съ не-христіаниномъ, въ томъ числѣ, и съ евреемъ, не полагалось даже никакого наказанія, кромѣ признанія брака ничтожнымъ и его расторженія. Существованіе, въ законахъ и обычаяхъ извѣстныхъ требованій, предъявлявшихся къ иновѣрцамъ, между прочимъ, и къ *евреямъ* — есть фактъ, который, самъ собою, утверждаетъ въ мысли, что въ то время, *евреи*, принципиально, были скорѣе терпимы, чѣмъ нетерпимы въ русской странѣ. Отсутствіе же въ древнихъ нашихъ памятникахъ постановленій, которыми *іудею*, отправлявшему богомоленіе по своему закону, было бы безусловно воспрещено пребываніе на землѣ русской, какъ это встрѣчалось, нерѣдко, въ Византіи и на Западѣ, изглаживаетъ, вполнѣ, всякое на счетъ этого сомнѣніе. Что касается *ограниченій въ правахъ жительства, торговли и промысловъ* евреевъ, какъ временно пріѣзжавшихъ въ русскую страну, такъ и имѣвшихъ въ ней постоянную осѣдность, то такихъ мѣръ вовсе не встрѣчается въ нашихъ древнихъ законодательныхъ памятникахъ, ни *удѣльно-вѣчевого*, ни *московскаго* періода. Изъ этого можно заключать, что

что слову „бусурманъ“ придавалось и болѣе тѣсное значеніе, разумѣя подъ нимъ только не-христіанъ, державшихся обряда обрѣзанія, какъ-то: евреевъ, татаръ, турокъ.

подобнаго рода ограниченія, въ то время, не было въ обычаѣ устанавливать принципиально, путемъ княжескихъ и царскихъ повелѣній. Напротивъ, имѣются весьма положительныя историческія данныя, что, начиная съ самыхъ первыхъ временъ нашего христіанства, вплоть до конца царствованія Петра Великаго, евреи имѣли вполне свободный доступъ въ русскую страну и, проживая тамъ, въ качествѣ *временно пріѣзжихъ* и даже *остальныхъ* жителей, пользовались въ ней защитой и охраной княжеской и царской власти, хотя и не въ смыслѣ людей, состоящихъ въ русскомъ подданствѣ, но на основаніи тогдашнихъ общихъ понятій о международныхъ сношеніяхъ съ чужеземными гостями. Причемъ, ни въ удѣльно-вѣчевомъ, ни московскомъ періодѣ, не было примѣра, чтобы властители русской земли обнаруживали, въ этомъ случаѣ, какіе либо *корыстолюбивыя* замыслы и устанавливали для себя, подобно французскимъ и германскимъ властителямъ, источникъ дохода съ евреевъ, взиманіемъ съ нихъ особыхъ пошлинъ за право пользованія защитой и охраной ихъ власти. Нѣкоторыя историческія данныя даютъ право заключать, что евреи пользовались, въ отношеніи свободнаго пріѣзда въ русскую страну и прожительства въ ней, сравнительно, большими даже правами, чѣмъ многіе другіе чужеземцы христіанскихъ вѣроисповѣданій. Такъ, на примѣръ, весьма извѣстно, что, до Петра I, *ганзейскіе купцы, англичане, голландцы* и другіе иностранцы, изъ *римско-католиковъ* и *протестантовъ* — могли появляться, на Руси, не иначе, какъ на основаніи особыхъ договоровъ, или жалованныхъ грамотъ. Между тѣмъ, съ образованіемъ русскаго царства, такому же ограниченію

изъ евреевъ подверглись у насъ только подвластные польской коронѣ, т. е. *польско-литовскіе*, какъ для насъ *чужеземные*. Но изъ этого никакъ нельзя выводить заключеніе, что по древне-русскимъ православнымъ обычаямъ, земля русская должна была считаться безусловно закрытою для всѣхъ іудеевъ, вообще. Евреи, напротивъ, всегда пользовались у насъ правомъ пріѣзда и поселенія въ странѣ, въ силу установившагося издревле *обычнаго права* ихъ допущенія въ русскую страну. Если вѣрить Татищеву, то евреи, предлагавшіе св. Владиміру свою вѣру, были изъ числа тѣхъ, которые Святославомъ, т. е. въ X еще столѣтіи, плѣнены, во время войнъ съ хозарами, и поселены въ Кіевѣ, по рѣкѣ Роси и въ другихъ городахъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что въ XI столѣтіи, они уже существовали на Руси и спокойно проживали въ ней, въ качествѣ осѣдлыхъ людей. Въ Кіевѣ имѣлась, въ то время, цѣлая улица, населенная евреями, которые и были предметомъ усиленныхъ стремленій преподобнаго Феодосія Печерскаго и другихъ нашихъ отцовъ церкви къ обращенію въ христіанство. Хотя Татищевъ и утверждаетъ, что Владиміръ Мономахъ, призванный кіевлянами на княженіе, „убѣжденный общею ненавистью къ евреямъ (ибо они многихъ людей отвращали отъ христіанства и завладѣли торговлею)... выслалъ всѣхъ жидовъ“, что съ того времени ихъ не было въ нашемъ отечествѣ, и что народъ, обыкновенно, убивалъ, будто, тѣхъ, которые дерзали пріѣзжать въ Россію; но разсказъ этотъ, будучи основанъ не на лѣтописяхъ, а на собственныхъ предположеніяхъ г. Татищева, не заслуживаетъ никакого вѣроятія. Исторіографъ нашъ, Карамзинъ, прямо опровергаетъ фактъ

изгнаніе евреевъ изъ Кіева Владиміромъ Мономахомъ и считаетъ его вымысленнымъ. Въ доказательство этого, онъ ссылается на лѣтописныя сказанія, изъ коихъ видно, что евреи существовали въ Кіевѣ, и во время княженія Владиміра Мономаха, и что только за годъ до его кончины, а именно въ 1124 году, ихъ жилища, въ числѣ другихъ, были истреблены случившимся, въ то время, пожаромъ. Г. Костомаровъ, въ своемъ жизнеописаніи этого князя, также ничего не упоминаетъ о предполагаемомъ изгнаніи имъ евреевъ изъ Кіева, но передаетъ только встрѣтившійся, въ 1113 году, во время призыва кіевлянами Владиміра Мономаха на княженіе, случай разграбленія евреевъ. Онъ описываетъ этотъ случай съ извѣстными уже намъ предубѣжденіями его противъ евреевъ и говоритъ, что недовольные изъ кіевлянъ поборами прежняго ихъ князя Святополка напали на домъ его любимца Путаты и разграбили также жидовъ, котормъ „потакалъ Святополкъ во время своего княженія и повѣрялъ собраніе доходовъ“. Такимъ образомъ, свой рассказъ объ этомъ случаѣ Г. Костомаровъ опять-таки старается объяснить общественною, въ то время, ненавистью къ евреямъ, примѣшивая къ *религиознымъ* причинамъ мысль о возбужденіи евреями *народнаго* къ себѣ неудовольствія, за участіе въ княжескихъ поборахъ. Но едва-ли изображеніе имъ сказаннаго случая, въ этомъ свѣтѣ, можно признать исторически-вѣрнымъ. Карамзинъ, придерживавшійся болѣе строго лѣтописей, передаетъ этотъ случай нѣсколько иначе. Вотъ что имъ говорится по поводу его: „Отказъ (Владиміра Мономаха отъ предложенія гражданъ кіевскихъ о княженіи послѣ Святополка) имѣлъ несчастныя послѣдствія. Кіев-

ляне не хотѣли слышать о другомъ государѣ, а мятежники, пользуясь безначаліемъ, ограбили домъ Тьсяцкаго, — именовъ Путята, и всѣхъ *жидовъ*, бывшихъ подъ особымъ покровительствомъ корыстолюбиваго Святополка. Спокойные граждане, приведенные въ ужасъ такими безпорядками, вторично звали Мономаха. „Спаси насъ, — говорили послы, — отъ *неистовства черни*; спаси отъ грабителей дома печальной супруги Святополковой, собственные наши дома и святые монастыри“ (т. II, стр. 141 и примѣч. 114).

Изъ этого достаточно ясно, кажется, усматривается, что, въ приведенномъ случаѣ, буйствовала одна лишь чернь, подстрекаемая партіей недовольныхъ, что спокойные граждане не участвовали въ этомъ и что евреи сдѣлались, слѣдовательно, жертвою совершенно *случайнаго безпорядка*, приключившагося въ промежутокъ времени, когда, по смерти Святополка, царствовало въ Кіевѣ безначаліе. Фактъ спокойнаго, затѣмъ, пребыванія тамъ тѣхъ же самыхъ евреевъ, во время княженія Владимира Мономаха, служить, самъ собою, опроверженіемъ распространяемыхъ мнѣній, какъ объ ихъ изгнаніи, будто, этимъ княземъ, такъ и объ особой къ нимъ ненависти княжеской и народной.

Есть, впрочемъ, еще одинъ, относящійся къ тѣмъ временамъ, случай, который служить, для нѣкоторыхъ) поводомъ къ изображенію евреевъ въ неблаговидномъ свѣтѣ, съ цѣлью вселенія убѣжденія, что они въ древней нашей Руси не пользовались и не могли пользоваться иными чувствами народа, кромѣ *національной его ненависти* къ нимъ — это сохранившійся въ нашихъ лѣтописяхъ и нѣсколько поэтизированный плачь, по убійству

Андрея Боголюбскаго, его слуги изъ кіевлянъ, нѣкоего *Кузьмище*. По разсказу Костомарова, Андрей Боголюбскій, отличавшійся, вообще, неимовѣрною жестокостью, сдѣлался еще жесточе подѣ конецъ своего княженія. У него былъ любимый, и, слѣдовательно, пользовавшійся его довѣріемъ, слуга Якимъ Кучковичъ (по Карамзину—родъ Кучковичей или Кучки былъ боярскій и Андрей Боголюбскій былъ женатъ на родной сестрѣ Якима). Недовольный тѣмъ, что князь казнилъ его брата, Якимъ Кучковичъ составилъ заговоръ, въ которомъ участвовало 20 человѣкъ, и въ числѣ ихъ находились ключники *Амбалъ*, родомъ Ясинъ (по Костомарову—кавказецъ, а по Карамзину—болгарь) и нѣкто *Ефремъ Моузицъ*, еврей. Принималъ-ли онъ участіе въ самомъ убійствѣ князя или нѣтъ,—остается не разъясненнымъ. По Карамзину, умертвилъ князя одинъ Амбалъ. По Костомарову,—его поражали мечами, саблями и копьями нѣсколько лицъ, но былъ-ли въ числѣ ихъ упомянутый еврей—тоже не сказано. По убіеніи князя явился одинъ изъ преданныхъ его слугъ, кіевлянинъ Кузьмище и завелъ громкій плачъ, въ которомъ сперва укорялъ одного Амбала въ убійствѣ, называя его еретикомъ, *жидомъ*, а затѣмъ, разразившись укоридами противъ всѣхъ, вообще, неправославныхъ, называетъ «поганью», не только евреевъ, но и *латинянъ*, и *болгаръ*, и *всякихъ другихъ христіанъ*, кто не принадлежалъ къ православной церкви. Изъ такого плача кіевлянина, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ числѣ 20-ти заговорщиковъ нашлись два иновѣрца, изъ коихъ одинъ былъ еврей, и выводится нѣкоторыми заключеніе о *древне-національной ненависти* русскаго народа къ евреямъ.

Мы предоставляемъ каждому судить о справедливости и логичности такого вывода и ограничимся указаниемъ только на тотъ фактъ, что за всю удѣльно-вѣчевую эпоху, обнимающую собою почти *шесть столѣтій*, кромѣ упомянутаго выше случая приключившихся въ Кіевѣ, вслѣдъ за смертью Святополка, безпорядковъ, отъ которыхъ пострадали, между прочимъ, и *евреи*, — нѣтъ историческихъ свѣдѣній о другихъ случаяхъ, въ коихъ они подвергались бы подобнымъ же насиліямъ, и что, вообще, самые предубѣжденные противъ нихъ историки наши не указываютъ никакихъ лѣтописныхъ сказаній, изъ которыхъ можно было бы заключать, что евреи при князьяхъ были предметомъ преслѣдованій и гоненій, на основаніи *княжескихъ* о томъ повелѣній и распоряженій. Между тѣмъ, нельзя не замѣтить, что въ то время, когда всюду господствовало преобладаніе силы надъ правомъ, малѣйшій поводъ, со стороны евреевъ, къ народной неприязни могъ всегда сдѣлаться, тогда, гибельнымъ для нихъ, особенно въ первомъ столѣтіи по принятіи Русью греко-восточной вѣры, когда князьями нашими принимались энергичныя мѣры къ ея водворенію въ странѣ господствующимъ исповѣданіемъ. Но именно въ этомъ столѣтіи, установилось или, вѣрнѣе сказать, сохраниено за евреями ихъ *древнее обычное право* свободного пріѣзда и проживательства въ русской странѣ, безъ всякихъ особыхъ жалованныхъ на то грамотъ или привилегій, на основаніи которыхъ былъ у насъ обычай допускать въ предѣлы государства всѣхъ, вообще, чужеземцевъ, даже изъ христіанъ, и которыми евреи снабжались такъ обильно въ Германіи и другихъ западныхъ странахъ, изъ корыстолюбивыхъ цѣлей, за деньги. Въ

XIII столѣтіи, имѣются явные слѣды мирнаго и спокойнаго пребыванія евреевъ въ русско - княжескихъ удѣлахъ. Такъ, напримѣръ, изъ приведеннаго у Карамзина разсказа современнаго князю Владиміру (Іоанну) Васильковичу лѣтописца, Длугоша, видно, что смерть этого князя (въ 1289 г.)—любителя правды, кроткаго, милостиваго, трезваго, прозваннаго за ученость философомъ, была оплакиваема всѣмъ населеніемъ,—въ томъ числѣ и евреями. „Солнце наше,—сказано въ лѣтописи,—зайде намъ и въ обидѣ всѣ остахомъ... И тако плававшая надъ нимъ все множество Володомірцовъ, съ Нѣмцы и Сурожцы, и Новгородцы, и *Жидове* плакухусь, аки за взятіе Іерусалима“... ¹.

Хотя за время удѣльно-вѣчевого періода, болѣе или менѣе, положительныя историческія данныя имѣются лишь о евреяхъ, жившихъ въ Кіевѣ и западныхъ удѣльныхъ княжествахъ; но въ виду несомнѣнности факта установившагося вышеупомянутаго обычнаго для нихъ права пріѣзда и пребыванія въ русской странѣ, ни въ чемъ не ограничивавшаго, ни ихъ правъ жительства и свободнаго передвиженія, ни ихъ торговой и промышленной въ ней дѣятельности, есть основаніе предполагать, что они, кромѣ юго-западныхъ, проникали и въ другія ея земли, какъ-то: Новгородскую, Смоленскую, Суздальскую, Черниговскую и Сѣверскую, Муромскую и Рязанскую, и друг. Обстоятельство, что на службѣ у Андрея Боголюбскаго, князя суздальскаго, находился, между прочимъ, упомянутый выше еврей Моизичъ (Карамзинъ называетъ его чиновникомъ князя), безъ упомина-

¹ „Истор. Рос. Госуд.“ т. IV, стр. 180 и примѣч. 246.

нія въ лѣтописяхъ, что онъ взятъ княземъ изъ числа евреевъ, проживавшихъ въ Кіевѣ, подтверждаетъ предположеніе, что евреи, съ самыхъ древнихъ временъ, могли находиться, и въ тѣхъ частяхъ русской страны, которыя составляютъ, нынѣ, наши, такъ называемыя, внутреннія губерніи. Подпаденіе, въ XIV столѣтіи, юго-западной Руси подъ владычество, сперва *Литвы*, гдѣ еще издревле жили евреи, а потомъ *Польши*, гдѣ, въ то время, находилось уже значительное еврейское населеніе, составившееся изъ массы евреевъ, бѣжавшихъ изъ Германіи, должно было естественно стянуть въ тамошніе центры, и евреевъ, которые могли проживать въ глубинѣ русской страны. Близость Польши къ другимъ европейскимъ странамъ, гостепріимство, оказанное нѣмецкимъ евреямъ, и ея большая, сравнительно, развитость тогда, въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, весьма понятно, должны были сосредоточить евреевъ, преимущественно, тамъ и не располагать ихъ къ движенію въ сѣверо-восточныя части русской страны, гдѣ были, въ тѣ вѣка, непроходимыя еще дебри, мало заселенныя и мало удобныя, какъ для жительства, такъ и для торговаго и промышленнаго развитія. Нельзя, однако, не замѣтить, что если нѣтъ положительныхъ историческихъ данныхъ къ утвержденію, что въ земляхъ Руси, которыя находились подъ русскимъ владычествомъ и собирались въ Московское государство, оставалось, затѣмъ, болѣе или менѣе, значительное число евреевъ, то нѣтъ такихъ же данныхъ къ рѣшительному отрицанію этого. Несомнѣнно только то, что по историко-національнымъ началамъ нашего политическаго домостроительства, усвоеннымъ русскими князьями и государями, со

время принятія ими христіанства, сношенія съ чужеземцами не-христіанскихъ исповѣданій, какъ-то: *турками, татарами, персіанами, евреями* и вообще съ людьми, появившимися у насъ съ восточныхъ странъ, считались менѣе опасными, для интересовъ православной церкви, чѣмъ сношенія съ чужеземцами западныхъ странъ, гдѣ господствовали отпавшія отъ православія христіанскія церкви, признававшіяся у насъ еретическими. Поэтому, въ то время, какъ впусценіе въ русскую страну чужеземцевъ, со стороны запада, въ томъ числѣ, и изъ Польши, обусловливалось понятіемъ о необходимости предварительныхъ договоровъ съ государями этихъ странъ или представителями торговыхъ союзовъ, такихъ, на примѣръ, какъ Ганза,—впусценіе чужеземцевъ, со стороны востока, основывалось на *обычномъ правѣ*, каковымъ евреи и пользовались на Руси, сравнительно, въ болѣе даже широкихъ размѣрахъ, чѣмъ другіе восточные люди. Покоренныхъ, по сверженіи монгольскаго ига, татаръ, населявшихъ отвоеванныя отъ нихъ страны, нельзя, конечно, причислять въ разрядъ такихъ людей, такъ какъ на нихъ стали у насъ смотрѣть, тотчасъ же, какъ на подданныхъ государства.

Разсмотримъ, теперь, нѣкоторыя историческія данныя, которыя подтверждаютъ, что замѣчаемая въ началѣ царскаго періода нѣкоторая чуждаемость евреевъ касалась, исключительно, однихъ *польско-литовскихъ*, что она вызывалась, преимущественно, мыслью огражденія московскаго купечества отъ иноземной торговой конкуренціи, не касалась, исключительно, купцовъ *еврейскаго происхожденія* и отнюдь не можетъ быть принимаема за признакъ существованія на Руси, и въ сказанномъ періодѣ, *прин-*

ципиально установленной религиозно-политической нетерпимости ко всемъ вообще лицамъ іудейскаго закона, подобно тому, какъ, въ ту же самую эпоху—это было, повсемѣстно, въ другихъ христіанскихъ странахъ на Западѣ.

ХІІІ.

Прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что въ *царскомъ* періодѣ, какъ и *удѣльно-вѣчевомъ*, не замѣчается ни обычасвъ, ни законовъ, которыми *іудею*, потому только, что онъ іудей, пребывающій въ заблужденіяхъ своихъ вѣрованій, воспрещалось бы появленіе на землѣ русской. Равнымъ образомъ, не замѣчается и то, чтобы упомянутые выше церковно-гражданскіе запреты, которыми обуславливалось, въ тѣ времена, понятіе о возможности пребыванія каждаго инородца не-христіанина среди русскаго кореннаго населенія, носили на себѣ какую либо печать *исключительности*, по отношенію собственно къ *евреямъ*. За совращенія и другія нарушенія вышесказанныхъ запретовъ, они вазнились, *въ одной мѣрѣ*, съ другими не-христіанами, державшимися *обряда обръзанія*.

Изъ всѣхъ древнихъ нашихъ законодательныхъ памятниковъ, какъ-то: церковныхъ и гражданскихъ постановленій временъ удѣльно-вѣчеваго періода, значительная часть которыхъ собрана въ Русской Правдѣ, Судебниковъ, Стоглава, Уложенія царя Алексѣя Михайловича и разныхъ княжескихъ и царскихъ повелѣній, грамотъ и договоровъ—не видно, чтобы издревле существовавшее *обычное право* пребыванія на Руси, о которомъ сказано выше и коимъ пользовались, въ числѣ

другихъ не-христіанъ, и *евреи*, было отмѣнено или видоизмѣнено какими либо общими или частными о нихъ постановленіями. Изъ этого можно заключать, что такое право сохраняло свою силу и дѣйствіе, и въ *царскомъ* періодѣ. Но само собою разумѣется, что со времени утраты нами юго-западныхъ областей, въ XIV ст., оно могло касаться только евреевъ, имѣвшихъ *древнее пребываніе* на Руси, или пріѣзжавшихъ съ восточныхъ странъ, съ коими не было еще обычая заключать, вообще, торговые договоры. Распространяться же на евреевъ, подпавшихъ подъ польско-литовское владычество, оно, очевидно, уже не могло, такъ какъ на нихъ начали смотрѣть, у насъ, какъ на *чужеземцевъ*, состоявшихъ въ подданствѣ польской короны, вообще, для насъ, не пріязненной. Съ этой точки зрѣнія, стали признаваться необходимыми договорныя съ Польшей соглашенія, для впусценія такихъ евреевъ въ предѣлы Русскаго государства. Поэтому, если, со времени образованія Московскаго государства, ихъ доступъ въ него сталъ затрудняться, то это происходило не столько вслѣдствіе какой либо *исключительной религіозно-политической неприязни* къ евреямъ, вообще, сколько вслѣдствіе установившагося въ собирателяхъ Русской земли, особенно со временъ Іоанна III, строгости взгляда на сношенія съ людьми чужеземныхъ странъ Запада, въ томъ числѣ, особенно Польши, какъ сдѣлавшейся, по своимъ завоевательнымъ притязаніямъ, враждебною для насъ страной. Извѣстно, на примѣръ, что этотъ московскій государь нашъ, держась уже твердо идеи единодержавія, лишилъ своихъ младшихъ сыновей, которымъ, еще по древнимъ обычаямъ, далъ въ удѣлъ отдѣльныя области, нѣкото-

рыхъ важнѣйшихъ прерогативъ княжеской власти, въ томъ числѣ и права непосредственныхъ внѣшнихъ сношеній, а слѣдовательно, и заключенія договоровъ съ иноземными странами.

Характеръ договоровъ съ Польшею, по предмету подвластныхъ ей евреевъ, обрисовывается нашими историками весьма непріязнымъ и истолковывается, обыкновенно, господствомъ у насъ, въ ту эпоху, *принципіальной мысли* о недопущеніи вообще евреевъ къ пребыванію или водворенію на русскихъ земляхъ, среди кореннаго православнаго населенія.

Нѣкоторые лица, не расположенныя соблюдать исторической истины, когда дѣло идетъ о евреяхъ, указываютъ тотчасъ на *Іоанна IV Грознаго*, какъ на государя, олицетворявшаго собою предполагаемую въ древнемъ періодѣ нашихъ отношеній къ евреямъ политику безусловной къ нимъ нетерпимости. Въ этомъ случаѣ, ссылаются, обыкновенно, на два слѣдующихъ обстоятельства: 1) на его отказъ польскому королю Сигизмунду II Августу въ требованіи о допущеніи литовскихъ евреевъ къ торговлѣ въ Россіи и 2) на жестокость, съ какою Іоаннъ поступилъ съ евреями при взятіи, въ 1563 году, *Полоцка*, повелѣвъ топить въ Двинѣ тѣхъ, которые не захотѣли бы принять крещенія.

Для того, чтобы дать себѣ ясный отчетъ о настоящемъ значеніи этихъ двухъ случаевъ, какъ равно о томъ, вытекали-ли они изъ какихъ либо принципіальныхъ воззрѣній, предпошлемъ нѣсколько словъ изъ общей характеристики Грознаго, сдѣланной Костомаровымъ—этимъ точнымъ и правдивымъ историкомъ, когда только рѣчь не идетъ специально о *евреяхъ*: „Иванъ, — говоритъ

г. Костомаровъ,—не былъ безусловно глупъ, но, однако же, не отличался, ни здравыми сужденіями, ни благо-разуміемъ, ни глубиною и шириною взгляда. Воображеніе, какъ всегда бываетъ съ нервными натурами, брало у него верхъ надъ всѣми способностями. Напрасно старались бы мы объяснить его злодѣянія *какими ни-будь руководящими цѣлями...* *Свирѣпость* Ивана Васильевича постигала не одно высшее сословіе, но и народныя массы, какъ показываетъ бойня въ Новго-родѣ, травля народа медвѣдами, для забавы, отдача опричникамъ на расхищеніе цѣлыхъ волостей и т. п. Иванъ былъ человѣкъ въ высшей степени *безсердечный*: во всѣхъ его дѣйствіяхъ мы не видимъ, ни чувства любви, ни привязанности, ни состраданія; если, среди совершаемыхъ злодѣяній, повидимому, находили на него порывы раскаянія... то это дѣлалось изъ того же, сво-рѣе суевѣрнаго, чѣмъ благочестиваго, страха Божьяго наказанія... Будучи вполнѣ *человѣкомъ злымъ*, Иванъ представлялъ собою также образецъ *чрезмѣрной лжи-восты*, какъ бы въ подтвержденіе того, что злость и ложь идутъ рука-объ-руку. Такимъ образомъ, Иванъ Васильевичъ, *въ своихъ письмахъ, сочинялъ небывалыя событія...* или же передъ польскимъ посломъ свали-валъ вину разоренія Москвы татарами на своихъ пол-ководцевъ, а себя выставялъ храбрецомъ, когда на дѣлѣ было совсѣмъ не то“.

Этой замѣчательно точной и вѣрной характеристикѣ соотвѣтствуетъ, вполнѣ, и рассказъ Карамзина о случаѣ, касающемся отказа Казимиру II Августу въ его требо-ваніи, относительно своихъ литовскихъ евреевъ. Дѣло въ томъ, что, по смерти Сигизмунда I (1548), новый

король, Сигизмундъ II Августъ, прислалъ въ Мѡскву пословъ, для заключенія мира, но, по невыгодности предлагавшихся имъ условій, зашла рѣчь только о перемиріи, причемъ шли споры о титулѣ: король Августъ признавалъ царя только великимъ княземъ, а царь не называлъ его даже королемъ. „Были, — продолжаетъ Карамзинъ, — и другія неудовольствія. Государь, предлагая 2,000 рублей выкупа за нашихъ знатныхъ плѣнниковъ, князей Θεодора Оболенскаго и Михайла Голицу, получилъ отказъ, и самъ отказалъ королю въ его требованіи, чтобы *евреи литовскіе* могли свободно торговать въ Россіи, *согласно съ прежними договорами*. „Нѣтъ, — отвѣчалъ Іоаннъ: — сіи люди привозили къ намъ отраву тѣлесную и душевную: продавали у насъ смертоносныя зелья и злословили Христа Спасителя; не хочу объ нихъ и слышать“. Изъ этого ясно видно, что единственною побудительною причиною къ отказу королю Казиміру въ его требованіи, относительно литовскихъ евреевъ, служило желаніе Іоанна отвѣчать отказомъ на его отказы, а средствомъ для прикрытія своего истиннаго побужденія формальнымъ предлогомъ — *ложный и суевѣрный* вымыселъ о евреяхъ вообще. Что касается отданнаго Іоанномъ въ Полоцкѣ приказанія перетопить всѣхъ евреевъ въ Двинѣ, то это не имѣло иной побудительной причины, кромѣ постоянно овладѣвавшей Грознымъ необузданной и свирѣпой жестокости, составлявшей самую выдающуюся черту его характера. Костомаровъ и Карамзинъ одинаково повѣтствуютъ, что тогда же, по его приказанію, служившіе у него татары перебили въ Полоцкѣ и всѣхъ *бернардинскихъ* монаховъ. Такимъ образомъ, цѣлью перваго поступка было мщеніе

Казимиру, а второго—удовлетвореніе жестокому и свирѣпому чувству. Ни тотъ, ни другой поступокъ Іоанна не имѣютъ, слѣдовательно, ничего общаго съ здоровою политикой и нашими религіозно-національными воззрѣніями. Еслибъ король Казиміръ не отказалъ въ требованіяхъ Іоанна, то можно навѣрное сказать, что онъ не отказалъ бы и въ его требованіи, относительно литовскихъ евреевъ. Костомаровъ, какъ бы въ оправданіе жестокаго поступка Грознаго съ евреями въ Полоцкѣ, замѣчаетъ, что онъ былъ предубѣжденъ, будто, противъ нихъ тѣмъ, что когда-то въ Москвѣ пріѣхавшіе для торговли іудеи были выгнаны за то, что торговали „муіею“ (?), продавали отравныя зелья и отводили людей отъ христіанства. Былъ-ли или не былъ, въ дѣйствительности, взятый Іоанномъ въ предлогъ случай изгнанія евреевъ изъ Москвы—въ лѣтописяхъ нашихъ нѣтъ точныхъ и положительныхъ указаній. Между тѣмъ, несомнѣнно то, что король Казиміръ, при сказанномъ своемъ требованіи о допущеніи въ Россію литовскихъ евреевъ, ссылаясь на *прежніе договоры наши* по этому предмету, изъ чего можно заключить, что такіе договоры существовали и что въ прежнее время, до Іоанна Грознаго, не воспрещался пріѣздъ въ Россію и польско-литовскимъ, т. е. чужеземнымъ для насъ, евреямъ.

Нужно полагать, что сами евреи не подавали повода къ религіозному противу себя раздраженію народа и духовенства. Слѣдовъ *религіозной борьбы іудейства* съ православіемъ вовсе не имѣется. На Западѣ, средневѣковыя преданія изобилуютъ ложными и суевѣрными вымыслами о евреяхъ, въ родѣ приведеннаго выше; но наши народныя преданія содержатъ несравненно меньше такихъ

вымысловъ, не взирая на весьма близкія соотношенія съ евреями, въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ, когда кіевскія земли не подпали еще подъ владычество польско-литовское. Вообще, лѣтописи наши не содержатъ сказаній, переполненныхъ, подобно тому, какъ, среди западныхъ народностей римско-латинской вѣры, суетвѣрными обвиненіями евреевъ въ разнаго рода изувѣрствахъ и злодѣяніяхъ, или дающими право заключать объ ихъ стремленіяхъ къ соращеніямъ въ іудейство. Въ католическихъ и протестантскихъ странахъ, не имѣется также историческихъ свѣдѣній, чтобы ихъ преслѣдовали тамъ, между прочимъ, и по поводу этого рода религіозныхъ стремленій. Склонности къ нимъ евреи не обнаруживали въ тѣхъ даже христіанскихъ странахъ, гдѣ нѣкогда они пользовались, сравнительно, лучшимъ положеніемъ. Такъ, напримѣръ, въ Польшѣ, при *Пястахъ*, которые имъ покровительствовали, евреи находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ позднѣйшее время. Это продолжалось около *четыреохъ вѣковъ*. Между тѣмъ, нѣтъ историческихъ слѣдовъ ихъ обвиненія, за этотъ продолжительный періодъ времени, не только въ стремленіяхъ къ прозелитизму, но даже въ какомъ либо противодѣйствіи христіанской проповѣди, среди языческихъ племенъ и народовъ, только что начавшихъ тогда обращаться въ христіанство. *Языческія времена* представляли, казалось бы, самыя благопріятныя условія для борьбы евреевъ съ христіанствомъ, еслибъ, по законамъ ихъ вѣры, они сознавали миссіонерскую для себя обязанность къ ея распространенію. Дальнѣйшая исторія Польши не представляетъ, равнымъ образомъ, данныхъ, которыя давали бы право заключать, что евреи обна-

руживали какія либо религіозныя движенія, въ смыслѣ пропаганды и совращенія христіанъ въ свою вѣру. Причиною же жестокихъ гоненій, воздвигнутыхъ на евреевъ тамъ, въ XV столѣтіи, а также ограниченій, какими подверглись ихъ права со вступленіемъ на престолъ династіи Ягеллоновъ, было не рвеніе евреевъ къ приобрѣтенію изъ христіанъ послѣдователей своей вѣры, но, напротивъ, рвеніе католиковъ къ ихъ обращенію въ римско-латинскую вѣру или къ истребленію огнемъ и мечомъ тѣхъ изъ нихъ, которые упорствовали въ своихъ вѣрованіяхъ.

Въ христіанской Руси, какъ уже извѣстно, ничего подобнаго не было. За исключеніемъ упомянутаго выше случая жестокости Іоанна Грознаго въ Полоцкѣ,—случая, который, нужно замѣтить, былъ относительно евреевъ, сравнительно, даже менѣе жестокъ, чѣмъ относительно бернардинскихъ монаховъ, ибо евреи могли предупредить свое топленіе въ Двинѣ черезъ принатіе крещенія, тогда какъ бернардинскіе монахи были умерщвлены безошадно, — исторія нашей древней Руси не представляетъ примѣра, ни насилій совѣсти евреевъ, съ цѣлью обращенія ихъ въ христіанство, ни репрессивнаго образа дѣйствія, который вызывался бы ихъ религіознымъ и общественнымъ поведеніемъ. Хотя г. Гаркави и не отрицаетъ возможности, что находившіеся среди евреевъ, обитавшихъ на Руси (преимущественно въ Кіевѣ), въ первое время нашего христіанства, ихъ хазарскіе прозелиты, не будучи въ сущности природными евреями, могли, въ свою очередь, имѣть склонность къ прозелитизму; тѣмъ не менѣе, кроткое обхожденіе съ ними нашихъ первыхъ отцовъ церкви и осторожность,

какую они соблюдали, когда ощущали духовную потребность въ наставленіи и вразумленіи евреевъ,—примѣромъ чему служить, между прочимъ, описанный нами выше образъ дѣйствія св. Θεодосія Печерскаго,—не давали евреямъ повода, изъ чувствъ самозащиты, вступать съ духовенствомъ, какъ въ Византіи, въ жаркіе богословскіе диспуты и состязанія. Изъ того, что пр. Θεодосій ходилъ къ евреямъ, а не евреи приходили къ нему, можно заключать, что со стороны ихъ не было, въ этомъ случаѣ, ничего вызывающаго или наступательнаго. Поэтому, если въ твореніяхъ нашихъ святителей, какъ въ тѣ времена, такъ и позднѣе, и встрѣчались богословскія изобличенія еврейскаго невѣрія, то этому никакъ нельзя, справедливымъ образомъ, присвоить значеніе *взаимной* религіозной борьбы христіанства съ іудействомъ. Можно даже сказать, что, въ ту эпоху, наша церковь непріязненныхъ столкновеній съ іудействомъ, въ его внѣшнихъ проявленіяхъ, вовсе не имѣла. Лѣтописи наши, писавшіяся, преимущественно, духовными лицами, не содержатъ въ себѣ обвиненій, чтобы послѣ того, какъ *Владиміромъ Святимъ* было отвергнуто предложеніе еврейскихъ старѣйшинъ (по всей вѣроятности, изъ хазаровъ) о принятіи имъ и его народомъ іудейскаго исповѣданія и предпочтено христіанство, евреи организовали бы, съ своей стороны, какую либо пропаганду, съ цѣлью противодѣйствія распространенію христіанства, среди населявшихъ Русь языческихъ племенъ. Г. Малышевскій приписываетъ нѣкоторую правдоподобность имѣющемуся, въ Печерскомъ Патерикѣ, разсказу объ оболъщеніи *Никиты Затворника* неизвѣстнымъ евреемъ или іудействующимъ христіаниномъ. Г. Гаркави не отвергаетъ возможно-

сти такого случая, но справедливо замѣчаетъ, что сказаніе объ этомъ весьма темно и запутано, а потому не можетъ и имѣть значенія вполнѣ достовѣрнаго факта.

Такимъ образомъ, до XV столѣтія, т. е. въ теченіи *шести вѣковъ*, въ историческихъ нашихъ преданіяхъ не встрѣчается никакихъ почти разсказовъ, ни о единичныхъ случаяхъ совращенія въ іудейскую вѣру, ни о проявленіяхъ среди евреевъ какого либо принципиальнаго къ этому стремленія. Евреи, во все это продолжительное время, пользовались, вообще говоря, спокойно установившимся на Руси *обычнымъ правомъ* ихъ допущенія къ временному или постоянному проживательству въ ея предѣлахъ, безъ всякихъ стѣсненій или ограниченій въ ихъ правахъ жительства, торговли и промысловъ. Легкость наказаній, какія, въ то время, были установлены за нарушеніе ими различныхъ церковныхъ запрещеній, въ томъ числѣ даже и за совращеніе въ іудейство, свидѣтельствуетъ, что древняя Русь особой опасности съ ихъ стороны, для своихъ религиозныхъ интересовъ, не видѣла. Князья, нерѣдко, принимали ихъ въ свою дружину, и есть историческія свѣдѣнія, что, съ образованіемъ, въ XV столѣтіи, въ степяхъ южной Украйны (Малороссіи), *казачества*, евреи вступали въ ряды казаковъ и участвовали въ ихъ военныхъ подвигахъ, не измѣняя своей вѣры. Это усматривается изъ переведенныхъ Г. Гарьави, на русскій языкъ, вопросовъ и отвѣтовъ раввина *Тогеля-Серкеса* (Баха) и такихъ же вопросовъ и отвѣтовъ раввина *Мейера Люблинскаго*, напечатанныхъ на еврейскомъ языкѣ, первые во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ 1697 г., а вторые,

въ Венеціи, въ 1618 году („Авты“, изданные Виленскою Археогр. Ком., т. V, стр. 173).

Только въ XV ст., въ царствованіе *Іоанна III*, прослалась народная молва, по которой появившаяся сперва въ Новгородѣ, а потомъ и въ Москвѣ, такъ называемая, „*жидовская ересь*“ или секта „жидовствующихъ христіанъ“, отвергавшая ученіе о святой Троицѣ, почитаніе иконъ, святыхъ и т. п., приписывалась нѣкому Схарію или Захарію—еврею, жившему въ Кіевѣ. Нужно совершенно не знать евреевъ и еврейства, чтобы дать малѣйшую правдоподобность подобной молвѣ. Ниже будетъ разъяснено, что, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, *пропаганда іудейской вѣры* и, тѣмъ менѣе, основаніе и распространеніе *отдѣльныхъ сектъ и ересей*, представляющихъ *смѣсь христіанства съ іудействомъ*,—вовсе не въ духѣ религиозныхъ законовъ евреевъ, особенно *евреевъ-талмудистовъ*, которые, въ то время, наводнили уже собою польскія провинціи и съ которыми смѣшались издревле обитавшіе въ Литвѣ и на Руси. Но, кромѣ внутренней своей несообразности съ дѣйствительными явленіями въ еврейской жизни, сказанная молва не подтверждается и историческими данными. Самъ Г. Иловайскій, напримѣръ, вовсе не даетъ вѣры, чтобы упомянутая ересь изошла отъ евреевъ. Въ его учебникахъ прямо говорится, и преподается, слѣдовательно, юношеству, что она скорѣе была продуктомъ распространившихся уже тогда реформаціонныхъ идей, которыя проникали въ Новгородъ, съ запада. Въ Новгородѣ существовала уже ранѣе подобная же ересь, такъ называемыхъ „стригольниковъ“, возникшая въ XIV столѣтіи и отрицавшая всю духовную іерархію и таинства. Осно-

вателемъ ея былъ дьяконъ-растрига, нѣкій *Картъ*, изъ числа *русскихъ православныхъ*, и она вовсе не приписывалась евреямъ и по народной даже молвѣ о ней. Крайняя сомнительность какого либо участія евреевъ и въ ереси, названной „*жидовскою*“, подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣтъ никакихъ свѣдѣній, чтобы послѣдователи ея держались обряда *обрѣзанія*, безъ котораго іудейство не мыслимо. Ересь эта распространялась лицамъ изъ нашего же духовенства. Она нашла себѣ тайныхъ послѣдователей и покровителей въ такихъ даже лицахъ, какъ любимецъ Іоанна III, дьякъ *Федоръ Курицынъ*, царская невѣстка *Елена*, жена *Іоанна Молодого* и дочь молдавскаго господаря, и архимандритъ Симонова монастыря, *Зосимъ*, возведенный въ санъ митрополита. Но ни тайные, ни явные послѣдователи жидовской ереси не были, однако, уличаемы по внѣшнему знаку выполненія надъ собою обряда обрѣзанія. Они изобличались и преслѣдовались по *роду и свойству* своихъ еретическихъ вѣрованій, въ основаніи которыхъ лежали начала *реформаціоннаго* духа. Отрицаніе ими, между прочимъ, коренного догмата православія о святой Троицѣ могло, въ тѣ времена суевѣрія и невѣжества, давать легкій поводъ къ народнымъ толкамъ о еврейскомъ или „*жидовскомъ*“ происхожденіи ереси. Между тѣмъ, изъ имѣющихся о ней историческихъ свѣдѣній видно, что хотя созданнымъ, по ея поводу, духовнымъ соборомъ множество лицъ были преданы самымъ жестокимъ казнямъ, но что въ числѣ ихъ не былъ казненъ, однако, *ни одинъ еврей*. Весьма осязательнымъ доказательствомъ, что и тогда даже, ни въ народѣ, ни въ правительствѣ, не существо-

вало твердыхъ убѣжденій о виновности именно евреевъ въ сказанной ереси, можетъ служить то обстоятельство, что нѣтъ никакихъ историческихъ слѣдовъ, чтобы при Іоаннѣ III и послѣдующихъ нашихъ царяхъ (не считая, конечно, упомянутыхъ выше случаевъ жестокостей Грознаго), евреи подвергались какимъ либо особымъ гоненіямъ и чтобы наши *обычныя бытовья отношенія* къ нимъ въ чемъ либо измѣнились. То же самое можетъ быть сказано и о нѣсколько позднѣйшей сектѣ Бакишина, съ чѣмъ опять соглашается и самъ Г. Иловайскій, какъ это видно изъ объясненій объ этой сектѣ, имѣющихся на стр. 504 только что появившейся третьей части его „Русской исторіи“¹.

Первая изъ сказанныхъ ересей—*жидовская*—могла еще вселить, на нѣкоторое время, въ народномъ сознаніи мысль, что виновниками ея возникновенія были іудеи, и дать поводъ къ народной объ этомъ молвѣ, *во первыхъ*, потому что она публично названа была жидовскою, а *во вторыхъ*, потому что пронесся слухъ, что распространителемъ ея былъ, будто, жившій въ Кіевѣ, упомянутый выше еврей Схарій, рассказы о которомъ вполнѣ исторически не подтверждаются. Что касается ереси *Бакишина* и *Косого*, то не могло быть и

¹ Вотъ что сказано тамъ Г. Иловайскимъ о *сектѣ Бакишина*, возникновеніе которой кн. Голицынъ приписываетъ еврейству: секта Бакишина—ересь новгородскихъ многожидовствующихъ все также выражаетъ стремленіе—замѣнить вѣру въ Св. Троицу единою ипостасью; въ чемъ собственно напоминаетъ религію іудейскую. Но съ этимъ вмѣстѣ, она точно также напоминаетъ *аріанство* и *нѣкоторыя другія древне-христіанскія ереси*, вмѣстѣ съ *византійскимъ иконоборствомъ*. Къ этому, собственно русскому, вольнодумству, идущему отъ временъ строгольниковъ, можетъ быть, примѣшивались нѣкоторыя постороннія имъ вмѣстѣ теченія *нѣмецко-лютеранскаго* и *литовскаго соцініанствъ*“.

народнаго сознанія о какой либо прикосновенности къ ней евреевъ, такъ какъ объ этомъ не было и повода къ народной молвѣ. Хотя же эту ересь нѣкоторые изъ тогдашняго духовенства, и приводили въ отношеніе съ „жидовскою“, но совершенно произвольно и не согласно съ убѣжденіями многихъ другихъ духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ троицкаго игумена *Артемія*, который былъ ревностнымъ защитникомъ православія, а между тѣмъ, выражалъ крайнія сомнѣнія въ справедливости присвоенія сектѣ Бакшина названія „жидовской“ (Знаменскій, стр. 153 и 154).

Во всякомъ случаѣ, можно съ достовѣрностью сказать, что произвольные навѣты на евреевъ, въ тѣ времена, когда, какъ справедливо замѣчаетъ пр. *Знаменскій*, можно легко было завинить челоуѣка въ ереси за всякій недоумѣнный вопросъ, не оставляли въ политической нашей сферѣ никакихъ слѣдовъ. Вслѣдствіе этого, не усматривается, чтобы обычаи и законы царскаго періода въ чемъ либо измѣнили наши древнія бытовныя отношенія къ евреямъ и установили порядокъ, въ силу котораго было бы принято за принципиальное правило не имѣть никакихъ сношеній съ *иудеямъ* и не допускать его къ проживательству на землѣ русской.

Хотя Карамзинымъ и другими нашими историками приводится рассказъ, что посланникъ царя Василія III (въ началѣ XVI ст.), *Дмитрій*, въ разговорѣ своемъ съ историкомъ *Павломъ Ловіемъ*, въ Римѣ, сказалъ ему, между прочимъ, что „мы евреями гнушаемся и не дозволяемъ имъ вѣзжать въ Россію“, но едва-ли справедливо присвоивать этому разсказу какое либо значеніе. Изъ приведенныхъ словъ нельзя, конечно. ВЫ,

замѣтить, что посланникъ Дмитрій говорилъ не объ изгнаніи евреевъ изъ Россіи, но только о недопущеніи ихъ прїѣзда въ нее. Поэтому, нѣтъ никакихъ положительныхъ основаній къ заключенію, чтобы Дмитрій въ своей бесѣдѣ съ Іовіемъ разумѣлъ всѣхъ вообще евреевъ, не исключая тѣхъ, которые на основаніи обычнаго своего права могли издревле поселиться и обитать въ Россіи. Рѣчь шла, очевидно, только о *чужеземныхъ* евреяхъ, т. е. *польско-литовскихъ*. Нашъ посолъ XVI ст. настолько былъ уже дипломатомъ, что не считалъ нужнымъ быть, въ этомъ случаѣ, вполне искреннимъ съ постороннимъ лицомъ. Въ дѣйствительности же, до Іоанна Грознаго, евреи *польско-литовскіе* допускались къ намъ, по особымъ договорамъ съ Польшею, на которые и ссылался, какъ объяснено выше, король Сигизмундъ-Августъ, при своемъ требованіи отъ Іоанна Грознаго, относительно допущенія въ Россію тамошнихъ евреевъ. Но Дмитрій, нужно полагать, имѣлъ поводъ скрыть отъ Іовія это обстоятельство. Поводъ этотъ, по всей вѣроятности, былъ *чисто религиозный* и весьма, впрочемъ, понятный. Бесѣдуя въ Римѣ съ приверженцемъ папскаго престола и зная, что, съ римско-латинской точки зрѣнія того времени, нетерпимость къ евреямъ служила однимъ изъ признаковъ христіанскаго благочестія, русскій посолъ, естественно, не желалъ выставить своего государя, православную церковь и себя менѣе, въ этомъ отношеніи, благочестивыми, менѣе обладающими ревностью къ христіанству, чѣмъ католики, и вступать съ своимъ собесѣдникомъ въ какіе либо объ этомъ споры и пререканія. Такимъ образомъ, отзывъ, чій Іовію о евреяхъ нашимъ посломъ, обнаружи-

васть только въ немъ человѣка, стоявшаго, болѣе или менѣе, на высотѣ своего призванія. На самомъ же дѣлѣ, евреи пользовались у насъ, въ то время, какъ и прежде, несравненно значительнѣйшею степенью вѣротерпимости и лучшимъ социальнымъ положеніемъ, чѣмъ въ другихъ христіанскихъ странахъ. Они не были у насъ *безправны*; образъ дѣйствія нашихъ государей не былъ направленъ къ лишенію ихъ всякаго человѣческаго достоинства, съ цѣлью обращенія ихъ права прожительства въ странѣ въ особую для себя доходную статью, какъ это дѣлали французскіе и германскіе монархи и владѣтельные князья. Тѣ евреи, которые пріѣзжали въ Россію, на основаніи договоровъ съ Польшею, какъ равно и тѣ, которые, обитая издревле въ Россіи, имѣли постоянное въ ней жительство, пользовались одинаковымъ правомъ защиты и охраны со стороны власти и закона. Есть слѣды, что, начиная съ XVII столѣтія, дѣлается у насъ уже законодательное различіе между *своими, русскими, и чужеземными евреями*. Утилитарная мысль выжимки изъ евреевъ, какъ лицъ безправныхъ, денежной для себя пользы вовсе не была присуща политикѣ нашихъ государей, и взглядъ, какой проводится на этотъ предметъ И. Г. *Оршанскимъ*, въ его сочиненіи „Русское законодательство о евреяхъ“, является весьма ошибочнымъ и исторически совершенно невѣрнымъ.

Не относившійся къ евреямъ, съ надлежащимъ безпристрастіемъ, почтеннѣйшій историкъ нашъ Костомаровъ, въ своемъ „Очеркѣ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII ст.“, хотя и говоритъ, что евреи подвергались, въ то время, изгнаніямъ изъ Москвы,

но онъ не объясняетъ, *какіе именно евреи*, и, вообще не даетъ никакихъ специальныхъ разъясненій по этому предмету. Онъ ограничивается ссылкой на англійскаго посла Карлейля (Carlisle); но изъ его повѣствованія видно, что изгнаніямъ тѣмъ подвергались не одни *евреи*, а также и *католики*, изъ чего можно уже заключить, что случаи тѣхъ изгнаній, если и были, то касались исключительно только *польскихъ евреевъ*, а не принципиально всѣхъ вообще. Вотъ его подлинныя слова, какъ они приводятся Костомаровымъ: „Москвитяне охотно терпѣли всѣхъ европейцевъ въ своей странѣ, лишь бы они были протестанты; только *католики* и *жиды* подвергались изгнанію“. Столь неопредѣленному разсказу едва-ли можно придавать вообще значеніе и, тѣмъ менѣе, выводить изъ него заключеніе, что евреи были предметомъ какихъ либо *исключительныхъ* мѣръ, вытекавшихъ изъ принципиально установившейся у насъ религіозно-національной нетерпимости къ нимъ. Карлейль, какъ англичанинъ, былъ протестантомъ и желалъ изобразить Россію страной, которая обнаруживала терпимость только въ протестантамъ. Отчасти это справедливо. Изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, *римско-латинское*, какъ непосредственно отпадшее отъ греко-восточной церкви и образовавшее ввѣшній расколъ, всегда признавалось у насъ наиболѣе опаснымъ для интересовъ православія, особенно въ виду того, что римскій престолъ, кромѣ религіозныхъ, постоянно преслѣдовалъ и *политическія цѣли*. Но этотъ принципиальный взглядъ не имѣлъ прямого отношенія къ вѣроисповѣданіямъ *не-христіанскимъ*. Наша православная церковь оберегалась отъ нихъ мѣрами нѣсколько иного

свойства и характера, зависѣвшихъ, главнымъ образомъ, отъ того обстоятельства, что въ составѣ русскаго народонаселенія имѣлось уже, и въ то время, много нехристіанъ, державшихся обряда обрѣзанія, въ томъ числѣ и евреевъ. Упомянутый разсказъ Карлейля не содержитъ никакихъ достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣній о случаяхъ изгнанія изъ Москвы католиковъ и евреевъ. По разсказу этому нельзя судить—встрѣчались-ли дѣйствительно такіе случаи и если встрѣчались, то *когда именно, при какихъ обстоятельствахъ и что служило настоящимъ къ нимъ поводомъ*. Подробностей объ этомъ не приводитъ и Костомаровъ; но изъ дѣлаемой имъ общей характеристики московской торговли въ XVI и XVII ст., видно, что наше купечество того времени не терпѣло вообще конкуренціи со стороны иноземныхъ и иновѣрныхъ купцовъ, изображало эту конкуренцію, какъ нѣчто вредное для себя и государства, какъ злоупотребленіе, которое не можетъ и не должно быть терпимо, и находило въ этомъ, нерѣдко, поддержку въ правительствѣ того времени, когда наши торговля отношенія съ иноземными землями не имѣли еще достаточныхъ гарантій въ международномъ правѣ и когда, вообще, не существовало еще правильныхъ понятій о *политико-экономическомъ* значеніи *торгово-промышленнаго соперничества*. Государственная власть оказывала тѣмъ охотнѣе поддержку своему купечеству, въ его проискахъ и домогательствахъ, что это совпадало и съ тогдашними религіозно-политическими взглядами, относительно необходимости и пользы возможнаго избѣжанія всякихъ сношеній съ иноземцами, изъ видовъ обереженія чистоты правосла-

вія. Пользуясь этимъ, купцы наши, какъ это объясняется и въ „Очеркъ“ Костомарова, постоянно жаловались то на *англичанъ* и *голландцевъ* — при Иоаннѣ Грозномъ, то на *нѣмцевъ*, *персіанъ* и *всякихъ иноземцевъ* — при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Подобныхъ жалобъ не могли, конечно, избѣгнуть и *евреи*, пріѣзжавшіе изъ непріязненной намъ Польши, въ качествѣ купцовъ, для торговли. Вотъ что текстуально говоритъ объ этомъ самъ Костомаровъ: „Купцы, пріѣзжавшіе изъ Польши и Литвы, не пользовались въ Москвѣ ни благосклоннымъ приемомъ правительства, ни расположеніемъ народа, особенно *католики* и *жиды*, которыхъ не терпѣли москвитяне“. При этомъ Костомаровымъ не дается ближайшихъ разъясненій — кого именно онъ разумѣетъ подъ москвитянами и народомъ, всѣ-ли вообще классы населенія, или одно только *купечество*. Если же разсматривать приведенныя слова въ связи съ имѣющимися въ „Очеркъ“ общими историческими данными о московской торговлѣ, то скорѣе нужно полагать, что къ полякамъ и польскимъ евреямъ непріязненно относилось, преимущественно, наше *купечество*, хотя нельзя, конечно, отвергать и того, что послѣ недавнихъ, въ то время, смуть, въ которыхъ Польша принимала столь дѣятельное участіе, *польскіе купцы* изъ *католиковъ* и *евреевъ* не могли, естественно, пользоваться особою пріязнью, и со стороны всего русскаго народа. Неудивительно, поэтому, если тогда, отъ времени до времени, встрѣчались высылки и изгнанія изъ Москвы и Россіи всякаго рода иноземныхъ купцовъ, преимущественно же польскихъ, въ томъ числѣ и пріѣз-

жавшихъ, изъ Польши и Литвы, *чужеземныхъ* для насъ евреевъ.

Нѣкоторые, желая установить связь такихъ изгнаний съ предполагаемою у насъ въ древнемъ періодѣ принципиальною нетерпимостью къ евреямъ, ссылаются на воспослѣдовавшій въ царствованіе Θεодора Алексіевича указъ его 12 сентября 1676 года, который озаглавленъ слѣдующимъ образомъ: „Объ отсылкѣ въ Посольскій приказъ евреевъ, пріѣзжавшихъ *утайкою* въ Москву съ товарами“, и содержитъ текстуально слѣдующее: „Которые Евреяне впредь пріѣдутъ съ товары утайкою въ Москвѣ и учнутъ являться и товары свои записывать въ Московской Большой Таможнѣ, и тѣхъ Евреянъ изъ приказа Большаго Приходу присылать въ Посольскій приказъ, и товары ихъ въ Таможнѣ не записывать, для того, что по указу Великаго Государя Евреянъ съ товары и безъ товаровъ изъ Смоленска пропускать не велѣно“. Изъ этого до сихъ поръ вышло заключеніе, что всѣмъ вообще евреямъ доступъ въ Москву и даже въ Россію былъ совершенно закрытъ и что если они порой появлялись у насъ, то только *тайно, укрادкою*, подвергаясь, при ихъ обнаруженіи, немедленной высылкѣ изъ русскаго государства. Но такое заключеніе весьма ошибочно. Во первыхъ, надлежитъ замѣтить, что приведенный указъ касается опять-таки только *чужеземныхъ* евреевъ, пріѣзжавшихъ изъ Польши и Литвы по смоленской дорогѣ, которая, какъ объяснено въ упомянутой статьѣ Н. И. Костомарова, была, въ то время, обычнымъ трактомъ для всѣхъ вообще иноземныхъ купцовъ, пріѣзжавшихъ къ намъ, сухимъ путемъ, съ запада. Во вторыхъ же,

видно, что вслѣдствіе существовавшихъ въ Москвѣ нѣкоторыхъ стѣснительныхъ для сказанныхъ купцовъ, торговыхъ обычаевъ, о которыхъ мы имѣли уже случай говорить, не только евреи, но купцы и другихъ націй, появлялись тамъ, нерѣдко, *тайно*, объѣзжая заставы, какія еще по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича были учреждены по смоленской дорогѣ, въ Вяземскомъ уѣздѣ. Безъ этой уловки, каждый прибывшій въ Москву иноземный купецъ былъ бы поставленъ въ необходимость тотчасъ заявлять о себѣ формально въ таможенѣ, и затѣмъ, начать свой торгъ не прежде, какъ когда царь выберетъ себѣ изъ привезеннаго товара что пожелаетъ. Хотя избранные предметы оплачивались изъ государственной казны по ихъ стоимости, но обычай этотъ былъ сопряженъ съ проволочками времени, весьма, вѣроятно, убыточными для торговыхъ людей. Зная это, многіе изъ нихъ, при несовершенствахъ тогдашняго полицейскаго и торгово-финансоваго надзора, успѣвали пробираться въ Москву *тайно* и сбывать значительную часть своего товара, до формальнаго заявленія о себѣ въ таможенѣ. Этимъ пользовались, между прочимъ, и прїѣзжавшіе изъ-за границы купцы, изъ *евреевъ*. Вообще, *тайное появленіе иноземцевъ* въ Москвѣ, съ товарами и безъ товаровъ, строго воспрещалось, и для предупрежденія подобныхъ случаевъ указомъ царя Алексѣя Михайловича, 30 іюня 1654 года, было повелѣно учредить упомянутыя выше заставы, для надзора за проѣзжающими, которые задерживались и допрашивались. При всемъ томъ, проступокъ тайнаго появленія иноземцевъ въ Москвѣ не подвергался, однако, никакому другому наказанію, кромѣ воспрещенія производства торга и

высылки нарушителя изъ Москвы и Россіи, безъ конфискаціи самаго товара. Это соблюдалось, и относительно *евреевъ*, которымъ не было опредѣлено, сравнительно болѣе строгаго за это наказанія, какъ это видно изъ упомянутаго указа царя Θεодора Алексіевича, 12-го сентября 1676 года. Это прямо указываетъ, что наша національная политика того времени не относилась съ какою либо *исключительною* непріязнью даже къ *чужеземнымъ евреямъ*, и что въ нашихъ православныхъ государяхъ не существовало тѣхъ *корыстолубивыхъ* замысловъ, относительно ихъ, какими отличались государи католическихъ и протестантскихъ странъ.

Всѣ приведенныя историческія данныя даютъ право заключать, что, въ московскомъ періодѣ, не только Россія, но и Москва не были безусловно закрыты для евреевъ, даже чужеземныхъ, и что если тогда и практиковались, быть можетъ, изъ торговыхъ видовъ и цѣлей, высылки ихъ изъ Москвы и государства, то это касалось лишь этихъ послѣднихъ, т. е. чужеземныхъ, преимущественно, *польско-литовскихъ*, а также пріѣзжавшихъ къ намъ, черезъ Польшу, изъ другихъ иностранныхъ земель. Что касается евреевъ, жившихъ въ самой Россіи, въ качествѣ людей издревле поселившихся въ ней и допущенныхъ къ тому на основаніи *обычнаго права*, то историки наши обыкновенно умалчиваютъ о нихъ, или по недостаточному изслѣдованію этого предмета, или съ предвзятою мыслью. Это даетъ, конечно, поводъ къ предположеніямъ, что такихъ евреевъ, или вовсе у насъ не существовало, или что московскіе государи наши, не различая ихъ отъ евреевъ иноземныхъ, подвергали ихъ одной участи съ ними, т. е. изгоняли

ихъ изъ Россіи каждый разъ, когда изгонялись тѣ, въ числѣ другихъ иностранныхъ купцовъ, а затѣмъ допускали ихъ вновь въ предѣлы государства только тогда, когда вынуждались къ тому договорами съ Польшей.

Между тѣмъ, такое представленіе нельзя не признать весьма ошибочнымъ. Историческія данныя, основанныя на столь вѣрныхъ источникахъ, какъ наши законодательные памятники и государственные акты, свидѣтельствуютъ, что это было далеко не такъ. Изъ нихъ видно, на примѣръ, что въ московскомъ періодѣ, подобно тому, какъ и прежде, существовали, у насъ, и наши собственные евреи, жившіе въ русской странѣ, на русскихъ земляхъ. Евреи эти какъ бы входили въ составъ русскаго народонаселенія, считались какъ бы *своими, русскими, евреями*, въ отличіе отъ чужеземныхъ, и хотя не признавались еще тогда формально подданными государства, но пользовались, однако, правомъ безпрепятственнаго въ немъ жительства, какъ люди, обитавшіе подъ русскимъ владычествомъ, а слѣдовательно—подъ защитою царской власти и русскихъ законовъ. Со времени царя Алексѣя Михайловича начинаетъ замѣчаться, въ осязательныхъ чертахъ, и *законодательное различіе* такихъ евреевъ отъ чужеземныхъ, вслѣдствіе чего, наша исконная, *бытовая*, терпимость къ нимъ изъ *обычая* стала превращаться какъ бы въ *писанный законъ*. Нѣтъ историческихъ слѣдовъ, чтобы евреи, имѣвшіе постоянное пребываніе въ русской странѣ, подвергались въ ней какимъ либо ограниченіямъ въ правахъ жительства и повсемѣстнаго занятія торговлею и промыслами. Поэтому, если и допустить, что при московскихъ государяхъ встрѣча-

лись случаи изгнанія и высылкоѣ, въ числѣ иностран-
ныхъ купцовъ, и евреевъ, ~~то~~ нѣтъ достаточнаго осно-
ванія выводить изъ ~~этого~~, что ~~тому~~ же самому подвер-
гались и ~~все~~ прочіе у ~~насъ~~ евреи. Если внимательно
внимуть въ тогдашнее положеніе вещей, то нельзя не
прийти къ убѣжденію, что едва-ли это и могло бы даже
быть осуществимо. Польша тоже признавала евреевъ,
обитавшихъ въ Россіи, *чужеземными для себя* и была,
въ то время, достаточно сильною еще державою, чтобы
не возражать противъ высылкоѣ такихъ евреевъ въ ея
области и провинціи, по произволу нашего правительства.
Такимъ образомъ, изгнаніе обитавшихъ въ Россіи евреевъ
вовсе изъ государства находило бы препятствіе въ чи-
сто-политическихъ соображеніяхъ того времени. Что
же касается ихъ изгнанія собственно изъ *Москвы* куда
нибудь во *внутрь государства*, то такая мѣра необхо-
димо обусловливалась бы существованіемъ идеи о какой
либо опредѣленной для нихъ мѣстности, на подобіе
нынѣшней черты осѣдлости. Между тѣмъ, нѣтъ ника-
кихъ историческихъ слѣдовъ, чтобы, въ московскомъ
періодѣ, подобная идея существовала и чтобы право из-
бранія евреями, обитавшими въ Россіи, мѣста своего
жительства и право свободного передвиженія въ ней
были въ чемъ либо ограничены. Высылка такихъ ев-
реевъ изъ стольнаго города—Москвы—едва-ли и могла,
поэтому, приходитъ на умъ тогдашнимъ политиче-
скимъ нашимъ дѣятелямъ. Отъ евреевъ, какъ и отъ про-
чихъ не-христіанъ, державшихся обряда обрѣзанія, тре-
бовалось, тогда, только одно—воздержаніе отъ совраще-
ній православныхъ въ свою вѣру и домашнихъ обще-
ній съ ними. За нарушеніе гражданско-церковныхъ поста-

повленій объ этомъ, мѣра наказаній въ московскомъ періодѣ была значительно усилена. Прѣжнія наказанія замѣнены тяжкими казнями, но этимъ и ограничилась вся строгость нашихъ отношеній къ иновѣрцамъ *не-христіанскихъ исповѣданій*, въ томъ числѣ и къ *евреямъ*. Въ остальномъ московскіе государи наши слѣдовали духу нашей древней *бытовой терпимости* къ нимъ и держались этой политики вплоть до того времени, когда, съ кончиною Петра Великаго, водворилась у насъ, впервые, на нѣкоторое время, несогласная съ тѣмъ духомъ и напоминавшая образъ дѣйствія византійскихъ монарховъ идея поголовнаго изгнанія изъ Россіи всѣхъ евреевъ, которые не пожелали бы креститься по обряду греко-восточной католической церкви.

До наступленія этого кратковременнаго періода времени, ограничивающагося царствованіями трехъ императрицъ — *Екатерины I, Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны*, исторія не представляетъ намъ никакихъ слѣдовъ, чтобы на Руси существовали когда либо такія принципиально-установленныя гоненія на евреевъ, какія, въ силу эдиктовъ, декретовъ, буллъ и постановленій, воздвигались на нихъ на Востокѣ и Западѣ. Утверждать противное значило бы грѣшить передъ исторіей собственнаго своего отечества, съ сознательнымъ или безсознательнымъ навлеченіемъ на него несправедливѣйшаго, передъ судомъ потомства и всего человечества, обвиненія.

Характеристическія черты непрерывно продолжавшейся до сказаннаго періода, въ теченіи *восьми почти вѣковъ*, нашей національной политики, относительно евреевъ, обрисовываются особенно ярко въ образѣ дѣй-

ствія нашихъ царей, со вступленіемъ на престолъ *Дома Романовыхъ*.

XIV.

Въ Московскомъ періодѣ, до того времени, пока предѣлы русскаго царства не стали расширяться, съ юго-западной стороны, путемъ отвоеванія отъ Польши ея провинцій, съ имѣвшимися въ нихъ евреями, число ихъ не могло, конечно, быть у насъ значительнымъ. Но причина этого вовсе не скрывается въ предполагаемыхъ *изгнаніяхъ* ихъ изъ Московскаго государства или въ безусловномъ его *закрытіи* для нихъ. Ни того, ни другого явленія не было, въ смыслѣ образа дѣйствія, который былъ бы принятъ у насъ, въ то время, на основаніи обычая или писаннаго закона, за постоянное правило. Если изгнанія были, то они имѣли характеръ *случайный*, вызывались не столько *религиозными*, сколько *торговыми* причинами, имѣвшими цѣлью огражденіе русскаго купечества отъ конкуренціи иностранныхъ купцовъ, не касались изъ нихъ *исключительно* тѣхъ только, которые были еврейскаго исповѣданія, и не распространялись вовсе не евреевъ, которые проживали на русскихъ земляхъ, по обычному у насъ на то праву. Причину малаго, быть можетъ, сначала, числа у насъ такихъ евреевъ нужно, слѣдовательно, искать въ обстоятельствѣ, о которомъ было сказано выше, а именно въ томъ, что со времени подпаденія въ XIV столѣтіи земель древней Руси подъ владычество Литвы и Польши, заключавшихъ уже въ себѣ массу евреевъ, бѣжавшихъ изъ Германіи, польско-литовское королевство сдѣлалось для нихъ центромъ тяготѣнія, куда стягивались и ев-

реи, которые могли быть и, по всей вѣроятности, находились въ составѣ народонаселенія, начавшаго сплочиваться въ Московское государство. Какъ не значительно могло быть, поэтому, первое время ихъ число въ немъ, но для насъ фактъ несомнѣнный, что они, однако, существовали среди другихъ тамъ *не-христіанъ*. Однимъ изъ доказательствъ этого можетъ служить то обстоятельство, что евреи, въ числѣ ихъ, были у насъ предметомъ мѣръ и постановленій, не только при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, но и ранѣе. Уложеніе этого царя, коимъ установлена строгая казнь „сожженія огнемъ, безъ всякаго милосердія“, собственно за *сворачиваніе и обрѣзаніе*, начертано и издано въ 1649 г., т. е. за *семь лѣтъ* до того времени, когда начались, съ 1656 г., присоединенія отъ Польши земель и городовъ, такихъ, какъ Вильна, Ковно, Гродно, Малая и Бѣлая Русь и т. п., съ находившимися тамъ евреями. Составители уложенія не могли, слѣдовательно, имѣть въ виду тамошнихъ евреевъ, какъ жившихъ въ областяхъ, еще намъ не принадлежавшихъ. Поэтому, если допустить, что постановленія, содержащіяся въ ст. 70, гл. XX (озаглавленной „Судъ о холопахъ“) и ст. 24, гл. XXII (озаглавленной „Указъ, за какія вины кому чинити смертная казнь“), касаются и *евреевъ*—что не подвергается, впрочемъ, сомнѣнію и лицами съ предвзятыми даже убѣжденіями,—то необходимо допустить и то, что законодателемъ, прежде всего, разумѣлись тутъ не *чужеземные*, а *свои евреи*, т. е. обитавшіе въ русскомъ государствѣ и находившіеся въ составѣ его общаго народонаселенія, среди другихъ не-христіанъ. Этотъ выводъ подтверждается, какъ *родомъ иноверныхъ мо-*

дей, о которыхъ говорится въ тѣхъ постановленіяхъ, такъ и *родомъ* и *свойствомъ* тѣхъ ихъ отношеній къ православнымъ, которыя служатъ предметомъ воспрещеній. Рѣчь идетъ именно о *некрещенныхъ иновѣрцахъ*, имѣвшихъ въ Москвѣ и въ другихъ русскихъ городахъ *собственные свои дворы и державшихъ въ холопствѣ* людей изъ коренного православнаго населенія, по добровольнымъ ихъ наймамъ и по крѣпостямъ. Это необходимо даетъ понятіе о такихъ не-христіанахъ, которые имѣли въ русской сторонѣ и самой Москвѣ *постоянное пребываніе*, въ качествѣ *остѣдлыхъ* людей. Если въ сказанныхъ постановленіяхъ имъ присвоивается вмѣстѣ и названіе *иноземцевъ*, то это потому, что всѣ вообще иновѣрцы, не принадлежавшіе, по своей религіи, къ коренному населенію, отождествлялись, въ тогдашнихъ понятіяхъ, съ людьми *чужихъ* или *иноземныхъ* странъ, *евреи* — въ особенности, такъ какъ по христіанскимъ міросозерцаніямъ, коимъ въ нашей политической сферѣ, какъ мы увидимъ, придается еще значеніе по настоящее время, отечествомъ іудеевъ считается *Палестина*.

Вѣрные нашимъ *религіозно-національнымъ* взглядамъ, выработавшимся подъ благотворнымъ вліяніемъ единенія государства съ церковью, *московскіе государи*, какъ и князья удѣльно-вѣчевого періода, различали, въ своихъ понятіяхъ, *домашнія, семейныя общенія* съ иновѣрцами отъ *внѣшнихъ* или *общественныхъ* сношеній съ ними, по дѣламъ торговымъ и гражданскаго оборота. Вслѣдствіе этого, къ иноземцамъ, жившимъ среди русскаго населенія, христіанскихъ и не-христіанскихъ исповѣданій, въ томъ числѣ и къ *евреямъ*,

государями тѣми не предъявлялось никакихъ другихъ требованій, кромѣ несовершенія ничего такого, что, по тогдашнимъ понятіямъ, могло бы служить къ соблазнамъ и совращеніямъ русскаго народа изъ православія. Такииъ образомъ, въ то самое время, какъ на Западѣ, въ католическихъ и протестантскихъ странахъ на допуславшихся къ жительству въ нихъ евреевъ смотрѣли какъ на людей *безправныхъ*, всѣми презираемыхъ, какъ на статью *денежнаго обложенія*, уподоблявшуюся товарному предмету, нерѣдко даже скоту,—наши государи имѣли на нихъ совершенно инныя воззрѣнія, болѣе согласныя съ духомъ христіанской религіи и общечеловѣческими взглядами. Въ евреяхъ, какъ и въ другихъ не-христіанахъ, не отрицалась *гражданская доброкачественность*, коль скоро они, отправляя обряды іудейской вѣры въ тишинѣ своего домашняго быта, занимались дозволенными для всѣхъ дѣлами, не нарушая, въ то же время, церковно-гражданскихъ постановленій, воспрещавшихъ соблазны и совращенія. Мы видѣли, что еще при Ярославѣ I (XI ст.) существовали уже подобныя постановленія. Ими воспрещались, какъ православнымъ, такъ и не-христіанамъ, нѣкоторые виды и формы домашнихъ между собою общеній, какъ-то: ѣсть и пить вмѣстѣ, плотскія сопряженія, и т. п. За проступки *не-христіанъ*, заключавшіеся въ нарушеніи этихъ воспрещеній, были опредѣлены особыя денежныя пени. Что касается совращеній, то хотя эти преступленія подвергались смертной казни, но *особой, исключительной, казни* для не-христіанъ, до уложенія царя Алексія Михайловича, не существовало. Они подлежали прежде общимъ съ еретиками, изъ христіанъ, наказаніямъ,

сопровождавшимися жестокостями разнаго рода и вида, по произволу власти. Между тѣмъ, нужно полагать, что съ умноженіемъ въ русскомъ царствѣ, по покореніи Казани и другихъ земель, съ остатками татаръ, *населенія не-христіанъ*, вышеупомянутыя воспрещенія, относительно ихъ домашнихъ общеній съ православными, не стали строго соблюдаться со стороны, какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Поводомъ къ этому могли служить, преимущественно, два обстоятельства, а именно: *во первыхъ*, то, что опредѣленныя за такія общенія денежныя пени, для не-христіанъ, и одно лишь духовное покаянія, для христіанъ, не устрашали достаточно нарушителей; *во вторыхъ же*—то, что наши древнія постановленія, воспрещавшія имъ раздѣленіе пищи и плотскія сопряженія, не содержали, однако, прямыхъ воспрещеній относительно свободнаго обмѣна между ними *личныхъ услугъ и найма въ домашнее услуженіе*. Вслѣдствіе этого, стали часто встрѣчаться случаи, что православные, по *добровольнымъ наймамъ* и даже по *крѣпостямъ*, находились въ *холопствѣ у не-христіанъ* и жили въ ихъ домахъ и дворахъ. Быть можетъ, что, при этомъ, встрѣчались и случаи совращенія и обрѣзанія. Все это, съ точки зрѣнія возникшей въ царскомъ періодѣ болѣе строгой политики, относительно строенія русскаго государства, на началахъ обереженія чистоты православія отъ иноземныхъ вѣръ, могло являться вреднымъ для государства неустройствомъ, требовавшимъ и принятія, вмѣстѣ, болѣе строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ. Особенное вниманіе на это было обращено со вступленіемъ на престолъ *Дома Романовыхъ*, въ лицѣ *царя Михаила Федоровича*. Цѣль обереженія закономъ чистоты пра-

вославія выразилась тогда въ болѣе явственныхъ формахъ и сдѣлалась, можно сказать, главнымъ предметомъ царскихъ попеченій о народномъ благѣ. Подъ вліяніемъ этого направленія, еще при царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ, въ соправительствѣ его родителя, *патріарха Филарета*, предписывается общимъ правиломъ, что „иноземцемъ *некрещенымъ* на Москвѣ и въ городѣхъ держати у себя въ дворѣхъ въ работѣ иноземцевъ же всякихъ разныхъ вѣръ; а *русскимъ людямъ* у иноземцевъ *некрещенныхъ*, по *крѣпостямъ* и *добровольно*, въ холопствѣ не быти для того“, что „вѣдомо учинилось, что на Москвѣ и въ городѣхъ у иновѣрныхъ и некрещенныхъ иноземцевъ служатъ православные христіане, и тѣмъ православнымъ христіаномъ отъ иновѣрцевъ чинится тѣснота и оскверненіе, и многіе безъ покоянія, безъ отцовъ духовныхъ, помирають, и въ великой постѣ и въ иные посты мясо и всякой скоромъ ѣдятъ неволею“. Одновременно съ этимъ повелѣніемъ, было сдѣлано и распоряженіе о томъ, чтобы „*православныхъ* христіанъ у иноземцевъ *некрещенныхъ* изъ дворовъ взяти... чтобы въ томъ христіанскимъ душамъ оскверненія не было и безъ покоянія не помирали бы“. Изъ этого видно, что не только въ внутреннихъ городахъ русскаго царства, но и въ самой Москвѣ, жили въ качествѣ *остд-лыхъ* людей разнаго рода иновѣрцы *не-христіанскихъ исповѣданій*, и въ числѣ ихъ были, несомнѣнно, и *евреи*.

Сынъ Михаила Теодоровича, царь Алексѣй Михайловичъ, прозванный „Тихайшимъ“, относился, какъ извѣстно, еще строже къ своимъ обязанностямъ хранителя и оберегателя интересовъ православія. Но всю

суровость его религиозных взглядовъ ощутили надъ собою одни лишь „отщепенцы“, т. е. отпавшіе отъ православія приверженцы нашего внутренняго раскола. Раскольникамъ онъ дѣйствительно не давалъ пощады, преслѣдуя ихъ мѣрами, которыя носили на себѣ, иной разъ, отпечатокъ жестокостей Грознаго. Цѣлый рядъ отдѣльныхъ личностей, изъ боярскаго даже рода, замученныхъ имъ, по поводу отпаденія ихъ отъ православія, въ жестокихъ пыткахъ и казняхъ,—есть фактъ, весьма извѣстный изъ исторіи и историческихъ рассказовъ. Но совсѣмъ иной характеръ имѣлъ образъ дѣйствія этого царя, относительно такъ называемыхъ *внѣшнихъ враговъ* церкви, *христіанскихъ* и *не-христіанскихъ* исповѣданій. По отношенію къ нимъ, онъ слѣдовалъ твердо основаннымъ на духъ нашихъ древне-православныхъ преданій началамъ домостроительства, предписывавшихъ остерегаться людей иноземныхъ вѣръ, но не насиловать ихъ совѣсти, повелѣніями о недопущеніи ихъ къ жительству на Руси или объ ихъ изгнаніи изъ нея, единственно за то, что они исповѣдуютъ *прирожденную имъ религію*. Къ *не-христіанамъ*, не исключая и *евреевъ*, онъ относился, можно сказать, болѣе даже благодушно, чѣмъ къ *иновѣрцамъ изъ христіанъ*, особенно *римско-латинской* церкви, считая всѣхъ ихъ вообще, сравнительно, болѣе опасными, въ религиозномъ отношеніи. Ограничившись, поэтому, при изданіи своего Уложенія 1649 года, строгимъ подтвержденіемъ повелѣнія своего родителя о недержаніи *некрещеными иноземцами русскихъ православныхъ* людей, по добровольнымъ наймамъ, и въ холопствѣ, по крѣпостямъ, съ предоставленіемъ властямъ „чинити жестокое наказаніе наруши-

телямъ этого постановленія, чтобы имъ и инымъ такимъ не повадно было такъ дѣлать“ (70 ст. XX гл.), и установивъ, для случаевъ *сворачиванія* и *обрязанія* ими людей православныхъ, жестокую, но *опредѣленную* казнь „сожженія огнемъ, безъ всякаго милосердія“, — царь Алексій Михайловичъ, подобно всѣмъ прежнимъ нашимъ государямъ, и не требовалъ отъ проживавшихъ въ русской странѣ *не-христіанъ* ничего болѣе, какъ воздержанія ими себя отъ совершенія связанныхъ проступковъ и преступленій. Онъ не стѣснялъ ихъ и въ свободномъ отправленіи обрядовъ вѣры, не допуская только ихъ, конечно, къ сооруженію *синагогъ* и *мечетей*, особенно въ Москвѣ, какъ стольномъ городѣ православнаго царя. Это послѣднее ограниченіе, какъ и другія этого рода, не были лишены и нѣкоторыхъ практическихъ основаній, такъ какъ, по довольно низкой степени религіознаго развитія у насъ, въ то время, всѣхъ классовъ населенія, домашнія общенія съ не-христіанами, нахожденіе у нихъ въ холопствѣ и дозволеніе имъ среди православнаго люда возведенія благолѣпныхъ зданій, для отправленія публичнаго богомоленія, по обрядамъ своей вѣры—могло признаваться болѣе или менѣе опаснымъ соблазномъ, для народа.

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что изъясненныя религіозно-гражданскія постановленія не представляютъ ничего *исключительнаго* относительно евреевъ. Въ Уложеніи, эти послѣдніе, подъ ихъ названіемъ, вообще даже не упоминаются. Въ 70 ст. XX гл. и 24 ст. XXII гл. Уложенія говорится о всѣхъ, вообще, *не-христіанахъ*, держащихся *обряда обрязанія*, съ присвоеніемъ имъ общаго названія: „*некрещенныхъ иноземцевъ*“

или „бусурманъ“¹. „Новоуказныя статьи“ 22 января 1669 года того же царя, „о татевныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ“, прямо указываютъ, что казнь сожженія, какъ и прочія наказанія, опредѣленныя тогда за нарушение не-христіанами церковно-гражданскихъ воспрещеній, касаются не однихъ исключительно *евреевъ*. Признаніе первыми царями Дома Романовыхъ необходимымъ условіемъ внутренняго порядка и благоустройства въ государствѣ усиленіе степени строгости мѣръ, относительно домашнихъ общеній между православными и не-христіанами, само собою свидѣтельствуеетъ, что простой собственно народъ не гнушался никѣмъ изъ нихъ и не питалъ никакой общественной неприязни къ нимъ. Нѣтъ также никакихъ достаточныхъ оснований къ предположенію, что введеніе Уложеніемъ тяжелой казни, за случаи соращенія и обрѣзанія православныхъ, имѣло своею причиною обнаруженное среди евреевъ преимущественное стремленіе къ прозелитизму. Еслибъ поводомъ къ установленію этой казни послужили частые случаи соращеній съ ихъ именно стороны, еслибъ такіе случаи дѣйствительно встрѣчались и были извѣстны русскому правительству, или еслибъ высшія тогда свѣтскія и духовныя наши власти придавали какое либо значеніе прошедшей, въ царствованіе Іоанна III, народной молвѣ о евреѣ Схаріѣ, то можно съ достовѣрностью сказать, что при составленіи Уложенія 1649 г., подъ руководствомъ патріарха и всего священнаго собора, воспо- слѣдовали бы какія либо *спеціальныя постановленія* къ

¹ Отъ слова „бесермень“, которое было присвоено, на Руси, жившимъ купцамъ, бравшимъ у монгольскихъ хановъ, на откупъ, собраніе дани. Костомаровъ: „Исторія Россіи“, стр. 167.

огражденію православной церкви отъ евреевъ и еврейской пропаганды. Между тѣмъ, историческія данныя представляютъ несравненно болѣе основаній къ заключенію, что, въ то время, строгость упомянутыхъ религіозно-гражданскихъ мѣръ была вызвана случаями *со-вращенія и обрѣзанія* со стороны умножившагося, у насъ, числа *магометанъ*. Будучи склонны къ прозелитизму по духу своей религіи и правиламъ алкорана, въ совершенную противоположность еврейства, основаннаго на Библии и Талмудѣ, послѣдователи ислама доказали свои стремленія къ распространенію магометанства, не только въ иноземныхъ государствахъ, христіанскихъ и не-христіанскихъ, гдѣ они прибѣгали, нѣкогда, для этого, къ огню и мечу, но и у насъ, въ Россіи, въ весьма недавнее даже, сравнительно, время. Это видно, между прочимъ, изъ мѣръ, какія были приняты въ царствованіе *Петра II*. Такъ, въ изданномъ при немъ 12 сентября 1798 года наказѣ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ, въ ст. 19, подъ рубрикою „о обрѣзывающихъ въ магометанство и о крещающихся въ иновѣрство“, сказано между прочимъ: „понеже въ Россійской Имперіи многіе подданные обрѣтаются иновѣрцы, а именно: мордва, чуваша, черемиса, остяки, вотяки, лопари и иные имъ подобныя, изъ которыхъ народовъ не безызвѣстно есть, что *Магометане* превращаютъ въ свою вѣру и обрѣзываютъ, чего Губернатору или Воеводѣ накрѣпко смотрѣть, и отнюдь до того не допускать. А ежели явятся такіе Магометане или другіе иновѣрцы, которые тайно или явно кого изъ Россійскихъ народовъ въ свою вѣру превратятъ и *обрѣжутъ*, такихъ брать и разыскивать, и по розыску чинить

указъ по Уложенію 22 главы 24 статьи, а именно: казнить смертію, сжечь безъ всякаго милосердія“.

Случаи совращенія русскаго народа въ *магометанство* могли встрѣчаться часто, вслѣдъ за покореніемъ Казани и другихъ земель съ татарами, когда православный людъ пришелъ въ болѣе близкія соотношенія съ магометанами, а между тѣмъ, нашъ государственный строй не былъ еще упорядоченъ въ той степени, какъ послѣ изданія Уложенія 1649 г., и специальная, для держащихся обрѣзанія инновѣрцевъ, казнь сожженія огнемъ за совращенія не была еще введена. Что касается евреевъ, то они не были, въ древнемъ періодѣ нашихъ отношеній къ нимъ, предметомъ такихъ специальныхъ распоряженій, какъ то, которое приведено выше, и со времени установленія сказанной казни, за совращеніе и обрѣзаніе, не встрѣчается у насъ документальныхъ свидѣтельствъ о ея примѣненіи къ евреямъ, за исключеніемъ случая выполненной, въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, казни надъ евреемъ *Борохомъ-Лейбовымъ* и флота капитанъ-лейтенантомъ *Возницкимъ*,—случая, который, какъ это видно изъ имѣющагося въ полномъ собраніи законовъ, по этому дѣлу, доклада сената, никакъ не можетъ служить образцомъ вполнѣ правосудной кары, основанной на дознанныхъ фактахъ и безпристрастныхъ сентенціяхъ¹.

По всему видно, что хотя царь Алексій Михайловичъ и установилъ, въ духѣ нашей религіозно-національной политики, строгія мѣры къ обереженію чистоты православія и интересовъ господствующей церкви отъ

¹ См. Торговля и другія права евреевъ въ Россіи, изд. 2-е, стр. 41—44 гдѣ нами выяснены обстоятельства этой казни.

соблазновъ и совращеній, но мѣры этѣ, касавшіяся не-сомнѣнно и евреевъ, не представляютъ, однако, ничего *исключительнаго*, относительно ихъ. Онѣ не внесъ въ политическую сферу *безусловной нетерпимости* къ нимъ, направленной къ изгнанію ихъ изъ Россіи или недопущенію въ нее. Уложение этого царя не содержитъ ничего такого, что могло бы давать поводъ къ предположенію, что, со времени его изданія, евреи, жившіе въ Россіи, должны были считать себя утратившими свое *древнее, обычное, право* существованія въ ней и чтобы, для властей, было установлено нѣчто *принципальное*, въ силу котораго на нихъ лежала бы обязанность принимать мѣры къ изгнанію этихъ евреевъ или ихъ стѣсненію въ правахъ и лишенію законной защиты. Напротивъ, позднѣйшія повелѣнія и распоряженія того же царя даютъ право заключать, что уложеніемъ его освящался нашъ древній религиозно-національный обычай *терпимости и уваженія къ личности* каждаго иновѣрца, въ томъ числѣ и *еврея*. Такъ, напримѣръ, изъ царскаго указа 30 іюля 1654 г. видно, что въ числѣ плѣнныхъ, вывозившихся военными и гражданскими чинами нашими и боярами изъ польскихъ провинцій, дозволено было пропускать въ *Россію и Москву* всякаго рода иновѣрцевъ, крещеныхъ и некрещеныхъ, въ томъ числѣ и *евреевъ* (жидовъ). Весьма понятно, что плѣнные или просто забранные, во время войны съ Польшею, разнаго рода иновѣрные люди вывозились, конечно, въ Россію, не для временнаго, но *постояннаго* въ ней пребыванія. Они дѣлались обыкновенно холопами или вѣрнопостными тѣхъ русскихъ чиновныхъ лицъ, военныхъ и гражданскихъ, которыя ихъ забирали. Это

даетъ право заключать, что нашими законами того времени не возбравалось вообще боярамъ и другимъ лицамъ, владѣвшимъ крѣпостными людьми, держать, въ числѣ ихъ, и *евреевъ*, которыхъ *русскіе помѣщики*, дѣйствительно, и держали у себя, въ позднѣйшее даже время, какъ это видно, между прочимъ, изъ имѣющагося въ полномъ собраніи законовъ сенатскаго сообщенія въ кабинетъ—министровъ 11 іюля 1740 г., съ резолюціей на немъ императрицы Анны Іоанновны.

Князь Голицынъ, говоря о вышесказанномъ указѣ царя Алексія Михайловича 30 іюля 1654 г. и желая представить содержащееся въ немъ разрѣшеніе о допущеніи въ Москву, въ числѣ плѣненныхъ, и *евреевъ*—въ иномъ свѣтѣ, объясняетъ, что это по всей вѣроятности, тѣ самые евреи, которые были, направлены изъ Москвы въ *Калугу*, а оттуда, въ слѣдующемъ, 1655 году, переведены въ *Нижній-Новгородъ*. Но такое объясненіе совершенно произвольно. Въ царскомъ указѣ 7 марта 1655 года говорится о плѣнныхъ евреяхъ, присланныхъ въ *Калугу*, вмѣстѣ съ плѣнными литовцами, непосредственно бояриномъ и воеводою княземъ *Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ*, а также о плѣнныхъ, которыхъ имѣлъ прислать изъ *Брянска* въ *Калугу* же князь *Федоръ Волконскій*. Между тѣмъ, въ указѣ 30 іюля 1654 года говорится о разнаго рода иновѣрцахъ въ томъ числѣ и евреяхъ, забранныхъ въ разныхъ зарубежныхъ городахъ и мѣстностяхъ русскими „боярами и разныхъ чиновъ людьми“. Несомнѣнность факта, что забравшіеся, такимъ образомъ, изъ Польши евреи допускались, въ числѣ другихъ иновѣрцевъ, къ *постоянному жительству* въ русской странѣ, свидѣтель-

ствуеть, вмѣстѣ съ тѣмъ, что поселеніе евреевъ въ ней и Москвѣ не признавалось царями противнымъ русскимъ законамъ и обычаямъ. Это подтверждается еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что при заключеніи съ Польшею, тѣмъ же царемъ, 30 января 1667 года, Андрусовскаго перемирія, массѣ евреевъ, жившихъ въ городахъ и мѣстностяхъ, которые вошли по этому договору въ составъ русской территоріи, разрѣшено съ семействами оставаться *на сторону русскаго царя*, т. е. подѣ *русскимъ владычествомъ*; причеиъ, было дозволено не расторгать браковъ русскихъ людей, поженившихся на *еврейкахъ*. „Также и жидовъ тѣхъ (сказано въ п. 11 перемирія), которые въ вѣру русскую *не крестятся, вступъ съ женами и дѣтьми и съ животами ихъ* (имуществомъ), никого не тая и въ заставанію не принуждаючи, доброю вѣрою въ сторону Его Королевскаго Величества и рѣчи Посполитой взволить и *выпустить Его Царское Величество укажетъ*; и *которые бы изъ нихъ похотѣли въ сторону Его Царскаго Величества добровольно остаться, то имъ вольно быть*. А которые польскаго и литовскаго народу женскій полъ и *жидовки* вышли замужъ за русскихъ людей; и *тѣмъ оставаться въ сторону Его Величества при мужьхъ своихъ*“. Это постановленіе, о которомъ, лицами, непріязненно настроенными къ евреямъ, обыкновенно умалчивается, явно свидѣтельствуеть, что самъ царь Алексій Михайловичъ не видѣлъ ничего *противнаго нашей національной политикѣ* въ допущеніи въ *постоянному жительству* въ Россіи, не только отдѣльныхъ личностей изъ евреевъ, но и *сплошнаго ихъ населенія*. Приведенный договор-

ный пунктъ вовсе не пропитанъ, слѣдовательно, духомъ гоненія и нетерпимости къ евреямъ. Изъ него видно, напротивъ, что царь, не только не желалъ изгнать ихъ изъ земель, которыя по договору должны были окончательно войти въ составъ русской территоріи. но какъ бы задерживалъ даже тѣхъ, которые пожелали бы сами выйти изъ тѣхъ земель, съ тѣмъ, чтобы остаться подъ властью польской короны. Что касается евреевъ, которые сами желали остаться на сторонѣ русскаго царя, т. е. подъ его скипетромъ, то имъ была предоставлена полная, въ этомъ отношеніи, свобода. При этомъ. не видно никакой мысли стѣснять въ чемъ либо такихъ евреевъ, путемъ ихъ *локализаци* въ мѣстностяхъ, въ коихъ они застигнуты были русскимъ владычествомъ, или путемъ какихъ либо другихъ ограниченій въ ихъ правахъ жительства, торговли и промысловъ въ Россіи. Наконецъ, терпимость русскаго царя къ лицамъ еврейскаго исповѣданія простиралась, въ этомъ случаѣ, до того, что *некрещенымъ еврейкамъ* вышедшимъ замужъ за русскихъ, было разрѣшено оставаться при ихъ мужьяхъ, безъ расторгенія браковъ. Много-ли было евреевъ, пожелавшихъ перемѣнить польское владычество на русское—неизвѣстно. Но, во всякомъ случаѣ, можно сказать, что евреи, оставшіеся на сторонѣ царя, въ предѣлахъ новаго для себя отечества, могли считаться какъ бы его подданными, хотя такое подданство, въ то время, и не было еще формально признано за ними. Лучшимъ, однако, доказательствомъ, что не взирая на это, со временъ царя Алексія Михайловича появляется уже у насъ, въ осязательныхъ чертахъ, *законодательное различіе своихъ, русскихъ,*

евреевъ отъ чужеземныхъ, можетъ служить то, что купцы изъ евреевъ, имѣвшихъ постоянное жительство въ предѣлахъ русскаго царства, дѣлаются предметомъ договоровъ нашихъ съ Польшею. Такъ, изъ двухъ такихъ договоровъ, изъ коихъ одинъ заключенъ 3 (13) августа 1678 г., при царѣ *Теодорѣ Алексіевичѣ*, а другой—26 апрѣля (6 мая) 1686 г., въ малолѣтствѣ *Петра I*, когда онъ еще царилъ совмѣстно съ братомъ своимъ *Иоанномъ Алексѣевичемъ*, усматривается, что, въ видѣ обоюдныхъ соглашеній между двумя державами, было постановлено, что Россія своихъ евреевъ не должна допускать въ польско-литовскіе столичные города: *Краковъ, Варшаву и Вильну*, а Польша своихъ—въ царствующій великій градъ *Москву*¹.

Изъ этихъ договоровъ видно также, что мѣстами недопущенія евреевъ, съ обѣихъ договаривавшихся сторонъ, были только столичные города государствъ, но не всё вообще ихъ области и города. Это даетъ право заключать, что Россія, въ московскомъ періодѣ, по этимъ договорамъ, такъ точно какъ и по прежнимъ,

¹ Вотъ текстъ п. 8 договора 1678 г., трактующаго объ этомъ предметѣ: „А что въ нынѣшнемъ отъ Рождества Сына Божія 1678, а отъ созданія міру 7186 году, выходятъ срокъ вольныи купцамъ съ обѣихъ сторонъ торговли; тогда въ надеждѣ обомъ Великихъ Государей нашихъ, ихъ государственой дружбы и любви, уговорили и постановили есмь, что обомъ Великихъ Государей нашихъ торговымъ людямъ, *кромъ жидовъ*, по прежнимъ договорамъ посольскимъ, и отъ нынѣшняго нашего договора, во всё лѣта перемирныя, ѣздить на обѣ стороны со всякими товарами не заказными, съ пробажами, такъ въ сторону Великаго Государя, его Королевскаго Величества, въ столичные города *Краковъ, Варшаву и Вильну*, какъ и въ сторону Великаго Государя Его Царскаго Величества въ царствующій великій градъ *Москву*“. Постановленіе о томъ же предметѣ, содержащееся въ п. 18 договора 1686 г., есть только буквальное повтореніе предшествующаго.

о коихъ въ нихъ упоминается, не была безусловно закрыта и для польскихъ, *чужеземныхъ*, евреевъ. Купцы, изъ нихъ, могли прїѣзжать, для торговли, въ русское царство, подъ условіемъ лишь ихъ неоявленія въ царствующемъ великомъ градѣ *Москвѣ*, такъ точно, какъ русскіе купцы, изъ евреевъ,—въ Польшу, подъ условіемъ неоявленія въ *Краковѣ*, *Варшавѣ* и *Вильнѣ*. Это подтверждается, между прочимъ, и приведенными выше сношеніями, съ Іоанномъ Грознымъ, короля Сигизмунда-Августа, который, требуя допущенія польско-литовскихъ евреевъ въ Россію, ссылаясь на прежніе съ нею, по этому предмету, договоры. Нельзя, съ достовѣрностью, сказать, чтобы въ прежнихъ договорахъ существовало даже и ограниченіе, относительно прїѣзда тѣхъ евреевъ въ Москву. Приведенный выше указъ царя Алексія Михайловича 30 іюля 1654 года, коимъ разрѣшался пропускъ въ Москву иноземцевъ различныхъ вѣръ, въ томъ числѣ и *евреевъ*, или, какъ выражено въ указѣ, по славянски— „*жидовъ*“, подъ условіемъ предварительнаго допроса объ ихъ личностяхъ на заставахъ Смоленской дороги; свидѣтельство посѣщавшихъ Москву иностранцевъ, на которое ссылаются наши историки, а также самъ князь Голицынъ (Истор. русск. зак. о евр., стр. 8), о томъ, что при царѣ этомъ число евреевъ значительно у насъ умножилось; наконецъ, встрѣчавшіеся, тогда, случаи одновременныхъ высылкъ изъ Москвы купцовъ изъ поляковъ и польскихъ евреевъ,—случай, о которыхъ упоминается Костомаровымъ и которые, со времени того царя, нужно полагать, касались, преимущественно, тѣхъ только изъ этихъ людей, которые появлялись въ Москвѣ *утайкою*,—все это наводитъ на

мысль, что ограниченіе, коимъ воспрещалось купцамъ, изъ русскихъ евреевъ, появляться въ Краковѣ, Варшавѣ и Вильнѣ, а купцамъ, изъ польскихъ евреевъ, — въ Москвѣ, постановлено, или, по крайней мѣрѣ, выражено категорично, впервые, лишь въ вышеприведенныхъ двухъ договорахъ. Ограниченіе это, со стороны Польши, объясняется тѣмъ, что въ ней, какъ названные, такъ и многіе другіе города, на основаніи издревле укоренившагося, въ западныхъ странахъ, обычая, были снабжаемы особыми грамотами и привилегіями на изгнаніе евреевъ изъ своей черты. Въ нашей, русской, православной, странѣ подобнаго обычая никогда не существовало, но весьма естественно, что русскіе бояре, заключавшіе съ польскими послами сказанные договоры, не могли, изъ политической цѣли поддержанія достоинства Россіи, не выговорить, для ея стольнаго города, то же самое условіе, какое притязательно выговаривалось Польшею, для своихъ стольныхъ городовъ. Это должно было совпадать и съ интересами московскаго купечества, которое, какъ сказано выше, не терпѣло, вообще, конкуренціи со стороны иноземнаго купечества и находило, въ этомъ отношеніи, поддержку въ тогдашнихъ взглядахъ русскаго правительства. Договорные пункты о недопущеніи польскихъ евреевъ, изъ купцовъ, въ *Москву* не имѣли, слѣдовательно, въ своемъ основаніи, какой либо *принципіальной нетерпимости* въ еврействѣ, вообще, не касаясь, во всякомъ случаѣ, ни въ чемъ тѣхъ изъ нихъ, которые обитали на земляхъ, состоявшихъ подъ русскимъ владычествомъ. Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, слѣдовъ, чтобы до Петра I, какъ и при немъ, въ теченіи всего его царствованія, появлялись законо-

дательныя мѣры и царскія распоряженія объ изгнаніи такихъ евреевъ или о стѣсненіи, въ чемъ либо, ихъ правъ жительства, торговли и промысловъ въ Россіи. Нѣтъ ни одного государственнаго и правительственнаго акта, изъ коего можно было бы заключать, что въ нашей политической сферѣ того времени, подобно тому, какъ въ христіанскихъ странахъ на Западѣ, существовало что либо принципиально-установленное, въ силу чего, евреи тѣ считались бы людьми, которые *не могли быть тертими въ русской странѣ*, или людьми, находящимися въ *безравномъ состояніи*, т. е. лишенными защиты и огражденія, со стороны закона и царской власти, въ случаяхъ какихъ либо насилій надъ ними и проявленія произвола, со стороны *частныхъ лицъ, властей и народной черни*.

Мы видѣли въ какомъ положеніи, въ XVII столѣтіи, евреи находились во *Франціи* и *Германіи*, какъ тамошніе монархи и короли, слѣдуя преданіямъ своей христіанской старины, допускали, въ *принципѣ*, изъ корыстныхъ видовъ и цѣлей, безправность евреевъ и широкій произволь надъ каждымъ изъ нихъ, правымъ или виноватымъ. Между тѣмъ, есть документальнѣйшіе слѣды, что въ этомъ же самомъ вѣкѣ, русскими царями, по преданіямъ нашей православной старины, уважалась человѣческая личность даже евреевъ, которые нарушили бы въ чемъ либо законъ. Это усматривается, между прочимъ, изъ указа 1676 г., царя Θεодора Алексіевича, твердо державшагося, въ религиозныхъ дѣлахъ, политики своего отца. Изъ этого указа видно, что нѣкоторые евреи, изъ польско-литовскихъ, прибыли въ Москву, съ товарами, *утаікою*,

т. е., безъ надлежащаго опроса на заставахъ Смоленской дороги и безъ немедленнаго заявленія о себѣ и товарахъ въ самой столицѣ. Это дѣлалось, какъ мы уже связали, и другими иноземными купцами, съ цѣлью избѣжанія проволочекъ времени въ распродажѣ товара. Легко быть можетъ, что мѣстные жители способствовали ихъ укрывательству и что этому потворствовали и тогдашнія полицейскія власти, искушавшіяся покупою контрабанднаго товара. Какъ бы то ни было, но сказанные евреи, уличенные передъ царемъ въ тайномъ прїѣздѣ и привозѣ съ собою товара, не могли считаться иначе, какъ ослушниками царской воли и нарушителями закона. При неуваженіи къ личности *іудея* такомъ, какое господствовало еще повсемѣстно на Западѣ, евреи тѣ неминуемо должны были бы жестоко пострадать, лично и имущественно. Имущество ихъ было бы конфисковано или предано народному разграбленію, и сами они могли бы подвергнуться буйству уличной черни, разнаго рода издѣваніямъ и постыдному изгнанію, а на худой конецъ, претерпѣть побои и даже смерть. Какъ же поступилъ, въ этомъ случаѣ, *православный царь*? Изъ указа видно, что, не допустивъ, ни издѣванія, ни какаго либо произвола надъ личностью тѣхъ евреевъ, не давъ мѣста и ни какимъ корыстнымъ побужденіямъ, какъ недостойнымъ величія сана *истинно-православнаго государя*, онъ ограничился лишь исполнѣн правомѣрнымъ поведѣніемъ—товаровъ въ таможенѣ не записывать, т. е., возвратитъ ихъ, въ цѣлости, владѣльцамъ, безъ конфискаціи, а самихъ евреевъ препроводитъ въ *посольскій приказъ*, какъ завѣдывавшій дѣлами всѣхъ, вообще, иноземныхъ гостей, по всей вѣроятности,

для распоряженія о немедленномъ ихъ выѣздѣ изъ Москвы, подъ обычною охраною царской власти, отъ всякихъ надъ подобными иноземцами буйствъ и насилій, во время ихъ слѣдованія по русской землѣ. Между тѣмъ, этотъ величавый примѣръ отсутствія въ древнихъ нашихъ государяхъ всякой исключительности въ своемъ политическомъ образѣ дѣйствія, къ иновѣрцамъ іудейскаго даже закона, истолковывается многими весьма узко и превратно. Пользуясь тѣмъ, что въ указѣ имѣются слѣдующія объяснительныя слова: „для того, что по указу Великаго Государя Евреянъ съ товары и безъ товаровъ изъ Смоленска пропускать не велѣно“, — лица тѣ склонны поспѣшно выводить изъ этого заключеніе, что *іудеямъ*, вообще, было воспрещено свободное пребываніе на Руси и что въ ней постоянно господствовала одна лишь безусловная нетерпимость къ нимъ. Въ прежнемъ нашемъ сочиненіи: „Торговля и другія права евреевъ“, мы имѣли уже случай представить, отчасти, крайнюю несообразность такого заключенія. Она дѣлается еще очевиднѣе, если принять въ соображеніе, что приведенныя слова, по отношенію къ содержащейся въ указѣ мѣрѣ, имѣютъ значеніе лишь *мотива*, но такого, который выраженъ весьма неточно и неопредѣленно. Если и въ царствованіе Екатерины II, какъ мы видѣли, могли вставляться въ ея указы о евреяхъ вымышленные мотивы, съ ссылкою на законы, которыхъ, въ дѣйствительности, не существовало, то кольми паче такая погрѣшность могла вкрадываться въ царскіе указы и повелѣнія XVII столѣтія, писавшіеся думными дьяками, вообще, весьма невѣжественными, незнаемыми, не только съ отдаленною стари-

ною, но и съ болѣе близкими къ нимъ фактами и событіями, и не бывшими, повѣтому, въ состояніи усвоивать себѣ ихъ настоящій смыслъ и значеніе. Впрочемъ, при надлежащемъ безпристрастіи, нельзя не согласиться, что и по буквальному смыслу приведенныхъ выше словъ нѣтъ основанія къ предположенію, что „указъ Великаго Государя“, о которомъ въ нихъ говорится, касался всѣхъ, вообще, евреевъ, такъ какъ изъ текста тѣхъ словъ прямо слѣдуетъ, что здѣсь надлежитъ разумѣть только „евреянъ“, ѣхавшихъ изъ Смоленска, т. е., *чужеземныхъ*. Отношенія же къ этимъ евреямъ, какъ зависѣвшимъ отъ политическихъ отношеній къ Польшѣ, имѣли совершенно *исключительный* характеръ, по которому весьма ошибочно было бы судить о настоящемъ характерѣ нашихъ принципиальныхъ отношеній къ *лицамъ іудейскаго закона, вообще*. Слѣдовъ такого государева указа, которому можно было бы придавать смыслъ воспрещенія еврею, потому только, что онъ іудей, появленія и пребыванія на Руси и въ Москвѣ, рѣшительно нѣтъ. Это обстоятельство, въ связи съ извѣстными уже намъ указами царя Алексія Михайловича, даетъ право заключать, что въ указѣ его сына, Θεодора Алексіевича о евреяхъ, пріѣхавшихъ *утайкою* въ Москву, съ товарами, могла идти рѣчь лишь о такихъ изъ нихъ, которые не заявили о себѣ на заставахъ по Смоленской дорогѣ, ни въ Москвѣ, по прибытіи туда, и которые, какъ принадлежавшіе польской коронѣ, не допускались уже въ Москву, въ виду того, что евреи изъ Россіи не допускались въ Краковъ, Варшаву и Вильну, о чемъ, черезъ два года послѣ того, а именно, въ 1678 г., состоялось и при-

веденное выше формальное между Россіей и Польшою соглашеніе. Мы полагаемъ, поэтому, что дѣлаемые изъ сказаннаго указа царя Θεодора Алексіевича выводы и заключенія о существованіи въ *царскомъ періодѣ* безусловной нетерпимости къ евреямъ, вообще, лишены достаточныхъ основаній и надлежащей справедливости.

Мы увидимъ сейчасъ, какъ многое другое изъ историческихъ событій, касающихся нашихъ отношеній къ евреямъ, въ царскомъ же періодѣ, превратно истолковывается нашими историками и писателями, съ цѣлью поселенія мысли о всегдашнемъ господствѣ у насъ такой нетерпимости къ евреямъ и ихъ, будто, виновности въ томъ самихъ.

XV.

Приведенные выше историческіе факты и данныя не оставляютъ, кажется, ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ московскомъ періодѣ, кромѣ являвшихся съ *Литвы* и *Полыни* временно-заѣзжихъ евреевъ, которые, по установившемуся обычаю, относительно всѣхъ, вообще, чужеземныхъ торговыхъ людей, стали допускаться въ Россію не иначе, какъ по договорамъ съ польскими королями,—находились среди русскаго народонаселенія и такіе евреи, которые имѣли *постоянное* у насъ жителство, въ числѣ другихъ не-христіанъ, держащихся обряда обрѣзанія. Не признаваясь, формально, природными русскими подданными (нарожанами), евреи эти, тѣмъ не менѣе, считались *своими, русскими, евреями*, въ противоположность *чужеземнымъ, польско-литовскимъ*, пользуясь защитою и охраною царской власти, безъ всякихъ, съ ея стороны, корыстныхъ видовъ извле-

ченія изъ этого какихъ либо спеціальныхъ для себя денежныхъ выгодъ, подобно тому, какъ это дѣлалось римско-латинскими и протестантскими государями. Евреямъ, проживавшимъ на Руси, *судъ* и *расправа* предоставлялись на основаніи обычнаго права, которое было общимъ для чужеземцевъ иновѣрныхъ исповѣданій, допущенныхъ въ *временному* или *постоянному* у насъ жителству. Нѣтъ слѣдовъ, чтобы существовалъ обычай или законъ, которыми сказанные евреи подвергались бы стѣсненіямъ и ограниченіямъ въ правахъ повсемѣстнаго жителства, торговли и промысловъ въ Россіи, ни въ правѣ владѣнія недвижимою собственностью, даже въ самой Москвѣ. Есть основаніе предполагать, что, въ числѣ другихъ не-христіанъ, евреи эти пользовались, прежде, и правомъ держанія у себя въ услуженіи русскихъ православныхъ людей, по найму и крѣпостямъ, такъ какъ начиная только съ царя Михаила Феодоровича появляются, какъ мы видѣли, слѣды законодательныхъ ограниченій этого послѣдняго права, путемъ категоричнаго воспрещенія, царскимъ указомъ, всѣмъ, вообще, „некрещенымъ чужеземцамъ“¹ держанія въ услуженіи и холопствѣ русскихъ людей, какъ дѣйствія, не согласовавшагося съ древнимъ обычаемъ ихъ недопущенія къ *домашнимъ общеніямъ* съ некрещеными, изъ видовъ обереженія чистоты православія и предупрежденія случаевъ совращенія. Во второй половинѣ XVII столѣтія, число евреевъ, имѣвшихъ *постоянное жителство* въ Россіи, могло легко увеличиться и въ самой

¹ Ниже будетъ объяснено, что есть нѣкоторое основаніе предполагать, что подъ „некрещеными чужеземцами“ разумѣлись, въ то время, не одни не-христіане, но и лица иновѣрныхъ христіанскихъ исповѣданій.

Москвѣ, какъ вслѣдствіе упомянутого выше указа царя Алексія Михайловича 30 іюля 1654 г., коимъ разрѣшено было боярамъ и всѣхъ чиновъ служилымъ людямъ привозить съ собою въ Москву забиравшихся ими, въ пограничныхъ съ Польшею мѣстностяхъ, разнаго рода иновѣрцевъ обоего пола, въ томъ числѣ и *евреевъ*, такъ и вслѣдствіе Андрусовскаго договора, состоявшагося 30 января 1667 г., въ силу котораго ни одинъ еврей, въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ и городахъ, не могъ выѣхать изъ нихъ безъ царскаго на то соизволенія, и всѣмъ, вообще, тамъ евреямъ было предоставлено оставаться, *и по своей доброй волѣ*, на сторонѣ царскаго величества, т. е. подъ русскимъ владычествомъ, безъ всякихъ, въ то же время, ограниченій и стѣсненій въ ихъ правѣ повсемѣстнаго жительства и свободного передвиженія въ государствѣ. Мысли о прикрѣпленіи такихъ евреевъ къ мѣстамъ ихъ родины, объ ихъ *локализаци* въ нихъ, съ цѣлью ихъ недопущенія въ другія мѣстности московскаго государства, какъ мы уже сказали, не существовало и не могло существовать. Едва-ли можно сомнѣваться, по этому, что весьма значительное число евреевъ, въ покоренныхъ оружіемъ польскихъ областяхъ, могло широко воспользоваться своими правами и поселиться во многихъ ея внутреннихъ городахъ, въ томъ числѣ и самой *Москвѣ*, такъ какъ, по договорамъ съ Польшею, она была закрыта, со временъ Θεодора Алексіевича, только для *польско-литовскихъ* евреевъ. Это, сколько кажется, и было именно причиною замѣченнаго иностранцами, посѣщавшими Россію въ половинѣ XVII ст., факта *размноженія* у насъ евреевъ, при царѣ Алексіѣ Ми-

халловичъ,—факта, который не отвергается Костомаровымъ и приводится, между прочимъ, и вн. Голицынымъ (стр. 8), но причины котораго истолковываются имъ и другими, какъ мы увидимъ, весьма превратно. Едва-ли, также, можно предполагать, чтобы оставшіеся на постоянномъ у насъ жительствѣ евреи польскихъ провинцій, какъ равно евреи, прежде поселившіеся и обитавшіе въ Россіи, могли быть предметомъ какихъ либо изгнаній и недопущеній въ Россію, по крайней мѣрѣ, нѣтъ объ этомъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, и историки, передавая намъ рассказы иностранцевъ о подобныхъ случаяхъ, говорятъ сами о нихъ, какъ о таковыхъ, которые касались только *польско-литовскихъ*, т. е. чужеземныхъ для насъ евреевъ, въ числѣ другихъ польскихъ купцовъ, изъ *католиковъ*.

Все это не говорить въ пользу распространяющихся мнѣній о господствѣ у насъ, въ царскомъ періодѣ, *безусловной нетерпимости къ лицамъ еврейской вѣры*. Если польско-литовскіе евреи не были тогда охотно допускаемы въ русскіе предѣлы и если встрѣчались, быть можетъ, случаи ихъ изгнанія изъ Москвы, вмѣстѣ съ купцами изъ природныхъ поляковъ, то причина этого, какъ уже было сказано, скрывается скорѣе въ *торговыхъ цѣляхъ* и сильной степени *національной непріязни къ полякамъ*, вообще, чѣмъ въ *цѣляхъ чисто-религіозныхъ*. Достовѣрныхъ историческихъ данныхъ о томъ, чтобы изъ *религіозной* или *расовой* непріязни, обычаями и законами, *принципиально* воздвигались у насъ, на всѣхъ, безъ различія, евреевъ, какія либо гоненія—рѣшительно не имѣется, ни въ *удѣльно-вѣчевомъ*, ни *московскомъ* періодахъ.

Между тѣмъ, въ повѣствованіяхъ всѣхъ, вообще, нашихъ историковъ, не исключая самыхъ лучшихъ, когда рѣчь идетъ о лицахъ *іудейскаго* закона, то между ними не дѣлается, обыкновенно, никакого различія, даже и послѣ того, какъ въ самой политической нашей сферѣ стали явственно отличаться два рода евреевъ: *обитавшіе въ Польшу и состоявшіе подъ владычествомъ польской короны и обитавшіе въ Россіи и состоявшіе подъ владычествомъ русскимъ*. Вслѣдствіе этого, происходитъ то, что *свои* и *чужіе* евреи смѣшиваются въ разсказахъ нашихъ историковъ. О первыхъ не дѣлается никакихъ спеціальныхъ изслѣдованій. Они совершенно игнорируются нашими историками, придерживающимися общаго обычая говорить о евреяхъ *огульно*, какъ о людяхъ, которые, по ихъ вѣрѣ и природнымъ качествамъ, не были, будто, вообще, терпимы на Руси. Это даетъ поводъ къ всеобщему укорененію ошибочной мысли, что всѣ наши русскіе князья и государи творили съ ними только единое: постоянно изгоняли ихъ изъ Руси или не допускали въ нее.

Мысль эта усваивается съ особою легковѣрностью современными французскими публицистами, которые, подъ впечатлѣніемъ событій въ католическихъ странахъ, не могутъ представить себѣ и русскую страну, во времена царей, иначе, какъ абсолютно невѣротерпимою къ евреямъ. Одинъ изъ такихъ публицистовъ, обладающій блистательнымъ перомъ, г. Анатоль Леруа-Боліѣ, который, какъ членъ французской академіи, т. е., одинъ изъ „безсмертныхъ“ свѣтилъ науки, долженъ, казалось бы, относиться съ надлежащею осторожностью къ фак-

тамъ, касающимся исторіи столь великой и дружественной державы, какъ Россія, рѣшился, тѣмъ не менѣе, въ недавней своей статьѣ: „Евреи и антисемитизмъ“¹, высказаться о царскомъ періодѣ, именно, въ этомъ смыслѣ, изображая первыхъ Романовыхъ, нужно полагать до Петра I вѣлчительно, царями безусловно вѣтерпѣвшими евреевъ за ихъ вѣру, въ предѣлахъ русской территоріи. Это сдѣлано имъ, притомъ, съ такою самоувѣренностью, такимъ апломбомъ, которые могутъ дѣйствовать и на русскую публику, читающую *Revue des Deux Mondes* и склонную принимать за непреложную истину все, что этимъ писателемъ утверждается. «Le territoire russe. говоритъ онъ, sous les premiers Romanof, était encore interdit aux juifs (доступъ на русскую территорію, при первыхъ Романовыхъ, былъ еще воспрещенъ евреямъ). Это создаетъ понятіе, что лицу іудейскаго закона, въ древней Руси, обычаями и законами ея, безусловно воспрещалось появленіе и жительство на русскихъ земляхъ, среди православнаго народа. Какъ ни прискорбно для русскаго такое безцеремонное смѣшеніе его великой страны съ греками и мелкими славянскими народностями, но, при всемъ томъ, едва-ли справедливо ставить это, строго, въ упрекъ иностранному писателю, когда сами русскіе, изъ ученыхъ историковъ, всемѣрно стремятся къ распространенію тѣхъ же взглядовъ и убѣжденій о нашей православной старинѣ, когда и по ихъ рассказамъ и повѣствованіямъ, безусловная религіозно-политическая вѣтерпимость къ евреямъ составляла отличительную ея черту.

Изгнаніе и недопущеніе евреевъ дѣлаются, та-

¹ Февральская книжка *Revue des Deux Mondes*, за 1891 г.

кимъ образомъ, совершенно произвольно, какъ бы однимъ изъ девизовъ нашей древней національной политики, духу и направленію которой предлагается слѣдовать и нашей современной. Еврейскіе писатели, основывающіеся на такихъ данныхъ и не идущіе далѣе въ своихъ изслѣдованіяхъ, примѣшиваютъ къ этому, столь же произвольно, и идею объ *утилитаризмѣ*, т. е., о корыстолюбивыхъ, будто, побужденіяхъ княжеской и царской власти, въ дѣлѣ изгнанія и недопущенія евреевъ въ Россію. Такъ сдѣлано, напримѣръ, г. Оршанскимъ, весьма почтеннымъ еврейскимъ авторомъ, впадшимъ въ эту ошибку, какъ писатель, которому не могъ быть близко извѣстенъ истинный духъ *религиозно-національныхъ* воззрѣній русской православной церкви, русскихъ государей и русскаго народа. Но наши, русскіе же, писатели и ученые спѣшаютъ придать и тутъ названному еврейскому писателю извѣстный авторитетъ, какъ поддерживающій, въ этомъ случаѣ, ихъ собственные взгляды и побужденія. Это и даетъ, главнымъ образомъ, поводъ къ совершенному извращенію настоящаго характера нашихъ древнихъ отношеній къ лицамъ еврейскаго исповѣданія и къ изображенію властителей русской земли такими же изступленными фанатиками и корыстолюбцами, какими были вестготскіе короли и властители другихъ христіанскихъ народовъ на Западѣ. На всемъ этомъ многіе строкуютъ теперь свои исходныя точки отправленія, не помышляя, что ими, изъ личныхъ видовъ и цѣлей, приносятся, такимъ образомъ, въ жертву самое высшее историческое достоинство русской націи, составляющее ея честь и славу,—ея *человѣчность*. Не давая себѣ труда разбирать, въ чемъ

дѣло, они задаются ошибочно мыслью, и о *безправномъ* положеніи евреевъ въ древней Руси, и о мнимомъ въ ней обычаѣ ихъ *насильственнаго крещенія*, особенно въ московскомъ періодѣ, когда наши князья сдѣлались самодержавными царями. Желаніе вселить объ этомъ всеобщее убѣжденіе бываетъ такъ сильно, что, за неимѣніемъ лучшихъ доказательствъ, не колеблются выдвигать такіе факты и данныя, которые не выдерживаютъ никакой критики и которые, отчасти, признаются таковыми и самими тѣми авторами. Къ числу такихъ данныхъ относятся чисто дипломатическіе и не вполне, поэтому, правдивые *отвѣты* и *объясненія*, къ коимъ прибѣгали, иной разъ, по поводу евреевъ, наши послы того времени и сами цари, изъ политическихъ цѣлей, а также *повѣствованія* и *размышленія*, содержащіяся въ твореніяхъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ духовныхъ лицъ *юго-западной Руси* XVII ст.,—твореніяхъ, написанныхъ далеко не въ духъ истиннаго православія и національно-русскомъ. При этомъ извращаются, иной разъ, умышленно или неумышленно, по недостатку знанія, и настоящій смыслъ многихъ мѣстъ въ тѣхъ твореніяхъ, а также настоящее значеніе этихъ послѣднихъ.

Обратимся, сперва, къ первому роду такихъ данныхъ, берущихся изъ области тогдашней *внѣшней* нашей политики.

Искусствомъ замаскировывать свои настоящія цѣли и стремленія, политическіе дѣятели, какъ извѣстно, въ большей или меньшей степени, всегда обладали. Политическій тактъ существовалъ гораздо ранѣе, чѣмъ выработались правильныя понятія о международныхъ отношеніяхъ и дипломатіи. Въ этомъ отношеніи, наши

князья и цари, какъ равно приближенные къ нимъ люди, не отставали отъ другихъ. Древняя политическая отчужденность наша отъ прочихъ европейскихъ народовъ, изъ видовъ обереженія чистоты православія, сдѣлала ихъ еще болѣе чуткими и осторожными въ сношеніяхъ съ ними. При такихъ условіяхъ нашей внутренней политической жизни, слова царей и ихъ пословъ, касавшіяся *евреевъ*, и предлоги, подъ которыми, въ иныхъ случаяхъ, дѣлались отказы польскимъ королямъ на ихъ предложенія, относительно польско-литовскихъ купцовъ іудейскаго исповѣданія, никакъ не могутъ быть принимаемы за вѣрное изображеніе настоящаго характера нашихъ религіозно-политическихъ взглядовъ и вытекавшихъ изъ нихъ отношеній къ евреямъ. Весьма часто говорилось совершенно противоположное тому, что дѣлалось и предпринималось, на самомъ дѣлѣ. Вымыслы и извороты были, въ такихъ случаяхъ, въ большомъ употребленіи и играли весьма существенную роль въ сношеніяхъ съ чужеземными странами, и по другимъ политическимъ поводамъ. Нужно замѣтить, къ тому же, что для нашихъ царей, *до-петровскаго* времени, еврей, съ религіозной точки зрѣнія, могли быть предметомъ особенно щекотливымъ въ области политическихъ сношеній съ странами, гдѣ господствовала римско-латинская церковь. Царямъ тѣмъ хорошо было извѣстно, что на всемъ Западѣ, центромъ котораго, въ религіозно-политическомъ отношеніи, былъ Римъ, *гражданская отверженность евреевъ* считалась, по тамошнимъ понятіямъ о христіанствѣ, дѣломъ благочестивымъ. Дѣйствуя сами, подъ вліяніемъ истиннаго православія и укоренившихся древнихъ русскихъ на-

ціональнихъ обычаевъ, въ совершенно иномъ духѣ и направленіи, по отношенію къ не-христіанамъ, въ томъ числѣ и къ евреямъ, цари наши не желали, однако, обнаруживать свою политику передъ римско-латинскимъ міромъ и навлекать оттуда на себя упрекъ въ меньшей степени христіанскаго благочестія въ своихъ воззрѣніяхъ на нихъ. Мы, кажется, не ошиблись, сказавши выше, что, кромѣ торговыхъ цѣлей, весьма существенное значеніе имѣло и это побужденіе, при заключеніи съ Польшею договоровъ, въ коихъ, соотвѣтственно требованію польскихъ уполномоченныхъ о недопущеніи евреевъ, изъ Россіи, въ столичные города: *Краковъ*, *Варшаву* и *Вильну*, было помѣщено такое же требованіе, и съ нашей стороны, о недопущеніи евреевъ, изъ Польши, *въ царствующій городъ—Москву*. То же самое побужденіе подвигало нашихъ царей и пословъ прибѣгать къ разнаго рода вымысламъ, когда, въ ихъ сношеніяхъ съ чужеземными странами, рѣчь шла о евреяхъ. Мы видѣли, съ какимъ искусствомъ были замаскированы русскимъ посломъ XVI ст., *Дмитріемъ*, дѣйствительныя государственныя отношенія наши къ лицамъ іудейскаго закона, при его разговорѣ въ Римѣ съ именитымъ тамъ католикомъ, *Павломъ Іовіемъ*. Мы видѣли также, съ какимъ искусствомъ *Іоаннъ Грозный* скрылъ, посредствомъ вымышленнаго предлога, въ духѣ римско-латинскомъ, настоящую причину своего отказа королю Сигизмунду II Августу въ его требованіи, относительно допущенія въ Россію евреевъ, подвластныхъ польской коронѣ. Случилось, что къ такому же дипломатическому способу, хотя, конечно, безъ оттѣнковъ злости и коварства, прибѣгнулъ и болѣе благодушный царь нашъ,

Михаилъ Теодоровичъ, первый изъ Дома Романовыхъ. Въ январѣ 1638 г., гонецъ польскаго короля *Владислава IV*, Маркъ Турницкій, привезъ царю просительную грамоту о допущеніи въ Москву, по торговымъ дѣламъ, королевскаго фактора или агента, *еврея Аарона Марковича*. Съ королемъ Владиславомъ отношенія наши, какъ извѣстно, были крайне натянуты. Это и было, конечно, главною причиною нерѣшительности короля — безъ предварительнаго сношенія съ царемъ, прислать въ его столицу своего агента еврейской вѣры. Но еслибъ отношенія тѣ были дружественнаго свойства и король имѣлъ возможность прислать въ Москву своего торговаго агента прямо, безъ соблюденія вышесказанной дипломатической формальности, то едва-ли можно сомнѣваться, что со стороны царя не послѣдовало бы и никакой насильственной мѣры въ высылкѣ изъ государства сказаннаго агента, единственно потому только, что онъ былъ іудейскаго закона. Еврей Марковичъ, по всей вѣроятности, выполнилъ бы безпрепятственно свое порученіе и спокойно возвратился бы въ свою страну, безъ всякихъ обидъ и насилій. Но разъ, при непріязненныхъ отношеніяхъ съ Польшею, такой агентъ сдѣлался предметомъ официальнаго дипломатическаго сношенія, слухъ о которомъ могъ дойти и въ прочія христіанскія страны и дать имъ невыгодное понятіе о благочестіи нашихъ русскихъ царей, въ случаѣ удовлетворенія просьбы короля, то Михаилъ Теодоровичъ предпочелъ приказать впустить къ себѣ гонца Турницкаго и лично сообщить ему отвѣтъ, въ неблагопріятномъ, для евреевъ, смыслѣ, а именно, что онъ, царь, „дозволяя пріѣхать польскому какому либо купцу, а не *жиду*, *коихъ ни-*

когда въ Россіи не бывало и съ коими никакого сообщенія христіане не имѣютъ, совѣтуетъ не привозить заповѣднаго (запрещеннаго) товара, т. е. „вина горячаго и табаку“¹. Объясненіе царя, что евреевъ въ Россіи „никогда, будто, не бывало“, принимается историками и разными писателями за несомнѣнное доказательство этого факта, причина котораго ими же приписывается предполагаемой принципіальной нетерпимости къ лицамъ іудейскаго закона. Между тѣмъ, нужно вспомнить, что отказъ въ принятіи королевскаго торговаго агента, изъ евреевъ, былъ сдѣланъ *Владиславу IV*, т. е. такому польскому, и, вмѣстѣ, католическому, королю, который, будучи еще королевичемъ, домогался царства и былъ даже избранъ на него нашей семибоарциной, во время междуцарствія. Чувство къ нему истинно-русскаго царя, понятно, не могло быть инымъ, какъ крайне непріязненнымъ. Рѣзкость отвѣта, по поводу лица іудейскаго закона, могла послѣдовать подъ вліяніемъ, какъ этого чувства, такъ и желанія кольнуть римско-латинскаго государя тѣмъ, что Россія и ея цари держатъ себя несравненно благочестивѣе, въ отношеніи враговъ Христа, чѣмъ онъ, король и покорный слуга папскаго престола, не облекая евреевъ своимъ довѣріемъ и не допуская ихъ даже въ свою страну, подобно тому, какъ и привоза такого запрещеннаго товара, какъ горячее вино, и такого богопротивнаго зелья, какъ табакъ. На самомъ же дѣлѣ, и царю Михаилу Ѳеодоровичу, по всей вѣроятности, было извѣстно, что моти-

¹ Бавтышъ-Каменскій: Переписка между Россіей и Польшей въ государствованіе Михаила Ѳеодоровича. Чтенія въ Московскомъ Императ. Общ. Ист. и Древ. Рос. 1862 г., IV, стр. 101.

вировка его отказа не вполне согласна съ дѣйствительностью, такъ какъ никакъ нельзя было сказать, *во первыхъ*, чтобы евреевъ не только, вообще, на Руси, но и въ самомъ Московскомъ царствѣ, никогда не бывало, и *во вторыхъ*, чтобы христіанское благочестіе относительно ихъ выражалось у насъ когда либо въ обычаѣ устанавливать законами ихъ гоненія за вѣру, какія допускались съ точки зрѣнія христіанскаго благочестія католиковъ. Фактъ, нами уже установленный и вполне несомнѣнный, что *до* и *послѣ* этого царя имѣлись у насъ постановленія, воспрещавшія евреямъ *домашнія общенія* съ русскими людьми и ихъ *сображенія*. Но такія постановленія были бы вовсе и не нужны, еслибъ въ древней Руси, вообще, а въ Восточной, въ особенности, существовалъ обычай безусловно воспрещать появленіе и проживательство, въ странѣ, лицу еврейскаго вѣроисповѣданія, подѣ страхомъ казни или изгнанія, подобно тому, какъ это было въ Византіи, при Львѣ Философѣ и другихъ императорахъ. О такомъ обычаѣ, несомнѣнно, были бы слѣды и въ законодательныхъ нашихъ памятникахъ. Онъ необходимо былъ бы превращенъ и въ писанный законъ, особенно при изданіи уложенія 1649 года, которое, какъ извѣстно, составлено въ духѣ нашихъ древнихъ обычаевъ и постановленій и носить на себѣ характеръ религіозно-политическій. Между тѣмъ, тотъ фактъ, что въ этомъ органическомъ законѣ не содержится никакихъ воспретительныхъ постановленій, относительно пребыванія на русской землѣ лицъ, исповѣдующихъ еврейскую вѣру, а напротивъ—предполагается, самымъ осязательнымъ образомъ, возможность ихъ существованія

въ составѣ русскаго народонаселенія, какъ это можно заключить изъ строгаго подтвержденія тѣмъ закономъ, а также „новоуказными статьями“ царя Алексія Михайловича, вышесказанныхъ, касающихся и евреевъ, воспрещеній, съ установленіемъ спеціальной казни за соращеніе и обрѣзаніе ими русскихъ людей,—составляетъ живое отрицаніе воображаемаго древняго русскаго обычая рѣшительнаго недопущенія евреевъ къ жительству въ Россіи и ихъ изгнанія изъ нея. Нельзя допустить мысли, чтобы, при дѣйствительномъ существованіи такого обычая, царемъ Алексіемъ Михайловичемъ, какъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ ревнителей православія и религіозно-національныхъ интересовъ государства, могло быть дано, сперва—разрѣшеніе боярамъ и служилымъ людямъ привозить съ собою въ Москву, въ числѣ забиравшихся ими въ Польшу людей, также лицъ и еврейскаго исповѣданія, притомъ въ неограниченномъ числѣ, а затѣмъ—разрѣшеніе и самимъ евреямъ, обитавшимъ въ присоединенныхъ отъ Польши городахъ и провинціяхъ, состоятъ, тоже въ неограниченномъ числѣ, какъ бы сплошною уже массою, подъ русскимъ владычествомъ, т. е., другими словами—оставаться на жительствѣ въ предѣлахъ русской территоріи, безъ ограниченія, въ то же время, этого права мѣстностями, въ которыхъ евреи тѣ были застигнуты. Сказанныя царскія разрѣшенія, въ связи съ упомянутыми выше мѣрами, опредѣлявшими въ точности, что именно требуется отъ всѣхъ вообще не-христіанъ, проживавшихъ въ Россіи, въ томъ числѣ и евреевъ, сами собою свидѣтельствуютъ, что ихъ водвореніе въ ней не признавалось, въ царскомъ періодѣ, противнымъ

древнимъ русскимъ правамъ и обычаямъ, и не считалось какимъ либо нововведеніемъ, представлявшимъ коренное отъ нихъ отступленіе. Это подтверждается и тѣмъ, что Олеарій и другіе иностранцы, посѣщавшіе Россію въ XVII столѣтіи, указывая на фактъ *размноженія* евреевъ въ Москвѣ, не говорятъ, однако, объ этомъ въ смыслѣ ихъ первичнаго появленія въ ней и *Восточной Россіи*, какъ о населеніи совершенно для нея новомъ, до той поры въ ней небываломъ, вносившемъ въ Московское государство совершенно невѣдомый имъ, прежде, этнографическій элементъ. Это даетъ право заключать, что если, въ Великорусской странѣ, и не существовало значительныхъ массъ еврейскаго населенія, то, во всякомъ случаѣ, можно съ достовѣрностью сказать, что среди не-христіанъ, державшихся обряда обрѣзанія, проживало у насъ, и въ московскомъ періодѣ, болѣе или менѣе евреевъ, пользовавшихся защитою царской власти и закона, на однихъ основаніяхъ съ прочими подобными же некрещеными чужеземцами. Поэтому, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что евреи находились въ числѣ и тѣхъ некрещеныхъ чужеземцевъ, изъ дворовъ которыхъ въ Москвѣ и другихъ русскихъ городахъ были, по повелѣнію царя Михаила Феодоровича, изъяты, впервые, русскіе люди, съ воспрещеніемъ некрещенымъ держать ихъ впредь у себя въ услуженіи и холопствѣ. Между евреями, жившими въ московской Руси, кромѣ выходцевъ изъ Литвы и Польши, могли быть и такіе, которые поселились у насъ, приходя къ намъ съ востока, во время монгольскаго ига и послѣ того, въ числѣ татаръ¹, а также бухарскихъ,

¹ Карамзинъ, IV, стр. 180, примѣч. 246.

персидскихъ, турецкихъ и армянскихъ купцовъ. Москва въ XVII ст., какъ говоритъ и самъ Г. Иловайскій, въ своихъ учебникахъ, была уже переполнена рынками, гостинными дворами, рядами и лавками, гдѣ можно было встрѣтить много купцовъ и ремесленниковъ разныхъ европейскихъ и азіатскихъ народовъ. По свидѣтельству г. Костомарова, чужеземные торговые люди „пользовались большею благосклонностію до половины XVII вѣка, чѣмъ послѣ того до Петра“ (Очеркъ тор. Моск. госуд., стр. 45). Согласно этому, въ своемъ жизнеописаніи царя Алексія Михайловича, тотъ же историкъ говоритъ, что торговля нѣкоторыхъ азіатскихъ купцовъ подвергалась, со времени этого царя, стѣсненіямъ и ограниченіямъ. Персіанамъ, напр., было дозволено торговать только въ одной Астрахани (стр. 143). Ихъ право жительства въ Россіи было, слѣдовательно, ограничено, тогда, этимъ однимъ только торговымъ городомъ. Между тѣмъ, въ тому же самому времени Костомаровъ относитъ фактъ размноженія евреевъ въ Москвѣ и Московскомъ государствѣ, изъ чего можно заключить, что евреи, въ сравненіи съ многими другими людьми восточнаго происхожденія, пользовались у насъ лучшимъ даже гостепріимствомъ, не подвергаясь никакимъ ограниченіямъ въ правахъ жительства, торговли и промысловъ.

Эти данныя, при ихъ сопоставленіи съ другими историческими, приводятъ къ убѣжденію, *во первыхъ*, что и въ царскомъ періодѣ существовали у насъ, среди общаго народонаселенія, евреи, которые имѣли спокойное пребываніе, какъ въ разныхъ городахъ и мѣстахъ Великороссіи, такъ и въ самой Москвѣ, а *во вто-*

рыхъ, что между этими евреями были не одни только временно прѣзжіе изъ Литвы и Польши, но и та-кіе, которые, живя у насъ, въ качествѣ людей осѣд-лыхъ, считались не чужеземными, а *своими евреями*. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, съ одной стороны, что для польско-литовскихъ, чужеземныхъ, евреевъ, доступъ въ Россію, изъ политическихъ и торговыхъ цѣлей, постоянно затруднялся. Тѣ же изъ нихъ, которые допускались временно въ Москву и другіе города и мѣстности Россіи, если вѣрить рассказамъ иностранныхъ писателей, часто изгонялись оттуда, вмѣстѣ съ купцами изъ природныхъ поляковъ, исповѣдывавшихъ католическую вѣру. Бантышъ-Каменскій говоритъ, что во время безпорядковъ междуцарствія, этимъ купцамъ чинились всякаго рода обиды, и притѣсненія и что устраненія та-кихъ обидъ и притѣсненій польскіе вельможи добились только въ государствование царя Михаила Θεодоровича, съ допущеніемъ, въ нѣкоторыя мѣста Россіи, и купцовъ изъ евреевъ, но только до Вязьмы и Свинска ¹. Хотя можно предполагать, что, въ слѣдующее царствованіе, они появлялись и въ Москвѣ, но число ихъ тамъ не могло увеличиваться, а, напротивъ, должно было постоянно уменьшаться, такъ какъ изгнанія ихъ изъ Москвы, по свидѣтельству основывающихся на иностранныхъ писа-теляхъ русскихъ историковъ, практиковались и при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ. Костомаровъ, ссылаясь на англійскаго посланника Карлейла, прямо говоритъ, что „католики и жида“ изгонялись оттуда и при этомъ царѣ. Наконецъ, упомянутымъ выше договоромъ съ

¹ Переписка между Россіей и Польшей въ государствование Михаила Θεодоровича. Читенія въ Москов. Импер. общ. 1862 г., IV, стр. 104.

Польшею, состоявшимся 3 августа 1678 г., при царѣ Теодорѣ Алексіевичѣ, Москва была совершенно закрыта для польско-литовскихъ евреевъ. При такихъ условіяхъ, нельзя предполагать, чтобы замѣченный *фактъ размноженія въ ней евреевъ*, начиная съ царя Алексія Михайловича, могъ произойти отъ наплыва тѣхъ изъ нихъ, которые жили *внѣ* Россіи, въ Литвѣ и Польшѣ. Логичнѣе допустить, слѣдовательно, что число евреевъ получило приращеніе отъ такихъ, которые изгнаніямъ не подвергались, обитая у насъ *въ качествѣ людей, имѣвшихъ на то извѣстное право.*

Все это служить, кажется, довольно доказательнымъ аргументомъ, что Русь, и въ московскомъ періодѣ, не проявляла себя, въ бытовой своей сферѣ, безчеловѣчно къ лицамъ еврейскаго исповѣданія, а, напротивъ, относилась къ нимъ съ извѣстною терпимостью, не обращая духовно-религіозную неприязнь къ ихъ культу въ чувство человѣконенавистничества къ нимъ самимъ.

Религіозно-созерцательная неприязнь къ иновѣрнымъ исповѣданіямъ, какъ основаннымъ на догматахъ, различествующихъ отъ православнаго, — повторяемъ неоднократно уже нами сказанное, — никогда не смѣшивалась у насъ, ни духовными, ни свѣтскими ревнителями истиннаго православія, съ неприязнью *общественною и политическою*, въ той, по крайней мѣрѣ, степени, какъ это было на Западѣ, въ католическихъ и даже протестантскихъ странахъ. Поэтому, не было у насъ и мѣста къ проявленію, во всемъ ея безобразіи, *безусловной религіозно-политической нетерпимости* къ иновѣрцамъ даже *іудейскаго закона.*

XVI.

При всемъ томъ, есть, однако, историческій фактъ, который, безъ надлежащихъ разъясненій, можетъ давать нѣкоторый поводъ лицамъ, склоннымъ къ поспѣшнымъ заключеніямъ, когда дѣло идетъ о евреяхъ, утверждаться въ мысли, что, въ московскомъ періодѣ, господствовала, въ нашей политической сферѣ, именно такая къ нимъ нетерпимость, распространявшаяся *огульно* на всѣхъ ихъ вообще и имѣвшая, въ своемъ принципѣ, представленіе о невозможности существованія въ православной Руси лица іудейскаго закона. Фактъ этотъ—помѣщеніе русскими боярами, при избраніи въ 1610 году королевича Владислава на царство, въ числѣ договорныхъ объ этомъ избраніи статей, условія, чтобы „Жидомъ въ Россійское Государство съ торгомъ и некоторыми дѣлы не ѣздити“.

Посмотримъ, въ какой мѣрѣ справедливы дѣлаемые изъ этого историческаго факта выводы и заключенія.

Предложеніе русскими боярами сказаннаго условія—фактъ дѣйствительно несомнѣнный. Объ немъ говорится въ „Исторіи Россіи“ Соловьева (изд. 1883 г., т. VIII, стр. 264) и повѣствованіе это подтверждается просмотрѣнными нами нѣкоторыми, относящимися къ тому времени, политическими документами. Но для того, чтобы отдать себѣ вполне ясный отчетъ о томъ—вытекало-ли сказанное предложеніе изъ дѣйствительно русскихъ религіозно-національныхъ принциповъ, которыми руководствовались наши истинные, природные, государи, необходимо вникнуть ближе: *когда, кѣмъ и*

при какихъ обстоятельствахъ сдѣлано было предложеніе о вышесказанномъ условіи на счетъ евреевъ?

Мысль объ избраніи на царство польскаго королевича зародилась во время смуть, въ такъ называемой, *партіи тушинцевъ*, т. е., среди приверженцевъ тушинскаго самозванца, когда тотъ сталъ терять надежду на успѣхъ, а Россія, за неимѣніемъ царя, правилась семибоярщиною, подъ главенствомъ кн. Ѳ. И. Мстиславскаго.

Тушинскій самозванецъ имѣлъ приверженцевъ русскихъ и польскихъ. *Русскіе тушинцы*, подчинившись вліянію польскаго короля Сигизмунда III, домогавшагося и лично русскаго престола, рѣшились, однако, стоять на томъ, чтобы на царство былъ избранъ его сынъ, королевичъ Владиславъ. Договорныя статьи объ этомъ избраніи были предметомъ сильныхъ пререканій между польскою и русскою партіями, изъ коихъ каждая домогалась своихъ выгодъ. Явился родъ предварительныхъ условій, въ формѣ записей, съ каждой стороны, въ отдѣльности. Условія эти должны были превратиться, впоследствии, въ формальный между державами договоръ, санкціонованный сеймомъ Рѣчи Посполитой. До заключенія такого договора существовали, слѣдовательно, однѣ только прелиминарныя соглашенія, статьи которыхъ измѣнялись и дополнялись, съ той и другой стороны. Г. Соловьевъ говоритъ, что 4 февраля 1610 г., подъ Смоленскомъ, обѣ стороны пришли къ общему соглашенію, относительно первоначальныхъ условій, и что съ русской стороны, въ ихъ заключеніи, участвовали одни только послы отъ *русскихъ тушинцевъ*, подъ главнымъ руко-

водствомъ Салтыкова, почему и названы даже *Салтыковскими*. Въ числѣ русскихъ пословъ, подписавшихъ эти условія, кромѣ бояръ и дьяковъ, находились и такія личности, какъ, напримѣръ, *Молчановъ*, котораго патріархъ Гермогенъ, за измѣну, предалъ анаемѣ и выгналъ изъ церкви, а также *Федоръ Андроновъ*, бывший московскій вожевникъ, слѣдовательно, изъ низкаго званія, торгашнаго духа и направленія. Весьма странно было бы предполагать, чтобы въ столь разношерстной партіи, преданной сперва тушинскому вору, а затѣмъ готовившейся предать Россію, черезъ избраніе на царство чужеземнаго государя, согласно политическимъ и религіознымъ интересамъ враждебной для насъ страны, могъ царить духъ *русско-національный* и чтобы лица, принадлежавшія къ партіи тушинцевъ, могли имѣть правильныя понятія о жизненныхъ принципахъ русской православной церкви и русскаго православнаго государства. Они менѣе всего могли отрѣшить себя отъ суевѣрныхъ, относительно евреевъ, предрасудковъ и предубѣжденій, поддерживавшихся въ нихъ самими поляками, среди которыхъ религіозная ненависть къ лицамъ іудейскаго закона распространялась ихъ фанатическими всендзами. Сказанные предрасудки и предубѣжденія могли поддерживаться и наглядными представленіями какія каждый изъ тѣхъ русскихъ могъ составить себѣ, въ Литвѣ и Польшѣ, о евреяхъ, какъ по наружному ихъ виду, рѣзко отличавшему ихъ отъ христіанъ, такъ и по низкому положенію, какое они занимали въ Польшѣ, именуясь королевскими рабами (*servi regii*) и находясь, тогда, подъ двухвѣковымъ уже гнетомъ введенныхъ Ягеллонами гражданскихъ

ихъ стѣсненій. Собственно говоря, русскіе тушинцы, участвовавшіе, подъ Смоленскомъ, въ написаніи договорныхъ статей объ избраніи королевича Владислава, домогаясь, между прочимъ, закрытія Россіи для евреевъ, имѣли въ виду только *польско-литовскихъ*, и главная причина требованія ограничительнаго о нихъ условія было опасеніе, чтобы польскіе короли, при постоянныхъ своихъ притязаніяхъ къ открытію имъ свободной торговли въ Россіи, не наводнили ее ими, въ то время, когда она слилась бы съ Польшею. Это опасеніе не было лишено нѣкоторыхъ основаній, особенно съ точки зрѣнія русскаго купечества, не терпѣвшаго, какъ извѣстно, иноземной торговой конкуренціи и имѣвшаго своихъ представителей въ партіи тушинцевъ. Но для того, чтобы прикрыть эту настоящую побудительную причину, послы ихъ выставили *религіозный мотивъ*, включивъ условіе о недопущеніи евреевъ въ Московское государство въ ту договорную статью, гдѣ говорилось о неприкосновенности святой вѣры греческаго закона. Такое же предложеніе, и въ томъ же видѣ, было сдѣлано, въ августѣ того же 1610 года, подъ Москвою, въ договорной записи, составленной, съ російской стороны, боярами, правившими государствомъ ¹. Въ записи этой требованіе о недопущеніи въ Россію собственно польско-литовскихъ евреевъ обставлено текстуально слѣдующимъ образомъ: „а христіанскія наша православная вѣры Греческаго закона ничѣмъ не рущати и не безчестите, а иныхъ никакихъ вѣръ не вводити, чтобы

¹ Бояре, подписавшіе эту запись, были слѣдующіе: кн. Ѡ. И. Мстиславскій, кн. В. В. Голицынъ, Р. И. Шереметевъ, окольный кн. Д. Ив. Мезецкій и думные дьяки: Василій Телепневъ и Томяло Луговскій.

наша святая православная вѣра Греческаго закона имѣла свою цѣлостъ и красоту, по прежнему, и Россійскаго Государства людей православныхъ христіанъ отъ Греческія вѣры въ Римскую и ни въ которую иную вѣру силою и нужею и иными никакими мѣрами не отводить; *и жидомъ въ Россійское во все Государство съ торгомъ и некоторыми иными дѣлами не възжати*; цѣлбоносны гробы и мощи святыхъ Государю Королевичу Владиславу Сигизмундовичу имѣть въ великой чести“, и т. д. (Собр. госуд. гр. и дог.). Очевидно, что тутъ религіозный мотивъ служилъ только громкимъ предлогомъ, которымъ семибоярщина воспользовалась, для прикрытія настоящей своей цѣли—угожденія русскому купечеству, —влассу, которому, въ то время, отдавалось предпочтеніе передъ прочимъ населеніемъ. Всѣ семь бояръ, управлявшіе тогда государствомъ и подписавшіе сказанную запись, какъ люди склонявшіеся къ избранію на царство Владислава, не могли быть въ душѣ истинно-русскими—такими, какими были тѣ, которые жаждали видѣть на русскомъ престолѣ природнаго царя, изъ древняго княжескаго рода, рожденнаго въ православной вѣрѣ. Хотя правители тѣ и старались оправдать въ глазахъ народа свои чувства къ Россіи и православной вѣрѣ тѣмъ, что ставили Владиславу условіемъ креститься въ греческую вѣру и избрать себѣ невѣсту изъ православнаго же исповѣданія, но это была одна только хитрость, такъ какъ имъ хорошо было извѣстно, что подобное предложеніе, ни Сигизмундомъ, ни его сыномъ, не будетъ принято. Доказательствомъ же, что правившіе бояре не очень и дорожили принятіемъ польскими государями сказаннаго условія

и были склонны блюсти скорѣе интересы Польши, чѣмъ собственнаго своего отечества, служить, между прочимъ, то обстоятельство, что въ то время, когда существовали одни только предварительныя соглашенія и когда ни въ комъ не могло быть полной еще увѣренности, какія изъ этихъ условій будутъ окончательно приняты или отвергнуты, русское народонаселеніе было, однако, допущено тѣми боярами къ присягѣ Владиславу: въ началѣ августа—подъ Москвою, а въ сентябрѣ—грамотою, данною гетману Сапѣгѣ—въ тушинскомъ станѣ ¹. Между тѣмъ, передъ этимъ, именно 2 августа, какъ пишетъ Соловьевъ, гетманомъ Жолкѣвскимъ, въ вышеупомянутомъ Салтыковскомъ договорѣ, были сдѣланы измѣненія и прибавки, и въ договорной записи этого гетмана, заключенной 17—27 августа, подъ Москвою, съ сказанными боярами, ничего уже не говорится о *евреяхъ*, не взирая на требованіе объ этомъ, формулированное въ упомянутой выше договорной записи, со стороны російской. Казалось бы, что если сами бояре признавали ограничительное условіе о евреяхъ столь существеннымъ и принципиальнымъ, съ точки зрѣнія религиозныхъ интересовъ государства, то на нихъ лежала и обязанность всячески настоять, чтобы условіе то было обеспечено включеніемъ его въ записъ Жолкѣвскаго, какъ въ виду принимавшейся русскимъ народомъ присяги королевичу, такъ и того, что въ записи польскаго гетмана имѣлась договорная статья, которую въ точности опредѣлялись взаимныя, между Россіей и Польшей, торговыя отношенія, при сліяніи

¹ Соловьевъ, „Истор. Рос.“, изд. 1889 г., стр. 263, и „Акты Историч.“, т. II, стр. 351 (ст. 289).

обѣихъ державъ подъ скипетромъ польскимъ, безъ включенія какихъ либо ограниченій, относительно евреевъ (Собрание госуд. гр. и дог., т., II, стр. 391, п. 199) ¹. Между тѣмъ, семибоярщина наша, не только не выполнила сказанной обязанности до приведенія русскаго народа къ присягѣ, но не позаботилась объ этомъ и въслѣдствіи. Это видно изъ того, что наказомъ, даннымъ русскимъ посламъ, отправлявшимся къ королю Сигизмунду III, для испрошенія его сына Владислава на царство и постановленія недоконченныхъ съ гетманомъ Жолкѣвскимъ разныхъ статей, было поручено настаивать о дополненіи этихъ статей лишь слѣдующими одиннадцатью условіями: 1) о крещеніи Владислава въ православную вѣру греческаго закона, 2) о несношеніи имъ по ея дѣламъ съ папой, 3) о наложеніи смертной казни за отступничество отъ греческой вѣры, 4) о количествѣ лицъ, которыхъ Владиславъ можетъ привести съ собою, 5) о неумаленіи титула московскихъ государей, 6) о вмѣненіи Владиславу въ обязанность жениться на дѣвицѣ греческаго исповѣданія, 7) объ очищеніи въ Москвѣ городовъ и мѣстъ, занятыхъ поляками, 8) о томъ, чтобы полякамъ и литовцамъ земли давать внутри государства, 9) о возвращеніи плѣнниковъ безъ выкупа, 10) объ отступленіи

---

¹ Текстъ этой договорной статьи слѣдующій: „А купцомъ Московскаго Государства всѣхъ городовъ въ Польше и въ Литве, а Польскимъ и Литовскимъ купцомъ въ Московскомъ Государствѣ торговати повольно попрежнему и тамги въ Московскомъ Государствѣ и въ Польше и въ Литве велети брати по прежнему и насиства зъ обе стороны торговымъ людемъ не чинити. Торговымъ и пашеннымъ Хрестіанамъ въ Литву з Руси и з Литвы на Русь выходу не быти, также и на Руси промежъ себя Хрестіанамъ выходу не быти“.

короля [Сигизмунда отъ Смоленска и 11) о прїѣздѣ русскихъ пословъ на будущій сеймъ, для скрѣпленія союза государствъ. О евреяхъ въ этихъ капитальныхъ предложеніяхъ, какъ видно, нѣтъ уже ни слова, съ русской уже стороны, чего, казалось, въ виду опущенія условія о евреяхъ въ договорной записи Жолкѣвскаго, не могло бы быть, еслибъ такое условіе являлось, въ сознаніи бояръ, необходимымъ, съ какой либо принципиальной точки зрѣнія древнихъ русскихъ религіозно-національныхъ воззрѣній и обычаевъ. Нельзя предполагать, чтобы эти бояре, рѣшившись, въ видахъ огражденія интересовъ православной церкви, сдѣлать такое предложеніе, какъ принятіе Владиславомъ греческаго исповѣданія и избраніе имъ невѣсты этой же вѣры, могли стѣсниться, въ то же время, категоричнымъ формулированіемъ, въ упомянутомъ наказѣ, и своего требованія, относительно евреевъ, въ видѣ дополнительной и не менѣе капитальной договорной статьи. Очевидность легкой возможности, для Владислава, воспользоваться, по занятіи русскаго престола, своими царскими правами, для осуществленія постоянныхъ стремленій польскихъ королей къ открытію *своимъ евреямъ* свободнаго, для торговли, доступа въ Россію, должно было бы усугубить, въ тѣхъ боярахъ, чувство сказанной обязанности, относительно помѣщенія въ дополнительныхъ предложеніяхъ, на первомъ планѣ, ограничительнаго, въ этомъ отношеніи, условія. Между тѣмъ, фактъ тотъ, что въ сказанномъ наказѣ его нѣтъ, не взирая на то, что онъ данъ русскимъ посламъ, въ числѣ которыхъ былъ, между прочимъ, и такой святитель нашей церкви, какъ митрополитъ Филаретъ, вполнѣд-

ствіи патріархъ и соправитель своего сына, природнаго нашего государя, царя Михаила Федоровича. Это ясно доказываетъ, что требованіе о томъ, чтобы „Жидомъ въ Россійское во все Государство съ торгомъ и некоторыми иными дѣлы не вѣзжати“, выраженное въ Салтыковскомъ договорѣ тушинцевъ и повторенное, затѣмъ, въ августовской договорной записи, съ русской стороны, не признавалось и самими правившими государствомъ боярами настолько капитальнымъ, чтобы безъ него нельзя было обойтись, не нарушая коренныхъ русскихъ національныхъ преданій. Обстановка этого требованія религиозными мотивами, сдѣланная приверженцами польской партіи, есть, слѣдовательно, ни болѣе, ни менѣе, какъ продуктъ ея собственнаго измышленія, не имѣвшего никакой внутренней связи съ принципами, каковыхъ постоянно держались истинные князья и государи русской земли. Русскіе тушинцы и, подражая имъ, наша семибоярщина, провозглашая громко безусловную нетерпимость къ евреямъ, какъ людямъ, появленіе которыхъ въ Россіи нарушало бы „цѣлость и красоту святой православной вѣры“, въ то же время, въ тайнѣ, ковали измѣну ей и отечеству, черезъ его предательство въ руки польскихъ королей, фанатическихъ слугъ римскаго престола, которые, съ помощью папы и своего духовенства, могли бы уничтожить всякую цѣлость и красоту нашей святой вѣры и легко осуществить затаенную мысль превращенія русской страны въ римско-латинскую. Боярамъ, правившимъ государствомъ, это было хорошо извѣстно, но желаніе ихъ склонить, во что бы то ни стало, на сторону Сигизмунда и Владислава русскій народъ было такъ сильно, что они не колебались прибѣгать къ жи-

вымъ даже его увѣреніямъ на счетъ истинныхъ намѣреній этихъ государей. Выше было сказано, что всѣ записи объ избраніи на царство Владислава не имѣли иного значенія, какъ предварительныхъ только условій, и что изъ нихъ многія, предлагавшіяся съ русской стороны, были отвергнуты еще гетманомъ Жолкѣвскимъ, въ томъ числѣ и условіе о безусловномъ закрытіи Россіи для евреевъ. Изъ грамоты къ боярамъ русскихъ пословъ, отправленныхъ къ Сигизмунду ¹, ясно усматривалось, что оставалось весьма мало надежды, чтобы этимъ королемъ и его сыномъ было принято капитальнѣйшее предложеніе о перемѣнѣ этимъ послѣднимъ вѣры. При такихъ условіяхъ, обнадеживать въ чемъ либо русскій народъ и представлять ему сдѣланныя, съ русской стороны, предложенія, какъ окончательно принятыя—было дѣйствиельно, носившимъ на себѣ характеръ предательства и измѣны. Между тѣмъ, кн. Мстиславскій и прочіе бояре, правившіе государствомъ, въ окружной грамотѣ 4 сентября 1610 г., посланной въ сибирскіе города, предписывая „о твердомъ содержаніи“ заключеннаго ими съ польскимъ гетманомъ Жолкѣвскимъ договора, стремились поселить въ народѣ полную увѣренность, что, въ силу этого мнимаго договора, „римская вѣра и инныя разныя вѣры вводиться, а костелы и иныхъ вѣръ молебные храмы въ Московскомъ государствѣ и по городамъ и по селамъ“ нигдѣ ставиться не будутъ, что православная христіанская вѣра греческаго закона будетъ такимъ образомъ сохранена во всей своей цѣлости и красотѣ, что народъ не будетъ

¹ Грамота эта сохранилась въ отрывкѣ (Собр. гос. гр. и дог., т. II, стр. 468, ст. 215).

отводиться отъ нея никакими мѣрами „въ римскую и ни въ которую иную вѣру“ и что „Жидомъ въ Россійское во все Государство съ торгомъ и некоторыми дѣлы“ вѣздить дозволено не будетъ“. Этотъ образъ дѣйствія самъ собою свидѣтельствуешь, что въ основаніи его отнюдь не лежали откровенная и здравая національная политика, и что *условіемъ о евреяхъ*, которое имѣло собственно цѣлю огражденіе русскаго купечества отъ конкуренціи польскихъ торговыхъ людей, въ то время, когда въ лицѣ Владислава воспослѣдовало бы сліяніе обоихъ царствъ,—хитрые бояре, захватившіе государственную власть въ свои руки, желали лицемѣрно воспользоваться и придать ему, въ глазахъ русскаго народа, окраску благочестиваго дѣла, для прикрытія только своихъ коварныхъ замысловъ. Лучшимъ же доказательствомъ, что сдѣланное боярами предложеніе о недопущеніи на земли русскія *лицъ иудейскаго закона* не имѣло ничего общаго съ коренными русскими принципами, служить то обстоятельство, что предложеніе это не согласовалось съ образомъ дѣйствія нашихъ *природныхъ, истинныхъ государей*, въ томъ числѣ и тѣхъ царей, которые, вслѣдъ за смутами, возсѣли на руссійскій престолъ, по всенародному избранію, и которымъ было бы весьма легко ввести въ законы, въ видѣ завѣтной формулы, постановленіе о томъ, чтобы „Жидомъ въ Россійское во все государство съ торгомъ и некоторыми иными дѣлы не вѣзжати“, еслибъ такая формула соотвѣтствовала духу нашихъ древнихъ бытовыхъ къ нимъ отношеній и была дѣйствительно завѣтною. Мы видѣли, однако, что ничего подобнаго не воспослѣдовало, даже при Михаилѣ Тео-

доровичъ, въ сопровѣствѣ его отца, патріарха Филарета, которому измышленная тушинцами формула та вполнѣ была извѣстна. Напротѣвъ, при этомъ царѣ, какъ равно при его сынѣ Алексіѣ Михайловичѣ, состоялись такія узаконенія, которыя даютъ право въ заключенію, что Русь не была безусловно закрыта и для лицъ еврейскаго исповѣданія. Поэтому, фактъ малаго, вообще, числа евреевъ въ Восточной Россіи, послѣ паденія ея юго-западныхъ частей подъ владычество Польши, не можетъ самъ по себѣ давать справедливый поводъ утверждаться въ мыслѣ, что это было послѣдствіемъ какого либо принципіальнаго ихъ выживательства изъ государства, тѣмъ или другимъ способомъ, какъ это дѣлаетъ большинство нашихъ историковъ и писателей.

XVII.

При всей, казалось бы, ясности всего сказаннаго, есть лица, которыя стоятъ на своемъ и стремятся всячески изобразить древнюю Русь странкою, проявлявшею, со времени принятія христіанства, необузданный къ евреямъ *религіозный* фанатизмъ. Они прилагаютъ тщательныя старанія къ распространенію мнѣнія, что евреи были терпимы въ русской землѣ лишь подъ условіемъ отказа отъ своей вѣры, что, вслѣдствіе этого, они *принуждались къ крещенію*, по греко-восточному обряду, и что это составляло традиціонный, будто, обычай русской политики, практиковавшійся, въ особенности въ восточной Руси, при царяхъ. Съ точки зрѣнія тѣхъ лицъ, такой образъ дѣйствія былъ истинно-православнымъ; если же со временъ вступленія на престолъ Дома

Романовыхъ сказанный обычай сталъ примѣняться не столь строго, и, среди московскаго народонаселенія, начало замѣчаться присутствіе болѣе или менѣе значительнаго числа евреевъ, не тревожившихся, духовными и свѣтскими властями, за ихъ іудейскую вѣру, то это было признакомъ ослабленія тамъ духа древняго православія,—явленіемъ, заслужившимъ справедливую укоризну со стороны нашихъ же православныхъ пастырей, подававшихъ голосъ изъ *юго-западной Руси*.

Заключенія о практикованіи, въ царскомъ періодѣ, мнимаго у насъ обычая приневоливать евреевъ къ крещенію, за неимѣніемъ лучшихъ доказательствъ, стали основывать, въ наше время, между прочимъ, на сочиненіи инороднаго, принявшаго православіе, церковника XVII ст., *Юрія Крижанца*, найденномъ и изданномъ проф. Безсоновымъ особою книгою, подъ заглавіемъ: „Русское Государство въ половинѣ XVII вѣка“. Въ этомъ сочиненіи усматриваются прямыя указанія на существованіе сказаннаго обычая и имъ приписывается полная достовѣрность, какъ исходящимъ отъ писателя, жившаго въ тѣ времена. Но это дѣлается, впрочемъ, тѣми, которые или не выяснили себѣ достаточно, или вовсе не поняли, ни настоящаго значенія этого творенія, ни смысла тѣхъ мѣстъ, на которыя дѣлаются ими ссылки.

Что касается предположеній объ ослабленіи въ XVII ст., въ Московской Руси, духа древняго православія, вызывавшемъ, *по поводу евреевъ*, письменныя укоризны со стороны юго-западнаго духовенства, то подобныя предположенія допускаются самимъ почтеннѣйшимъ историкомъ нашимъ Костомаровымъ.

Мы ощущаемъ, поэтому, потребность выяснитъ насколько представляются исторически достоверными касающіеся евреевъ факты, устанавливаемые на основаніи отзывовъ вышеупомянутыхъ церковныхъ писателей. Начнемъ съ доводовъ, основанныхъ на сочиненіи *Юрія Крижанца*.

Названіе книги, въ которой оно содержится, присвоено издателемъ ея, г. Безсоновымъ. Самъ же авторъ озаглавлялъ свое сочиненіе слѣдующимъ образомъ: „*Разговоры о владѣтельствѣ*“. Что касается его личности, то вотъ что, между прочимъ, сказано о ней Костомаровымъ ¹: „Въ то время, когда кіевскіе монахи приносили съ собою въ Москву свою исключительно церковную ученость, съ узкими схоластическими взглядами и отличавшими свое время предрасудками, въ области умственного труда въ Россіи явился человѣкъ съ свѣтлою головой, превосходившій современниковъ широтою взглядовъ, основательностью образованія и многосторонностью свѣдѣній—это былъ Юрій Крижанецъ“. Затѣмъ даются о немъ слѣдующія свѣдѣнія: „родился онъ въ 1617 г. и былъ родомъ хорватъ, слѣдовательно, вовсе не русскаго происхожденія; воспитывался, сперва, въ Загребѣ, а потомъ—въ вѣнской семинаріи и Болоніи. Въ 1646 г. Крижанецъ поселился въ Римѣ и вступилъ въ греческій коллегіумъ св. Анастасія, специально учрежденный папами, для распространенія уніи между послѣдователями греческой вѣры, и состоялъ потомъ членомъ илирскаго общества св. Иеронима. Естественно, поэтому,

¹ Въ жизнеописаніи Юрія Крижанца.

что онъ былъ горячимъ *сторонникомъ уни*. Костомаровъ говоритъ, что изъ встрѣчаемыхъ въ его сочиненіяхъ намековъ можно догадываться, что онъ открыто причащалъ себя принадлежавшимъ, въ одно и то же время, и римско-латинской, и греческой церкви, готовъ былъ причащаться и въ русскомъ храмѣ, лишь бы не принимать *вторичнаго крещенія*, такъ какъ по московскимъ понятіямъ того времени каждый принимавшій православіе, долженъ былъ вторично креститься. Въ Москву Крижаницъ прибылъ въ 1659 году, а 20 января 1661 сосланъ, по повелѣнію Алексія Михайловича, за вольнодумство, въ Тобольскъ, откуда возвращенъ лишь послѣ кончины этого царя.

Для того, чтобы вполне уяснить себѣ, насколько вѣрны и справедливы предположенія, что Крижаницемъ, въ качествѣ очевидца и компетентнаго судьи, московская Русь изображается въ такой степени фанатичною, по своимъ національнымъ традиціямъ, что иновѣрцы принуждались въ ней къ крещенію въ греческую вѣру силою, — необходимо разсмотрѣть нѣсколько ближе тѣ мѣста сочиненія, которыя даютъ поводъ къ такому заключенію, въ связи съ нѣкоторыми другими. Это дастъ вмѣстѣ и возможность судить, какъ о духѣ, въ какомъ написано это сочиненіе, и степени знакомства его автора съ преданіями русской старины и ея національною политикою, такъ и о восхваляемой Костомаровымъ, относительною по времени, широтѣ политическихъ взглядовъ Крижаница.

„Разговоры о владѣтельствѣ“ Крижаница содержатъ его мысли о политическомъ строѣ государства и, какъ справедливо замѣчаетъ Костомаровъ, написано языкомъ

изобрѣтеннымъ, слѣдовательно, не вполне удобопонятнымъ, составляющимъ смѣсь славяно-церковнаго, русскаго и сербскаго, съ примѣсю другихъ славянскихъ нарѣчій. Благодаря, однако, переводу на русскій языкъ наименѣе понятныхъ словъ, имѣющемуся въ изданіи г. Безсонова, содержаніе сочиненія дѣлается довольно доступнымъ.

Крижаницъ создаетъ себѣ государственный идеалъ и соотвѣтственно ему опредѣляетъ тѣ политическіе устои, которые, по его мнѣнію, должны лежать въ основѣ всякаго государства, для его силы, вѣрности и могущества. Такихъ устоевъ указывается имъ, главнымъ образомъ, четыре: 1) вѣрное и неизблемое господство вѣры православной, возможное, съ точки зрѣнія автора, только при недопущеніи въ страну ересей, 2) покорное послушаніе народа своимъ краламъ, т. е. царямъ, 3) нераздѣльность кралевства или царства и его обещаніе отъ „чужевладства“, т. е. проникновенія въ страну чужеземцевъ, которые основывали бы въ ней свою осѣдность, и 4) „запертіе“, вслѣдствіе этого, „рубежей“, т. е. воспрещеніе подданнымъ выѣзда въ чужія страны и недопущеніе иноземцевъ, „инородниковъ“, въ свою. Къ этому Крижаницъ присовокупляетъ, что народъ русскій есть *корыстенъ* и что ему, въ особенности, нуженъ сей „предобрыи законъ“ (Разд. 32, ст. 42). Однимъ словомъ, Крижаницемъ проповѣдуется и предлагается тогдашней Руси ни болѣе, ни менѣе, какъ китайская замкнутость, изъ чего можно заключить скорѣе объ узкости, чѣмъ о широтѣ его политическаго взгляда на государство, даже и по тогдашнему времени, особенно если принять во вниманіе, что XVII

вѣкъ есть вѣкъ Гуго Гроція и другихъ мыслителей, положившихъ начало болѣе правильнымъ понятіямъ о международныхъ отношеніяхъ. Развивая далѣе свои мысли и воззрѣнія, Крижаниць, въ раздѣлѣ 33 своего сочиненія, подъ заглавіемъ „*Объ гостегонству*“, т. е. объ изгнаніи чужеземцевъ, подаетъ русскому государству совѣтъ изгнать всѣхъ вообще чужеземцевъ, какъ *христіанскихъ*, такъ и *не-христіанскихъ исповѣданій*; изъ христіанъ же, въ особенности *нѣмцевъ*, которыхъ онъ почему-то, преимущественно, не долюбивалъ, называя ихъ саранчою, скчипами, пагубною заразою земли, а изъ не-христіанъ — *скитальческихъ народовъ*, къ которымъ онъ относитъ нѣкоторыя поименованныя имъ племена, въ томъ числѣ *цыганъ* и *евреевъ* (жидовъ). Крижаниць, какъ сказано выше, жилъ и воспитывался, большею частью, въ католическихъ земляхъ Германіи и Италіи, гдѣ онъ и не могъ, конечно, составить себѣ иного понятія о евреяхъ, какъ о народѣ скитальческомъ. Людей же, принадлежащихъ къ такимъ племенамъ, по созерцаніямъ Крижаница, не слѣдуетъ и ногою пускать въ христіанскую страну, выселяя изъ нея даже тѣхъ, которые приняли бы христіанство. Политику безусловной нетерпимости къ чужеземцамъ и ихъ изгнанія изъ страны Крижаниць считаетъ верхомъ совершенства, палладіумомъ (щитомъ) для государства, обусловливающимъ самую возможность его политическаго существованія. Въ примѣръ, достойный подражанія, онъ ставитъ для Россіи гостегонство въ Польшѣ, гдѣ иноземцамъ было воспрещено покупать дворы, а въ Краковѣ даже товары привозить и торги заводить, гостегонство французское, испанское,

нѣмецкое, гдѣ изгонялись мавры, жида, цыгане. Особенно указываетъ онъ на нѣмецкое гостегонство въ Германіи, гдѣ города не допускали въ себѣ ни одного гостя (чужеземца), хотя бы онъ былъ родомъ тоже изъ нѣмцевъ. Наконецъ, онъ ссылается на примѣры гостегонства жидовскаго въ іудейскомъ царствѣ, гдѣ Ездра „учини прогнать всія инородныя жены“; указываетъ на Китай, на Чинское государство (земля въ индійскихъ странахъ), объясняя, что по испански оно именуется Чина, по нѣмецки Хина, а по русски, на китайскій манеръ, Менджинскою землею, и т. д. При этомъ, Крижаницъ строго порицаетъ обращеніе инновѣрныхъ иноземцевъ въ природныхъ гражданъ (народжанъ), т. е., ихъ натурализацію. По его мнѣнію, слѣдовательно, никакой инновѣрецъ не долженъ быть принимаемъ въ государство и пользоваться въ странѣ правомъ гражданства. Таковъ въ общихъ чертахъ государственнй идеаль Крижаница, этого далеко не русскаго церковника XVII вѣка.

Сравнивая свой идеаль съ дѣйствительностью, Крижаницъ остается, однако, повидимому, не вполне доволенъ *московскою Русью*. Онъ говоритъ о ней, какъ о странѣ, недостаточно сознающей свой палладіумъ, — т. е. необходимость *гостегонства*. „А у насъ по всемъ томъ нѣсть таково опасенія, каково есть въ Китайскомъ и въ Чинскомъ вралевствахъ. Тамо нехотящихъ гостей вонъ изгоняють, а здѣска мы и жадающихъ отить (желающихъ уйти) принуждаемъ остоять (оставаться). Али то никако нѣсть намъ добро: но паче треба есть инородниковъ что наименѣе... пуцать прить (приходить) въ вралевство: а отпралять ихъ вонъ, что наискорѣе...

Нѣсть добро емать хлѣба дѣтскаго и метать его псамъ“. Далѣе, въ ст. 18, подъ рубрикою: „на Руси инородники услободные; нарожане невольны“, онъ съ пафосомъ дѣлаеть горькіе упреки *московскому государству*, что въ немъ свои люди нарожане (т. е. природные граждане) несутъ тажести и живутъ въ неволѣ, а люди чужеземные освобождены отъ тягостей и пользуются свободою и разными вольностями. Говоря, въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія, что у ляховъ (поляковъ) нѣмцы, шотландцы, армяне, жидаы обладаютъ всѣми благами, Крижаниць свидѣтельствуетъ, что и въ Руси такіе же иноплеменники залили и наводнили наши земли и что инородные торговцы вездѣ держатъ товарные склады, откупы и всякіе промыслы. Въ виду этого, онъ преподаеть Руси совѣтъ, какъ объясняется и Костомаровымъ, не допускать иноземцевъ къ торговлѣ внутри страны, не позволять имъ держать лавки или склады, имѣть въ Москвѣ намѣстниковъ, ходатаевъ, консуловъ, изгонять также всѣхъ *мусульманъ*, которые не пожелади бы принять крещеніе, и т. п. Такимъ образомъ, по взгляду Крижаница, Руси надлежало питать ненависть ко всѣмъ, кто только *не русскій* и *не славянинъ*. Костомаровъ говоритъ, что онъ ненавидѣлъ и *грековъ*, укоряя ихъ за плутовство въ торговлѣ.

Причину отступленія Руси отъ ея вышеупомянутаго палладіума и допущенія ею къ себѣ множества инородныхъ чужеземцевъ, Крижаниць видитъ въ томъ, что она имѣла слабость къ *прозелитизму*. По поводу этого, въ ч. 1, разд. XII, ст. 16, того же сочиненія, подъ рубрикою: „*новокрещенцы, перекресты*“, онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Русское царство

наслѣдуетъ (подражаетъ) въ томъ Туркамъ и приѣмлетъ всякаго хотящаго, паче же и вабить (манить), *проситъ*, *нудитъ*, *силитъ* многихъ *нѣмцевъ*, да бѣху (дабы) ся (себя) *окрестили*: и тѣхъ людей, кои ся тако для ради тѣлеснаго блага, не для ради спасенія, *окрещаютъ*, приѣмлетъ въ свой народъ и на высокія мѣста посажаетъ "... Слова эти, какъ видно, содержатъ самый темный намекъ объ обычаѣ въ московской Руси *нудитъ* и *силитъ* къ крещенію иновѣрцевъ, и хотя имъ не объясняется категорично — какихъ именно, но нужно полагать, что преимущественно *протестантовъ*, такъ какъ имъ упоминаются, въ этомъ случаѣ, одни только *нѣмцы*, и притомъ такіе, которые сами желаютъ быть приняты въ русское подданство и православіе. Это, въ связи съ тѣмъ, что Крижаниць, какъ объяснено выше, возставалъ противъ существовавшаго, въ то время, церковнаго обычая принуждать иновѣрцевъ христіанскихъ исповѣданій, желавшихъ перейти въ греческую вѣру, ко *вторичному крещенію*, даетъ прямой поводъ предполагать, что тутъ Крижаницемъ говорится, преимущественно, объ этого рода насиліи, хотя можно предполагать, что имъ разумѣется и то насиліе, которое заключалось въ *требованіи* перехода въ православіе иностранцевъ, желавшихъ поселиться въ Россіи и вступить въ ея подданство. Изъ имѣющихся же объ этомъ нѣкоторыхъ общихъ историческихъ свѣдѣній извѣстно, что въ московскомъ періодѣ дѣйствительно было, болѣе или менѣе, продолжительное время, въ обычаѣ допускать *иновѣрныхъ христіанъ* къ водворенію на Руси, подъ условіемъ принятія ими греко-россійской вѣры и перемѣны даже своихъ именъ и фамилій; причемъ, легко

быть может, что отъ нихъ требовалось, по тогдашнему церковному чину, и *вторичное крещеніе*, не ограничиваясь однимъ муропомазаніемъ. Но подобныя мѣры нельзя назвать, въ сущности, насильственными, такъ какъ самое поселеніе, подъ этими условіями, въ Россіи и поступленіе въ ея подданство, какъ равно и принятіе православія — совершенно зависѣли отъ свободной воли тѣхъ иностранцевъ. Во всякомъ случаѣ, сказанный обычай не составлялъ тотъ родъ насилія, который является послѣдствіемъ принципа безусловной нетерпимости къ лицамъ, не исповѣдующимъ господствующей вѣры, и заключается въ воспрещеніи имъ, подъ страхомъ смертной казни или изгнанія изъ страны, появленія и пребыванія въ ней, безъ принятія крещенія, или въ крещеніи силою осѣдлыхъ уже тамъ людей. О такомъ обычаѣ и случаяхъ его примѣненія на Руси не повѣствуется и самимъ Крижаницемъ, какъ вообще, такъ и по отношенію къ *евреямъ*.

Изъ приведенныхъ данныхъ о Юріѣ Крижаницѣ и религиозно-политическомъ направленіи его образа мыслей ясно усматривается, что онъ не былъ въ душѣ, ни русскимъ, ни православнымъ человѣкомъ. Онъ былъ чистымъ уніатомъ и склонялся болѣе на сторону интересовъ римско-католической, чѣмъ греко-россійской церкви. Самъ Костомаровъ, на стр. 448 своей „Русской Исторіи“, говоритъ, что Крижаницъ бралъ подъ свою защиту первую изъ нихъ, т. е. *римско-латинскую*. Дѣйствуя въ ея духѣ, онъ проповѣдывалъ *человѣконенавистничество* ко всѣмъ, кто не преклонялся передъ папами, и едва-ли можно допустить, чтобъ онъ питалъ чисто-сердечное расположеніе и къ *русскому народу*. Въ

нѣкоторыхъ мѣстахъ своего сочиненія онъ, съ паѳосомъ, называетъ его „окаяннымъ“, на „позоръ сотвореннымъ народомъ“, и говоритъ, что русскіе всѣми народами считаются живыми, невѣрными, жестокосердыми, склонными къ кражѣ и убійству, невѣжливыми въ бесѣдѣ, не чистоплотными въ жизни. Крижаницъ, судя по его „Разговорамъ о владычествахъ“, не только не отличался приписываемою ему Костомаровымъ широтою своихъ религіозно-политическихъ взглядовъ, но можно сказать, что, сравнительно, уровень ихъ былъ гораздо ниже тѣхъ, которые были усвоены нашими князьями и государями, съ самаго начала принятія христіанства, подъ вліяніемъ нашей русской православной церкви. Чтò именно этотъ римско-латинскій церковникъ сдѣлалъ существеннаго для блага Россіи и почему Костомаровъ присвоилъ ему значеніе одного изъ „главнѣйшихъ ея дѣятелей“, — остается, поѣтому, рѣшительно непонятнымъ. Правда, что Крижаницъ возставалъ противъ нѣкоторыхъ обычаевъ московскаго государства, какъ-то: упомянутаго выше крещенія иновѣрныхъ христіанъ, желавшихъ перейти въ православіе, безусловнаго воспрещенія употребленія горячаго вина и табака, и т. п. Но едва-ли это составляетъ настолько существенную для церкви и государства заслугу, чтобы можно было дать этому писателю, справедливымъ образомъ, такое почетное въ „Исторіи Россіи“ мѣсто, какъ главнѣйшаго ея дѣятеля.

Во всякомъ случаѣ, дѣлаемые Крижаницемъ, въ духѣ узко-спекулятивныхъ взглядовъ римско-латинской церкви, горькіе упреки московскому государству, по поводу его терпимости къ нѣмцамъ, т. е. лютеранамъ и протестантамъ, къ которымъ онъ питалъ, повиди-

тому, преимущественную религиозную ненависть, а также по поводу, вообще, нестрогаго соблюденія принципа безусловнаго „запертія рубежовъ“, для всякаго рода иновѣрцевъ, имѣють значеніе такого историческаго свидѣтельства очевидца, которымъ скорѣе опровергается, чѣмъ подтверждается ходячее мнѣніе о томъ, что для людей *иудейскаго* закона не существовало у насъ тогда никакаго права на пребываніе въ государствѣ, безъ измѣненія своей вѣры. Такое право несомнѣнно, слѣдовательно, для нихъ существовало, хотя и подвергалось, въ московскомъ періодѣ, нѣкоторымъ стѣсненіямъ, по отношенію къ чужеземнымъ, *польско-литовскимъ*, евреямъ, изъ торговыхъ, преимущественно, видовъ, на основаніи договоровъ съ Польшею.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что выводы и заключенія изъ „Разговоровъ о владѣтельствѣ“ Брижаница—что въ царскомъ періодѣ существовалъ, будто, обычай насильственнаго крещенія *евреевъ*—основаны на неточномъ и произвольномъ толкованіи нѣкоторыхъ мѣстъ въ этомъ сочиненіи, отчасти, по недостаточному уясненію себѣ ихъ настоящаго смысла, отчасти же и умышленно, съ цѣлью оклеветанія Руси въ такомъ же изступленномъ фанатизмѣ, какой овладѣвалъ другими христіанскими странами, и явнымъ намѣреніемъ предоставленія современному законодательству однимъ мотивомъ больше для водворенія, и теперь, въ нашей политической сферѣ, безусловной къ евреямъ нетерпимости.

Упомянутый выше образъ дѣйствія царя Алексія Михайловича, относительно евреевъ, и фактъ ихъ *размноженія* при немъ, въ Москвѣ и другихъ городахъ

Россія,—сами свидѣтельствуютъ, что политики „гостегонства“ и безусловнаго „запертія рубежей“, какъ вообще, такъ и по отношенію къ евреямъ, не существовало у насъ, и при этомъ царѣ. Приписывать это какимъ либо послабленіямъ, съ его стороны, было бы крайне ошибочнымъ. Царь Алексій Михайловичъ, какъ извѣстно, былъ самымъ усерднымъ изъ нашихъ государей московскаго періода ревнителемъ истиннаго православія, а вмѣстѣ и древней политики строгаго его обереженія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ ересей. Едва-ли было бы справедливо, поэтому, склоняться къ мысли, чтобы имъ могли быть допущены, въ пользу евреевъ, какія либо послабленія и отступленія отъ древнихъ нашихъ бытовыхъ отношеній къ нимъ. Вѣрнѣе предполагать, что, не установивъ закона, который, прямымъ образомъ, исключалъ бы для лицъ іудейской вѣры всякую возможность пребыванія въ русской странѣ, безъ принятія крещенія по православному обряду, царь этотъ слѣдовалъ, въ этомъ случаѣ, духу нашей древней національной политики терпимости къ нимъ, не признавая евреевъ, и въ свое время, въ чемъ либо опаснѣйшими, въ сравненіи съ прочими иновѣрцами, именовавшимися *внѣшними врагами* церкви. Онъ не переносилъ въ политическую сферу религиозно-догматической нетерпимости къ іудейскому вѣроисповѣданію и появившихся тогда, со стороны Кіева, монашескихъ возбужденій противъ самихъ евреевъ, предоставляя себѣ свободу дѣйствія въ той сферѣ, по примѣру всѣхъ прочихъ православныхъ нашихъ князей и государей, которые изстари, какъ мы уже видѣли, не придерживались византійскихъ началъ вмѣшательства

въ догматическую область вѣры, но, сохраняя за церковью ея самостоятельность во всемъ, что касалось этой области, сохраняли, въ то же время, по возможности, и за собою самостоятельность въ области политической и гражданско-бытовой. Нужно полагать, что челоѣконенавистные мысли и взгляды Крижаница не были признаваемы царемъ согласными съ духомъ православія, такъ какъ высказывавшіяся имъ мнѣнія были приняты за вольнодумство и подвергли его царской опалѣ.

Не взирая на это, находятся лица, которыя образъ дѣйствія Алексія Михайловича, по отношенію къ евреямъ, и отсутствіе въ его законахъ постановленія, которымъ исключалась бы всякая для нихъ возможность пребыванія въ русской странѣ, безъ перехода въ православіе, приписываютъ уклоненію отъ него и допущенію несогласныхъ съ нимъ послабленій, относительно іудеевъ. Явленіе это истолковывается, главнымъ образомъ, двумя причинами: 1) вліяніемъ на царя его придворнаго лекаря изъ евреевъ; 2) религіозною распущенностью въ московской Руси духовныхъ представителей православной церкви.

Первая изъ этихъ причинъ едва-ли заслуживаетъ опроверженія, по ея крайней несообразности. Алексій Михайловичъ, по своему характеру, не былъ ни польскимъ, ни французскимъ королемъ, чтобы въ дѣлахъ вѣры подчиняться вліянію своихъ чувствъ къ иновѣрному лицу, и къ тому же іудейскаго исповѣданія.

Что касается второй причины—*религіозной*, будто, *распущенности* московскихъ святителей, то это требуетъ нѣкоторыхъ разъясненій, такъ какъ мысль объ этомъ,

преимущественно, по поводу именно евреевъ, поддерживается и такимъ историкомъ, какъ опять-таки Костомаровъ.

XVIII.

Въ своемъ жизнеописаніи трехъ духовныхъ лицъ юго-западной Руси: *Галлятовскаго*, *Радивиловскаго* и *Лазаря Барановича*, говоря о первомъ изъ нихъ, Костомаровъ выставляетъ его болѣе ревностнымъ поборникомъ истиннаго православія, чѣмъ были тогда святители нашей церкви въ Москвѣ, которыхъ, вслѣдствіе этого, онъ называетъ даже „московскими книжниками“, чуть не фари́сеями. Насколько это справедливо, можно судить по тѣмъ даннымъ, которыя приводятся самимъ же Костомаровымъ.

Говоря еще въ жизнеописаніи Петра Могилы, преобразовавшаго эллино-славянскую школу Луцкаго братства въ Кіевскую коллегію, Костомаровъ самъ пишетъ, что распространившееся въ юго-западной Руси *польское вліяніе* было такъ велико, что русскіе люди, ратуя за свою вѣру, писали *по польски*. При такомъ положеніи тамъ вещей, нельзя предположить, чтобы духъ *римско-латинской* церкви не проникалъ въ религиозныя воззрѣнія и нашихъ духовныхъ ученыхъ, воспитывавшихся въ Кіевской коллегіи. Они оставались, быть можетъ, вѣрными догматамъ греко-россійской вѣры, но бытовыя ихъ воззрѣнія на отношенія къ людямъ, исповѣдывавшимъ иновѣрныя религіи, необходимо должны были, болѣе или менѣе, всасывать въ себя фанатическія соверщенія католиковъ и пропитываться ими. Вслѣдствіе этого, въ то время, какъ духовныя лица москов-

ской Руси были совершенно свободны отъ вліянія римско-латинскаго элемента, имѣя такимъ образомъ возможность сохранить *русское православіе*, во всей его чистотѣ, духовныя лица кievской Руси, невольно, въ силу вещей, должны были усвоивать, во многомъ, взгляды и приемы римско-латинскіе въ своихъ научно-богословскихъ трудахъ. Это вполнѣ отразилось, между прочимъ, и на ученомъ юго-западномъ монахѣ нашемъ— *Галатовскомъ*, современникѣ царя Алексія Михайловича.

Воспитанникъ Кіевской коллегіи, Галатовскій былъ игуменемъ Купятоцкаго монастыря въ Полтавѣ, а затѣмъ архимандритомъ, сперва новгородсѣверскаго, а потомъ черниговскаго Елецкаго монастырей. Въ его время, въ юго-западной Россіи взорамъ нашей церкви представлялись, главнымъ образомъ, три иновѣрныя народности: *католики, евреи и мусульмане*. Изъ нихъ, собственно говоря, *евреи*, не имѣя никакихъ тенденцій въ распространенію своихъ вѣрованій въ народѣ, могли имѣть съ нимъ столкновенія, не столько *духовно-религіознаго* свойства, сколько *чисто-бытоваго*, и притомъ не отдѣльно, а въ связи съ поляками-католиками, находясь въ самой тѣсной отъ нихъ зависимости. Поэтому, съ точки зрѣнія русскаго православія, они, казалось бы, менѣе всего могли возбуждать о себѣ какой-либо духовно-религіозный вопросъ. Но монахъ Галатовскій, усвоившій себѣ римско-латинское на нихъ воззрѣніе, призналъ нужнымъ посвятить значительную часть своихъ трудовъ и имъ. Поэтому, Галатовскій, по выраженію Костомарова, затронулъ въ своихъ сочине-

ніяхъ всѣ три современные ему вопросы: *римско-католическій, іудейскій и мусульманскій*.

Изъ этихъ трехъ вопросовъ, Костомаровъ, въ жизнеописаніи Галатовскаго, придаетъ особую важность именно *іудейскому*, дѣлая по поводу его и свои замѣчанія. Онъ находитъ, что Галатовскій, когда писалъ, имѣлъ весьма серьезныя причины обратить особое вниманіе на тогдашнія отношенія церкви и народа, не только къ римскому католицизму и магометанству, но и къ *іудейству*. Такихъ причинъ Костомаровъ указываетъ, главнымъ образомъ, двѣ: 1) *религіозную ненависть малороссовъ къ евреямъ*, за ихъ частыя поруганія надъ православіемъ и 2) *ослабленіе въ московской Руси этого послѣдняго среди духовенства*, имѣвшее тамъ своимъ послѣдствіемъ, между прочимъ, проявленіе недостаточной строгости въ отношеніяхъ церкви и политической власти къ *іудейству* и его *послѣдователямъ*.

Говоря о первой изъ этихъ причинъ—*религіозной ненависти къ евреямъ малороссовъ*—Костомаровъ принимаетъ ее какъ за фактъ и объясняетъ, что, въ то время, наступилъ въ Малороссіи моментъ, „когда ученая война на перьяхъ и словахъ должна была отойти на задній планъ и уступить мѣсто борьбѣ самого народа съ дубьемъ и копьемъ“. Этимъ дается имъ понятіе, что малороссы были раздражены, не только политическими и религіозными угнетеніями Польши, но и *самостоятельною борьбою іудейства съ православіемъ, евреевъ съ народомъ*. Въ чемъ именно могла состоять такая борьба—Костомаровъ не входитъ въ подробное разсмотрѣніе, но ограничивается общими фразами и данными, истолковывая ихъ съ усвоенной

себѣ точки зрѣнія. „Юдеи, — говоритъ онъ, — еще въ недавнее (тогда) время были признаны народомъ южно-русскимъ его врагами и утѣснителями... десятки тысячъ израильскаго народа погибло во время возстанія. До какой степени господствовало у малороссовъ омерзѣніе къ этому племени, конечно (присовокупляется самымъ почтеннымъ историкомъ), поддерживаемое *невѣжественнымъ фанатизмомъ*, показываетъ то, что Хмѣльницкій, въ числѣ условій, на которыхъ готовъ былъ примириться съ поляками, требовалъ *недопущенія юдеевъ въ Украину*“. Въ этихъ словахъ явственно видна цѣль обрушить на евреевъ же всю вину тѣхъ неистовствъ и жестокостей, какимъ они подверглись со стороны занорожцевъ и малороссійскихъ казаковъ, во время ихъ войнъ съ Польшею, устраняя отсюда, по возможности, самихъ поляковъ. Подобный взглядъ, авторитетно высказанный такимъ историкомъ, какъ Костомаровъ, и неоднократно высказывавшійся и другими, не менѣе авторитетными по части исторіи Малороссіи, какъ, на примѣръ, Бантышъ-Каменскимъ, долженъ былъ естественно уворениться и господствовать, у насъ, по настоящее время, давая поводъ взваливать разнаго рода обвиненія на евреевъ и видѣть въ нихъ чуть не главную причину всѣхъ политическихъ неудачъ Малороссіи и паденія самой Польши. Понятно, что кievскіе ученые, изъ духовныхъ лицъ, такіе, какъ Галатовскій, писавшіе два столѣтія тому назадъ и современные тѣмъ событіямъ, могли, еще менѣе, отнестись справедливо къ настоящимъ ихъ причинамъ, подъ вліяніемъ, какъ существовавшего въ католическомъ мірѣ, среди поляковъ же, фанатическаго настроенія къ ев-

реямъ, такъ и тѣхъ западныхъ церковно-литературныхъ источниковъ, которые были переполнены общими, въ то время, средневѣковыми предрасудками и предубѣжденіями противъ нихъ, и отсюда черпался тогда, преимущественно, матеріалъ для твореній о еврействѣ.

Весьма явственный отпечатокъ именно такого вліянія носить на себѣ и появившееся, тогда, по поводу еврейства и евреевъ, твореніе Галятовскаго подъ названіемъ „*Мессія Правдивый*“. Но скажемъ, предварительно, о нѣкоторыхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, касающихся этого сочиненія. Авторъ возымѣлъ мысль посвятить этотъ трудъ царю Алексію Михайловичу, и это обстоятельство, — замѣчаетъ Костомаровъ, — „не было лишено современнаго смысла“. Въ объясненіе этого, почтеннѣйшій историкъ говоритъ слѣдующее: „Въ XVII вѣкѣ, не смотря на неизмѣнную неохоту *великорусовъ* допускать въ свою землю іудеевъ, послѣдніе, для разныхъ цѣлей, проникали въ Москву, обыкновенно выдавая себя за людей другого племени (sic), и книга Галятовскаго имѣла задачей познакомить царя и „*московскихъ книжниковъ*“ (т. е., тамошнихъ святителей) съ іудейскимъ вопросомъ, чтобы принять надлежащіа мѣры противъ іудейскихъ козней“. Этимъ признается самимъ Костомаровымъ несомнѣнность факта, что, въ XVII столѣтіи, *евреи въ московской Руси существовали*, и хотя имъ высказывается, въ то же время, предположеніе, что они проникали туда лишь *тайно, безъ всякаго на то права*, но предположеніе это совершенно произвольное и лишено, можно сказать, даже всякой сообразности. Евреи никакъ не могли скрыть себя. Ихъ племенной типъ, отличающій ихъ до сихъ поръ

по наружному виду, былъ еще рѣзче и замѣтнѣе въ то время. Притомъ, они носили присвоенную ими себѣ одежду, которую они не рѣшились бы, тогда, покинуть, въ силу своихъ религіозныхъ вѣрованій. Это одно уже исключаетъ всякую мысль какой либо возможности, для евреевъ, проникавшихъ въ Россію, съ цѣлью основать въ ней постоянное жительство, скрывать себя отъ глазъ населенія и тогдашнихъ властей, при крайнемъ даже неустройствѣ полицейскаго надзора того времени. Но дѣло, главнымъ образомъ, въ томъ, что евреи, проникшіе въ Восточную Русь и проживавшіе въ Москвѣ и другихъ тамъ городахъ, едва-ли имѣли надобность прибѣгать къ какой либо гримировкѣ, для утайки себя среди русскаго населенія. Какъ ни объяснять допущеніе при Алексіѣ Михайловичѣ евреевъ въ Россію:— религіозными-ли послабленіями со стороны его и церкви, или принципиальными какими воззрѣніями, но фактъ несомнѣнный, что это послѣдовало на основаніи приведенныхъ выше царскихъ указовъ и что, слѣдовательно, сказанные евреи проживали, тамъ, какъ люди, имѣвшіе на то *известное право*. Костомаровъ видитъ въ этомъ отступленіе, нѣкоторымъ образомъ, „московскихъ книжниковъ“, пожалуй, и самого царя—отъ православія, настоящими блюстителями котораго, по мнѣнію этого историка, явились, въ то время, южно-русскіе представители церкви, въ томъ числѣ и монахъ Галятовскій.

Посмотримъ же, въ какой степени это справедливо.

Обращаясь къ сочиненію Галятовскаго „*Мессія Правдивый*“, Костомаровъ самъ объясняетъ, что оно „чисто-духовнаго содержанія, направленное противъ

заблужденія евреевъ, относительно ожиданія пришествія Мессіи“, что оно изложено въ формѣ разговора христіанина съ іудеемъ, образцомъ чему послужило автору, вѣроятно, „Состязаніе христіанина съ іудеемъ“, написанное писателемъ П вѣка, Юстиномъ Философомъ, и что вообще Галатовскій, при составленіи своего сочиненія, „довольствовался тѣмъ, что почерпнулъ въ чужеземныхъ источникахъ“. Кажется, ясно, что этимъ Костомаровъ самъ признаетъ, что сочиненіе, по своему содержанію; не было, во первыхъ, *фактическимъ*, а во вторыхъ — *чисто-православнымъ*, и что оно не могло имѣть, и въ то время, никакого *практическаго значенія*, а слѣдовательно, и большой цѣны въ глазахъ царя Алексія Михайловича и тогдашнихъ московскихъ святителей, какъ державшихся истиннаго православія и не обнаруживавшихъ фанатизма къ иновѣрцамъ, вообще, коль скоро они не принадлежали къ внутреннему расколу. Допуская евреевъ въ Россію, царь дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ на основаніи изъясненныхъ выше, искони установившихся, *бытовыхъ отношеній* къ нимъ. Между тѣмъ, Костомаровъ, потому только, что сказанный трудъ Галатовскаго касался евреевъ, говоритъ по поводу его, между прочимъ, слѣдующее: „для насъ, въ историческомъ значеніи, важна въ особенности послѣдняя часть этого сочиненія, гдѣ авторъ пересчитываетъ разныя преступленія, совершенныя, *по его мнѣнію* (прибавляетъ Костомаровъ), іудеями противъ христіанъ, и служившія, тогда, оправданіемъ ненависти къ іудеямъ“. Такимъ образомъ, по смыслу этого объясненія, оправданіемъ ненависти къ евреямъ служили не *фактически-до-*

казанныя преступленія ихъ, но тѣ, о которыхъ Галятовскій составилъ себѣ понятіе, по иноземнымъ источникамъ, т. е., другими словами, существовавшія въ его воображеніи. Продолжая далѣе, Костомаровъ, вслѣдъ за приведенными словами, говоритъ: „На основаніи этихъ данныхъ (т. е. обвиненій евреевъ въ воображаемыхъ преступленіяхъ), Галятовскій, въ духѣ своего вѣка (*sic*), проповѣдуетъ жестокое, можно сказать—*безчеловѣчное* гоненіе на іудеевъ. Всѣ его обвиненія, расточаемыя противъ нихъ, сводятся къ тому, что іудеи — заклятые враги христіанъ и дѣлаютъ имъ величайшее зло“. Изъ дѣлаемаго Костомаровымъ исчисленія тѣхъ обвиненій, какія созерцательно взводятся Галятовскимъ на евреевъ, видно, что они основаны, большею частью, на извѣстныхъ предубѣжденіяхъ и предразсудкахъ противъ евреевъ и средневѣковыхъ о нихъ представленіяхъ, созданныхъ господствовавшимъ на Западѣ фанатизмомъ. Въ числѣ такихъ обвиненій не забыто Галятовскимъ и то, которое навлекло на лицъ іудейскаго закона подозрѣніе въ употребленіи христіанской крови, для выполненія разныхъ суевѣрныхъ обрядовъ,— обвиненіе, вся ложность котораго такъ обстоятельно выяснена почтеннѣйшимъ профессоромъ с.-петербургскаго университета Д. А. Хвольсономъ, но которое, тѣмъ не менѣе, только въ весьма недавнее время, перешло у насъ въ область легендарныхъ вымысловъ. Повидимому, самъ Галятовскій, еще въ то время, не вѣрилъ лично въ возможность существованія среди евреевъ подобнаго изуверства, такъ какъ, въ его діалогическомъ „Мессіи Правдивомъ“, на вопросъ іудея: „зачѣмъ іудеямъ нужна кровь?“—противникъ его, хри-

стіанинъ Галатовскаго, т. е. онъ самъ, „оказался,—говоритъ Костомаровъ,—слабъ“, такъ какъ книги, изъ которыхъ онъ черпалъ данныя, для этого вопроса, „давали разнорѣчивыя объясненія“. „Изъ всего этого,—замѣчаетъ тутъ же Костомаровъ,—очевидно, что авторъ „Мессіи Правдиваго“ не составилъ себѣ опредѣленнаго понятія: „зачѣмъ іудеи совершаютъ страшный таинственный обрядъ въ которомъ обвиняютъ ихъ“. Галатовскій, такимъ же точно образомъ, т. е. не на основаніи извѣстныхъ ему дѣйствительныхъ случаевъ, а по рассказамъ западныхъ церковниковъ о іудеяхъ неизвѣстнаго времени и неизвѣстныхъ странъ, обвиняетъ *огульно*, и прежнихъ, и современныхъ ему евреевъ, въ чародѣйствѣ и волшебствѣ, составленіи фальшивыхъ документовъ, дѣланіи и сбытѣ фальшивой монеты, принятіи отъ воровъ краденыхъ вещей и т. п. Приписывая причину такой безнравственности Талмуду, Галатовскій,—повѣствуетъ Костомаровъ,—„совѣтуетъ разорять божницы іудеевъ, такъ какъ они произносятъ въ нихъ желанія христіанамъ того, что постигло несчастнаго Амана“. Между тѣмъ, на прямой вопросъ діалогическаго іудея: „Зачѣмъ же вамъ разорять наши синагоги, когда мы не дѣлаемъ худого вашимъ церквямъ?“—христіанинъ опять затруднился отвѣтомъ, и Галатовскій не могъ вложить въ его уста достаточно категоричное объясненіе. Костомаровъ выражаетъ сперва свое удивленіе, по этому поводу, такъ какъ казалось бы, что, въ виду тогдашняго способа обращенія евреевъ-арендаторовъ, въ панскихъ имѣніяхъ, съ православными церквями, отвѣтъ былъ готовъ. Но потомъ, какъ бы одумавшись, нашъ почтенный историкъ разсудилъ: „что,

быть может, онъ (Галатовскій) не хотѣлъ объ этомъ упоминать, чтобы не раздражать поляковъ, такъ какъ оскорбленіе церквей падало *болѣе на нихъ, чѣмъ на іудеевъ*, только пользовавшихся тѣмъ, что имъ позволялось“. Въ самомъ дѣлѣ, если вникнуть безпристрастно въ это обстоятельство, то нельзя не придти къ полнѣйшему убѣжденію, что наши храмы подвергались поруганію польскими панами, но вовсе не евреями, ихъ арендаторами. Если католики не чтили нашихъ храмовъ, будучи христіанами, если они признавали возможнымъ, изъ религіозной ненависти къ православнымъ, не признавать нашихъ церквей и все содержавшееся въ нихъ за святыню, то можно-ли было требовать отъ евреевъ, вполне зависѣвшихъ отъ пановъ, чтобы они оказывали къ нашимъ храмовымъ зданіямъ большее уваженіе и не пользовались тѣмъ, что имъ предоставлялось хозяевами имѣній? Изъ этого прямо слѣдуетъ, что историки, стремящіеся внушить народу религіозную ненависть къ евреямъ, между прочимъ, посредствомъ указанія ему на нихъ, какъ на главныхъ и прямыхъ виновниковъ того состоянія, въ какомъ православные храмы находились нѣкогда въ Польшѣ, поступаютъ весьма несправедливо. Представлять въ этомъ свѣтѣ наглядный фактъ нахождения церквей панскихъ имѣній въ рукахъ евреевъ могли только тогдашніе подстрекатели изъ простонародія, которые пользовались этимъ обстоятельствомъ, какъ средствомъ къ возбужденію противъ евреевъ и католиковъ буйной толпы казачины, во время ея ожесточенныхъ войнъ съ Польшею, когда не разбирались истинныя причины наглядныхъ явленій. Но прибѣгать къ этому же средству *историку*, на которомъ лежитъ

обязанность и который имѣетъ возможность относиться спокойно и съ надлежащею справедливостію къ событіямъ давно минувшихъ временъ, является поступкомъ въ полномъ смыслѣ слова *недостойнымъ и, передъ исторіей, непростительнымъ*. Галятовскій, какъ въ томъ не сомнѣвается и самъ Костомаровъ, зналъ въ этомъ случаѣ истину и, какъ представитель православія, не терпящаго лжи, долженъ былъ бы обнаружить ее, особенно въ трудѣ, посвященномъ царю. Но онъ рѣшился покривить душою передъ нимъ и народомъ, и скрыть истину, изъ личной ненависти — не столько къ еврейству, догматическихъ заблужденій котораго онъ не далъ себѣ, собственно, и труда изобличать, сколько къ самимъ евреямъ, а, слѣдовательно, изъ несвойственнаго духу истиннаго православія и славяно-русской природѣ чувства челоѣконенавистничества къ нимъ. Преобладаніе въ немъ этого чувства живо обрисовывается слѣдующими, содержащимися въ его „Мессіи Правдивомъ“, словами, влагающимися имъ въ уста своего идеальнаго христіанина: „мы, христіане, должны испровергать и сжигать жидовскія божницы, въ которыхъ вы хулите Бога; мы должны васъ, какъ враговъ Христа и Христіанъ, изгонять изъ нашихъ городовъ, изъ всѣхъ государствъ, убивать васъ мечемъ, топить въ рѣкахъ и губить различными родами смерти“. Костомаровъ, приводя эти слова, самъ сознаетъ, что Галятовскій, „довольствуясь тѣмъ, что почерпалъ изъ чужеземныхъ источниковъ, произноситъ жестокой приговоръ надъ еврейскимъ племенемъ“. Онъ оставилъ и противъ магометанъ два сочиненія, въ которыхъ „повторяется,—говоритъ Костомаровъ, — то же ученіе *кровавой нетер-*

нимости, которое такими рѣзкими чертами изложено въ „Мессіа“ противъ іудеевъ“. Изъ этого достаточно усматривается, что монахъ Галатовскій, воспитывавшійся въ Кіевѣ, гдѣ въ то время сильно вліялъ римско-латинскій элементъ, носилъ только платье русскаго православнаго инока, но въ сущности былъ не инымъ чѣмъ, какъ неистовымъ фанатикомъ, пропитаннымъ болѣе духомъ католическимъ, чѣмъ истиннаго православія, и далеко, слѣдовательно, стоявшимъ отъ первыхъ отцовъ нашей церкви, такихъ, какъ угодники печерскіе, митрополитъ Иларіонъ и другіе озаренные свѣтомъ евангельскаго ученія святители нашей церкви. Въ то время, какъ изъ нихъ Θεодосій, напримѣръ, въ XI еще столѣтіи, различая въ своихъ понятіяхъ духовную нетерпимость къ догматамъ иновѣрныхъ религій, въ томъ числѣ и еврейской, отъ бытовой нетерпимости къ ихъ послѣдователямъ, принималъ всѣ мѣры предосторожности, чтобы не развить этой послѣдней въ народѣ и властителяхъ русской земли, назидая ихъ щадить жизнь иновѣрцевъ и не отказывать имъ въ законной защитѣ,— юго-западный монахъ нашъ Галатовскій, въ XVII вѣкѣ, подражая средневѣковому фанатизму западнаго духовенства, взываетъ къ огню и мечу, для пролитія крови виновныхъ и невинныхъ евреевъ. Между тѣмъ, Костомаровъ, изъ своей личной неприязни къ нимъ, представляетъ этого инока какъ *поборника истиннаго православія*, какъ духовное лицо, стоявшее въ этомъ отношеніи несравненно выше современныхъ ему *московскихъ святителей церкви*, и такимъ образомъ представляетъ совершенно превратную картину, изображая пропитанные латинствомъ взгляды на отношенія къ ино-

вѣрцамъ южно-русскаго духовенства—православными, а сдержанный и умѣренный образъ дѣйствія московскихъ святителей и царей—какъ бы еретическимъ отъ православія отступленіемъ. Это совершенно извращаетъ и понятія, относительно дѣйствительнаго состоянія въ древней и московской Руси нашихъ бытовыхъ и религіозно-политическихъ отношеній къ *евреямъ* и прочимъ иновѣрцамъ, *не-христіанскихъ вѣроисповѣданій*. Точно такимъ же образомъ, историкомъ этимъ, какъ и многими другими, дается не вполнѣ вѣрное понятіе объ отношеніяхъ къ евреямъ и въ Малороссіи. Это доказываетъ одно уже противорѣчіе, въ какое онъ, иной разъ, самъ впадаетъ относительно этого. Такъ, напримеръ, въ жизнеописаніи этого же Галатовскаго, Костомаровъ, какъ сказано выше, говоря о жестокихъ избіеніяхъ евреевъ казаками, во время ихъ войнъ съ Польшею, а также о требованіи Богданомъ Хмельницкимъ, въ числѣ условій, на которыхъ онъ былъ готовъ помириться съ поляками, недопущенія іудеевъ въ Украину, объясняетъ эти историческіе факты не временными, случайными обстоятельствами, но непримиримою, будто, религіозною къ евреямъ ненавистью и омерзѣніемъ къ нимъ всего малороссійскаго народа. Устанавливая, такимъ образомъ, фактъ, что въ немъ господствовала *принципіальная* нетерпимость къ еврейскому племени, онъ подаетъ мысль, что такая же нетерпимость была присуща искони и всей, вообще, православной Руси. Этимъ Костомаровъ видимо желалъ, вмѣстѣ, изобразить Малороссію и всю кievскую Русь, сравнительно, болѣе, въ то время, православными, чѣмъ была Русь московская. Между тѣмъ, имъ тутъ же говорится, что

„какъ только народное волненіе утихло въ русскихъ областяхъ, оставшихся за Польшею, іудеи опять принимались тамъ, т. е., въ Украинѣ, за свои промыслы“. Это явно противорѣчить создаваемой имъ себѣ мысли о непримиримыхъ, будто, къ евреямъ враждѣ и ненависти малороссовъ, такъ какъ добровольное этими послѣдними допущеніе ихъ къ себѣ въ мирное время, когда Малороссія, пользуясь еще извѣстною степенью политической самостоятельности, представляла благоприятныя условія для разнужданности казачины и употребленія силы къ изгнанію или недопущенію въ свою страну лицъ іудейскаго закона, — составляетъ живое отрицаніе справедливости сказанной мысли. Несостоятельность ея подтверждается цѣлымъ рядомъ и другихъ историческихъ фактовъ, какъ-то: неповтореніемъ народныхъ возстаній противъ евреевъ и случаевъ насилій надъ ними въ Малороссіи, въ то время, когда, послѣ Бахчисарайскаго перемирія (въ 1681 году), Украина и Запорожье, хотя и утвердились окончательно за Московію, но сохраняли еще за собою извѣстную степень политической самостоятельности; свободнымъ прїѣздомъ евреевъ изъ Польши въ Малороссію, для торговли и промысловъ, а также фактомъ ихъ спокойнаго жительства въ ней, въ качествѣ и осѣдлыхъ людей; держаніемъ ихъ въ своихъ помѣстьяхъ и лично при себѣ помѣщиками Украины, разными военными и гражданскими тамъ чинами и даже монастырями и бѣлымъ духовенствомъ, попами и протопопами (П. С. З, т. XI, № 8169); усиленными ходатайствами со стороны главныхъ правителей Малороссіи и генеральной войсковой канцеляріи о допущеніи евреевъ къ торговлѣ,

при императрицахъ Аннѣ Іоанновнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ; строгостью, къ каковой эта послѣдняя императрица должна была прибѣгать, для побужденія властей, въ Малороссіи „къ выполненію ея указовъ о высылкѣ изъ нея евреевъ“ за рубежь и т. п. Все это подтверждаетъ, что среди малороссовъ и казаковъ, когда они обратились въ мирныхъ обитателей, преобладалъ скорѣе духъ *національной терпимости*, чѣмъ *національной нетерпимости* къ евреямъ, въ торговой и промышленной дѣятельности которыхъ ощущалась тамъ „польза обывательская“¹. Но при московскихъ государяхъ и самомъ Петрѣ I они пользовались спокойнымъ пребываніемъ не въ одной Украйнѣ и пограничныхъ съ Польшею областяхъ, но также и въ *Великороссіи*. Это ясно усматривается изъ приведенныхъ выше повелѣній императрицы Елисаветы Петровны, коими предписывалась мѣстнымъ властямъ немедленная высылка изъ Россіи евреевъ, какъ изъ малороссійскихъ, такъ равно и изъ *великороссійскихъ* городовъ, сель и деревень. Нельзя предполагать, чтобы евреи могли проникнуть во внутрь Россіи, съ своими семействами, и проживать тамъ въ качествѣ осѣдлыхъ людей послѣ Петра, такъ какъ извѣстно, что вслѣдъ за его кончиною, со вступленіемъ на престолъ Екатерины I, евреи стали изгоняться повсемѣстно изъ Россіи и доступъ въ нее былъ, впервые, безусловно закрытъ для нихъ — *на основаніи закона*, а слѣдовательно — *принципіально*. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ того факта, что такой принципіальной нетерпимости къ нимъ прежде, въ до-петров-

¹ Имен. указы импер. Ан. Іоан. 31 іюля и 8 августа 1734 г., П. С. З., т. IX, № 6610 и 6614.

ское время и при самомъ Петрѣ, не существовало. Упомянутое выше предположеніе Костомарова, что они проникали въ московскую Русь *скрытно*, очевидно, ни на чемъ не основано. Можно допустить, что скрыть себя, на нѣкоторое время, могли отдѣльныя личности изъ евреевъ, но никакъ не тѣ, которыя появлялись къ вамъ съ женами и дѣтьми, съ видимою цѣлью обзавестись постояннымъ жительствомъ на мѣстахъ, куда прибыли. Имѣющіяся историческія данныя о томъ, что, поселившись, такимъ образомъ, въ различныхъ городахъ, селахъ и деревняхъ Мало- и Великороссіи, евреи занимались тамъ, не только торговлею, но и разнаго рода промыслами, владѣя недвижимою собственностью и, нерѣдко, пользуясь настолько довѣріемъ мѣстныхъ властей, что имъ поручалось содержаніе казенныхъ и таможенныхъ сборовъ, — ясно говорятъ о несуществованіи въ русскихъ законахъ о евреяхъ, *въ петровское*, какъ и *до-петровское время*, безусловной религиозно-политической нетерпимости къ нимъ.

Предположенія о противномъ основываются, между прочимъ, еще на томъ, что царемъ Алексіемъ Михайловичемъ, по завоеваніи нѣкоторыхъ польскихъ городовъ и областей, было повелѣно выслать евреевъ, въ 1654 году — изъ г. Могилева и въ 1658 году — изъ г. Вильны. Между тѣмъ, смотрѣть на это, какъ на послѣдствіе нашей, русской, принципиальной нетерпимости къ людямъ іудейскаго закона было бы крайне несправедливо. Успѣхи оружія этого царя, во время его войнъ съ Польшею, были, какъ извѣстно, весьма измѣнчивы. Города и области, отвоеванные отъ Польши, отходили обратно къ ней. Такая участь постигла, между про-

чимъ, Могилевъ, Вильну, Ковно и Гродно. Завоеванные въ 1654 году, они по Андрусовскому перемирію 1667 года, вмѣстѣ съ западною частью Украйны и Бѣлоруссіей, подпали вновь подъ владычество Польши. При такихъ обстоятельствахъ, царь остерегался, конечно, дѣлать какія либо коренныя измѣненія въ порядкахъ, тамъ существовавшихъ, и держался правила оставлять городамъ тѣ права и привилегіи, какими они пользовались при польскихъ короляхъ. Намъ же извѣстно, что эти послѣдніе, въ числѣ особыхъ правъ и преимуществъ, предоставлявшихся городамъ, снабжали ихъ еще привилегіями или грамотами на право изгнанія евреевъ изъ своей черты. Такія привилегіи, въ числѣ многихъ другихъ городовъ, были предоставлены, между прочимъ, гг. Могилеву и Вильнѣ, первому—грамотой Владислава IV 5 апрѣля 1646 г., а второму, какъ стольному городу, еще гораздо ранѣе. Отмѣнять подобныя привилегіи, до окончательнаго упроченія надъ завоеванными городами и областями владычества Россіи, царь, весьма понятно, считалъ не политичнымъ, опасаясь нерасположенія къ себѣ тамошнихъ гражданъ. Изъ этихъ именно видовъ, при взятіи въ 1654 г. Могилева, было повелѣно имъ „жидамъ въ Могилевѣ не быти и житья никакого не имѣти“. Такое же повелѣніе воспослѣдовало, въ 1658 году, и въ отношеніи евреевъ въ Вильнѣ, по челобитной о томъ тамошнихъ гражданъ. Изгнаніе царемъ евреевъ изъ этихъ городовъ было основано, слѣдовательно, на принципахъ политики не русской, а *польской*, которыхъ наши православные государи себѣ не усвоивали. Однимъ изъ доказательствъ этому можетъ служить то,

что, повелѣвъ, въ 1654 году, выслать евреевъ изъ Могилева, царь Алексій Михайловичъ, между тѣмъ, въ этомъ же самомъ году, разрѣшилъ боярамъ и разныхъ чиновъ служилымъ людямъ привозить съ собою въ Москву изъ Польши разныхъ иновѣрныхъ людей, въ томъ числѣ и лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія, подѣ условіемъ допроса объ ихъ личностяхъ на заставахъ, которыя этимъ же царемъ было повелѣно учредить въ Вяземскомъ уѣздѣ, по дорогѣ изъ Смоленска. „И о томъ,— сказано въ приведенномъ выше указѣ его 30 іюля 1654 года,— послана Его Великаго Государя Грамота въ Вязьму къ Стольнику и Воеводѣ Князь Ивану Хованскому, да къ Дьяку къ Герасиму Лаврову, велѣно въ Вяземскомъ уѣздѣ по дорогѣ отъ Смоленска, въ которыхъ мѣстахъ пригоже, учинить заставы, и которые Боярскіе и всякихъ чиновъ люди повезутъ къ Москвѣ полоняниковъ мужскаго полу и женскаго, и тѣхъ всѣхъ полоняниковъ велѣно на заставахъ спрашивать, кто, котораго города и уѣзда, и какой челоуѣкъ, и какія вѣры, и которые окажутся Мстиславскаго и иныхъ зарубешныхъ городовъ Литовскіе люди, Католицкія Смяцкія вѣры, и *Жиды*, и *Мурзы*, и *всѣякіе некрещенные люди*, и тѣхъ *пропуцать къ Москвѣ . . . . .*“.

Царь Алексій Михайловичъ былъ православнымъ царемъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, и вмѣстѣ строгимъ оберегателемъ, какъ интересовъ церкви, такъ и русско-національной политики. Мысль, допущенная Костомаровымъ, о томъ, что юго-западные наши духовные, въ томъ числѣ и монахъ Галатовскій, были лучшими, будто, блюстителями православія, чѣмъ этотъ царь и

московскіе наши святители, есть мысль, не принадлежащая истинно русскому человѣку и, какъ исторически невѣрная, заслуживаетъ всякаго порицанія. Возможность допущенія царемъ Алексіемъ Михайловичемъ евреевъ мужскаго и женскаго пола, для постояннаго ихъ водворенія тамъ, цѣлыми семействами, а оттуда и въ другихъ мѣстахъ Россіи, была бы немислимою, еслибъ это было противно кореннымъ началамъ православія и нашимъ русскимъ обычнымъ бытовымъ отношеніямъ къ евреямъ.

XIX.

Изъ всего сказаннаго видно, до какой степени историки наши склонны извращать дѣйствительные факты, каждый разъ, когда рѣчь идетъ о евреяхъ. Явленія случайныя, личные взгляды отдѣльныхъ личностей, творенія фанатиковъ, разнаго рода вымыслы и даже небывлицы—все это выдается этими историками за факты, несомнѣнно, будто, подтверждающіе составленныя ими себѣ превратныя понятія о нашихъ древне-національныхъ отношеніяхъ къ лицамъ іудейскаго исповѣданія. Это можетъ, пожалуй, быть простительнымъ для еврейскихъ писателей и публицистовъ, которымъ духъ и направленіе русской національности не могутъ быть извѣстны, но непростительно для писателей русскихъ, особенно для тѣхъ, которые держатъ или думаютъ держать въ своихъ рукахъ знамя нашей русской исторіографіи.

Историкъ нашъ Соловьевъ не менѣе погрѣшилъ, въ этомъ отношеніи, чѣмъ прочіе историки. Разказы его о евреяхъ носятъ также на себѣ характеръ предраз-

судковъ и предубѣжденій, крайне затемняющихъ истину. Его повѣствованія, напримѣръ, о Петрѣ I, въ случаяхъ, касающихся евреевъ, способны, вслѣдствіе этого, вселять въ русскомъ обществѣ и юношествѣ самыя ошибочныя понятія о политическомъ образѣ дѣйствія этого великаго царя. Соловьевъ не только изображаетъ его государемъ до крайности нетерпимымъ къ евреямъ, но рѣшается прямо давать понятіе, что имъ, будто, въ дѣйствительности принимались какія либо мѣры къ изгнанію евреевъ изъ Россіи или къ ихъ недопущенію въ нее. Вотъ, что онъ говоритъ, между прочимъ, по поводу ихъ: „Призывая отовсюду искусныхъ иностранцевъ, Петръ только для одного народа *дѣлалъ постоянное исключеніе* — для *жидовъ*. Я хочу,—говорилъ онъ,—видѣть у себя народовъ магометанской и языческой вѣры, нежели жидовъ. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, но не распложаю; не будетъ для нихъ въ Россіи ни жилища, ни торговли, сколько о томъ ни стараются и какъ ближнихъ во мнѣ ни подкупаютъ“ (т. 15, изд. 3, стр. 88). Говоря объ исключеніяхъ, *дѣлавшихся*, будто, Петромъ, относительно евреевъ, Соловьевъ не подтверждаетъ этого, однако, никакими государственными актами и мѣропріятіями Петра, которые содержали бы въ себѣ подобныя исключенія. Онъ ограничивается; приведеніемъ вышесказанныхъ словъ государя, взятыхъ изъ извѣстныхъ анекдотовъ Нартова, и ссылкой на *манифестъ 16 апрѣля 1702 г., о вызовѣ въ Россію иностранцевъ*. Между тѣмъ, анекдотическіе рассказы о Петрѣ, во время пребыванія его за границею, съ исторической точки зрѣнія, не могутъ быть признаваемы, вообще,

за вполне достовѣрный источникъ. Къ тому же, одни слова, во всякомъ случаѣ, не суть мѣры. Разговоръ царя о евреяхъ въ частной бесѣдѣ, внѣ своего государства, не можетъ обрисовывать собою характеръ его политической дѣятельности. Соловьеву, какъ историку, и притомъ современному, не могло не быть извѣстнымъ, что вѣрное понятіе о такой дѣятельности каждаго государя могутъ давать только въ дѣйствительности принятыя имъ, тѣ или другія, политическія и гражданскія мѣры. Но ни одной изъ такихъ мѣръ Соловьевымъ не указывается, по той простой причинѣ, что ихъ на самомъ дѣлѣ и не было. Что касается *манифеста*, на который имъ дѣлается, въ этомъ случаѣ, ссылка, то этотъ государственный актъ Петра менѣе всего можетъ служить доказательствомъ его исключительнаго образа дѣйствія относительно евреевъ, такъ какъ о евреяхъ въ немъ *вовсе не говорится*, какъ равно не имѣется и никакихъ распоряженій о строгомъ различіи иностранцевъ по вѣроисповѣданіямъ, съ цѣлью недопущенія въ Россію, въ числѣ ихъ, лицъ іудейскаго закона. Но все это касается опять-таки только *чужеземныхъ* евреевъ; относительно же тѣхъ изъ нихъ, которые и при Петрѣ обитали въ Россіи, Соловьевымъ, какъ и прочими историками нашими, хранится молчаніе. Ими умалчиваются также и не противопоставляются анекдотамъ Нартова исторически болѣе вѣрныя повѣствованія, такія, напр., какъ датскаго путешественника фонъ-Гавена, свидѣтельствующаго, что Петръ Великій, бывало, говоритъ: „неслѣдуетъ изгонять евреевъ изъ среды, гдѣ они уже живутъ“, а между тѣмъ это даетъ право заключать, что государь тотъ, во вся-

вомъ случаѣ, не усвоивалъ себѣ *политики изгнанія евреевъ* изъ государства. Еслибъ въ Петръ дѣйствительно присутствовало чувство безусловной религіозно-политической нетерпимости къ евреямъ, то нужно полагать, что онъ началъ бы съ изгнанія своихъ евреевъ изъ царства. Столь могущественному и твердому волею государю не было бы затруднительнымъ приведеніе таковой мѣры въ исполненіе, особенно въ то время, когда въ составѣ русскаго народонаселенія число евреевъ было еще незначительное и ни одинъ изъ нихъ не признавался еще формально русскимъ подданнымъ, а сосѣдняя держава—Польша, куда евреи эти могли подлежать изгнанію, была настолько уже политически слаба, что со стороны ея нельзя было ожидать какого либо протеста противъ безцеремоннаго выселенія русскихъ евреевъ на ея земли. Между тѣмъ, тотъ фактъ, что изгнанія *жившихъ въ Россіи евреевъ* начались только съ кончиною Петра, по вступленіи на престолъ Еватерины I, даетъ право заключать, что, при Петрѣ Великомъ, евреи эти, существуя у насъ, пользовались общественнымъ спокойствіемъ, въ той же мѣрѣ, какъ и при прежнихъ царяхъ, и что Петръ, одинаково съ ними, руководствовался издревле установившеюся у насъ религіозно-національною политикою бытовой терпимости къ лицамъ еврейскаго вѣроисповѣданія. Да это и не могло быть иначе со стороны государя, которымъ положено начало твердому обезпеченію, въ нашей политической сферѣ, присущей русскому народу и его державнымъ вождямъ и внушавшейся имъ самою церковью *впротерпимости*, путемъ положительнаго выраженія этого принципа въ самихъ законахъ. Если онъ обнаруживалъ

нетерпимость къ раскольникамъ, которыхъ онъ обложилъ, какъ извѣстно, двойною податью, то причиною этого было не столько ихъ упорство въ своихъ вѣрованіяхъ, сколько противодѣйствіе, какое они оказывали предпринимавшимся имъ нововведеніямъ.

Такимъ образомъ, начиная съ 988 года, т. е. съ момента принятія Русью христіанства, до самаго дня кончины Петра I, вослѣдовавшей 28 января 1725 года, въ теченіе, слѣдовательно, полныхъ почти *восьми вѣковъ*, *русская національная политика*, при всей строгости взглядовъ нашихъ князей и государей на свои отношенія къ православной церкви и обязанности, по устраниенію всего, что могло бы препятствовать утвержденію ея господства въ русской странѣ, не усвоивала, однако, по отношенію къ *евреямъ*, характера *византійской* или *римско-латинской нетерпимости* къ нимъ. Характеръ нашихъ религіозно-политическихъ отношеній къ евреямъ былъ совсѣмъ иной. Обычай и законы, ихъ касавшіеся, были основаны несравненно болѣе на духъ истиннаго православія и евангельскихъ истинъ. Этому существенно содѣйствовалъ примѣръ первыхъ отцовъ нашей помѣстной церкви и подобныхъ имъ другихъ ея святителей, которые всегда различали, въ своихъ понятіяхъ, нетерпимость *духовную, догматическую*, къ ложной вѣрѣ отъ нетерпимости *общественной* и *политической*—къ ея послѣдователямъ, борьбу съ ними словомъ и письмомъ—отъ борьбы съ оружіемъ въ рукахъ, *назиданія* и *увѣщанія*—отъ *притѣсненій* и *насилій*. Ихъ религіозно-общественное настроеніе совпадало, въ этомъ случаѣ, съ присущимъ славяно-русской натурѣ чувствомъ чело-

вѣчности ко всѣмъ, вообще, чужеземцамъ, какой бы вѣры и какого племени они ни были бы. Благодаря этому, ни русскіе *обычаи*, ни русскіе *законы*, ни *правительственная дѣятельность* нашихъ князей и государей, какъ въ *удѣльно-вѣчевомъ*, такъ и *московскомъ періодѣ*, не носятъ на себѣ отпечатка кровавыхъ пятенъ того фанатизма и безчеловѣчія къ евреямъ, которыми дышали папскія буллы и энциклики, постановленія помѣстныхъ римско-латинскихъ соборовъ, законы и повелѣнія испанскихъ, французскихъ и германскихъ монарховъ и владѣтельныхъ тамъ свѣтскихъ и духовныхъ князей. Въ древней Руси, *до и послѣ* образованія русскаго царства, не было примѣра, чтобы исповѣданіе евреями своей вѣры и отправленіе ими ея обрядовъ въ своихъ жилищахъ вмѣнялись имъ въ *государственное преступленіе*, наказуемое смертною казною или изгнаніемъ изъ страны, подобно тому, какъ это было при Львѣ-Философѣ и другихъ византійскихъ монархахъ, а также во многихъ римско-католическихъ странахъ. Ни церковью, ни свѣтскою властью, не допускались у насъ публичныя глумленія надъ евреями и ихъ вѣрою, съ цѣлью внушенія народу презрѣнія къ ихъ человѣческой личности и возбужденія противъ нихъ страстей. Въ державныхъ нашихъ властителяхъ не замѣчалось склонности къ превращенію евреевъ, обитавшихъ въ русской странѣ, въ *безправныхъ рабовъ*, съ *корыстною* цѣлью извлеченія денежныхъ для себя выгодъ, за оказываемую имъ защиту отъ произвола власти и народныхъ буйствъ. Установленіе *шугельдовъ*, *лейбъ- и гелейтцолловъ*, превращавшихъ евреевъ въ товарный предметъ и уподоблявшихъ ихъ скоту, поштучно облагаемому

пошлинами, на Руси не существовало и не могло существовать, какъ нѣчто противное русско-національному духу и православнымъ понятіямъ о каждомъ человѣкѣ. Ни *фанатизмъ*, ни *корысть*, не руководили, слѣдовательно, нашими князьями и государями, въ дѣлѣ опредѣленія ихъ отношеній къ евреямъ. Отношенія эти, во всѣ времена, какъ отдаленныя, такъ и болѣе къ намъ близкія, зиждились на началахъ правды и справедливости, насколько это могло быть совмѣстимо съ тогдашними взглядами на положеніе иновѣрца, живущаго среди коренного православнаго населенія. За исключеніемъ случая разграбленія, въ XI ст., домовъ евреевъ въ Кіевѣ толпою мятежниковъ, нападавшихъ и на дома своихъ же русскихъ, исторія не представляетъ намъ, за всю *восьми вѣковую* эпоху удѣльно-вѣчевого и московскаго періодовъ, другихъ, подобныхъ же, случаевъ съ евреями, обитавшими въ предѣлахъ русской страны, на русской территоріи. Полоцкіе евреи, испытавшіе надъ собою, въ числѣ другихъ жителей, жестокость Іоанна Грознаго, не могутъ быть отнесены къ числу обитателей Руси, такъ какъ они были выходцами изъ Польши и взглядъ на нихъ самого Грознаго былъ — какъ на евреевъ польскихъ, чужеземныхъ. Предметомъ торговыхъ изгнаній изъ Москвы были тоже не свои, но польскіе, *чужеземные*, евреи, подвергавшіеся, въ этихъ случаяхъ, одной участи съ купцами изъ католиковъ. Изъ Кіева, въ московскомъ періодѣ, при русскомъ владычествѣ, и именно въ 1660 году, какъ объясняетъ самъ кн. Голицынъ, изгонялись не одни *евреи*, но также *армяне* и *поляки*, а это прямо указываетъ, что причины этихъ изгнаній были также чисто - торговыя, по проискамъ

мѣстнаго купечества. Такого рода мѣры, какъ подтвержденіе царемъ Алексіемъ Михайловичемъ, въ 1667 году, правъ и привилегій г. Вильны на изгнаніе изъ своей черты евреевъ, а также изгнаніе ихъ, самимъ царемъ, изъ Могилева, при взятіи его въ 1654 году, не имѣютъ ничего общаго съ русскою національною политикой. Наконецъ, жестокости, каковымъ евреи подвергались, въ XVI и XVII ст., со стороны запорожскихъ и малороссійскихъ казаковъ, не представляютъ, равнымъ образомъ, ничего общаго съ религіозно-національными принципами русскаго государства, такъ какъ это происходило въ то время, когда казачество не состояло еще подъ дѣйствіемъ русскихъ законовъ и не находилось даже подъ русскимъ владычествомъ. Жестокости эти не могутъ объясняться и ничѣмъ нормальнымъ среди казаковъ и малороссійскаго народа, такъ какъ буйству и неистовству подвергались, преимущественно, *польскіе евреи*, во время ожесточенныхъ войнъ съ поляками, за религіозную и политическую свободу малороссіянъ, когда разыгравшіяся страсти, съ обѣихъ сторонъ—и католиковъ, и православныхъ, — не знали мѣры и границъ.

Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины I, обстоятельства, однако, дѣйствительно, измѣнились нѣсколько. Въ нашей религіозно-политической сферѣ проявилось нѣчто такое, что, въ общемъ ходѣ событій, представляетъ рѣзкое отступленіе отъ русскихъ національныхъ началъ и обычаевъ, какъ бы крутой поворотъ къ политикѣ, относительно евреевъ, сходственной съ *византійскою*. Періодъ такой политики былъ, впрочемъ, кратковременный. Начавшись съ царствованія Екатерины I и за-

хвативъ первое только десятилѣтіе изъ царствованія Екатерины II, онъ не обнимаетъ собою и пятидесяти лѣтъ. Въ сравненіи съ *тысячелѣтнимъ* существованіемъ Россіи, сказанный періодъ составляетъ, слѣдовательно, лишь весьма ничтожный промежутокъ времени, такъ сказать, перелетный моментъ отъ древней къ нашей, современной, эпохѣ, когда евреи, послѣ ихъ изгнаній, допущены вновь въ Россію и вошли въ составъ общаго ея народонаселенія, въ качествѣ русскихъ уже подданныхъ. Въ сущности, періодъ этотъ не имѣетъ никакого значенія, ни для древней, ни для новой исторіи нашихъ государственныхъ отношеній къ евреямъ. Но въ виду того, что мѣропріятія трехъ императрицъ—*Екатерины I, Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны*—приводятся въ связь съ нашею національною политикою и весьма многими отождествляются даже съ нею, — поголовныя изгнанія ими лицъ *иудейскаго закона* изъ страны, съ цѣлію какъ бы ея закрытія для нихъ навсегда, представляется такимъ явленіемъ, причины котораго нельзя не подвергнуть нѣсколько ближайшему разсмотрѣнію, какъ скрывающіяся въ случайныхъ обстоятельствахъ, оставшихся, до сей поры—умышленно или неумышленно — совершенно неразъясненными. Обратимся же теперь къ этому мимолетному періоду, какъ такому, подъ впечатлѣніемъ рассказовъ о которомъ, неосвѣщенныхъ надлежащими историческими фактами, могутъ легко извращаться понятія о настоящемъ характерѣ нашихъ древне-национальныхъ отношеній къ евреямъ, на Руси, вообще, и въ *Восточной* (Великорусской)—въ особенности.

XX.

Изъ предыдущихъ очерковъ нашихъ усматривается съ достаточною, кажется, ясностью, что идея осуществленія, въ царствованіе вышеназванныхъ трехъ императрицъ, такихъ средневѣковыхъ мѣръ западныхъ христіанскихъ странъ, какъ поголовное изгнаніе изъ государства и безусловное недопущеніе въ него евреевъ, отказывавшихся отъ принятія крещенія, по обряду господствующей церкви, никакъ не могла изойти изъ *чистыхъ источниковъ* древне-русскаго православія. Это были мѣры насильственнаго прозелитизма, свойственныя византійскому и западному фанатизму, но отнюдь не духу нашихъ ревнителей правосѣрія, какъ въ удѣльно-вѣчевомъ, такъ и царскомъ періодѣ.

Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобы наши святители и отцы церкви, какъ равно и государи, были совершенно чужды стремленіямъ въ прозелитизму. По присущей христіанству идеѣ о всемірной его миссіи, не могла, конечно, съ его возникновеніемъ, не проявиться, и въ нихъ, та же склонность. Но фактъ несомнѣнный, что въ нихъ не гасла, при этомъ, любовь въ людямъ, не исчезало *чувство человечности*, подобно тому, какъ въ властителяхъ другихъ народностей. Вслѣдствіе этого, и образъ дѣйствія, въ дѣлѣ прозелитизма, русскихъ государей былъ совершенно иной, ни въ чемъ не напоминавшій того порядка вещей, который на Западѣ, особенно съ учрежденіемъ инквизиціонныхъ трибуналовъ и ордена іезуитовъ, извращалъ понятія о христіанскомъ благочестіи, приучалъ не гнушаться никакими средствами,

для достиженія цѣли, и развивалъ фанатизмъ, не знавшій мѣры, ни границъ.

Въ подвижническихъ своихъ трудахъ, по насажденію истинъ православной вѣры, наши главнѣйшіе духовные ея ревнители всегда сознавали, что единственное средство къ разсѣянію религиозныхъ заблужденій и приобрѣтенію прозелитовъ, по убѣжденію совѣсти—это дѣятельное, терпѣливое и усердное *назиданіе* въ вѣрѣ и *обличеніе* несогласныхъ съ нею вѣроученій, но отнюдь не насиліе и безчеловѣчное обращеніе съ заблудшими. Мы видѣли, какъ жаждалъ св. Θεодосій Печерскій обращенія на путь истины евреевъ, проживавшихъ въ Кіевѣ; но онъ не ожесточалъ, однако, противъ нихъ, ни народа, ни князей. Онъ не внушалъ имъ, въ порывахъ своей ревности, никакихъ безчеловѣчій къ людямъ іудейскаго закона. Примѣру преп. Θεодосія, замѣтимъ, слѣдовали, въ особенности, чуждые западныхъ вѣяній *великорусскіе* наши святители, въ царскомъ періодѣ; христіанское благочестіе они видѣли не въ безчеловѣчныхъ поступкахъ надъ каждымъ, кто не соглашался присоединяться къ православію, а въ подвигахъ личнаго труда надъ невѣрующими, съ цѣлью подѣйствовать на совѣсть силою убѣжденія. Въ этихъ христіанскихъ попеченіяхъ о душеспасеніи ино-вѣрцевъ, отцы и святители нашей православной церкви были расположены скорѣе къ *удержанію* ихъ въ странѣ, чѣмъ къ ихъ *изгнанію* изъ нея, такъ какъ эти дѣятели не переставали питать надежду, что заблудшіе въ лжеученіяхъ, рано или поздно, при дѣйствіи благодати Божіей и ихъ подвижническаго труда, обратятся къ

свѣту истины. Таково было направленіе *истинно православныхъ пастырей* нашихъ, таково оно и теперь.

Въ томъ же самомъ духѣ и направленіи дѣйствовали и православные наши *князья* и *цари*. По имѣющимся историческимъ даннымъ, нельзя отвергать, что, будучи такими же ревнителями православія, какъ и святители церкви, они, подобно имъ, питали въ душѣ христіанское расположеніе пріобрѣтать прозелитовъ среди иновѣрцевъ, какъ изъ христіанъ, какъ и не-христіанъ, изъ видовъ ихъ душеспасенія. Но величайшая ихъ политическая мудрость, въ этомъ дѣлѣ, заключалась въ томъ, что, питая въ себѣ сказанное чувство, они, въ то же время, по примѣру первѣйшихъ отцовъ церкви, всегда различали *бытовья* отношенія къ иновѣрцамъ отъ *чисто-духовныхъ*—къ догматамъ ихъ исповѣданія, и пользуясь своею независимостью въ политической и гражданской сферѣ, всегда умѣряли эту ревность, и въ себѣ, не слѣдуя внушеніямъ и возбужденіямъ слѣпаго фанатизма. Мы видѣли, напримѣръ, что на царя Алексія Михайловича не могли подѣйствовать, ни доктринальное ученіе *Юрія Крыжанича* о „гостогонствѣ“, ни схоластико-фанатическое сочиненіе „Мессія Правдивый“ нашего южно-русскаго монаха, *Галлатовскаго*, написанное съ цѣлью возстановленія этого царя именно противъ *евреевъ*. Нѣтъ, поэтому, и слѣдовъ, чтобы на Руси, при князьяхъ и царяхъ, право пребыванія въ странѣ обусловливалось для евреевъ, или другихъ какихъ либо иновѣрцевъ, *принятіемъ крещенія* и переходомъ въ православіе. Такого рода насиліямъ Русь была совершенно чужда. Если лѣтописи наши повѣствуютъ о жестокости, съ какою Іоаннъ Грозный посту-

пилъ въ Полоцкѣ, при его взятіи, съ бернардинцами и евреями, повелѣвъ однихъ перерѣзать, а другихъ, при ихъ отказѣ отъ крещенія, топить въ Двинѣ,—то этотъ исключительный случай, объясняющійся, какъ нами сказано выше, единственно, личнымъ, жестокимъ, характеромъ Грознаго, никакъ не можетъ быть принимаемъ за несомнѣнный признакъ, что такой образъ дѣйствія былъ въ обычаѣ всѣхъ, вообще, нашихъ князей и государей, удѣльно-вѣчевого и царскаго періода. Предполагать это или давать поводъ къ такому предположенію,—какъ это дѣлаютъ, къ сожалѣнію, многіе изъ нашихъ русскихъ историковъ и писателей, по неприязни къ евреямъ,—недостойно истинно-русскаго православнаго человѣка. Князья и цари наши, напротивъ, къ людямъ чужеземныхъ религій, заѣзжавшимъ въ русскую страну или обитавшимъ въ ней, не относились раздражительно, по поводу собственно ихъ вѣры, но показывали собою примѣръ благодушія къ нимъ и чело-вѣчнаго съ ними обращенія. Прирожденная вѣра, ни церковью, ни царскою властью, не ставилась никому въ укоръ, ни евреямъ, ни другимъ иновѣрцамъ. Въ лѣтописяхъ нашихъ нѣтъ свидѣтельства о томъ, чтобы въ удѣльно-вѣчевомъ или московскомъ періодѣ предпринималось евреямъ носить на одеждѣ особые знаки, или чтобы надъ ними допускались обрядовыя глумленія, какія вводились обычаемъ и законами въ римско-католическихъ странахъ, съ цѣлью нанесенія лицамъ іудейскаго закона публичнаго оскорбленія и возбужденія противъ нихъ народа. Въ видахъ избѣжанія этого, у насъ не допускались даже и открытыя съ ними бого-словскіе диспуты передъ народными собраніями, съ на-

сильственнымъ ихъ приводомъ туда, для принятія ими какъ бы участія въ этихъ диспутахъ, но въ сущности— для всенароднаго ихъ осмѣянія и вселенія въ народѣ презрѣнія къ человѣческой ихъ личности. Подобныя мѣры не были и не могли быть въ духѣ истиннаго православія, относившагося серьезнѣе и глубже къ своимъ христіанскимъ обязанностямъ и заботамъ о душеспасеніи. Достиженіе этой христіанской цѣли силою убѣжденія признавалось, и нашими государями, самымъ вѣрнымъ и надежнымъ способомъ. Поэтому, обличенія невѣрія и отклоненія отъ него дозволялись ими, по отношенію къ людямъ иноземныхъ вѣръ, лишь путемъ *поученій* и *проповѣдей*, или посредствомъ *келейныхъ письменныхъ трудовъ*, издававшихся потомъ въ свѣтъ. Правда, что изъ религіозной ревности къ распространенію православія, изстари, допущенъ былъ у насъ обычай привлекать къ нему и *поощрительными мѣрами*, чрезъ предоставленіе принимавшимъ крещеніе иновѣрцамъ разнаго рода льготъ, облегченій и матеріальныхъ выгодъ. Но мѣры эти, не составляя, въ сущности насилія совѣсти, такъ какъ отъ доброй воли каждаго иновѣрца продолжалъ зависѣть его переходъ въ православіе, съ цѣлью воспользоваться сказанными поощреніями,—оправдывались, въ то время, и крайне неудовлетворительнымъ состояніемъ духовно-религіознаго развитія нашего духовенства. За исключеніемъ немногихъ высшихъ іерарховъ, хранившихъ чистоту православія и наставлявшихъ въ немъ ближайшую къ себѣ паству, въ томъ числѣ царей и московскихъ бояръ, все низшее духовенство находилось тогда въ крайнемъ еще невѣжествѣ. Это видно, между прочимъ, изъ того,

что великій нашъ святитель, св. *Дмитрій Ростовскій*, повѣствуетъ, что, объѣзжая свою епархію, въ царствованіе уже Петра I, онъ встрѣчалъ священниковъ, которые не знали даже общаго порядка библейской исторіи думали, напримѣръ, что пророкъ Илія жилъ послѣ Иисуса Христа, что онъ умертвилъ жрецовъ Ваала тѣмъ самымъ ножомъ, которымъ апостолъ Петръ отсѣкъ прежде ухо Малху, и т. п. ¹. Присоединеніе, поэтому, къ *духовнымъ* мѣрамъ прозелитизма сказанной *свѣтской*, заключающейся въ поощреніяхъ путемъ царскихъ щедротъ, вызывалось потребностью времени, и, во всякомъ случаѣ, служить живымъ доказательствомъ, *во первыхъ*, что православные государи наши, въ своихъ стремленіяхъ къ прозелитизму, были несравненно разборчивѣе, относительно средствъ, чѣмъ прочіе христіанскіе властители, и *во вторыхъ*, что стремясь къ умноженію православной паствы прозелитами изъ числа проживавшихъ на Руси иновѣрцевъ, не прибѣгая ни къ какому насильственному, для этого, мѣрамъ и съ нѣкоторыми даже матеріальными, для государства, потерями, государи тѣ должны были имѣть, какъ и святители церкви, склонность скорѣе къ *удержанію* такихъ людей въ русской странѣ, чѣмъ къ ихъ *удаленію* изъ нея. На господство въ нашихъ царяхъ именно такого благодушнаго направленія къ иновѣрцамъ, христіанамъ и не-христіанамъ, въ томъ числѣ, и къ евреямъ, и сѣтовали упомянутые выше, современные царю Алексію Михайловичу, церковникъ Юрій Крижаницъ и

¹ Пр. Знаменскій: Руководство къ Русской Церковной Исторіи. Изд. 5, 1888 г., стр. 295.

южно-русскій монахъ Галатовскій, съ римско-латинской точки зрѣнія которыхъ, царямъ нашимъ надлежало относиться къ евреямъ безъ всякаго состраданія и принимать энергическія мѣры къ ихъ вытѣсненію изъ страны.

Этого рода упреки и укеры нашихъ южно-русскихъ духовныхъ схоластиковъ XVII вѣка, взрослых и воспитавшихся подъ начальствомъ *римско-латинскими* и уніатскими, служатъ весьма осязательнымъ подтвержденіемъ, что направленіе въ Восточной Руси, державшейся строго древне-православныхъ началъ, было совершенно противоположно взглядамъ и убѣжденіямъ тѣхъ церковниковъ, и что, пока оно господствовало, религіозныя гоненія, со всеми ужасами, какими они сопровождались на Западѣ, не могли получить развитія и даже имѣть мѣсто въ русской странѣ, по отношенію и къ евреямъ. И дѣйствительно, ни лѣтописи наши, ни другіе историческіе источники не содержатъ рѣшительно никакихъ указаній, чтобы въ царскомъ періодѣ, до умноженія при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ числа евреевъ и послѣ того, воздвигались на нихъ подобныя гоненія и чтобы у насъ существовалъ, въ тѣ времена, обычай поголовныхъ изгнаній изъ страны, собственно за *вѣру* или *расовое происхожденіе*, какихъ бы то ни было иновѣрцевъ. Между тѣмъ, нѣтъ основанія предполагать, чтобы о такихъ крупныхъ фактахъ, какъ *религіозныя*, и притомъ *поголовныя*, въ силу законовъ или царскихъ повелѣній, *изгнанія* изъ страны, болѣе или менѣе, значительнаго числа людей, собственно за ихъ вѣру, съ цѣлью безусловнаго очищенія отъ нихъ русской земли и въ смыслѣ мѣры, направленной къ

закрытію имъ какъ бы навсегда доступа въ нее, могло не быть никакихъ слѣдовъ, ни въ историческихъ, ни въ законодательныхъ нашихъ памятникахъ, особенно во времена, непосредственно предшествовавшія царствованію Петра I. О такого рода изгнаніяхъ нѣтъ указаній и въ объемистомъ сочиненіи князя Н. Голицына, перерывшаго, судя по обильнымъ его цитатамъ, всѣ государственные и правительственные архивы, съ спеціальною цѣлью доставленія современному законодательству назидательныхъ примѣровъ, взятыхъ изъ жизни нашей древней православной Руси. Указаніе имъ и другими писателями на договоры наши съ Польшею, заключенные въ 1678 и 1687 годахъ, при Θεодорѣ Алексіевичѣ и Іоаннѣ и Петрѣ Алексіевичахъ, — договоры, которыми для *польскихъ евреевъ* была закрыта, для торговли, Москва, а для *русскихъ евреевъ*—Краковъ, Варшава и Вильна,—не имѣеть, въ этомъ отношеніи, какъ нами уже объяснено, никакого рѣшительно значенія, какъ потому, что мѣра эта не составляетъ вовсе поголовнаго изгнанія изъ Россіи тѣхъ евреевъ, которые въ ней обитали и недопущеніе которыхъ въ Краковъ, Варшаву и Вильну русскимъ правительствомъ было принято, тогда, на свою обязанность, такъ и потому, что въ основаніи такой мѣры, съ русской стороны, лежалъ не столько *религіозный*, сколько *чисто-политическій* мотивъ, вынуждавшій заключавшихъ сказанные договоры русскихъ бояръ выговорить, для Россіи, тѣ же права и выгоды, какихъ домогалась Польша.

Можно смѣло сказать, что, за исключеніемъ приверженцевъ внутренняго раскола или такъ называемыхъ „отщепенцевъ“, съ которыми, какъ внутренними вра-

гами церкви, были у насъ иные счеты, никакіе иновѣрцы, не исключая евреевъ, не подвергались, вообще, у насъ *религіознымъ гоненіямъ* и не ощущали на себѣ тяжелаго ихъ гнета, ни въ удѣльно-вѣчевомъ, ни московскомъ періодѣ. Если въ эпоху господства у насъ политики международнаго отчужденія, изъ видовъ обереженія чистоты православія, и появлялись строгія воспрещенія некрещенымъ имѣть *домашнія общенія* съ крещеными и держать ихъ въ своихъ домахъ и дворахъ, по *найму* и *крѣпостямъ*, то въ этомъ нивакъ нельзя видѣть религіознаго гоненія, собственно противъ евреевъ. Мѣры этѣ, сами по себѣ, вовсе и не составляли воспрещенія *права пребыванія* въ странѣ, но скорѣе указываютъ на существованіе такого права. Къ тому же онѣ не касались, исключительно, однихъ евреевъ, но всѣхъ вообще некрещеныхъ иновѣрцевъ, подъ понятіе которыхъ, въ московскомъ періодѣ, кромѣ евреевъ, магометанъ и язычниковъ, стали подводиться и нѣкоторые христіане, судя по вошедшему, въ то время, обычаю требовать отъ нихъ, при изъявленіи ими желанія къ переходу въ православіе, *вторичнаго крещенія*,—обычаю, отмѣненному въ 1718 году, при Петрѣ I, разрѣшеніемъ лютеранамъ и протестантамъ присоединяться къ православію, чрезъ одно только миропомазаніе (Руков. къ Русск. Церк. Истор. Знаменскаго, стр. 190). Равнымъ образомъ, нельзя присвоивать значеніе направленнаго противъ евреевъ религіознаго гоненія установленію, за *свораченіе* и *обрѣзаніе*, сравнительно болѣе тяжкой казни, чѣмъ за свораченіе въ христіанство иновѣрныхъ исповѣданій, такъ какъ казнь та опять-таки не касалась, исключительно, однихъ евреевъ, не

составляла мѣру, коею воспрещалось бы имъ и другимъ иновѣрцамъ. державшимся обряда обрѣзанія, *право приѣзда въ русскую страну и жительства въ ней*, и вытекала единственно изъ того, что соблазнъ и совращеніе изъ православія въ религію, отрицающую божественность Христа, признавались прежде, признаются и теперь—грѣхомъ и преступленіемъ противъ церкви и государства, сравнительно, болѣе тяжкимъ, чѣмъ соблазнъ и совращеніе въ иновѣрное христіанство.

Но если нѣтъ никакихъ документальныхъ слѣдовъ, чтобы, въ *древней Руси*, евреи и другіе иновѣрцы, не принадлежавшіе къ числу отпадшихъ отъ православія людей, когда либо подвергались *религиознымъ гоненіямъ, съ поголовными ихъ изгнаніями изъ страны*, то тѣмъ менѣе можно допустить, чтобы мысль о такихъ гоненіяхъ могла возникнуть въ *Петрѣ Великомъ*, какъ вообще, такъ и по отношенію къ *евреямъ*. Разсмотримъ ближе нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся отношеній Петра, какъ къ церкви, такъ иновѣрцамъ вообще, въ томъ числѣ и евреямъ, съ цѣлію выясненія справедливости-ли предположенія, что его образъ дѣйствій или личные взгляды могли, сами по себѣ, дать импульсъ тѣмъ интолерантнымъ мѣрамъ, какимъ евреи подверглись вслѣдъ за его кончиной?

XXI.

Нѣкоторыя дѣйствія и мѣры Петра I свидѣлствуютъ, что онъ имѣлъ расположеніе твердо слѣдовать началамъ древней политики обереженія господ-

ствующей церкви и быть столь же строгимъ защитникомъ и хранителемъ ея догматовъ и блюстителемъ правовѣрія, какъ и всѣ прежніе русскія князья и государи. Это, буквально выражено имъ въ законѣ ¹ и подтверждается соотвѣтствующимъ этому образомъ его дѣйствія.

Сохранивъ въ силѣ всю строгость Уложенія царя Алексія Михайловича и другихъ царскихъ повелѣній, относительно огражденія церкви отъ случаевъ совращенія и соблазновъ, Петръ не отмѣнилъ, по отношенію къ *некрещенымъ* иновѣрцамъ, ни казни сожженія огнемъ безъ всякаго милосердія за совращеніе и обрѣзаніе, ни постановленій, воспрещавшихъ имъ домашнія общенія съ православными и держаніе ихъ въ услуженіи, по найму и крѣпостямъ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, для приведенія въ дѣйствіе этихъ религиозно-гражданскихъ постановленій, повелѣлъ, какъ мы видѣли выше, изъять, принудительнымъ образомъ, русскихъ православныхъ людей изъ домовъ и дворовъ некрещеныхъ иновѣрцевъ, а Петромъ, въ 1713 и 1715 годахъ, было повелѣно, съ той же цѣлью, отписывать у некрещеныхъ помѣщиковъ крещеныхъ людей. Именнымъ же указомъ 8-го февраля 1716 г., объявленнымъ сенату, было повелѣно строго наблюдать, чтобы каждымъ православнымъ, подъ опасеніемъ царскаго гнѣва и денежнаго взысканія, въ точности соблюдался христіанскій долгъ, по исповѣди и причастію. Доказательствомъ, какъ Петръ самъ читилъ обязанности по выполненію правилъ православія, можетъ служить, между прочимъ,

¹ 25-го января 1721 г. (И. С. З., № 3718).

то обстоятельство, что не имѣя возможности, при разнообразныхъ своихъ трудахъ и путешествіяхъ въ иностранныя земли, строго соблюдать посты, онъ рѣшился, однако, отступить отъ этого древняго правила христіанскаго благочестія не иначе, какъ по предварительномъ испрошеніи на то разрѣшенія константинопольскаго патріарха. Петръ не терпѣлъ даже въ своихъ подданныхъ легкаго образа мыслей, относительно всего предписываемаго православною церковью. Пр. Знаменскимъ, въ его „Руководствѣ къ Русской Церковной Исторіи“, приводится случай, что однажды Петръ подвергнулъ нашего историка *Татищева*, за вольнодумство по поводу преданій церкви, наказанію своею знаменитою дубинкой, приговаривая: „Не соблазней вѣрующихъ душъ, не заводи вольнодумства, вреднаго общественному благоустройству; не затѣмъ я тебя выучилъ, чтобы ты былъ врагомъ общества и церкви“.

При такихъ строгихъ отношеніяхъ къ своимъ обязанностямъ, по оборонѣ и защитѣ господствующей церкви и храненію правовѣрія, трудно предположить, чтобы фактъ *умноженія* въ составѣ русскаго народонаселенія *евреевъ*, со временъ царя Алексія Михайловича, и находженія, болѣе или менѣе, значительнаго ихъ числа, не только въ *южно-русскихъ*, но и *великорусскихъ* городахъ и селеніяхъ,—могъ ускользнуть отъ взоровъ Петра. При своихъ частыхъ разъѣздахъ по Россіи, онъ, по всей вѣроятности, имѣлъ неоднократные случаи встрѣчать и видѣть ихъ, а слѣдовательно, и имѣть наглядное о нихъ представленіе. Поэтому, еслибъ онъ, въ дѣйствительности, признавалъ евреевъ нетерпимымъ въ странѣ зломъ, и причину появленія

ихъ въ предѣлахъ русской земли приписывалъ одному благодущію прежнихъ царей и поблажкамъ, противнымъ кореннымъ правиламъ православія и русскаго государственнаго строя, то мыслимо-ли, чтобъ этотъ, столь твердый въ своей волѣ и столь могущественный государь, какимъ былъ Великій Преобразователь, въ теченіе продолжительнаго своего царствованія, не принялъ лично никакихъ мѣръ къ очищенію русской территоріи отъ разсѣяннаго по Россіи, но еще незначительнаго, въ то время, числа людей еврейскаго происхожденія и еврейской вѣры, путемъ ихъ поголовнаго изгнанія изъ страны въ слабую и разпатавшуюся уже Польшу? Между тѣмъ, ни исторія, ни обильное архивнымъ матеріаломъ сочиненіе кн. Голицына, не указываютъ, однако, ни одного факта, который давалъ бы поводъ къ предположенію, чтобы въ Петрѣ появлялась когда либо склонность къ осуществленію подобной мѣры. Напротивъ, всѣ данныя даютъ полнѣйшее основаніе къ увѣренности, что если, по нѣкоторымъ случайнымъ обстоятельствамъ, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить, въ нѣдрахъ церкви ощущалось уже, тогда, вѣяніе западнаго фанатизма къ лицамъ іудейскаго закона, но оно не могло, однако, поколебать столь великаго монарха, какъ Петръ, въ древне-православныхъ воззрѣніяхъ на иновѣрныхъ людей, вообще, не исключая и евреевъ.

Занятый своими реформами, необходимо требовавшими не отчужденія, а сближенія съ чужеземными странами и народностями, Великій Преобразователь былъ вынужденъ и къ болшимъ уступкамъ, въ пользу религиозной терпимости и свободѣ вѣроисповѣданій. Это

было, конечно, въ некоторомъ отступленіемъ отъ началъ прежней оберегательной политики, но не состояло въ противорѣчій съ духомъ истиннаго православія, какъ его разумѣли первые отцы и святители нашей церкви. Ими всегда сознавалось, что отправленіе богомоленія, по обрядамъ своей вѣры, составляетъ насущную потребность и для каждаго иновѣрца. Вообще, съ тогдашней точки зрѣнія, только идолопоклонники могли быть тревожимы въ грубыхъ проявленіяхъ ихъ религіозной жизни, выразившихся въ богомоленіи передъ иступанами и домашними богами (пенатами), и то съ возможнымъ избѣжаніемъ употребленія меча и всякаго рода насилій надъ самими людьми. О нарушеніи же покоя другихъ иновѣрцевъ, въ отправленіи ими домашняго богомоленія, по обрядамъ своей вѣры, не было и рѣчи. Если въ древней Руси существовалъ обычай не допускать постройки храмовъ и молитвенныхъ домовъ и такихъ иновѣрцевъ, которые почитали единаго Бога и были даже христіанами, то онъ объясняется необходимостью, въ виду слабой еще степени развитія въ народѣ православія, т. е. обстоятельствомъ *временнымъ*, переходящимъ, и могъ быть терпимъ, когда русскою страной не ощущалась еще настоятельная потребность въ сближеніи съ иноземными странами. Невѣжество народа и религіозное неразвитіе самого духовенства могли быть причиною, что робость къ допущенію въ страну наплыва чужестранцевъ иновѣрныхъ исповѣданій, съ правомъ свободнаго отправленія обрядовъ своей вѣры и построекою для себя храмовъ и молитвенныхъ домовъ, могла существовать и въ святителяхъ церкви временъ Петра, но она не могла существовать въ немъ самомъ, какъ по-

литическомъ дѣятелѣ, которому ближе были извѣстны нужды и потребности государства. Допущеніе или недопущеніе, для иновѣрцевъ, права открытаго отправленія въ русскую странѣ обрядовъ своей вѣры не касалось догматической области православія, внѣ которой, по признанію самой помѣстной нашей церкви, съ первыхъ же временъ ея возникновенія, государство, въ лицѣ нашихъ князей и царей, могло пользоваться полною самостоятельностью. Поэтому, хотя изъ вышесказанной робости нѣкоторые изъ нашихъ святителей и обращались къ Петру, съ совѣтами и внушеніями, относительно соблюденія надлежащей осторожности къ чужеземцамъ иновѣрныхъ исповѣданій, какъ, на примѣръ, св. *Митрофаній Воронежскій*, который, въ своей духовной, завѣщалъ даже ему не оказывать имъ слишкомъ большой благосклонности (Знаменскій, стр. 260); но никто изъ этихъ святителей не дѣлалъ, однако, сказанныхъ внушеній царю въ томъ смыслѣ, что допущеніемъ иноземныхъ людей въ страну и расширеніемъ ихъ религіозныхъ правъ совершались царскою властью отступленія отъ догматовъ вѣры и коренныхъ началъ православія. Это явно доказываетъ, что соблюдавшаяся прежде чрезмѣрная осторожность въ сношеніяхъ съ иновѣрцами имѣла свое основаніе лишь въ *условіяхъ времени*, съ минованіемъ которыхъ, характеръ политики могъ быть измѣненъ, по волѣ и усмотрѣнію державныхъ властителей русской земли, не вызывая никакого упрека и со стороны церкви.

Петръ, въ сознаніи своей независимости, въ этомъ отношеніи, и подчиняясь потребностямъ своего времени, сталъ склоненъ къ признанію за иновѣрцами полнѣйшей

свободы совѣсти, подъ условіемъ непосягательства, съ ихъ стороны, на совѣсть его православныхъ подданныхъ. Это видно изъ его указа 1702 года, въ коемъ сказано: „Совѣсти человѣческой приневоливать мы не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому на его отвѣтственность пещись о спасеніи души своей“. Согласно этому, имъ же было повелѣно отправлявшемуся на сибирскую епархію епископу, *Филофееу Леушинскому*, крестить тамъ инородцевъ только *волею*, не прибѣгая даже къ *поощреніямъ*, чрезъ обѣщаніе различныхъ льготъ и выгодъ. Впрочемъ, эту послѣднюю мѣру, какъ не содержавшую насилія, Петръ не признавалъ вполнѣ бесполезною, по недостатку тогда въ просвѣщенныхъ миссіонерахъ. Вслѣдствіе этого, въ 1720 году, по его же повелѣнію, окрестившимся инородцамъ стали вновь давать льготу отъ податей и свободу отъ рекрутской повинности. При всемъ томъ, Петръ всегда оставался вѣренъ своему взгляду, что, въ дѣлѣ религіи, *сила убѣжденія* есть надежнѣйшее средство, и потому стоялъ твердо на началѣ религіозной терпимости и даже полнѣйшей свободѣ совѣсти. По отношенію къ раскольникамъ, какъ людямъ, отпавшимъ отъ православія, Петръ, какъ извѣстно, былъ строгъ. Онъ обложилъ ихъ *двойною податью*¹ и питалъ къ нимъ нерасположеніе, преимущественно, потому, что видѣлъ въ нихъ противоборниковъ своимъ нововведеніямъ. Но и тутъ онъ былъ склоненъ не касаться свободы ихъ совѣсти и не преслѣдовать ихъ собственно за ихъ вѣрованія. Услышавъ

¹ Такомъ же податемъ были, впоследствии, обложены и евреи, въ концѣ царствованія Екатерины II, когда они состояли уже въ русскомъ подданствѣ.

однажды, что купцы изъ раскольниковъ, вообще, люди хорошіе, онъ сказалъ: „Если они таковы, то по мнѣ пусть вѣруютъ, чему хотятъ, и когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то, конечно, не пособить ни огонь, ни мечъ; а мучениками за глупость быть—ни они той чести не достойны, ни государство пользы имѣть не будетъ“ (Знаменскій, стр. 290).

Изъ этого видно, что въ дѣлахъ вѣры, Петръ отнюдь не руководствовался своими *симпатіями* и *антипатіями* къ тѣмъ или другимъ иновѣрцамъ. Историки наши, какъ мы видѣли, охотно повѣствуютъ объ его *антипатіи къ евреямъ*, основываясь, исключительно, на рассказахъ анекдотическаго характера и не подтверждая ихъ справедливости никакими соотвѣтственными тому чувству мѣрами. Между тѣмъ, фактъ его антипатіи къ *католицизму* имѣетъ за собою несравненно болѣе осязательныхъ доказательствъ. Двукратное изгнаніе изъ Россіи, въ 1689 и 1719 годахъ, іезуитовъ и созданное Петромъ вакхическаго свойства увеселительное собраніе подъ названіемъ *всепустѣйшаго и всепьянѣйшаго* собора, съ царь-папою и кардиналами во главѣ, имѣвшее видимую цѣль публичнаго осмѣянія *католицизма*, служить, кажется, достаточными признаками личнаго къ нему нерасположенія царя. Не взирая, однако, на это, имъ же, впервые, разрѣшено католикамъ публичное отправленіе въ Россіи ихъ богослуженія, чрезъ дозволеніе устройства, въ Нѣмецкой слободѣ, костела. Поэтому, если и не предполагать даже въ Петрѣ особой антипатіи къ евреямъ, а, напротивъ, допустить мысль, что онъ имѣлъ бы къ комунибудь изъ нихъ слабость, такую, напримѣръ, какую

приписываетъ кн. Голицынъ столь строгому и суровому, въ дѣлахъ вѣры, царю, какъ Алексій Михайловичъ, къ придворному его лекарю изъ сыновъ Израиля; то и въ такомъ случаѣ, едва-ли можно сомнѣваться, чтобы Петръ поколебался изгнать изъ Россіи *проживавшихъ въ ней евреевъ*, съ закрытіемъ, для нихъ, доступа въ страну, коль скоро такая мѣра оправдывалась бы, въ его сознаніи, насущными интересами церкви и государства. Между тѣмъ, изъ приведенныхъ въ сочиненіи кн. Голицына и почерпнутыхъ имъ въ архивахъ сивода и сената подробныхъ свѣдѣній объ играющемъ весьма важную роль въ событіяхъ, касающихся сказанныхъ евреевъ, уголовномъ дѣлѣ, по обвиненіямъ нѣкоего *Бороха-Лейбова* и нѣкоторыхъ другихъ его единовѣрцевъ въ разныхъ тяжкихъ преступленіяхъ—видно, что и въ подобныхъ случаяхъ не рождалась въ умѣ Петра мысль объ установленіи *огультныхъ* преслѣдованій противъ лицъ іудейскаго закона, подъ предлогомъ, что всѣ они, вообще, по своимъ вѣрованіямъ, враги Христовы и христіанъ, что всѣ они способны на одни только злодѣянія, и, какъ таковыя, не могутъ, будто, по преданіямъ церкви и русской страны, быть терпимы въ православной странѣ, но должны подлежать поголовному изъ нея изгнанію. Подобная мысль могла рождаться лишь въ умахъ коварныхъ, или суетвѣрныхъ и слабыхъ, но отнюдь не въ такомъ, какъ Петра.

Обстоятельства, касающіяся обвиненій *Бороха-Лейбова*, какъ проливающія довольно яркій свѣтъ на различіе въ образѣ дѣйствія, относительно евреевъ, Петра и послѣдующихъ трехъ императрицъ: Екатери-

ны I, Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны, заслуживаютъ особое вниманіе.

XXII.

Жившій при Петрѣ и казенный при Аннѣ Иоанновнѣ еврей *Борохъ-Лейбовъ*, какъ это видно, между прочимъ, изъ помѣщеннаго въ полномъ собраніи законовъ сенатскаго доклада, съ резолюціей на немъ императрицы Анны Иоанновны, обвинялся собственно по двумъ дѣламъ, которымъ былъ данъ отдѣльный, одно отъ другого, ходъ.

Первое изъ нихъ возникло въ ноябрѣ 1722 года, и слѣдовательно, еще при *Петрѣ Великомъ*, болѣе чѣмъ за два года до его кончины, вослѣдовавшей 28 января 1725 года. Царь скончался далеко не въ преклонныхъ лѣтахъ—ему не было 53 лѣтъ—отъ каменной болѣзни, которая, какъ извѣстно, при недостаткѣ хирургическихъ способовъ и искуснаго хирурга, можетъ причинять скоротечную смерть, но не ослабляетъ умственныхъ и физическихъ силъ, болшею частью, до самаго конца. Петръ слегъ въ постель лишь 19 января 1725 г., т. е. только за девять дней до своей кончины; до того же, —говоритъ Костомаровъ, — „онъ неуспынно занимался своими обычными разнообразными дѣлами, переходя отъ усиленныхъ работъ къ обычнымъ своимъ забавамъ“. 7 мая 1724 года совершена имъ коронація Екаторины I, а послѣ того, въ томъ же году, съ Петромъ произошелъ случай, который свидѣтельствуешь, какъ о присутствіи въ великой душѣ монарха чувства человѣчности къ каждому, кто только въ гла-

захъ его не былъ лицомъ преступнымъ, такъ и о совершенной бодрости его въ физическомъ отношеніи, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины. Отправившись морскимъ путемъ въ Рогервикъ, гдѣ онъ положилъ основаніе длинному молу съ батареей, Петръ, близъ Лахты, замѣтивъ судно, сѣвшее на мель, бросился по поясъ въ воду, чтобы спасти его и находившихся на немъ людей, жертвуя, такимъ образомъ, изъ сказаннаго чувства, своимъ здоровьемъ и даже жизнью, такъ какъ это именно и послужило къ ускоренію развитія недуга, которымъ онъ страдалъ и который былъ причиною его смерти. Изъ этого можно заключить, что за два года до этого происшествія, а именно въ 1722 году, когда возникло дѣло объ упомянутомъ Борухѣ-Лейбовѣ, Петръ обладалъ, въ полной мѣрѣ, своими необычайными силами и столь же необычайными энергіей и стойкостью, въ дѣлахъ гражданскихъ и политическихъ.

Дѣло это, возбужденное въ синодѣ по жалобѣ смоленскихъ мѣщанъ, *Герасима Шилы и Семена Паскина*, не могло относиться къ ряду обыновенныхъ, такъ какъ жалоба ихъ, какъ говоритъ самъ кн. Голицынъ, была необычайная. Въ ней объяснялось, что со времени присоединенія княженія Смоленскаго къ Россіи¹, благочестивая вѣра утверждена была въ Смоленскѣ и во всемъ Смоленскомъ княжествѣ, а „жидовская поганая вѣра искоренена была безъ остатку“, и что благочестіе было безъ помѣшательства „разныхъ вѣръ“ многіе годы. Но бывший вице-

¹ Мы произносимъ эту жалобу такъ, какъ она изложена въ сочиненіи кн. Голицына, который, какъ онъ заявляетъ, просматривалъ въ архивѣ св. синода подлинное, объ этомъ случаѣ, производство.

губернаторъ смоленскій, кн. Василій Гагаринъ, допустилъ жидовъ, пришедшихъ изъ-за литовскаго рубежа, въ кабацкіе и таможенные откупа и во всякіе торги, въ той Смоленской провинціи. Жида эти, размножившись въ Смоленской губерніи, „старозаконіемъ своимъ“ чинять въ простомъ народѣ „смуты и прельщенія“, выхваляя свою вѣру и порицая „благочестивую“, а также „привращая“ въ жидовство, не принимая въ субботу денегъ за свой промыселъ и ничего не работая, и въ наши воскресенья, и Господскіе, и Богородничные праздники, работая и заставляя работать и православныхъ, и тѣмъ отвращая ихъ отъ церкви Божіей; продавая „нечистыя кушанья, оскверненныя мышами и не освященныя молитвою“ и, слѣдовательно оскверняющія уста простого народа. Мало того, одинъ изъ жидовъ, откупщикъ Борхъ-Лейбовъ (Борохъ-Лейбовъ), ругался нашей христіанской вѣрѣ, построилъ, въ дворцовомъ селѣ *Затровичалъ*, жидовскую „школу“ (синагогу, — объясняетъ отъ себя кн. Голицынъ), близъ церкви Николая Чудотворца, въ которой „басурманскую свою вѣру отправляетъ“, и когда священникъ того села, Авраамъ, наставляя правовѣрныхъ христіанъ на истинный путь къ правовѣрью, всякіе ему, жиду, „въ строеніи школы противности въ басурманской ихъ вѣрѣ укоризны чинилъ“, то жидъ Борохъ за оное помянутого священника „былъ смертно и голову испроломилъ и, оковавъ, держалъ въ желѣзахъ“, и потомъ освободилъ; и „отъ того жидова мученія священникъ одержимъ былъ болѣзною, и не освободясь отъ нея умеръ“.

Изъ содержанія жалобы видно, что это былъ доносъ или извѣтъ, направленный къ обвиненію, не только

одного Бороха-Лейбова, но и всѣхъ вообще проживавшихъ въ смоленской провинціи евреевъ, какъ равно и мѣстныхъ властей—въ допущеніи ихъ къ жительству и размноженію въ ней, а бывшаго тамъ вице-губернаторомъ кн. Гагарина — въ поблажкахъ къ нимъ и противозаконномъ допущеніи ихъ къ кабацкимъ и таможеннымъ откупамъ и ко всякаго рода торгамъ и промысламъ. Побудительнымъ поводомъ къ такому доносу, для сдѣлавшихъ его мѣщанъ, *Шилы* и *Паскина*, могло послужить чувство затаенной злобы противъ евреевъ, за торговую и промышленную, съ ихъ стороны, конкуренцію, а еще болѣе противъ Бороха-Лейбова—за оказывавшееся ему довѣріе не только мѣстными властями, но, какъ видно изъ приведенныхъ кн. Голицынымъ данныхъ, и высшими властями, въ самомъ Петербургѣ, такъ какъ названный еврей имѣлъ дѣловыя отношенія съ рекетмейстерской канцеляріей, что было подтверждено и тогдашнимъ генераль-рекетмейстеромъ *Войниковымъ*. Намъ уже извѣстно, что въ Россіи, до и послѣ изданія Уложенія 1649 года, не существовало собственно закона, воспрещавшаго евреямъ право пребыванія въ русской странѣ, съ отправленіемъ въ ней торговъ и промысловъ, исключая евреевъ *польско-литовскихъ*, которымъ, на основаніи договоровъ съ Польшою 1678 и 1686 гг., былъ воспрещенъ пріѣздъ въ Москву, и вообще, дѣлались, изъ торговыхъ цѣлей, разныя притѣсненія. Но сказанные договоры, какъ и принятый образъ дѣйствій, относительно купцовъ, изъ поляковъ и польскихъ евреевъ, легко быть можетъ, утратили, съ единодержавіемъ Петра, свой характеръ и свою силу, такъ какъ нѣтъ свѣдѣній, чтобы договоры тѣ

были возобновляемы лично государемъ, или чтобы воспрещеніе, касавшееся *Москвы*, было распространено Петромъ и на вновь основанную имъ столицу — *Петербургъ*. Формальное заявленіе генераль-рекетмейстеромъ Воейковымъ св. синоду, что еврей Борохъ пріѣзжалъ въ Петербургъ по дѣламъ его канцеляріи, и уваженіе, сдѣланное синодомъ, по просьбѣ Воейкова, объ отдачѣ этого еврея на *поруки*, вмѣсто *личнаго его задержанія* и препровожденія въ Смоленскъ, къ слѣдствію, подъ конвоемъ, даютъ право предполагать, что собственно въ допущеніи пріѣзда и пребыванія Бороха во вновь основанную столицу, для занятій по дѣламъ, ни Воейковъ, ни самъ синодъ, не видѣли ничего законопротивнаго. Что касается пребыванія евреевъ въ Смоленской провинціи, то намъ, равнымъ образомъ, извѣстно уже, что царемъ Алексіемъ Михайловичемъ было разрѣшено евреямъ, находившимся въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, въ нихъ оставаться по своему желанію и не выѣзжать даже оттуда, обратно въ Польшу, безъ царскаго на то соизволенія, и что оставшіеся тамъ евреи не были подвергаемы ограниченіямъ въ правахъ жительства, торговли и промысловъ въ Россіи.

Поэтому, доносъ мѣщанъ Шилы и Паскина, въ той части, въ которой намѣкалось на противозаконное допущеніе евреевъ къ жительству и откупамъ въ Смоленской провинціи, заключалъ въ себѣ одну лишь ябеду на власти. Ябеда эта, какъ и вся жалоба, не могла, конечно, принадлежать собственному перу доносчиковъ, такъ какъ тогдашніе мѣщане, по ихъ общей безграмотности, и держать его не умѣли, но была, по всей вѣ-

роятности, сочинена кѣмъ либо изъ тѣхъ профессиональныхъ сутягъ и доносчиковъ, которыми, по крайнему неустройству того времени, изобиловала тогда Россія и къ искорененію которыхъ Петръ, какъ извѣстно, принималъ столь энергическія мѣры. Еслибъ въ допущеніи евреевъ къ прожизательству въ Россіи и занятію въ ней торгами и промыслами, въ томъ числѣ и откупамъ, скрывалось злоупотребленіе, съ нарушеніемъ тогдашнихъ строгихъ, по части обороны и защиты господствующей церкви, законовъ, то при Петрѣ, судя по изъясненному выше характеру его политическихъ взглядовъ и образа дѣйствія, въ подобныхъ случаяхъ, расправа съ виновными властями, какъ равно и съ евреями, проживавшими въ Россіи, была бы коротка. Кн. Гагаринъ и прочія власти, а также члены камеръ-коллегии и генераль-рекетмейстеръ Воейковъ, были бы подвергнуты суду и наказанію, а незаконно-проживавшіе въ Россіи евреи — немедленно изгнаны изъ нея. Между тѣмъ, изъ приводимыхъ кн. Голицынымъ, съ неприяженною противъ евреевъ цѣлю, самыхъ подробныхъ объ этомъ дѣлѣ свѣдѣній, тщательно собранныхъ имъ въ государственныхъ и правительственныхъ архивахъ, въ томъ числѣ сенатскомъ и синодскомъ, не видно, однако, чтобы, въ этомъ случаѣ, воспослѣдовало что либо подобное. Синодъ, собственно по причинамъ, которыя будутъ объяснены нами ниже, отнесся съ особою строгостью къ дѣлу, касавшемуся евреевъ; онъ распорядился о немедленной сломкѣ устроенной, въ селѣ Звѣровичахъ, евреемъ Борохомъ и его единовѣрцами школы и сожженіи „безъ остатку“ всѣхъ обрѣтавшихся въ ней „прелестнаго ихъ ученія книгъ и про-

чаго“, обратился въ сенатъ съ требованіемъ о разсмотрѣніи дѣйствій князя Гагарина, и прочихъ властей, по допущенію евреевъ къ торгамъ и откупамъ и прожизательству въ Россіи, а также о распоряженіи „дабы всѣ тѣ жида отъ принадлежащихъ въ Россіи торговъ и откуповъ и отъ сообщенія съ православными весьма были отлучены и *никогда бы въ тѣхъ странахъ, гдѣ православныхъ жителство имѣется, никакого имъ пристанища и жителства не было*“, предписалъ указомъ камеръ-коллегіи кабацкіе и прочіе сборы отъ евреевъ отнять и передать „благочестивымъ жителямъ“, и наконецъ, поручилъ смоленскому архіерею Филофею „розыскать со всякимъ прилежаніемъ и истинно, въ какой возможно скорости, какіе сверхъ означенныхъ въ доношеніи (доносѣ мѣщанъ Шилы и Паскина) противныя благочестію отъ оныхъ жидовъ пакости происходили“.

О первомъ требованіи синода—сломеѣ въ с. Звѣровичахъ еврейской школы и сожженіи въ ней книгъ и всего обрѣтающагося—было сообщено архіереемъ Филофеемъ, промеморією, смоленской губернской канцеляріи. Хотя, въ то время, свобода иновѣрныхъ исповѣданій не была уже стѣсняема Петромъ, въ той мѣрѣ, какъ это было до него, но онъ самъ дѣйствовалъ, въ этомъ отношеніи, съ нѣкоторою осторожностью, разрѣшивъ открытое богослуженіе, съ постройкою церквей, только *католикамъ, лютеранамъ и протестантамъ*, и то въ опредѣленныхъ для того мѣстахъ. Изъ этого слѣдуетъ заключать, что въ отношеніи другихъ христіанъ, а тѣмъ болѣе *не-христіанъ*, дѣйствовалъ тогда еще прежній обычный порядокъ, въ силу котораго они

не могли пользоваться такимъ же преимуществомъ. Поэтому, смоленская губернская канцелярія, получивъ отъ Филофея вышесказанную промеморію, не могла поступить иначе, какъ распорядиться о немедленномъ приведеніи въ исполненіе указанныхъ синодомъ, въ отношеніи еврейской школы, мѣръ, какъ вполне соответствовавшихъ господствовавшему порядку. Въ с. Звѣровичи былъ командированъ, вслѣдствіе этого, капралъ *Степанъ Кочкинъ*, который въ точности и выполнилъ возложенное на него порученіе — разорилъ до тла ту школу и сжегъ все найденное въ ней, въ томъ числѣ и книги. Совѣмъ иное произошло, относительно другихъ требованій синода. Самъ кн. Голицынъ объясняетъ, что, въ данномъ случаѣ, синодъ, изъ ревности въ уничтоженію въ религіозной сферѣ народа вліянія еврейства, вмѣшался въ дѣла внутренняго управленія, въ дѣла хозяйственныя и финансовыя гражданскаго вѣдомства. И дѣйствительно, онъ требовалъ отъ сената, кромѣ разсмотрѣнія дѣйствій кн. Гагарина и другихъ властей по допущенію евреевъ въ Смоленскую губернію и по отдачѣ имъ на откупъ таможенныхъ и питейныхъ сборовъ, какъ дѣйствій, являвшихся во взглядахъ синода незаконными, — еще и распоряженій объ отрѣшеніи въ порядкѣ управленія, или, по нынѣшней терминологіи — въ порядкѣ административномъ, отъ сказанныхъ откуповъ проживавшихъ въ Смоленской губерніи евреевъ, а также о высылкѣ ихъ изъ нея, въ то время, когда о нихъ существовалъ одинъ только оговоръ, справедливость котораго ничѣмъ еще не подтверждалась. Мало того, отъ сената требовалось тогда же синодомъ распоряженіе о высылкѣ, не только сказанныхъ

евреевъ, но и *всѣхъ вообще ихъ единоврѣцевъ изъ Россіи*, чѣмъ прямо подана мысль о *поголовномъ ихъ изгнаніи изъ нея*. Одновременно съ этимъ, сиподъ предписалъ, собственною властью, камеръ-коллегіи, указомъ, о немедленномъ отобраніи отъ евреевъ вышеупомянутыхъ откуповъ и передачѣ ихъ, исключительно, людямъ православнаго исповѣданія. Всѣ эти синодскія требованія и мѣры были, въ сущности, незаконными. Намъ уже извѣстно, что въ Россіи, до Петра и при немъ, не существовало закона, безусловно воспрещавшаго евреямъ пребываніе въ русской странѣ и предписывавшаго властямъ изгонять ихъ изъ нея, не допуская къ занятіямъ торгами и промыслами. Поэтому, сенатъ не счелъ нужнымъ выполнить требованіе синода о разсмотрѣніи, въ настоящемъ случаѣ, дѣйствій кн. Гагарина и другихъ властей, какъ дѣйствій въ чемъ либо незаконныхъ; по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній, даже въ просмотрѣнныхъ кн. Голицынымъ архивныхъ дѣлахъ, чтобы кто либо изъ властей, въ томъ числѣ и кн. Гагаринъ, были привлечены къ отвѣтственности, по сказанному дѣлу, или преданы по немъ суду и слѣдствію. Равнымъ образомъ, сенатомъ, въ порядкѣ управленія, не было выполнено синодское требованіе, ни объ отобраніи откуповъ отъ еврея Бороха-Лейбова и другихъ его единоврѣцевъ въ Смоленской губерніи, ни о высылкѣ изъ Россіи, какъ ихъ, такъ и всѣхъ вообще людей іудейскаго закона, за неимѣніемъ, какъ слѣдуетъ полагать, достаточныхъ къ тому законныхъ основаній. Еслибъ сенатъ признавалъ возможнымъ опереться на какое либо изъ нихъ, то, по всей вѣроятности, онъ не поколебался бы въ принятіи сказанныхъ мѣръ, судя

по его собственному настроенію и образу дѣйствія, относительно евреевъ. Одна камеръ-коллегія не осмѣлилась послушаться синодскаго указа, и тотчасъ по его полученіи, сдѣлала, съ своей стороны, распоряженіе объ устраненіи евреевъ отъ таможенныхъ и питейныхъ откуповъ и о передачѣ ихъ православнымъ. Но по всему видно, что распоряженіе это было только на бумагѣ, такъ какъ Борохъ-Лейбовъ не оставлялъ, и послѣ того, содержать въ Смоленской губерніи тѣ откупа, съ товарищами, изъ своихъ единовѣрцевъ, въ *продолженіи всего царствованія Петра*, и даже два года спустя послѣ его смерти, въ царствованіе *Екатерины I*. Кн. Голицынъ объясняетъ это сильною протекціей, какую Борохъ имѣлъ или могъ имѣть въ тогдашнихъ властяхъ. Но такое объясненіе основано на одномъ лишь предположеніи, не подтверждающемся никакими положительными данными и дающемъ только весьма невѣрное историческое понятіе, что будто, при Петрѣ, власти могли дѣлать что имъ угодно. На самомъ же дѣлѣ вѣриѣ и справедливѣе предполагать, что еврей Борохъ-Лейбовъ успѣлъ добиться своихъ правъ, какъ по условіямъ, въ какихъ находилось возбужденное о немъ синодомъ дѣло, такъ и по возможности, какую, и тогда, всѣ ино-вѣрцы, не исключая евреевъ, имѣли отыскивать законную защиту отъ произвола и самоуправства властей.

Не взирая на важность, какая синодомъ была придана извѣстамъ смоленскихъ мѣщанъ, Шилы и Паскина, со-державшимъ, въ сущности, какъ это видно изъ приведенной выше жалобы ихъ, обвиненія, основанныя болѣе на распространенныхъ, въ то время, предрасудкахъ и предубѣжденіяхъ противъ евреевъ и суетвѣріяхъ, чѣмъ

на дѣйствительныхъ фактахъ, еврей Борохъ, при Петрѣ и послѣ него, не былъ отосланъ къ *гражданскому суду* и хотя возбужденное о немъ, по сказаннымъ извѣтамъ, дѣло и было передано въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, но уже въ царствованіе Анны Іоанновны, при которой Борохъ, въ 1738 году, т. е. чрезъ 16 лѣтъ, со времени возникновенія этого дѣла, былъ казненъ по совершенно другому дѣлу, а именно по совокупному обвиненію его съ флота капитанъ-лейтенантомъ Возницынымъ, за совращеніе этого послѣдняго въ іудейство,—дѣлу не менѣе сомнительному и темному. Такимъ образомъ, въ царствованіе Петра, первое изъ этихъ дѣлъ находилось все время въ рукахъ духовнаго вѣдомства и, какъ видно изъ архивныхъ свѣдѣній, показывалось за синодомъ нерѣшеннымъ еще въ 1738 году, т. е. спустя 12 лѣтъ по его началіи, когда уже царствовала Анна Іоанновна. Медленность эта, при всемъ стремленіи синода къ принятію, относительно евреевъ, предначертанныхъ имъ мѣръ, сама собою свидѣтельствуетъ, что оно не привлекало особаго вниманія царя и что обнаруженные духовнымъ слѣдствіемъ факты не говорили въ пользу справедливости обвиненій, какія ввозились на Бороха, по вышеупомянутымъ извѣтамъ. Смоленскимъ архіереємъ Филофеемъ производство слѣдствія было поручено, отъ своего дома, соборному священнику *Никитѣ Васильеву* и *діакону Григорію Никифорову*, которому, замѣтимъ, было присвоено названіе „инквизитора“, столь не свойственное чину древне-русскаго православія и указывавшее, само по себѣ, на проиженіе у насъ уже тогда, въ церковные порядки, образецъ римско-латин-

скаго духа. При этомъ, какъ мы уже имѣли случай сказать, господствовала, тогда, повсемѣстно среди нашего блага духовенства крайняя неразвитость. Нужно полагать, что священникъ Васильевъ и прикомандированный къ нему діаконъ-инквизиторъ Никифоровъ не составляли, въ этомъ отношеніи, исключенія, такъ какъ въ произведенное ими, въ 1723 году, т. е. еще при Петрѣ, слѣдственное дознаніе были включены обвиненія самаго суевѣрнаго свойства, подобныя тѣмъ, какія содержались и въ жалобѣ доносчиковъ Шилы и Паскина. Такъ, на примѣръ, на основаніи показаній мѣстныхъ крестьянъ, старостъ, поповъ и мѣщанъ, а также фискала, по всей вѣроятности—того же инквизитора Никифорова, дававшего направленіе этимъ показаніямъ, дознаніемъ выдавался за достовѣрный фактъ, что Борохъ-Лейба и его жена мучили служившую у нихъ крестьянскую дѣвку, съ цѣлью извлеченія изъ нея руды (женскихъ кровей),—обвиненіе, въ которомъ, какъ справедливо замѣчаетъ, этотъ разъ, самъ еп. Голицынъ, были слышны какъ бы извѣстные мотивы обвиненія евреевъ въ употребленіи христіанской крови; что они же, Борохъ съ женою, продавали, будто, православному народу мертвечину или мясо издохшихъ коровъ, — обвиненіе столь же суевѣрное и, въ среднія времена, въ католическомъ мірѣ, какъ извѣстно, весьма распространенное, которое, въ данномъ случаѣ, могло служить, какъ нельзя лучше, видамъ конкурентовъ Бороха по мясной торговлѣ, къ какимъ могли принадлежать и вышеупомянутые мѣщане, учинившіе на него извѣтъ, и т. п. Такимъ образомъ, приправленное ложью и клеветою слѣдственное производство духовныхъ лицъ

отъ архіерейскаго дома Филофея, который самъ былъ родомъ грекъ, не могло, конечно, вселять, и въ синодѣ, полной къ себѣ довѣрчивости и дать ему рѣшимость доложить дѣло Петру, который, какъ извѣстно, былъ врагомъ суевѣрій, ябедъ, ложныхъ доносовъ и сутяжничества. Этимъ именно и можно объяснить необычайную, и въ то время, медленность по дѣлу, которымъ былъ существенно затронутъ религіозный вопросъ о евреяхъ и которое, повидимому, вслѣдствіе обвиненія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ довольно тяжкихъ гражданскихъ преступленіяхъ, должно было принять болѣе быстрое теченіе. Лучшимъ же доказательствомъ, что не только поголовное изгнаніе евреевъ изъ Россіи, но и такія мѣры, какъ лишеніе, безъ суда, нѣкоторыхъ отдѣльныхъ изъ нихъ личностей права занятія торговлей и промыслами, отнюдь не были въ обычаѣ, ни въ древней Руси, ни при Петрѣ, и что онѣ могли, и въ то время, осуществляться не иначе, какъ на основаніи именныхъ указовъ царской власти, можетъ служить то, что, въ данномъ случаѣ, такіе указы, согласно съ изъясненными настояніями синода, въ дѣйствительности и воспослѣдовали, но только *не при Петрѣ*, а *послѣ него*, въ царствованіе уже *Екатерины I*, когда царская власть сдѣлалась болѣе склонною слѣдовать этого рода внушеніямъ. Такихъ указовъ появилось два. Однимъ, состоявшимся 14 марта 1727 г., было, текстуально, повелѣно слѣдующее: „по Сенатскому доношенію, въ Смоленскомъ уѣздѣ въ Дворцовомъ с. Звѣровичахъ, съ присутствующими къ нему отданные на откупъ таможенные и кабацкіе сборы жи-

дамъ Борху и Лейбову ¹ съ товарищи, по прежнему указу Генваря 1725 года, отъ нихъ отрѣшить, и учиня съ ними жидами по контрактамъ въ томъ расчетъ, выслать ихъ изъ Россіи за рубежъ немедленно, а тѣ сборы отдать на откупъ другимъ, кромѣ жидовъ“; другимъ же, состоявшимся вслѣдъ за первымъ, а именно 20 апрѣля 1727 года, — слѣдующее: „Жидовъ, какъ мужеска, такъ и женска пола, которые обрѣтаются на Украинѣ и въ другихъ Россійскихъ городахъ, тѣхъ всѣхъ выслать вонъ изъ Россіи за рубежъ немедленно и впредь ни подъ какими образы въ Россію не впускать и того предостерегать во всѣхъ мѣстахъ накрѣпко; а при отпускѣ ихъ смотрѣть накрѣпко жъ, чтобы они изъ Россіи за рубежъ червонныхъ золотыхъ и никакихъ Россійскихъ серебряныхъ монетъ и ефимковъ отнюдь не вывели; а буде у нихъ червонные и ефимки или какая Россійская монета явится и за оныя дать имъ мѣдными деньгами“. Такимъ образомъ, оба эти указа соотвѣтствуютъ тѣмъ требованіямъ синода, которыя были выражены имъ въ его постановленіи, состоявшемся еще при Петрѣ, въ 1722 году, по вышеупомянутымъ извѣтамъ на еврея Бороха - Лейбова въ с. Звѣровичахъ, и при царѣ удовлетворенія не получили. Хотя въ первомъ изъ приведенныхъ указовъ дѣлается ссылка на петровскій какъ будто указъ 26 января 1725 года,

¹ Евреи Борхъ и Лейбовъ, по всей вѣроятности, составляли одну и ту же личность и показаны въ указѣ отдѣльно, по какой либо ошибкѣ, такъ какъ первый изъ нихъ именовался Борохъ-Лейбовъ и, какъ это видно изъ состоявшагося, въ 1738 г., при Аннѣ Иоанновнѣ указа, о его казни, былъ именно тотъ, о которомъ было возбуждено дѣло по доводу смоленскихъ мѣщанъ, Шилы и Паскина.

но такого указа, въ подлинникѣ, не имѣется и онъ не розысканъ въ архивахъ даже кн. Голицынымъ. Поэтому, есть полнѣйшее основаніе къ сомнѣнію, чтобы такой указъ, въ дѣйствительности, и существовалъ, и чтобы Петръ могъ лично его подписать за два дня до своей смерти, такъ какъ, по имѣющимся и приведеннымъ выше историческимъ свѣдѣніямъ о болѣзни и кончинѣ государя, извѣстно, что онъ слегъ въ постель 19 числа и государственными дѣлами болѣе не занимался. Но если и предположить, что указъ тотъ былъ и что въ немъ была выражена личная воля Петра, то, во всякомъ случаѣ, нѣтъ основанія приписывать его же волѣ второго изъ упомянутыхъ выше указовъ, коимъ повелѣвалась *поголовная высылка евреевъ* изъ Россіи, такъ какъ въ немъ нѣтъ уже ссылокъ и указаній на какіе либо петровскіе указы и распоряженія. Указъ 26 января 1725 года, мнимый или дѣйствительный, по смыслу указа Екатерины 14 марта 1727 года, могъ содержать верховное распоряженіе только по предмету отобранія отъ Бороха-Лейбова, съ товарищами, откуповъ и высылкѣ ихъ за рубежъ, т. е. въ Польшу, и если такой указъ былъ, то нужно полагать, что онъ остался безъ исполненія, такъ какъ для этой же самой мѣры, черезъ два года, потребовался, вторично, особый именной указъ. Это даетъ право еще болѣе сомнѣваться, чтобы указъ 26 января исходилъ отъ Петра и чтобы этому акту можно было, съ полною достовѣрностью, присвоивать названіе петровскаго. Вѣрнѣе и справедливѣе назвать его *меньшиковскимъ*, такъ какъ извѣстно, что съ того дня, какъ Петръ, на смертномъ уже одрѣ, выпустилъ изъ рукъ бразды правленія,

сталъ орудовать, главнымъ образомъ, свѣтлѣйшій князь *Меньшиковъ*.

Изъ всѣхъ приведенныхъ выше данныхъ и соображеній самъ собою вытекаетъ тотъ выводъ, что Петръ, дѣйствуя, въ дѣлахъ религіи, въ духѣ истиннаго православія и обычаевъ, усвоенныхъ издревле нашими православными государями, былъ, какъ и они, въ своемъ политическомъ образѣ дѣйствія совершенно чуждъ безусловной нетерпимости къ чужеземцамъ различныхъ расъ и вѣръ, въ томъ числѣ и къ *евреямъ*, а слѣдовательно, не былъ и не могъ быть гонителемъ этихъ послѣднихъ, ни изъ-за ихъ *расы*, ни изъ-за ихъ *вѣры*. Измѣнивъ существенно характеръ прежней древне-національной политики нашей тѣмъ, что ввелъ въ нее принципъ международнаго сближенія русской страны съ иноземцами, и положивъ начало къ упроченію, въ политической сферѣ, *религіозной терпимости*, положительнымъ выраженіемъ ея принциповъ въ самомъ законѣ, Великій Преобразователь не могъ имѣть въ своихъ видахъ и предназначеніяхъ установленіе религіозныхъ гоненій противъ евреевъ, какъ и противъ всѣхъ вообще иновѣрцевъ, въ видѣ ихъ поголовныхъ изгнаній изъ страны. Мысль о такихъ изгнаніяхъ была отвергнута имъ, и въ то время, когда учрежденный имъ синодъ подалъ ее и настаивалъ на ней, по поводу возникшаго о евреѣ Борохъ-Лейбовѣ слѣдственнаго дѣла, по извѣстамъ Шилы и Пасвина. Петръ, въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, остался вѣренъ своимъ политическимъ взглядамъ и воззрѣніямъ до послѣднихъ минутъ своей жизни. И такъ, нѣтъ никакого историческаго повода къ предположенію, чтобы мысль о

поголовномъ изгнаніи евреевъ могла лично принадлежать Петру, какъ представителю закончившагося съ нимъ, такъ-называемаго, царскаго періода. Посмотримъ теперь, что же было причиною появленія синодскихъ постановленія и указа, съ требованіями о столь противной духу нашей православной церкви мѣрѣ, и что побудило царствовавшихъ, вслѣдъ за Петромъ, трехъ первыхъ императрицъ явиться столь ревностными ихъ исполнителями?

XXIII.

Авторъ объемистаго сочиненія о евреяхъ, вн. Голицынъ, для котораго были открыты всѣ государственные и правительственные архивы, отказывается отъ разъясненія, что именно послужило ближайшимъ поводомъ къ появленію указа Екатерины I 26 апрѣля 1826 года, положившаго начало восслѣдовавшимъ поголовнымъ изгнаніямъ евреевъ изъ Россіи. Онъ называетъ только эти изгнанія „новыми“—въ смыслѣ повторенія предполагаемыхъ имъ прежнихъ на Руси, подобныхъ же, изгнаній. При этомъ, онъ заявляетъ о сдѣланномъ имъ архивномъ открытіи, что сказанный указъ состоялся на основаніи журнальнаго постановленія верховнаго тайнаго совѣта, которымъ руководилъ свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, и что по его именно *настоянію* (sic) были включены въ тотъ журналъ слѣдующія слова: „Жидовъ въ Россію ни съ чѣмъ не впускать“. Слова эти намъ уже знакомы. Они тѣ самыя, какія, въ смутное время, во время междоцарствія, были измышлены и включены партией русскихъ тушинцовъ въ договорные пункты съ

гетманомъ Жолѣвскимъ, при избраніи на царство королевича Владислава, и не отстаивались вполнѣ даже нашей семибоярщиной, а съ вступленіемъ на престолъ природныхъ нашихъ государей, утратили всякое значеніе, какъ не вводившіяся ими въ законы и не встрѣчавшіяся и прежде, ни въ церковныхъ, ни гражданскихъ нашихъ постановленіяхъ. Изъ этого, какъ равно изъ приведенныхъ нами выше данныхъ о взглядахъ и образѣ дѣйствія Петра I, видно, въ какой степени несправедливо и неумѣстно дѣлаемое вн. Голицынымъ предположеніе, что Меншиковъ могъ быть, въ этомъ случаѣ, вѣрнымъ подражателемъ и ученикомъ великаго монарха нашего, оставившаго безъ исполненія состоявшееся, въ его царствованіе, постановленіе синода, римско-латинскаго духа, о закрытіи евреямъ всякаго доступа въ русскую, православную, страну.

Но здѣсь, главнымъ образомъ, дѣло не въ томъ, какимъ порядкомъ и по чьей инициативѣ данъ ходъ этой мѣрѣ, въ послѣ-петровское время. Меншиковъ-ли, сама-ли императрица, или кто другой возымѣлъ эту мысль—это безразлично. Здѣсь необходимо разяснить, прежде всего, руководствовалась-ли, тутъ, верховная власть, независимо отъ *религіозныхъ*, какими либо *чисто-политическими побужденіями*, которыя оправдывались бы, быть можетъ, неправильнымъ, ошибочнымъ, но все-таки сознаниемъ этою властью *государственной* или *личной* своей пользы отъ изгнанія евреевъ.

Мы видѣли, что въ западной Европѣ императоры и короли прибѣгали къ этой мѣрѣ, преимущественно, съ цѣлью обращенія евреевъ въ доходную для себя статью, Но въ вышеупомянутыхъ указахъ императрицъ не за-

мѣчается никакихъ подобныхъ мотивовъ. Напротивъ, по всему видно, что мѣра эта предпринята въ полномъ сознаниі, что здѣсь приносятся даже въ жертву матеріальныя выгоды страны—*торговля, экономическія и фінансовыя*. Верховной власти не могло не быть извѣстно, что евреи способствуютъ оживленію мѣстной торговли. Объ этомъ дѣлались даже представленія со стороны мѣстныхъ властей, побуждавшія верховную власть смягчать, въ послѣдствіи, принципиально принятую, при Екаторинѣ I, мѣру безусловнаго недопущенія евреевъ въ русскую страну. Это ясно видно изъ указовъ Петра II и Анны Іоанновны, дозволившихъ, для торговли на ярмаркахъ, вновь ихъ прїѣздъ въ Малороссію, въ виду „обывательской въ томъ пользы“¹. Не смотря на это, а также на то, что мѣстныя власти и мѣстное населеніе вовсе не были расположены къ строгому выполненію предписывавшихся мѣръ къ изгнанію евреевъ,—иначе не было бы никакой надобности въ цѣломъ рядѣ подтвердительныхъ именныхъ и сенатскихъ указовъ, съ угрозою „высочайшаго гнѣва“ и „тяжчайшаго даже истязанія“, за всякія, въ этомъ отношеніи, послабленія²,—верховная власть, со временъ Екаторины I, казалось, приняла навсегда за правило держаться сказаннаго образа дѣйствія, относительно евреевъ. Отсутствіе же, при этомъ, всякой утилитарной мысли всего осазательнѣе высказывается въ извѣстной резолюціи Елисаветы Петровны: „отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли“, положенной ею на док-

¹ Ц. С. З., т. VIII, № 5324, ст. 14; т. IX, № 6610, п. 21, и 6614, п. 14.

² Тамъ же, т. XI, № 7673.

ладѣ сената, который, вслѣдствіе усиленных ходатайствъ малороссійскихъ и лифляндскихъ мѣстныхъ властей, представлялъ государынѣ всю невыгоду безусловнаго изгнанія евреевъ изъ Россіи, въ торговомъ и финансовомъ отношеніяхъ, и склонялъ ее, этотъ разъ, и съ своей стороны, въ видахъ государственной въ томъ пользы, къ отмѣнѣ или смягченію установленныхъ противъ евреевъ мѣръ. Нѣтъ также основанія предполагать, чтобы верховная власть руководствовалась тутъ мотивомъ о необходимости принятія настоятельныхъ мѣръ къ оборонѣ и защитѣ господствующей церкви отъ какихъ либо посягательствъ на нее евреевъ. Ничто не указывало на развитіе среди нихъ стремленій къ совращеніямъ въ свою вѣру, подобныхъ тѣмъ, которыя вызвали, при Петрѣ II, упомянутыя выше мѣры противъ магометанъ изъ нашихъ татаръ. Евреи, вообще, не уличались въ склонности къ пропагандѣ и презелитизму. Ни одного случая совращенія и обрѣзанія ими русскихъ людей не было обнаружено и при производствѣ, съ духовной стороны, слѣдствія надъ Борохомъ-Лейбовымъ, по сдѣланнымъ на него извѣтамъ еще при Петрѣ. Хотя тотъ же еврей Борохъ казненъ, впоследствии, по обвиненію его въ совращеніи и обрѣзаніи флота капитанъ-лейтенанта Возницына, и оба они въ 1738 году сожжены за это живьемъ на кострѣ¹, но такой случай — единственный въ русскихъ лѣтописяхъ, и сопровождался онъ обстоятельствами, навлекавшими, и тогда, крайнее сомнѣніе въ справедли-

¹ Казнь эта, какъ видно изъ передаваемыхъ кн. Голицынымъ архивныхъ свидѣній, совершена 15 іюля, т. е. въ день св. Владиміра, въ С.-Петербургѣ, на Адмиралтейскомъ островѣ, близъ Гостиннаго двора.

ности такой казни и самого обвиненія. Казнь состоялась безъ постановленія юстиць-коллегіею и сенатомъ рѣшительныхъ, по дѣлу, сентенцій, по *личной воли* Анны Иоанновны, на основаніи предварительныхъ допросовъ однихъ только обвиняемыхъ—Бороха-Лейбова и Возницына — въ „застѣнкѣ, съ поднятіемъ на дыбу“, т. е. на основаніи допросовъ, до крайности уже пристрастныхъ. По всей вѣроятности, и сама императрица не была убѣждена въ выполненіи ею акта строгаго правосудія и совѣсть ее мучила, такъ какъ ею было сдѣлано распоряженіе—до отъѣзда ея въ Петергофъ „эзекуцію не чинить, а учинить ее послѣ ея отсутствія“. Если и предположить, что Возницынъ дѣйствительно былъ соучастникъ Борохомъ-Лейбовымъ, то единственный этотъ случай не могъ служить достаточнымъ поводомъ къ принятію какихъ либо общихъ мѣръ противъ евреевъ, съ точки зрѣнія обороны и защиты церкви. И дѣйствительно, ни въ одномъ изъ именныхъ указовъ объ изгнаніи евреевъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на подобный мотивъ. Изъ архивныхъ свѣдѣній не видно также, чтобы самъ синодъ опирался на фактъ успѣховъ іудейства среди русскаго народонаселенія. Равнымъ образомъ, нигдѣ не имѣется никакихъ данныхъ, чтобы гоненія на евреевъ, послѣ смерти Петра были воздвигнуты изъ сознанія политической властью ихъ вреда, въ *торговомъ, промышленномъ и финансовомъ* отношеніяхъ. Слѣдовательно, не политическія, а *чисто религіозно-созерцательныя*, побужденія лежали въ основѣ тѣхъ указовъ. Въ нихъ ясно сквозитъ мысль обратить воздвигнутыя на евреевъ гоненія въ мѣру насильственнаго прозелитизма. Это исключаетъ, съ другой стороны, всякую возможность

предположенія, чтобы гоненія эти были предприняты изъ какой либо національной неприязни собственно въ еврейской расѣ. Отсутствие въ принятомъ образѣ дѣйствія всякихъ другихъ реальныхъ, положительныхъ, мотивовъ, кромѣ цѣли насильственнаго обращенія въ православіе, подтверждается, въ особенности, слѣдующими словами елисаветинскаго указа 2-го декабря 1742 года: „Какъ то уже не по однократнымъ предковъ Нашихъ въ разныхъ годахъ, а напоследокъ блаженныя вѣчнодостойныя памяти, вселюбезнѣйшія Матери Нашей Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, въ прошломъ 1727 г., Апрѣля 26 дня, состоявшимся указомъ, во всей нашей Имперіи, какъ въ *Великороссійскихъ*, такъ и *Малороссійскихъ* городахъ Жидамъ жить запрещено; но нынѣ Намъ извѣстно учинилось, что оныя Жиды еще въ нашей Имперіи, а наипаче въ Малороссіи, подъ разными видами, яко то торгами и содержаніями корчемъ и шинковъ жительство свое продолжаютъ, отъ чего не инаго какого плода, но токмо яко отъ таковыхъ *имени Христа Спасителя ненавистниковъ*, нашимъ вѣрноподаннымъ крайняго вреда *ожидать должно*. А понеже Наше Всемилостивѣйшее матернее намѣреніе есть отъ всѣхъ *чаемыхъ* нашимъ вѣрноподаннымъ и всей Нашей Имперіи *случиться могущихъ худыхъ слѣдствій* крайне охранять и отвращать; того для и сего въ забвеніи оставлять Мы нехотя, Всемилостивѣйше повелѣваемъ: изъ всей Нашей Имперіи, какъ изъ *Великороссійскихъ*, такъ изъ *Малороссійскихъ* селъ и деревень, всѣхъ мужеска и женска пола Жидовъ, какого бы это званія и достоинства ни былъ, со объявленія сего Нашего Высочайшаго указа, со всѣмъ ихъ

имѣнемъ немедленно выслать за границу, и впредь оныхъ ни подѣ какимъ видомъ въ Нашу Имперію ни для чего не впускать; *развѣ кто изъ нихъ захочетъ быть въ Христіанской вѣрѣ Греческаго исповѣданія*, таковыхъ крестя, въ Нашей Имперіи жить имъ позволить, только *воиъ изъ Государства уже не выпускать*. А некрещенныхъ, какъ и выше показано, ни подѣ какимъ претекстомъ никому не держать“.

Изъ этого указа ясно усматривается: 1) что его составители, съ цѣлью побужденія императрицы къ твердости и рѣшимости въ такомъ образѣ дѣйствія, относительно евреевъ, извратили въ ея глазахъ представленія о нашей древней національной политикѣ, объясненіемъ, что она дѣйствуетъ, въ этомъ случаѣ, не только согласно съ повелѣніемъ ея матери, Екатерины I, но и по примѣру ея предковъ, такими же, будто, указами неоднократно воспрецававшихъ евреямъ жительство въ разныхъ городахъ Россіи и повелѣвавшихъ ихъ изгнанія изъ нея, собственно за вѣру, какъ ненавистниковъ имени Христа Спасителя; тогда какъ намъ положительно уже извѣстно, что указъ Екатерины I 26 апрѣля 1727 г., о такой мѣрѣ, есть первый, въ своемъ родѣ, со временъ Св. Владиміра; 2) что въ данномъ случаѣ, политическимъ мотивомъ къ изгнанію евреевъ представляется указомъ не *воспослѣдовавшій уже* отъ евреевъ какой либо, для интересовъ церкви, общества и государства, фактической вредъ, но только „чаемый“, т. е., могущій воспослѣдовать, т. е., другими словами, *воображаемый*, вслѣдствіе религіозныхъ предубѣжденій и предразсудковъ противъ лицъ іудейскаго закона, и 3) что императрица не отклонялась отъ распространен-

нія, и на *евреевъ*, своихъ материнскихъ чувствъ, не взирая на ихъ еврейское происхожденіе или расу, но только подъ условіемъ, чтобы ими было *принято крещеніе, по закону христіанской вѣры греческаго исповѣданія* и чтобы они, засимъ, изъ Имперіи уже не выѣзжали. Изъ этого очевидно, что въ основаніи предначертанной мѣры ихъ изгнанія лежала, исключительно, религиозная мысль ихъ обращенія въ православіе, и притомъ, не силою уже убѣжденія и поощренія, какъ это дѣлалось въ древней Руси, но путемъ *насилія и принужденія*, т. е. мѣрами, выходившими далеко изъ крайнихъ предѣловъ, какіе допускались нашими православными князьями и государями, въ дѣлѣ привлеченія иновѣрцевъ въ лоно православной церкви.

Причину такого отступленія названныхъ императрицъ отъ коренныхъ началъ нашей древне-національной политики нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ измѣненіемъ религиозныхъ понятій о томъ, въ чемъ именно должно заключаться *истинное христіанское благочестіе*, по отношенію къ живущимъ въ странѣ иновѣрнымъ людямъ, исповѣдующимъ прирожденную имъ религію, въ томъ числѣ и къ *евреямъ*.

Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, что съ воцареніемъ Екатерины I, стали преобладать въ нашей политической сферѣ, въ особенности, по отношенію къ евреямъ, взгляды и понятія о христіанскомъ благочестіи, весьма сходныя съ *римско-латинскими*. Откуда же взялось такое ихъ преобладаніе, когда дотолѣ его на Руси не существовало, какъ нѣчто претившее духу, и нашей церкви, и мудрой политикѣ православныхъ нашихъ государей?

XXIV.

Для того, чтобы разъяснить настоящія причины этого явления, навлекшаго мимолетную тѣнь на одну изъ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ нашей политической жизни, необходимо вникнуть, нѣсколько ближе, въ положеніе нашей церкви и личнаго состава ея іерархическихъ властей, со временъ Петра I.

Главнѣйшею хранительницею чистоты православія была, сперва, до и даже послѣ подпаденія юго-западныхъ частей Руси подъ владычество Польши, Киево-Печерская лавра, изобиловавшая иноками, отличавшимися святостью жизни и человѣколюбіемъ, подражая въ томъ угодникамъ печерскимъ, препод. Антонію и Θεодосію. Но духовенство, вообще, требовало соотвѣтственнаго своему званію образованія. Центромъ этого послѣдняго, до самаго Петра I, былъ опять же Кіевъ. Въ XVII столѣтіи, извѣстный святитель нашъ, митрополитъ Петръ Могила, изъ еллино-словенской школы луцкаго братства, образовалъ кіевскую коллегію, положившую начало тогдашней духовной академіи. Но, къ сожалѣнію, еще до того, въ русскую среду, на юго-западѣ, стала, въ значительной степени, проникать латинскій духъ, приобретающій сильную поддержку въ Уніи. Костомаровъ пишетъ, что, въ то время, распространившееся въ юго-западной Руси польское вліяніе было такъ велико, что русскіе люди, ратуя за свою вѣру, писали по польски¹. Это не могло не коснуться вышеупомянутой духовной коллегіи. Подъ такимъ вліяніемъ стали вырабатываться

¹ Житіеописаніе Петра Могилы, стр. 67.

личности изъ нашего духовенства, которыя, будучи сами пропитаны латинизмомъ, стремились привлечь къ нему и другихъ. Мы видѣли, въ какомъ духѣ писалъ обучавшійся къ кievской коллегіи южно-русскій монахъ Галатовскій. Мало-по-малу такими духовными сталъ наполняться личный составъ іерархической власти и въ Великороссіи. Съ тѣмъ вмѣстѣ, проникли въ ея духовную область и римско-латинскіе взгляды, по многимъ предметамъ, относящимся къ религиозно-политической сферѣ. Такъ, напримѣръ, *Симеонъ Полоцкій*, воспитанникъ кievской школы, усердный, по выраженію пр. Знаменскаго, собиратель чужихъ мнѣній, принесъ съ собою въ *Москву*, исключительно, *латинское образованіе*. Греческаго языка онъ совсѣмъ не зналъ. Епифаній Славинецкій, хотя тоже изъ южно-русскаго духовенства, но оставшійся вѣренъ православію, изобличалъ Полоцкаго въ *латинскомъ направленіи* и указывалъ, что въ основу его сочиненія „Вѣнца Вѣры“ положенъ не никейскій, а мнимоапостольскій *католическій* символъ. Тогдашній патріархъ нашъ, *Іоакимъ*, обвинялъ Полоцкаго въ „хлѣбопоклонической ереси“, называлъ его „Вѣнецъ Вѣры“ вѣнцомъ изъ „западнаго тернія сплетеннымъ“. Между тѣмъ, дѣти царя Алексія Михайловича, царь Теодоръ, Іоаннъ и Софія, были его воспитанниками. По стопамъ Полоцкаго шелъ ученикъ его *Сильвестръ Медвѣдевъ*, смотритель Заиконоспасскаго монастыря въ Москвѣ. Вслѣдствіе этого, завязалась въ Великороссіи даже ученая борьба между представителями *православія* и *латинизма*, къ которой со стороны перваго, какъ извѣстно, проявили столь выдающуюся дѣятельность *Евфимій* и братья *Ли-*

худы. Но *латинизмъ*, имѣя за собою ученость того времени, дѣлалъ, тѣмъ не менѣе, успѣхи въ *московской* Руси и проникалъ въ среду тамошняго духовенства. Дошло до того, что нѣкій дьяконъ, *Петръ Артемьевъ*, ѣздившій въ Венецію, сталъ, по возвращеніи оттуда, проповѣдывать *латинскія* убѣжденія, съ церковной даже кафедрой, за что и былъ сосланъ въ Соловки. „Іерусалимскій патріархъ Досифей, — говоритъ Знаменскій, — давно уже слѣдилъ за *успѣхами латинской науки въ Россіи* и нѣсколько разъ писалъ въ Москву предостереженія противъ *кіевскихъ ученыхъ*“...

Находясь, съ юныхъ лѣтъ, подъ вліяніемъ зародившихся въ Нѣмецкой слободѣ иновѣрныхъ элементовъ, царь Петръ, — какъ пишетъ Знаменскій, — „религіозное воспитаніе получилъ ни въ *кіевскомъ духѣ*, ни въ духѣ *великорусскаго древняго благочестія*“. Тѣмъ не менѣе, онъ явился государемъ въ духѣ прежнихъ нашихъ царей, ревностнымъ защитникомъ господствующей православной церкви. Но предпріятыя имъ реформы нуждались въ содѣйствіи духовенства изъ лицъ просвѣщенныхъ. Въ этомъ отношеніи, *великорусскіе* святители, большею частью, не могли удовлетворять царя. За исключеніемъ нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, *Митрофанія Воронежскаго, Дмитрія Ростовскаго, Тихона Казанскаго, Іова Новгородскаго*, которые, болѣе или менѣе, относились сочувственно къ реформеннымъ идеямъ Петра; всѣ прочіе, съ патріархомъ *Андріаномъ* во главѣ, по ихъ непріязни ко всякимъ нововведеніямъ, не могли соотвѣтствовать его видамъ. Въ *южнорусскомъ* духовенствѣ, получавшемъ образованіе въ кіевской коллегіи, какъ усвоившемъ болѣе современныя идеи, Петръ, есте-

ственно, видѣлъ и болѣе вѣрныхъ, надежныхъ и энергичныхъ сотрудниковъ, по части предпринятыхъ имъ преобразованій. Вслѣдствіе этого, онъ сталъ отдавать имъ предпочтеніе при замѣщеніи епископскихъ кафедръ и другихъ высшихъ іерархическихъ должностей. Упразднивъ по смерти Андріана, въ 1700 году, патриаршій престолъ, онъ предоставилъ первенство въ русской церкви извѣстному *Стефану Яворскому*, автору „*Камня Вѣры*“, наименовавъ его—блюстителемъ патриаршаго престола. Между тѣмъ, святитель этотъ былъ духа далеко не православнаго. „Въ своихъ рѣчахъ и писаніяхъ,—говоритъ Знаменскій,—онъ увлекался *латинскими* образцами и источниками“. Своими воззрѣніями на отношенія государства къ церкви, которая, по его мнѣнію, должна была имѣть, по примѣру римско-католической, *единоличное управленіе*, онъ навлекалъ на себя подозрѣніе и самого царя. Во время мѣстоблюстительства Яворскаго, было предпринято преобразованіе московской духовной академіи на началахъ *латинскихъ*, и на этихъ же началахъ были основаны устраивавшіяся тогда, епархіальныя школы. Еллино-славянское образованіе совсѣмъ почти исчезало у насъ. Въ пристрастіи къ *латинизму* упрекалъ Яворскаго и іерусалимскій патриархъ Досіеѳей. Но намъ кажется, что Яворскій ярче всего изобличалъ себя римско-латинскимъ пастыремъ въ душѣ своими стремленіями привить къ православію совершенно чуждый ему фанатизмъ, отличительную черту котораго составляетъ отсутствіе чувства челоувѣчности и правильности воззрѣній на сущность истинно христіанскаго благочестія. въ дѣлѣ отношеній къ людямъ, изъ за религіозныхъ вѣрованій.

Въ упомянутомъ твореніи своемъ „Камень Вѣры“, которое Петръ, именно въ виду замѣчавшагося въ немъ фанатическаго настроенія, къ печати и изданію въ свѣтъ не разрѣшилъ, Яворскій усиливался, между прочимъ, распространить мнѣніе о правѣ церкви, изъ благочестивой цѣли христіанскаго душеспасенія, *казнить смертью всѣхъ еретиковъ*. При этомъ Яворскій вооружался, въ особенности, противъ протестантизма, изъ чего можно заключить, что іудейство должно было являться, съ его точки зрѣнія, еще болѣе богоотступническимъ и заслуживающимъ безсердечныя отношенія къ его послѣдователямъ. Такимъ образомъ, авторъ „Камня Вѣры“ считалъ камнемъ христіанскаго благочестія—душеспасеніе людей, не столько силою *внутренняго убѣжденія*, сколько силою *внѣшняго принужденія*, подобно пастырямъ римско-католической церкви, средне вѣкового времени. Фанатизмъ, совершенно латинскаго духа, онъ имѣлъ случай выказывать и на самомъ дѣлѣ. Въ 1713 году, онъ съ яростью преслѣдовалъ двѣ весьма скромныя, по ихъ званію, личности, лекаря *Дмитрія Тверетинова* и цирульника *Θому Иванова*, увлекшихся протестантскими вѣрованіями и обвинявшихся въ еретичествѣ, въ числѣ другихъ появившихся, тогда, въ Москвѣ, подобныхъ же еретиковъ. Въ сущности, дѣло это было пустое; такимъ считалъ его и самъ Петръ. Но патриаршій мѣстоблюститель счелъ нужнымъ дать дѣлу такое направленіе, что одинъ изъ этихъ обвиняемыхъ—цирульникъ *Ивановъ*—былъ сожженъ живымъ на кострѣ, за что Яворскій и получилъ формальный выговоръ отъ царя, черезъ сенатъ.

Съ такими инквизиціонными наклонностями, шедшими въ разрѣзъ съ истинно-православными понятіями о христіанскомъ благочестіи, Яворскій занялъ мѣсто президента въ учрежденномъ Петромъ св. синодѣ. Это было всего за годъ и 10 мѣсяцевъ до возбужденія, въ ноябрѣ слѣдующаго 1722 г., дѣла о вышеупомянутомъ еврей *Борохъ-Лейбовъ*. Яворскій умеръ именно въ этомъ году, но неизвѣстно въ какомъ мѣсяцѣ, а потому нельзя въ точности сказать — участвовалъ-ли онъ въ *синодскомъ постановленіи*, коимъ столь настоятельно требовалось, между прочимъ, отъ свѣтской власти, немедленное принятіе мѣръ въ *поголовному изгнанію* изъ Россіи всѣхъ проживавшихъ въ ней евреевъ. Но судя по существу этого постановленія и характеру другихъ главныхъ духовныхъ личностей, входившихъ тогда въ составъ синода, можно безошибочно сказать, что въ этой коллегіи, и послѣ смерти Яворскаго, царилъ, первоначально, тотъ же духъ, какой былъ и въ немъ, т. е. далеко не истинно-православный.

Вакантное синодальное послѣ Яворскаго мѣсто было замѣщено извѣстнымъ *Теофилактомъ Лопатинскимъ*, такимъ же, какъ и онъ, воспитанникомъ кіевской школы и поклонникомъ латинизма. Старшимъ членомъ синода былъ посвященный въ новгородскіе митрополиты, *Теоодосій Яновскій*, а третьимъ вліятельнымъ членомъ его былъ любимецъ Петра—знаменитый *Теофанъ Прокоповичъ*.

Знаменскій говоритъ, что въ числу другихъ святителей, которые примыкали къ Яворскому, по единству образованія и направленія, принадлежалъ и Теофилактъ Лопатинскій. Это подтверждается, какъ тѣмъ, что это

онъ, по кончинѣ Петра, издалъ, вопреки его велѣнію, дышащее римско-латинскимъ фанатизмомъ твореніе Яворскаго „Камень Вѣры“, за что, отчасти, и пострадалъ въ послѣдствіи, такъ и тѣмъ, что онъ былъ ревностнымъ сотрудникомъ Яворскаго въ преслѣдованіи московскихъ еретиковъ, въ томъ числѣ и живьемъ сожженнаго циркульника Оомы Иванова.

Нѣтъ также основанія предполагать, чтобы оставшія по смерти Яворскаго старшимъ синодальнымъ членомъ — *Теодосій Яновскій* не поддавался чувству общественной непріязни къ евреямъ и инымъ иновѣрцамъ, изъ-за ихъ религіи. Знаменскій говоритъ, что Яновскій имѣлъ весьма свободный взглядъ на религіозные предметы, но едва-ли можно это понимать въ смыслѣ какой либо терпимости къ послѣдователямъ иновѣрныхъ религій и уваженія къ свободѣ ихъ совѣсти, изъ сознанія, что въ этомъ именно и заключается христіанское благочестіе, по отношенію къ нимъ, въ духѣ истинно-православномъ. По словамъ же Знаменскаго, религіозныя убѣжденія Яновскаго были весьма шатки; онъ велъ совершенно свѣтскую жизнь, производившую соблазнъ въ великорусскомъ духовенствѣ, которое, — присовокупимъ съ своей стороны, — было хотя и менѣе посвящено въ богословскую схоластику кievской школы, но за то было болѣе благочестивымъ, по своимъ человѣческимъ чувствамъ къ людямъ иновѣрныхъ религій. Мы имѣли уже случай сказать, что въ примѣненіи ими этихъ чувствъ, на дѣлѣ, такіе фанатики кievской школы, какъ монахъ Галятовскій и другіе, а также вторившій имъ историкъ нашъ Костомаровъ, видѣли религіозную распущенность и равнодушное, сравнительно съ фана-

тическимъ настроеніемъ римско-латинскаго духовенства, отношеніе къ дѣламъ вѣры. Между тѣмъ, ошибочность этого мнѣнія подтверждается образомъ воззрѣній, какъ первыхъ отцовъ нашей церкви, такъ равно и такихъ святителей временъ Петра, какъ св. *Митрофаній Воронежскій* и св. *Димитрій Ростовскій*. Хотя первый изъ нихъ былъ изъ числа тѣхъ, которые внушали Петру воздерживаться отъ нововведеній, расширявшихъ чрезмѣрно права иновѣрныхъ исповѣданій, но въ этомъ нельзя видѣть общественной нетерпимости къ нимъ, пылавшей фанатизмомъ и побуждавшей къ жестокимъ ихъ преслѣдованіямъ и изгнаніямъ. Совѣты и внушенія св. *Митрофанія* отнюдь не носили на себѣ характера возбужденія царя и народа, ни противъ чужеземныхъ иновѣрцевъ, ни противъ тѣхъ, которые обитали въ Россіи, съ цѣлью воздвигнуть на этихъ послѣднихъ религіозныя гоненія. Онъ не побуждалъ верховную власть къ принятію какихъ либо особыхъ мѣръ строгости, и относительно евреевъ, въ смыслѣ выполненія этимъ долга христіанскаго благочестія. Ничего подобнаго не приходило на мысль и другому современному Петру Великому святителю нашему, св. *Димитрію Ростовскому*, который хотя былъ тоже кievской школы, но, по своей подвижнической жизни и религіозному направленію, пребывалъ во всей чистотѣ православія. Оберегая строго это послѣднее, онъ, въ то же время, не питалъ въ себѣ, не питалъ и въ другихъ, чувства общественной непріязни къ иновѣрцамъ; подобно св. *Теодосію*, онъ совѣтовалъ сынамъ своей паствы только избѣгать ихъ, т. е. не сближаться съ ними, не вступать съ ними въ словопренія, но былъ далекъ отъ мысли, чтобы христі-

анское благочестіе могло заключаться въ насиліяхъ и безчеловѣчяхъ надъ иновѣрцами. „Его историческое направленіе, — замѣчаетъ Знаменскій, — было чуждо схоластики кіевской школы, душа его была полна благочестія и христіанской любви“.

Совсѣмъ противоположное представлялъ собою *Θεοδосій Яновскій*, по своему образу жизни и характеру. Онъ велъ вполне свѣтскую жизнь и окружалъ себя роскошью. Властолюбіе, тщеславіе, корыстолюбіе, крайняя раздражительность, въ случаяхъ малѣйшаго оскорбленія его самолюбія¹ — составляли отличительныя черты его характера и были главною причиною его гибели: еще Петръ лишилъ его своего довѣрія, а въ царствованіе Екатерины I, онъ лишенъ сана и сосланъ въ Корельскій монастырь. Въ такомъ духовномъ пастырѣ нельзя, конечно, предполагать свѣтлыхъ понятій объ истиннохристіанскомъ благочестіи и правильныхъ взглядовъ на него въ дѣлахъ, касавшихся гражданскаго положенія иновѣрцевъ въ странѣ, особенно, когда рѣчь шла о евреяхъ.

Что касается, наконецъ, духовной личности третьяго, по смерти Яворскаго, вліятельнаго члена синода, участвовавшаго въ постановленіи объ изгнаніи евреевъ изъ Россіи — *Θεοφана Прокоповича*, то въ настоящее время, и ей сдѣлана надлежащая оцѣнка. При всѣхъ своихъ блестящихъ дарованіяхъ и несомнѣнныхъ заслугахъ, по части образованія духовенства, онъ тоже далеко не походилъ на благочестивыхъ святителей нашей церкви. Можно сказать, что онъ даже превзошелъ Яновскаго

¹ Знаменскій, стр. 304 и 305.

въ мірскомъ тщеславіи, хотя, конечно, былъ ловче и предусмотрительнѣе его. Намекая на это, Знаменскій говоритъ, что „онъ жилъ въ то время, когда въ жизни дѣйствовали не право и мораль, а слѣпой инстинктъ самосохраненія“. Изъ костомаровскаго жизнеописанія Прокоповича видно, что онъ сынъ кіевскаго купца, на 17-мъ году былъ помѣщенъ въ польское училище, совращенъ съ православія, принялъ унію и поступилъ въ монахи. Будучи въ Римѣ, онъ находился тамъ подъ вліяніемъ іезуитовъ. Хотя Костомаровъ пишетъ, что Прокоповичъ, не взирая на это, не усвоилъ себѣ „папистической нетерпимости“, сдѣлался, впоследствии, православнымъ и даже сталъ ревностно обличать лубавство и фальшивость іезуитовъ; но есть много основаній заключать, что въ глубинѣ души онъ не былъ пастыремъ истинно-православнымъ и что его воззрѣнія на христіанское благочестіе, во многомъ, расходились съ воззрѣніями первыхъ отцовъ и святителей церкви. Онъ не могъ достигнуть ихъ чистоты уже потому, что вся его архипастырская дѣятельность не носила на себѣ характера истинно-христіанскаго подвижничества. Онъ вращался въ свѣтѣ болѣе какъ мірянинъ, чѣмъ какъ носитель креста. Онъ былъ необычайно богатъ, обладалъ лично 16,000 крестьянскими душами, получалъ громадныя доходы съ своихъ и каедральныхъ имѣній, имѣлъ 4 дома въ столицахъ, мызу около Стрѣльны, держалъ большую свиту, — хотя, замѣтимъ, въ сочиненномъ имъ Духовномъ Регламентѣ онъ, въ то же время, проводилъ мысль о несообразности такой свиты съ епископскимъ званіемъ, — устраивалъ большіе приемы и, вообще, окружалъ себя роскошною обстановкой вель-

можъ XVIII вѣка (Знаменскій, стр. 314). По всему видно, что онъ разыгрывалъ роль *римско-латинскихъ прелатовъ*. Прощать личнымъ своимъ врагамъ не было отличительною его чертой. Это видно, между прочимъ, изъ того, что въ царствованіе Анны Іоанновны, которую онъ и короновалъ, онъ не только не отвращалъ, но побуждалъ къ производству тогдашнею тайною канцеляріей страшныхъ, сопровождавшихся безчеловѣчными пытками, розысковъ надъ судьбою архіерейскаго дома своей псковской епархіи, *Маркелломъ Родышевскимъ* и монахомъ *Іоною*, по одному лишь подозрѣнію въ составленіи ими противъ него подметныхъ писемъ. Онъ также далеко не былъ безучастенъ въ обвиненіи и арестѣ своихъ коллегъ, по синоду, Яновскаго и Теофилакта Лопатинскаго, который, впоследствии, подвергнулся даже пыткѣ. Облеченный епископскимъ званіемъ пастырь Христовой церкви, который, вмѣсто любви и состраданія, питалъ въ себѣ чувство мщенія и, увлекаясь имъ, не только не отвращалъ, но побуждалъ власть къ безчеловѣчіямъ надъ тѣми, кого онъ признавалъ личными своими врагами, едва-ли можетъ быть названъ истинно-православнымъ пастыремъ. Для того, чтобы судить насколько, вообще, жизнь Теофана Прокоповича не походила на образцы жизни нашихъ истинно-православныхъ подвижниковъ церкви Христовой, изъ великорусскихъ святителей XVIII же вѣка, мы можемъ указать, между прочимъ, на примѣръ—*св. Тихона Задонскаго*, епископа Воронежскаго, жившаго при Екатеринѣ II. „Въ своихъ сочиненіяхъ,—говоритъ пр. Знаменскій,—онъ съ глубокою практическою мудростью развивалъ идеалъ истиннаго подвижничества, а своею

жизнею ясно показали возможность осуществленія такого идеала“. Еще до своего добровольнаго заключенія въ Задонскомъ монастырѣ, гдѣ святитель отказался отъ всякой начальственной власти, онъ отличался необыкновенною простотою жизни и подвижничествомъ. Онъ былъ смиренномудръ и сердце его было преисполнено любвеобиліемъ, даже къ тѣмъ, которыхъ онъ считалъ зараженными еретическими заблужденіями. Передается случай, что „однажды въ гостяхъ у знакомыхъ, онъ вступилъ въ бесѣду съ какимъ-то дворяниномъ-вольтеріанцемъ, и кротко, но такъ сильно, сталъ опровергать его, что гордый человѣкъ вышелъ изъ себя и далъ ему пощечину. Святитель тутъ же упалъ ему въ ноги съ мольбой о прощеніи, и этимъ такъ на него подѣйствовалъ, что онъ съ тѣхъ поръ сдѣлался хорошимъ христианиномъ“ (Знаменскій, стр. 367). Совсѣмъ, какъ видно, былъ иныхъ правилъ Теофанъ Прокоповичъ. Въ немъ сидѣлъ, несомнѣнно, духъ гордый, *латинско-іезуитскій*, хотя и глубоко затаенный. При такомъ внутреннемъ своемъ состояніи, нельзя допустить мысли, чтобы онъ могъ вполне сознавать, въ чемъ именно должно заключаться *христіанское благочестіе*, въ дѣлѣ религиозно-общественныхъ отношеній къ обитавшимъ въ Россіи иновѣрцамъ, особенно *іудейскаго закона*, которые, въ то время, всюду еще на Западѣ, какъ въ католическихъ, такъ и протестантскихъ странахъ, покупали на вѣсъ золота свое право на болѣе или мѣнѣе спокойное существованіе въ нихъ. Зная Петра и его царственные взгляды на отношенія къ иновѣрцамъ, хотя бы и еврейскаго исповѣданія, Теофанъ Прокоповичъ едва-ли рѣшился бы лично предложить царю мѣру

поголовнаго изгнанія евреевъ изъ государства, не только съ корыстною цѣлью извлеченія изъ этого какой либо денежной для казны пользы, но даже въ видѣ выполненія акта христіанскаго благочестія. Но въ коллегіальномъ составѣ синода, гдѣ засѣдали тогда іерархи такіе же, по внутреннему настроенію, какъ и онъ самъ, онъ могъ дѣйствовать рѣшительнѣе и подать сильный и краснорѣчивый свой голосъ, въ пользу родившейся среди нихъ латинско-іезуитской мысли о водвореніи въ религіозно-политической сферѣ православной Руси *безусловной нетерпимости* къ лицамъ іудейскаго закона, и притомъ съ совершенно спокойною совѣстью, въ убѣжденіи, что эта мѣра предписывается долгомъ христіанскаго благочестія. Протестантизмъ, котораго Прокоповичъ открыто не порицалъ, въ виду расположенія Петра къ лютеранамъ и протестантамъ, служилъ ему, въ этомъ случаѣ, подспорьемъ, такъ какъ въ странахъ, гдѣ господствовало вѣроученіе Лютера, Кальвина и другихъ отрицателей преданій вселенской церкви, положеніе евреевъ, какъ мы знаемъ, было не лучше, чѣмъ въ католическихъ.

Этимъ, кажется, вполне и объясняется состоявшаяся, впервые послѣ Владиміра Святаго, въ нашей *церковной области*, актъ безусловной нетерпимости къ евреямъ, выраженный въ синодальномъ постановленіи 1722 г., по голословнымъ извѣтамъ мѣщанъ Шилы и Пасвина на еврея Бороха-Лейбова и его товарищей. Синодъ, въ лицѣ сказанныхъ іерарховъ, подобно помѣстнымъ латинскимъ соборамъ, временъ вестготовъ и первыхъ французскихъ королей, требовалъ, въ этомъ случаѣ, отъ свѣтской власти, въ видѣ выполненія долга

христіанскаго благочестія, немедленнаго изгнанія изъ Россіи, не только обвинявшихся, по одному наговору, *отдѣльныхъ личностей* изъ евреевъ, но и *всѣхъ ихъ вообще*, „дабы . . . въ тѣхъ странахъ, — сказано въ постановленіи, — гдѣ православныхъ жительство имѣется, *никакого имъ пристанища и жительства не было*“. Одни эти выраженія свидѣтельствуютъ уже достаточно о римско-латинскимъ складѣ ума и возврѣній засѣдавшихъ въ синодѣ іерарховъ. Между тѣмъ извѣстно, что, по установившемуся, съ самыхъ первыхъ временъ пріятія Русью христіанства, обычаю, державшемуся твердо, въ теченіи *восьми вѣковъ*, православнымъ воспрещались, исключительно, одни только *домашнія общенія* съ некрещеными людьми, въ томъ числѣ и съ *евреями*. Но здѣсь появляется, внезапно, совершенно новый запретъ—запретъ православнымъ имѣть съ ними всякаго рода сношенія и *внѣ* домашнихъ общеній. Это было почти-что средневѣковое лишеніе евреевъ огня и воды, какъ людей отверженныхъ и стоящихъ внѣ закона. Такая мѣра, въ сущности, не находила никакого освященія, ни въ церковныхъ, ни гражданскихъ законахъ православной Руси, не имѣла ничего общаго съ ними и носила на себѣ рѣзкій отпечатокъ папскихъ буллъ и постановленій помѣстныхъ римско-католическихъ соборовъ, столь покорными исполнителями которыхъ являлись на Западѣ представители верховной власти, пока не придумали средства къ обходу этихъ фанатическихъ велѣній, чрезъ обращеніе права евреевъ на жизнь въ доходную для себя статью. Трудно сказать насколько іерархи, подписавшіе вышесказанное синодальное постановленіе, вѣрили сами, что оно

было дѣйствительно явтомъ христіанскаго благочестія; но легко допустить мысль и объ ихъ искренности, въ этомъ случаѣ, такъ какъ всѣ они по своему духу не были истинно православными святителями. Соборный ихъ приговоръ не могъ бы найти сочувствія и въ прежнихъ православныхъ государяхъ нашихъ. По извѣстнымъ уже намъ, искони установившимся на Руси, отношеніямъ къ церкви державныхъ представителей верховной власти, никто изъ нихъ, не исключая Грознаго, не явился бы слѣпымъ и покорнымъ исполнителемъ такого церковнаго требованія, какъ поголовное изгнаніе евреевъ или другихъ иновѣрцевъ изъ страны, собственно за исповѣданіе ими своей прирожденной религіи. Но тогда, по характеру нашихъ отношеній къ чужеземцамъ, вообще, господствовало у насъ еще узко-оберегательная политика. Съ Петромъ же и его реформамн наступила для Россіи новая эпоха—эпоха возрожденія. Въ Великомъ Преобразователѣ царила мысль не разобщенія, а сближенія съ народностями, помимо ихъ вѣры и расы, помимо его личныхъ симпатій или антипатій, къ той или другой изъ нихъ. Вслѣдствіе этого, сказанная мѣра относительно евреевъ, съ религіозно-политической точки зрѣнія, могла встрѣтить въ немъ, какъ въ православномъ царѣ, еще менѣе сочувствія. Повидимому, ему не осмѣливались даже докладывать о требованіи, выраженномъ въ синодальномъ постановленіи. Если же и допустить предположеніе, что сенатъ, не рѣшившійся, какъ намъ извѣстно, привести это требованіе въ исполненіе собственною властью, входилъ по этому предмету съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, то нужно допустить и то, что предложенная синодомъ мѣра была Петромъ безусловно отвер-

гнута, такъ какъ нѣтъ слѣдовъ о его соизволеніи на нее. Приписываемый ему указъ 26 января 1725 г., если только онъ дѣйствительно состоялся, могъ имѣть своимъ предметомъ, какъ мы уже сказали, высылку изъ Россіи только отдѣльныхъ личностей изъ евреевъ, а именно: Бороха-Лейбова, съ товарищами. Но существованіе и такого указа является весьма сомнительнымъ, какъ по приведеннымъ выше причинамъ, въ числѣ которыхъ имѣетъ существенное значеніе нерозысканіе его усердно рывшимся въ архивахъ кн. Голицынымъ, такъ и потому, что по общимъ историческимъ свѣдѣніямъ извѣстно, что Петромъ 26 января, т. е. за два дня до его кончины, выполнены только два благочестивые акта: принятіе Св. Тайнъ и подписаніе манифеста о помилованіи большей части преступниковъ, судившихся или осужденныхъ гражданскимъ судомъ. О третьемъ же благочестивомъ актѣ—по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія вышеупомянутыхъ синодальныхъ іерарховъ—поголовномъ изгнаніи евреевъ изъ Россіи, ничего не упоминается, даже такимъ непріязненнымъ къ нимъ историкомъ, какъ Костомаровъ—въ его подробномъ жизнеописаніи Петра.

Но что не могло быть достигнуто при царѣ, столь вѣрникомъ силою воли и ума, то могло быть достигнуто легче при послѣдующихъ, болѣе слабыхъ царствованіяхъ. Если извращеніе православныхъ понятій о христіанскомъ благочестіи и превращеніе ихъ въ римско-латинскія были трудно достижимы въ Петрѣ, то это представляло менѣе труда—въ послѣдовавшихъ за нимъ императрицахъ, какъ женщинахъ, легко поддающихся, вообще, увлеченіямъ въ вѣрованіяхъ и въ дѣлѣ религіозной исключительности.

XXV.

При ближайшемъ разсмотрѣніи обстоятельствъ, касающихся появленія указа Екатерины I 26-го апрѣля 1727 г., коимъ впервые внесена въ политическую нашу сферу безусловная нетерпимость къ евреямъ, нельзя не согласиться, впрочемъ, что, на первыхъ порахъ, *религіозныя* собственно убѣжденія были здѣсь не при чемъ, такъ точно, какъ не при чемъ были и государственные мотивы, *торговые, промышленные* или *финансовыя*. Тутъ была личная воля и личные виды одного лица, вовсе не царственнаго, о причинахъ образа дѣйствія котораго можно только догадываться, такъ какъ онѣ въ точности неизвѣстны,—воля и виды свѣтлѣйшаго князя *Меньшикова*. Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины I и образованіемъ верховнаго тайнаго совѣта, главнымъ дѣятелемъ, въ политической сферѣ, явился этотъ временщикъ, въ духовной — *Оеофанъ Прокоповичъ*. Объ этомъ послѣднемъ и о его духовныхъ взглядахъ на христіанское благочестіе по отношенію къ евреямъ—мы уже знаемъ. Взгляды эти были пропитаны духомъ западныхъ церквей, носившихъ на себѣ, еще и въ то время, печать средневѣковыхъ предубѣжденій противъ евреевъ и религіозно-общественной къ нимъ исключительности. Теоріи этой, какъ нужно полагать, слѣдовалъ и даровитый Оеофанъ Прокоповичъ, въ числѣ другихъ своихъ коллегъ по синоду. Что касается Меньшикова, то послѣ всѣхъ выясненій, какія сдѣланы нами выше, странно было бы предполагать, подобно кн. Голицыну, чтобы въ своихъ дѣяніяхъ, относительно обитавшихъ въ Россіи евреевъ, онъ

былъ ученикомъ и подражателемъ Петра, который, въ теченіи всей своей жизни, ихъ не только не преслѣдовалъ и не гналъ, но и не подавалъ своимъ политическимъ образомъ дѣйствія никакого повода къ мысли объ этомъ. Еще страннѣе было бы приписывать Меншикову какія либо *религіозныя*, въ этомъ случаѣ, побужденія, по тѣмъ или другимъ личнымъ его взглядамъ на христіанское благочестіе. Человѣкъ, столь властолюбивый и любостязательный, какъ Меншиковъ, неоднократно уличавшійся самимъ Петромъ въ корыстныхъ дѣйствіяхъ и такихъ злоупотребленіяхъ, за которыя другіе, — какъ замѣчаетъ Костомаровъ, — расплачивались жизнью, едва-ли могъ имѣть какія либо понятія о христіанскомъ благочестіи, а тѣмъ менѣе — твердую волю слѣдовать его внушеніямъ. Поэтому, причину обнаруженной имъ политической нетерпимости къ евреямъ надлежитъ искать въ иныхъ, болѣе внѣшнихъ обстоятельствахъ. Первымъ, какое можно предположить, это то, что Теофанъ Прокоповичъ, сдѣлавшійся, при Еватеринѣ I, старшимъ членомъ синода, могъ представлять, и императрицѣ, и Меншикову, что оставленіе синодальнаго постановленія объ изгнаніи евреевъ изъ Россіи вовсе безъ исполненія могло бы ронять достоинство духовной власти синода, въ особенности, собственной его, Прокоповича, какъ старшаго его члена. Въ виду этого, онъ могъ сильно настаивать передъ ними о приведеніи въ дѣйствіе этой мѣры, обѣщая, быть можетъ, Меншикову, въ то же время, поддержку и съ своей стороны. Можно предполагать также, что ожесточеніе Меншикова противъ евреевъ имѣло своею причиною его ссору съ Шафировымъ,

наговорившимъ ему, однажды, колкостей и обозвавшаго въ сенатѣ воромъ оберъ-прокурора Скорнякова-Писарева, который поддерживалъ Меньшикова въ одномъ лихоимномъ дѣлѣ, за что Писаревъ сталъ формально изобличать Шафирова въ еврейскомъ происхожденіи. Наконецъ, принятіе стѣснительныхъ мѣръ противъ евреевъ и ихъ изгнаніе изъ Россіи могли быть въ видахъ какихъ либо личныхъ выгодъ Меньшикова. Изъ приведенныхъ выше данныхъ намъ уже извѣстно, что при Петрѣ и послѣ него многіе изъ евреевъ, проживавшихъ въ Россіи, были водворены на земляхъ значительныхъ владѣльцевъ знатныхъ русскихъ семей, въ Малороссіи, и были записаны за ними, какъ-то: за генераль-фельдмаршаломъ фонъ-Минихомъ, графами Головкинымъ, Толстымъ и проч. Между тѣмъ, легко быть можетъ, что съ нѣкоторыми изъ нихъ Меньшиковъ не ладилъ и хотѣлъ имъ, что называется, насолить лишеніемъ ихъ возможности пользоваться евреями. Быть можетъ, что Меньшиковъ ожидалъ и какого либо откупа евреевъ, наслышавшись—какую богатую статью дохода имѣютъ отъ откуповъ этого рода владельцы странъ на Западѣ. Что Меньшиковъ къ такимъ побужденіямъ могъ примѣшать властолюбивые расчеты—дѣлаетъ намекъ и Костомаровъ въ жизнеописаніи свѣтлѣйшаго. Такъ, историкъ этотъ говоритъ, между прочимъ, что Меньшиковымъ воспрещено было, въ Малороссіи, избирать евреевъ въ генеральную и войсковую старшину, изъ желанія снискать къ себѣ расположеніе Малороссіи. Впрочемъ, объясненіе это, давая, во всякомъ случаѣ, право заключать, что примѣры такого

избранія въ Малороссіи существовали, едва-ли можетъ быть признано вполне вѣрнымъ относительно собственно цѣли Костомарова доказать этимъ народную ненависть малороссіянъ къ евреямъ. Не говоря о томъ, что вызвавшіе сказанное воспрещеніе случаи избранія евреевъ въ генеральную и войсковую старшину сами собою говорятъ скорѣе въ пользу, чѣмъ не въ пользу расположенія къ нимъ мѣстнаго тамъ казацкаго населенія, нельзя не принять въ первомъ смыслѣ и случаи усиленныхъ ходатайствъ мѣстныхъ малороссійскихъ властей объ открытіи евреямъ вновь доступа въ Россію, когда начались ихъ изгнанія изъ нея. Съ такими ходатайствами въ сенатъ и на высочайшее имя, въ царствованіе Петра II, Анны Іоанновны и самой Елисаветы Петровны, входили и войска запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Апостоль, и комиссіи слободскихъ полковъ, и главноначальствующій тамъ генераль-лейтенантъ кн. Шаховскій, и малороссійская войсковая генеральная канцелярія. Во вниманіе къ такимъ ходатайствамъ, верховная власть была вынуждена допускать отступленія отъ принципиально принятой, въ то время, мѣры закрытія евреямъ всякаго доступа въ страну. Наконецъ, народное нерасположеніе къ изгнанію евреевъ изъ Россіи явственно усматривается изъ того еще, что верховныя распоряженія, по этому предмету, исполнялись повсемѣстно въ Имперіи слабо и вяло, отдалялись подъ разными предлогами, и при Елисаветѣ Петровнѣ, рѣшившейся, разъ навсегда, очистить страну отъ сыновъ Израиля, вызвали рядъ подтвердительныхъ указовъ, съ упомянутою выше угрозою

о „тяжчайшемъ истязаніи“ ослушниковъ царской воли¹. Поэтому, если Меньшиковъ, какъ полагаетъ Костомаровъ, и предпринялъ гоненія на евреевъ съ цѣлью приобрести расположеніе малороссійскаго народа, то есть основаніе къ предположенію, что онъ могъ и ошибаться въ своихъ расчетахъ. Такъ или иначе, но несомнѣннымъ остается то, что онъ, въ этомъ случаѣ, менѣе всего думалъ о выполненіи какого либо долга христіанскаго благочестія.

Но нельзя сказать того же самаго объ императрицахъ. Мы не станемъ говорить собственно объ Еватеринѣ I. Она была нѣмкою по рожденію, а слѣдовательно, неправославнаго происхожденія, и ввѣрилась вполнѣ Меньшикову, властвованіе котораго продолжалось и при Петрѣ II, пока послѣдній, незадолго передъ своею кончиной, не отправилъ его въ ссылку. Но мы рассмотримъ нѣсколько ближе обстоятельства, касающіяся личныхъ взглядовъ и воззрѣній императрицъ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны, какъ чисто русскихъ и православныхъ государынь.

Изъ ихъ указовъ и повелѣній о высылкѣ евреевъ изъ Россіи не усматривается иного мотива, кромѣ *религіознаго*. Меньшиковъ могъ прикрывать имъ свои личные виды; но у этихъ императрицъ, какъ по всему видно, религіозное, въ этомъ случаѣ, побужденіе было вполнѣ искреннимъ. Онѣ были убѣждены, что изгнаніемъ евреевъ изъ Россіи выполняется ими, въ дѣйствительности, актъ христіанскаго благочестія. Это под-

¹ П. С. З., т. VIII, №№ 5324, п. 14, и 5852, п. 14, т. IX, №№ 6610 и 6641, т. XI, № 8673 и т. XII, № 8867.

тверждается, какъ указами Анны Іоанновны и обстоятельствами, конфирмованія ея сентенціи о сожженіи Бороха-Лейбова и Возницына, такъ и указами Елисаветы Петровны. Но религіозныя побужденія всего лучше обрисовываются указами Елисаветы 2-го декабря 1742 и 16-го декабря 1743 гг., изъ коихъ однимъ повелѣвается высылка евреевъ за „рубежь“, на томъ единственно основаніи, что отъ нихъ можетъ въ будущемъ произойти вредъ для православнаго народа, какъ отъ „имени Христа ненавистниковъ“, а другимъ— на томъ, что императрица „отъ враговъ Христовыхъ не желала интересной прибыли“. Очевидно, что съ точки зрѣнія сказанныхъ государынь, изгнаніе евреевъ, и даже несоблюденіе, по отношенію къ нимъ, началъ справедливости и гражданскаго правосудія, являлись дѣломъ *религіознымъ. благочестивымъ*. Есть явные признаки, что проявившаяся нетерпимость къ евреямъ имѣла заднею мыслью и насильственное ихъ обращеніе въ православіе. Это явственно видно изъ указа Елисаветы Петровны 2-го декабря 1742 г., въ коемъ, при строгихъ воспрещеніяхъ евреямъ проживать въ Россіи, а православнымъ держать ихъ у себя, присовокуплены слова: „развѣ кто изъ нихъ (евреевъ) захочетъ быть въ Христіанской вѣрѣ Греческаго исповѣданія, таковыхъ крестя, въ нашей Имперіи жить имъ позволить, токмо вонъ изъ государства уже не выпускать“. Нельзя сказать, чтобы, въ воззрѣніяхъ императрицъ, насиліе совѣсти признавалось дѣломъ благочестивымъ, только по отношенію къ евреямъ. Съ этою цѣлью, стали приниматься, въ ихъ царствованія, крутыя мѣры, по отношенію и къ другимъ инородцамъ. Мы видѣли, что въ древней Руси, для ока-

занія содѣйствія проповѣди и убѣжденію, было въ обычаѣ не прибѣгать ни къ какому другому мѣрамъ, кромѣ поощрительныхъ, не имѣвшихъ, собственно говоря, характера насилія и принужденія. Петръ, при своихъ расширеніяхъ свободы совѣсти, имѣлъ мысль избѣгнуть и ихъ. Въ этихъ видахъ, отправлявшемся на сибирскую епархію Филоеею Лещинскому былъ данъ имъ упомянутый выше наказъ—крестить инородцевъ только *волюю*, крещенныхъ не освобождать ни отъ ясака, какъ въ старину, ни отъ наказаній за преступленія, какія они совершили и надѣялись загладить крещеніемъ. Хотя позднѣе, а именно въ 1713, 1715 и 1720 годахъ, было призвано, и при Петрѣ, необходимымъ обратиться къ поощрительнымъ мѣрамъ, изъ коихъ одна имѣла даже, нѣкоторымъ образомъ, и репрессивный характеръ, такъ какъ повелѣно было, между прочимъ, отписывать у некрещеныхъ помѣщиковъ крещеныхъ крѣпостныхъ людей, но это не потому, чтобы Петръ лично признавалъ въ этомъ актѣ христіанскаго благочестія, но единственно, какъ объясняетъ и пр. Знаменскій, вслѣдствіе крайняго тогда недостатка въ проповѣдникахъ. Къ тому же, не нужно забывать, что это произошло въ то время, когда въ синодѣ, въ лицѣ Яворскаго, Яновскаго, Лопатинскаго и Прокоповича, господствовалъ римско-латинскій духъ кievской школы. Императрицы же Анна Иоанновна и Елисавета Петровна насиліе совѣсти сами стали считать актомъ благочестія и, не ограничиваясь однѣми мѣрами поощренія, допустили и такія, которыя прямо уже носили на себѣ характеръ насилія и внѣшняго принужденія. Допущенная Петромъ отписка у крещеныхъ владѣльцевъ крещеныхъ людей составляла мѣру, которая

заклучалась въ лишеніи тѣхъ владѣльцевъ исключительной льготы или привилегіи владѣльческаго класса. Мѣры же, принятія императрицами, коснулись общихъ правъ не-христіанъ, по исповѣданію своей вѣры и равномѣрному несенію тягостей въ платежѣ податей и повинностей. Такъ, на примѣръ, благочестивое настроеніе Елисаветы Петровны, какъ говоритъ Знаменскій, выразилось, между прочимъ, въ истребленіи мечетей въ восточномъ краѣ и въ увазѣ сломать даже армянскія церкви. При ней же, съ цѣлью побужденія инородцевъ къ принятію св. вѣры, было повелѣно всѣ платежи, отъ которыхъ освобождались крестившіеся, разлагать на некрещенныхъ, и т. п.

Между тѣмъ, все это представляло весьма рѣзкое отступленіе отъ коренныхъ началъ православія и вшедшей издревле у насъ въ обычай оберегательной лишь политики. Мы видѣли, что, по духовнымъ воззрѣніямъ первыхъ отцовъ церкви, княжеское и царское благочестіе, по отношенію къ иновѣрцамъ, не исключая и тѣхъ, которые были іудейскаго закона, должно было заключаться не въ мѣрахъ ихъ внѣшняго принужденія къ принятію св. вѣры, особенно не въ изгнаніяхъ ихъ изъ страны, такъ какъ черезъ это и церковь лишилась бы возможности выполненія христіанскихъ своихъ подвиговъ по ихъ душеспасенію и приобрѣтенію изъ ихъ среды сыновъ для себя,—но въ человѣческомъ обращеніи съ ними и распространеніи на нихъ, въ одной мѣрѣ съ правовѣрными, благъ правосудія и защиты власти. Мы видѣли также, что въ Кіевской Руси, а затѣмъ и Московской, православные наши государи установили свою политику именно на этихъ началахъ

и что, какъ при Петрѣ, такъ и до него, религиозныхъ собственно гоненій у насъ вовсе не существовало, по отношенію и къ евреямъ. Проявленія религиознаго фанатизма, при которыхъ отсутствуютъ, обыкновенно, здравый смыслъ и разсудительность, не могли быть въ духѣ особенно великорусскаго народа и великорусскихъ нашихъ государей. По изслѣдованіямъ нашего Академика В. П. Безобразова, „самая выпуклая во всемъ славянскомъ мірѣ и самая значительная историческая черта народнаго характера, окрѣпшаго въ Московской области и положительно отличающаго великорусское племя (ростово-суздальское) не только отъ всѣхъ другихъ русскихъ народностей, но и отъ всѣхъ славянскихъ племенъ, даже болѣе образованныхъ—это его *государственный смыслъ*“¹. Великорусскій народъ, по объясненію того же автора, всегда отличался чувствомъ *мъры* и *практическимъ расчетомъ*, которые „уравновѣшиваютъ столько же въ общемъ народномъ характерѣ, какъ и въ характерѣ замѣчательныхъ государственныхъ личностей, всѣ разнообразныя душевныя порывы, движенія, увлеченія всякихъ другихъ чувствъ и страстей“. „Всѣми этими свойствами,—продолжаетъ авторъ „Народнаго хозяйства въ Россіи“,—какъ извѣстно, отличались и всѣ государственные дѣятели-князья Суздальской, а потомъ Московской земли“. Нужно полагать, что и великорусскіе святители, вышедшіе изъ того же народа, отличались, въ ихъ отношеніяхъ къ иновѣрнымъ людямъ, тѣмъ же *чувствомъ мъры* и меньшими увлеченіями религиозной

¹ „Народное хозяйство въ Россіи“ Изслѣдованіе В. П. Безобразова, дѣйствительнаго члена Императорской Академіи Наукъ. 1882 г., стр. 77.

ревности, чѣмъ зараженные латынью южнорусскіе, кievской школы. Не взирая на сравнительно меньшую свою ученость, они не примѣшивали къ религиозной ревности чувства ненависти къ людямъ и не видѣли въ преслѣдованіи за вѣру—дѣла христіанскаго благочестія. Это, по всей вѣроятности, и побудило, между прочимъ, іерусалимскаго патріарха Досиѣея, столь близко принимавшаго къ сердцу интересы православія, обличать кievскихъ ученыхъ въ отступленіи отъ него и обратиться, въ 1702 г., къ Петру съ посланіемъ, въ которомъ просилъ его не ставить на іерархическія должности, ни *грековъ*, ни *сербовъ*, ни *черкассовъ* (малороссовъ), а ставить однихъ природныхъ *москвитянъ*, „аще и не мудріе суть“¹.

Соблюденіе надлежащей мѣры въ религиозныхъ дѣлахъ, со стороны святителей и государей нашихъ, заключалось именно въ томъ, что они, лелѣя идею укрѣпленія и распространенія въ русской странѣ православія, ограничивались, преимущественно, обороною и защитою церкви, не допуская преслѣдованій и гоненій изъ видовъ прозелитизма. Поэтому, обращеніе императрицы въ такихъ дѣлахъ къ мѣрамъ внѣшняго принужденія, каковымъ было и поголовное изгнаніе евреевъ изъ Россіи, представляло собою не иное что, какъ выходъ изъ обычной колеи нашей религиозно-національной политики и ея вступленіе на совершенно, до того, чуждый для нея путь—*безусловной нетерпимости* къ иновѣрцамъ, не знающей мѣры, ни границъ, и не принимающей въ расчетъ практическихъ указаній здравой

¹ Знаменскій, стр. 261.

и безпристрастной политики. Нужно, однако, замѣтить, что императрицы, не руководствуясь въ своихъ мѣрахъ, относительно евреевъ, иными побужденіями, кромѣ выполненія царскою властью долга христіанскаго благочестія, дѣйствовали, въ этомъ случаѣ, по убѣжденію своей совѣсти, безъ всякихъ постороннихъ цѣлей, а тѣмъ менѣе *корыстныхъ*, — почему царицѣ этихъ, и тутъ, никакъ нельзя сравнить съ германскими и французскими державными властителями, которые христіанскимъ благочестіемъ прикрывали только, въ дѣлѣ преслѣдованія евреевъ, свои корыстные виды.

Но какимъ же образомъ могло произойти столь существенное измѣненіе истинно-православныхъ воззрѣній въ религіозныхъ взглядахъ государынь *чисто русскихъ* и *православныхъ*. по происхожденію? Это объясняется слѣдующимъ образомъ.

Въ XVIII вѣкѣ, въ высшихъ свѣтскихъ кругахъ, особенно придворныхъ сферъ, замѣчалось повсемѣстно въ Европѣ, въ томъ числѣ и у насъ, въ Россіи, преобладаніе, въ дѣлѣ религіозныхъ вѣрованій, двухъ крайностей: или *ханжества*, доходившаго до грубыхъ суевѣрій, или *невѣрія*, доходившаго до безбожія. Одновременно съ этимъ, у насъ, какъ мы видѣли, усиленно пробивалъ себѣ путь римско-латинскій духъ — въ пастырскихъ и архипастырскихъ одеждахъ нашего собственнаго духовенства. Этому, какъ мы знаемъ, способствовало, во многомъ, посвященіе, при Петрѣ, на епископскія кафедры, преимущественно, кievскихъ ученыхъ и образованіе изъ нихъ же первоначальнаго состава синода. Самъ Петръ, по крѣпости своего ума и глубокому государственному своему смыслу, не подчинялся

вліянію избравшихся имъ іерарховъ кievской школы и остался, въ своихъ воззрѣніяхъ на религіозно-политическіе предметы, православнымъ государемъ, въ полномъ смелѣ этого слова. Но женскій умъ императрицъ былъ естественно болѣе воспримчивъ. Анна Іоанновна, съ малолѣтства, находилась въ особенно неблагопріятныхъ условіяхъ въ дѣлѣ религіознаго воспитанія¹. Мать ея, Прасковья Ѳедоровна, рожденная Салтыкова, происходившая отъ того Салтыкова, который во время смуть присталъ къ русской партіи тушинцевъ; отличалась неимовѣрнымъ ханжествомъ. Она окружала себя юродствующими, вадѣями, гадателями и гадательницами. Татищевъ говорить, что ея дворъ былъ похожъ на госпиталь вадѣвъ и помѣшанныхъ. Въ такой средѣ, не могли не развиваться разнаго рода суевѣрія и предрасудки, въ томъ числѣ, конечно, и относительно евреевъ, которые изображались отъявленными врагами Христа, а вмѣстѣ какъ чернокнижники и чародѣи. Такая почва представлялась, какъ нельзя болѣе благопріятною, для сѣянія римско-латинскихъ взглядовъ и понятій о христіанскомъ благочестіи, въ дѣлѣ отношеній къ нимъ и иновѣрцамъ, вообще. Отъ вѣравшихся у насъ, въ высшіе слои общества, западныхъ религіозныхъ воззрѣній не могла отрѣшиться себя и Елисавета Петровна. И при ней проявлялись несогласныя съ духомъ нашей древне-православной политики стремленія къ насильственнымъ мѣрамъ, относительно иновѣрцевъ. Въ „Руководствѣ въ Церковной Исторіи“ пр. Знаменскаго отмѣчаются изъ такихъ мѣръ, главнымъ образомъ, слѣдующія: 1) сломка

¹ См. ея жизнеописаніе у Костомарова, „Новъ“ 1885 г.

всѣхъ армянскихъ церквей; 2) разрушеніе мечетей; 3) насильственное крещеніе татаръ и другихъ инородцевъ; 4) отнятіе у некрещенныхъ помѣщиковъ ихъ крещенныхъ крѣпостныхъ людей; 5) разложеніе на некрещенныхъ всѣхъ платежей, отъ которыхъ освобождались крестившіеся въ православную вѣру, и 6) поголовныя изгнанія евреевъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые принимали христіанство греческаго закона и которыхъ было повелѣно оставлять въ Россіи и изъ нея уже не выпускать. Все это являлось, въ тогдашнихъ понятіяхъ, актомъ христіанскаго благочестія. Но такая религіозная ревность, которую, — пишетъ Знаменскій, — и въ то время было признано нужнымъ умѣрять, была, по своему духу, болѣе *латинской*, чѣмъ *православной*. Преобладанію, въ этомъ случаѣ, латинизма способствовало, конечно, то обстоятельство, что надъ великорусскимъ духовенствомъ имѣло верхъ южно-русское кіевской школы, тѣснившее и его. Южно-русскіе іерархи обращались съ подчиненнымъ имъ великорусскимъ духовенствомъ, — говоритъ тотъ же Знаменскій, — пренебрежительно, жестоко, возбуждая къ себѣ сильную ненависть. На нихъ жаловались не только церковныя причты, но учителя въ семинаріяхъ, заслуженные священнослужители, настоятели монастырей и даже архіереи, изъ великороссовъ. Между тѣмъ, въ лицѣ высшихъ, приближенныхъ къ престолу, іерарховъ и царскихъ духовниковъ, они вліяли и на образъ мыслей императрицъ и близкихъ къ нимъ особъ, въ томъ числѣ, конечно, и во взглядахъ на послѣдователей іудейскаго закона. Въ какой степени, подъ этимъ вліаніемъ, видоизмѣнялись древне-русскія, истинно-право-

славныя, понятія о религіозно-общественныхъ отноше-
 нияхъ къ этимъ послѣднимъ, можетъ служить, между
 прочимъ, то, что весьма близкая къ Елисаветѣ Пе-
 тровнѣ извѣстная Мавра Егоровна Шувалова, пріѣхавъ
 въ Нѣжинъ, писала оттуда императрицѣ: „жидовъ мно-
 жество, *видѣла ихъ, собакъ*“. Очевидно, что тогда
 сталъ и у насъ входить обычай смотрѣть на евреевъ,
 какъ на людей недостойныхъ носить образъ человѣче-
 скій и пользоваться обще-человѣческими правами въ
 одной мѣрѣ съ прочими людьми, — обычай, по своему
 духу, чисто римско-латинскій, совершенно чуждый древ-
 ней православной Руси. Императрицы Анна Иоанновна
 и Елисавета Петровна принимали энергическія мѣры
 къ оборонѣ и защитѣ церкви отъ римско-латинской
 пропаганды, а между тѣмъ, сами того не замѣчая, усвои-
 вали себѣ ея религіозныя увлеченія, соответствовав-
 шія ихъ характеру и собственному душевному настрое-
 нію. Но римско-католическая пропаганда находила
 возможность работать и непосредственно надъ рус-
 скими сердцами. Являлись скрытые проповѣдники, ко-
 торые подъ видомъ домашнихъ учителей втирались въ
 семейства знатныхъ фамилій и воспитывали тамъ дѣ-
 тей на свой ладъ. Примѣромъ этого можетъ слу-
 жить нѣкто Жюббе, который былъ аббатомъ, но, вы-
 давъ себя за свѣтскаго человѣка и прибывъ, еще при
 Аннѣ Иоанновнѣ, въ Москву, поселился въ качествѣ
 домашняго учителя въ семействѣ Долгорукихъ и Го-
 лицынскихъ и успѣлъ нѣкоторыхъ изъ своихъ воспи-
 танниковъ обратить въ римско-латинское католи-
 чество. Лютеранизмъ и протестантизмъ, которымъ
 было тогда въ модѣ оказывать всякаго рода снис-

хожденія, особенно при Биронѣ, не могли тоже внести въ русскую среду здоровыхъ христіанскихъ понятій о вѣротерпимости къ евреямъ, какъ потому, что церкви тѣ и ихъ различныя толки относились, и въ своихъ земляхъ, фанатично къ нимъ, такъ и потому, что являвшіеся къ намъ лютеране, протестанты и послѣдователи другихъ христіанскихъ толковъ, — какъ справедливо замѣчаетъ Знаменскій,—были, вообще, плохими представителями своихъ вѣрованій. „Большая ихъ часть,—говоритъ онъ,—не имѣла никакой религіи и всѣ вообще отличались нравственною распушенностью“. Неудивительно, поэтому, если, при такомъ положеніи вещей, въ слабыя души императрицъ и окружавшихъ ихъ особъ вкрались римско-латинскіе взгляды на отношенія къ евреямъ и другимъ иновѣрцамъ изъ нехристіанъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого должно было быть ослабленіе въ этихъ государыняхъ чувства *древне-русской, обычной, національной вѣротерпимости* къ нимъ и извращеніе истинно-православныхъ понятій о долгѣ, въ этомъ случаѣ, христіанскаго благочестія. Допущеніе малѣйшей терпимости къ людямъ, которые почитались врагами Христа и ненавистниками имени Его, стало представляться въ душѣ императрицъ, какъ нѣчто грѣховнымъ, заслуживавшимъ вары небесной, а установленіе безусловной къ тѣмъ людямъ нетерпимости, напротивъ,—дѣйствіемъ вполне благочестивымъ. Въ этомъ суетвѣрїи и скрывается главнѣйшая причина предпринятыхъ при императрицахъ и напоминавшихъ времена крестовыхъ походовъ мѣръ поголовнаго ихъ изгнанія изъ Россіи. Это было не иное что, какъ временное торжество римско-латинскихъ понятій и взгля-

довъ надъ обычными русскими, православными. Но въ русской странѣ такое торжество не могло быть продолжительнымъ. Начала вѣротерпимости, съ которыми православная Русь, можно сказать, родилась и выросла, не замедлили, какъ мы увидимъ, вступить вновь въ свои права, и по отношенію къ евреямъ.

Изъ всѣхъ приведенныхъ нами данныхъ усматривается съ достаточною, кажется, наглядностью, что въ общемъ ходѣ религиозно-политическихъ событій, касающихся Россіи, проявившіяся въ ней, въ кратковременный, не обнимающій и 40 лѣтъ, промежутокъ времени между кончиною Петра I и вступленіемъ на престолъ Екатерины II, увлеченія религиозной исключительности, относительно евреевъ, съ оттѣнками неумѣреннаго фанатизма, представляются явленіемъ чисто *случайнымъ*, не имѣющимъ ничего общаго съ обычною древне-русскою національною политикою и объясняющимся, единственно, личнымъ характеромъ императрицъ и условіями ихъ времени. Поэтому, распространяемая въ наше время, столь усердно, разными писателями и органами печати мнѣнія, что императрицы *Екатерина I*, *Анна Иоанновна* и *Елисавета Петровна*, изгоняя евреевъ изъ Россіи и не допуская ихъ въ нее, дѣйствовали въ православно-національномъ духѣ, — надлежитъ признать, по меньшей мѣрѣ, ошибочными и ни на чемъ не основанными.

XXVI.

Перейдемъ, теперь, къ послѣднему и важнѣйшему фазису возбуждаемаго нашимъ напускнымъ антисемитизмомъ вопроса объ *историко-національныхъ лоти-*

важъ, въ дѣлѣ нашихъ современно-національныхъ отношеній къ евреямъ, — въ *практическому значенію* какое нѣкоторые изъ такихъ мотивовъ могутъ имѣть для современной Руси.

Мы уже ранѣе замѣтили, что, по условіямъ времени, никакая нація не можетъ и не должна стѣсняться въ своемъ образѣ дѣйствія, относительно тѣхъ или другихъ формъ внутренняго своего строя, — формъ, которыя признавались бы устарѣлыми и непригодными, въ данный моментъ ея государственнаго существованія. Политика каждой страны сообразуется, обыкновенно, съ современными ея нуждами и потребностями, не принимая въ расчетъ продолжительности существованія того или другого порядка вещей. Реформы прошлаго царствованія, да и нынѣшнія коренныя измѣненія по многимъ частямъ государственнаго управленія, служатъ лучшимъ доказательствомъ этому. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нами было указано и на то, что собственно въ вопросѣ о *правовомъ положеніи инновѣрцевъ* въ Россіи, въ томъ числѣ и *евреевъ*, нельзя не считаться съ ея стариною, такъ какъ, въ такомъ вопросѣ, *наше настоящее* является тѣсно связаннымъ съ *нашимъ прошлымъ*, тѣми историко-національными мотивами, въ основаніи которыхъ лежитъ древній, вѣковой принципъ *господствующей вѣры* или *государственной религіи* (religion d'État, Staatsreligion).

Всѣ приведенные нами, въ предшествующихъ очеркахъ, факты и событія не оставляютъ, кажется, ни малѣйшаго сомнѣнія, что и подъ влияніемъ этого принципа, древняя наша Русь, ни удѣльно-вѣчоваго, ни царскаго періода, не завѣщала намъ *бытовой нетерпи-*

мости къ евреямъ, подобно тому, какъ по отношенію и къ другимъ иновѣрцамъ чужеземныхъ религій. Но, въ то же время, несомнѣнно и то, что принципъ тотъ завѣщанъ ею намъ, съ первенствующимъ, привилегированнымъ, исповѣданіемъ, въ смыслѣ одного изъ главныхъ, коренныхъ, устоевъ нашей національно-политической жизни, вслѣдствіе чего, онъ сохраняетъ у насъ, по-ныпѣ, силу и значеніе жизненнаго, *органическаго*, начала, коимъ опредѣляется и относительное въ государствѣ положеніе всѣхъ вообще иновѣрныхъ исповѣданій и ихъ послѣдователей.

Исторія свидѣтельствуетъ, что въ суровыя, средне-вѣковыя времена, сказанный принципъ служилъ, во всѣхъ почти христіанскихъ странахъ, орудіемъ, не только къ оборонѣ и защитѣ господствующей церкви, но и къ осуществленію прозелитическихъ цѣлей, мѣрами внѣшняго принужденія, а по отношенію къ евреямъ — и цѣлей своекорыстныхъ, и что въ моменты, когда въ лицахъ, облеченныхъ свѣтскою и духовною властію, отсутствовали правильныя понятія о христіанскомъ благочестіи, въ дѣлѣ общественныхъ отношеній къ иновѣрнымъ людямъ, господство вѣры отождествлялось, въ религіозно-политическихъ воззрѣніяхъ, съ *безусловною* къ нимъ нетерпимостью, вызывавшею часто жестокія, безчеловѣчныя даже мѣры, особенно по отношенію къ евреямъ.

Мы видѣли, однако, что въ древней Руси, до Петра I включительно, подобныхъ проявленій, съ сопровождавшими ихъ, обыкновенно, религіозными преслѣдованіями и гоненіями, вовсе не было, даже по отношенію къ лицамъ *иудейскаго закона*. Въ русской страпѣ, принципъ гос-

подствующей вѣры и тогда былъ включенъ обычаемъ въ предѣлы одной лишь *оберегательной* его цѣли, сдерживавшей ту религиозную ревность къ насиліямъ совѣсти, какия, въ тѣ же времена, замѣчались въ духовныхъ и свѣтскихъ властяхъ другихъ христіанскихъ странъ. Это, само собою, свидѣтельствуешь, что, одновременно съ усвоеніемъ сказаннаго принципа, были усвоены нашею православною Русью, подъ вліяніемъ своей же „помѣстной“ церкви, и, болѣе или менѣе, правильныя понятія о началахъ *общественной вѣротерпимости* къ людямъ чужеземныхъ вѣръ и религій, благодаря чему, Русь слѣдовала, по этому пути, неуклонно, и въ тѣ даже періоды своего политическаго существованія, когда выше-сказанныя начала не имѣли еще прочнаго обезпеченія въ писанномъ законѣ.

Со временъ же *Петра I* и, въ особенности, *Екатерины II*, обычная у насъ вѣротерпимость получила и законодательную санкцію, торжественно, нынѣ, выраженную въ „Основныхъ законахъ“ нашихъ, между прочимъ, слѣдующими, многознаменательными и вполнѣ соответствующими духу древняго нашего православія, словами: „Свобода вѣры присвоется не токмо Христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и *Евреямъ*, *Магометанамъ* и язычникамъ: да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языки по закону и исповѣданію проотцевъ своихъ, благословляя царствованіе Россійскихъ Монарховъ, и моля Творца вселенной о умноженіи благоденствія и укрѣпленіи силы Имперіи“ (т. I, ч. I, изд. 1857 г., ст. 45, т. XIV, Уст. о пред. и пресѣч. преступл., изд. 1876 г., ст. 73).

Опредѣляя, за сямъ, относительныя права иновѣрныхъ исповѣданій, *современная Русь*, подобно *древней*, не выходитъ изъ предѣловъ *оберегательной цѣли* принципа государственной религіи, устраняя всякую мысль о *насилъственномъ прозелитизмѣ*. „Господствующая церковь, сказано въ законѣ, не дозволяетъ себѣ ни малѣйшихъ понудительныхъ средствъ при обращеніи послѣдователей иныхъ исповѣданій и вѣръ къ православію, и тѣмъ изъ нихъ, кои приступить къ нему не желаютъ, отнюдь ничѣмъ не угрожаетъ, поступая по образу проповѣди апостольской“ (т. XIV, уст. о пред. и пресвѣч. прест., ст. 78). Все это касается, въ полной мѣрѣ, и *евреевъ*. Имъ, какъ и всѣмъ прочимъ иновѣрцамъ, подъ условіемъ непосягательства на цѣлость и неприкосновенность православной паствы, даровано право свободнаго отправленія обрядовъ своей вѣры, на всемъ пространствѣ Имперіи, съ сооруженіемъ синагогъ и молитвенныхъ домовъ, въ порядкѣ, для того установленномъ. Недавнее сооруженіе евреями, въ С.-Петербургѣ, благолѣпнаго зданія, для своей синагоги, справедливо принимается за видимый знакъ полнѣйшей вѣротерпимости къ нимъ, устраняющей возможность предположенія, чтобы вытѣсненіе евреевъ изъ Восточной Россіи и всѣ прочія ограниченія ихъ гражданскихъ правъ имѣли, въ своемъ основаніи, какія либо религиозныя цѣли, относящіяся къ принципу господствующей вѣры.

Между тѣмъ, при незнакомствѣ съ этимъ предметомъ, всѣ ограничительныя мѣры, особенно же мѣра закрытія для общей массы евреевъ, чертою осѣдлости, доступа въ значительную часть Имперіи, можетъ при-

писываться религиозной нетерпимости къ нимъ и приводиться въ связь съ сказаннымъ принципомъ, въ предположеніи, что онъ всегда видѣялъ въ политическую нашу жизнь невѣротерпимость къ евреямъ и побуждалъ къ насильственнымъ мѣрамъ, относительно ихъ. Нѣкоторыя исключительныя постановленія, появившіяся прежде, въ новѣйшемъ уже періодѣ, т. е. послѣ принятія евреевъ въ русское подданство, какъ равно нѣкоторыя изъ существующихъ теперь такихъ же постановленій, недостаточно согласованныя съ высказанными выше принципиальными религиозно-политическими взглядами законодательства ¹, даютъ поводъ къ укрѣпленію предположеній, что принципъ тотъ способенъ устанавливать лишь враждебныя отношенія къ иновѣрцамъ, поселяя сомнѣніе, чтобы онъ, въ дѣйствительности, могъ даже быть совмѣстимъ съ началами вѣротерпимости. Однимъ словомъ, предполагается, что, при существованіи, въ странѣ, первенствующей, привилегированной, церкви, терпимость къ иновѣрцамъ можетъ быть допущаема лишь по произволу правительственной власти, въ видѣ *снисхожденія* въ тѣмъ или другимъ изъ нихъ, и что, поэтому, въ такой странѣ, по ея религиозному направленію, можетъ господствовать, въ смыслѣ постоянного двигателя, только духъ нетерпимости, побуждающій къ стѣсненіямъ въ правахъ и религиозныхъ гоненіямъ. Вслѣдствіе этого, многіе склонны причину

¹ Изъ этихъ послѣднихъ постановленій обращаетъ на себя вниманіе, напримѣръ, то, конимъ евреямъ открыто предоставленъ выходъ изъ ихъ исключительнаго положенія, при принятіи христіанства (т. IX Зак. о соот., ст. 964), а также то, конимъ установлены денежныя, въ этомъ случаѣ, поощренія (ст. 6 прилож. къ ст. 78 уст. о пред. и пресѣч. прест.).

нынѣшняго положенія евреевъ въ Россіи относить всецѣло къ сказанному принципу.

Поэтому, ощущается настоятельная потребность въ тщательномъ разсмотрѣніи—не находятся-ли, дѣйствительно, въ какой либо связи съ тѣмъ принципомъ принимаемая, относительно евреевъ, репрессивныя мѣры, какъ и все, вообще, исключительное о нихъ законодательство, и прежде всего, оправдывается-ли, практически, нашими современными національными интересами самое существованіе въ законахъ такого органическаго начала?

Нельзя отрицать, что *въ странѣ, съ первенствующею церковью*, гдѣ оборона и защита этой послѣдней составляютъ атрибутъ политической власти, не можетъ, вообще, быть и рѣчи о *совершенномъ равенствѣ въ правахъ* различныхъ вѣроисповѣданій. Проповѣдуемая спекулятивными теоріями начала *безусловной религиозной свободы*, въ такой странѣ, примѣненія, конечно, имѣть не могутъ: въ ней можетъ практиковаться, при умѣренныхъ взглядахъ на цѣли вышеупомянутаго принципа, только *условная, относительная къ каждому исповѣданію, въ отдельности, вѣротерпимость*.

Мы говоримъ „къ каждому вѣроисповѣданію въ отдельности“, потому что каждое изъ нихъ пользуется правами, на основаніи спеціальныхъ своихъ уставовъ и положеній, и не всегда въ одинаковомъ объемѣ, вслѣдствіе чего, не бываетъ, обыкновенно, полного равенства въ правахъ и между такими даже исповѣданіями. Такъ, напримѣръ, иновѣрцы *не-христіанскихъ* исповѣданій отличаются отъ иновѣрцевъ исповѣданій *христіанскихъ*, между прочимъ, тѣмъ, что, съ точки зрѣнія берега-

тельныхъ цѣлей принципа государственной религіи, имъ воспрещены вовсе *смѣшанные браки* съ христіанами православнаго и римско-католическаго исповѣданій, что за совращеніе и обрѣзаніе опредѣлены, сравнительно, болѣе тяжкія кары и наказанія, и т. п. Въ недавнее время, евреи пользовались въ вѣроисповѣдномъ отношеніи, сравнительно, меньшимъ объемомъ правъ, чѣмъ даже прочіе не-христіане, такъ какъ, имъ былъ воспрещенъ наемъ христіанъ въ домашнее къ себѣ служеніе,—мѣра, какъ намъ извѣстно, древняя, касавшаяся, сперва, не однихъ только лицъ іудейскаго закона, но специализированная, по отношенію къ нимъ, въ царствованіе Александра I, и какъ мы увидимъ ниже, окончательно отмѣненная лишь въ 1887 г.

Въ виду этого, многіе сторонники спекулятивныхъ теорій новѣйшаго времени о религіозной свободѣ и объ абсолютномъ невмѣшательствѣ свѣтской власти въ дѣла вѣры, мало знакомые съ судьбою и жизненными проявленіями принципа государственной религіи, какъ вообще, такъ и у насъ въ Россіи, спѣшатъ произносить рѣшительный надъ нимъ приговоръ, въ убѣжденіи, что наступила пора къ всеобщей его сдачѣ въ арсеналъ обветшалыхъ орудій, какъ такого, который, по составленнымъ о немъ понятіямъ, необходимо сопряженъ съ насиліями совѣсти и мѣрами принужденія, въ дѣлѣ религіозныхъ вѣрованій. При этомъ, увазывается всегда на то, что европейская цивилизація, отчасти, порѣшила уже съ нимъ, исключивъ его изъ конституціонныхъ кодексовъ многихъ странъ, какъ Новаго, такъ и Стараго Свѣта.

Мы не намѣрены оспаривать, что система отношеній государства къ положительнымъ въ немъ рели-

гіямъ, основанная на совершенномъ отрѣшеніи отъ *идеи государственной религіи*, оказывается, быть можетъ, болѣе или менѣе, пригодною для тѣхъ христіанскихъ странъ, которыя къ ней перешли. Но нельзя не замѣтить, *во первыхъ*, что, и въ опередившихъ насъ, на вѣсколько вѣковъ; странахъ, реформы, въ этомъ отношеніи, воспослѣдовали лишь въ самое новѣйшее время, и *во вторыхъ*, что весьма ошибочно было бы предполагать, чтобы и тамъ конституціонныя начала порѣшили уже окончательно съ вышеупомянутымъ принципомъ. Существованіе до сихъ поръ въ Европѣ различія между *католическими* и *протестантскими* странами, само собою, указываетъ, что въ нихъ имѣются церкви, пользующіяся еще особымъ покровительствомъ закона и сохранившія, по отношенію къ другимъ, значеніе привилегированныхъ. Въ католическихъ странахъ, такихъ, на примѣръ, какъ Австрія, Италія, Баварія, римская церковь, не взирая на всѣ причинявшіяся ею свѣтской власти вѣковыя досажденія, своими постоянными политическими стремленіями, продолжаетъ, однако, и въ наше время, пользоваться главенствомъ. Есть и другой признакъ, что конституціонныя государства далеко не отрѣшились еще отъ принципа государственной религіи. Такъ, ни одинъ изъ тамошнихъ публицистовъ не возьмется, на примѣръ, рѣшить абсолютно, на основаніи самихъ же конституціонныхъ положеній: можетъ-ли верховная власть быть предоставляема, въ Англіи, лицу не *англиканскаго* исповѣданія; въ Пруссіи и другихъ германскихъ государствахъ,—не *лютеранину*; въ Австріи, Италіи—не *католику*, и т. д. Между тѣмъ, это прямо свидѣтельствуеть о господствѣ въ этихъ странахъ хри-

стіанства не въ отвлеченной, но опредѣленной формѣ того или другого исповѣданія, той или другой церкви. Конституціонныя уложенія, столь громко, столь торжественно, провозглашающія религиозную свободу, на самомъ дѣлѣ, выполнѣе не практикуютъ и лишены, слѣдовательно, достаточной, въ этомъ случаѣ, искренности. Въ нихъ, не безъ лицемерія, всегда обходится вопросъ объ отношеніяхъ представителей верховной власти къ господствующимъ церквамъ и избѣгается высказывать, съ откровенностью, передъ народомъ, что держащій скипетръ государь есть вмѣстѣ и блюститель правъ и интересовъ той или другой церкви. Въ дѣйствительности же эти отношенія верховной власти къ извѣстному вѣроисповѣданію продолжаютъ существовать и тамъ, устанавливаясь какъ бы фактически ¹. Не коль скоро въ процессѣ политической жизни государства существуетъ дѣйствіе, сознательно допускаемое законодательною властью, то дѣйствіе это, очевидно, получаетъ юридическое основаніе уже само по себѣ. Такимъ образомъ, абсолютной свободы исповѣданія не существуетъ, на самомъ дѣлѣ, и въ конституціонныхъ государствахъ. Принципъ государственной религіи, съ извѣстными стѣсненіями для иностранцевъ, продолжаетъ проявлять себя и въ нихъ, имѣя еще весьма осязательную защиту въ самомъ законѣ ².

¹ Замѣтимъ, что изъ конституціонныхъ монарховъ одинъ только нынѣшній германскій, Вильгельмъ II, рѣшился открыто сознаться, что въ Пруссіи, въ качествѣ верховнаго пастыря (summus Episcopus) своей лютеранской церкви, онъ есть вмѣстѣ и блюститель ея интересовъ. Рѣчь императора при закрытіи училищныхъ комиссій, „Новое Время“, за 1890, № 5308.

² Объединенная Германія, напр., представляетъ, и въ наше время, живое свидѣтельство, что конституціонныя начала о религиозной свободѣ находятъ еще въ противорѣчій съ практикою. Это еще недавно вызвало на конгрессѣ, въ Галле, сильный протестъ, со стороны одного изъ извѣст-

Мы сомнѣваемся, чтобы и сама Франція, гдѣ, нынѣ, третьею республикою поступлено, повидимому, болѣе рѣшительнымъ образомъ, по части нововведеній въ отношеніяхъ государства къ церкви, была, при этомъ, болѣе откровенною, болѣе искреннею ¹. Не подлежить, во всякомъ случаѣ, сомнѣнію, что и въ ней принципъ государственной религіи далеко не вдругъ утратилъ свое значеніе. Исключенный изъ конституцій прошлаго столѣтія ², онъ былъ торжественно вновь провозглашенъ хартіею Людовика XVIII 4 іюня 1814 года. Это видно изъ того, что въ п. 6 этого конституціоннаго

нѣвшихъ тамъ политическихъ дѣятелей—*Либкнехта*. О свободныхъ мыслителяхъ, какъ передаетъ „Новое Время“, онъ язвительно отозвался, что по отношенію къ религіи они—революціонеры, а въ политическомъ отношеніи—реакціонеры. Вообще ораторъ этотъ, коснувшись на сказанномъ конгрессѣ религіозной свободы, энергично осуждалъ гоненія за вѣру и проповѣдывалъ вѣротерпимость и полную свободу совѣсти („Нов. Вр.“, 1890 г., № 5249). Не для чего было бы оратору, полагаемъ, расточать свое краснорѣчіе, по этому предмету, еслибъ въ конституціонной Германіи эти начала, на самомъ дѣлѣ, вполнѣ процвѣтали.

¹ Вотивированная, недавно, французскою палатою мѣра въ пользу протектората на Востокъ, исключительно, надъ однимъ *католиками* и непріятіе, въ этомъ случаѣ, большинствомъ 318 голосовъ противъ 188, предложенной Деласомъ поправки о распространеніи такого протектората на всѣхъ вообще французскихъ миссіонеровъ; непріятіе также, большинствомъ 317 голосовъ противъ 205, предложенія объ упраздненіи поста французскаго посла при Ватиканѣ; принатіе палатою и въ нынѣшнемъ году бюджета министерства исповѣданій, съ субсидіями, въ пользу, такъ называемыхъ, *признанныхъ культовъ* (*cultes reconnus* „Нов. Врем.“ за 1890 г. №№ 5267 и 5271); наконецъ, возстаніе Г. Жюль Ферри, въ рѣчи, произнесенной имъ, въ декабрѣ 1890 г., при выборахъ въ сенатъ, противъ *отдѣленія церкви отъ государства* (тамъ же № 5312),—все это не составляетъ ли осязательнаго признака, что республиканская Франція далеко еще не усвоила себѣ принципа абсолютнаго правительственнаго невмѣшательства въ дѣла вѣры и не отрѣшилась еще окончательно отъ взгляда на себя, какъ на *католическую* державу, по преимуществу?

² 3—14 сентябра 1791, 24 іюня 1793 и 5 фруктидора года III 22 августа 1795 г.

акта было прямо сказано, что *католическая, апостол-лическая, римская въра* признается *государственною религіей*. Первенствомъ этимъ сказанная церковь пользовалась тамъ, въ широкихъ размѣрахъ, до вступленія на престолъ Людовика-Филиппа, не взирая на то, что изданными, при Людовикѣ же XVIII, 22 апрѣля 1815 года, дополнительными, къ конституціоннымъ положеніямъ первой имперіи, постановленіями было торжественно заявлено, что формальное признаніе въ странѣ какого бы то ни было исповѣданія *привилегированнымъ* или *господствующимъ* безусловно воспрещается, и что конституціоннымъ законопроектомъ представителей палаты, 29 іюня того же года, было проектировано постановление, содержавшее то же самое воспрещеніе. Хотя, затѣмъ, хартією Людовика-Филиппа 16 октября 1830 года, римско-католическая церковь была лишена своихъ прерогативъ, но все-таки, въ этой же самой хартіи, она получила наименованіе *религии большинства* (*professée par la majorité des Français*), а при второй имперіи, не смотря на подтвержденіе тогдашней конституціей начала равенства всѣхъ вообще признанныхъ въ государствѣ вѣроисповѣданій, съ возложеніемъ на сенатъ обязанности быть вѣрнымъ блюстителемъ ихъ правъ, — римско-католическое духовенство, которому, какъ извѣстно, покровительствовала императрица Евгенія, успѣло исходатайствовать себѣ особое отъ прочихъ вѣроисповѣданій преимущество — имѣть, въ томъ же сенатѣ, своихъ представителей, въ лицѣ кардиналовъ. Это не могло не придавать Франціи значеніе преимущественно *католической державы*, и поселять въ публицистахъ (напр., въ Даллоцѣ — Dalloz) сомнѣніе, чтобы французское пра-

вительство того времени дѣйствовало вполне искренно, въ своемъ торжественномъ провозглашеніи началъ религиозной свободы и безусловнаго отрѣшенія политической власти отъ всякой идеи о государственной религіи. Наконецъ, дѣлаемое во Франціи и другихъ конституціонныхъ странахъ различіе между *признанными* и *непризнанными въроисповѣданіями* (*cultes reconnus et non reconnus*), а также между *получающими и не получающими денежныя отъ казны пособія* на содержаніе своихъ духовныхъ управленій (*cultes salariés et non salariés*), — все это явно указываетъ на существованіе значительной еще степени вмѣшательства политической власти въ дѣла вѣры, по крайней мѣрѣ, въ Старомъ Свѣтѣ. При такомъ же вмѣшательствѣ, нельзя сказать, чтобы спекулятивныя понятія о религиозной свободѣ находили тамъ полное свое примѣненіе, и въ настоящее время.

Нельзя, наконецъ, сказать, чтобы, въ религиозно-политической сферѣ и С.-Американскихъ Штатовъ, начала религиозной свободы были примѣнены сразу¹. Казалось бы, что они должны были быть усвоены тамъ, съ первыхъ же моментовъ возникновенія этого республиканскаго государства, такъ какъ, въ исторіи народовъ, оно представляетъ ту особенность, что родилось, такъ сказать, зрѣ-

¹ По конституціонному уложенію этой страны 14 іюля 1788 г. и добавочнымъ къ нему статьямъ, политическая власть лишена права какого бы то ни было вмѣшательства въ дѣла существующихъ тамъ церквей и религиозныхъ обществъ, которыя пользуются правомъ ассоціаціи наравнѣ съ частными обществами, образующимися для различныхъ цѣлей гражданскаго оборота. По свидѣтельству автора извѣстнаго творенія „De la démocratie en Amérique“, А. Токвиля, сами духовныя лица религиозныхъ конгрегацій, не исключая римско-католическихъ епископовъ и аббатовъ, стоятъ на принципѣ совершеннаго отдѣленія государства и церкви (*De la dem. en Amér.*, изд. 1850 г., стр. 358).

лымъ, способнымъ тотчасъ же учредить себя на конституціонныхъ началахъ, и образовалось, притомъ, преимущественно, изъ людей, удалившихся въ Америку, вслѣдствіе именно религіозной нетерпимости въ своемъ отечествѣ ¹. Извѣстный французскій писатель и публицистъ, А. Токвилль, прославившій эту страну, между прочимъ, ея конституціонными положеніями о религіозной свободѣ, самъ описываетъ факты, указывающіе на продолжительное господство, во многихъ отдѣльныхъ Штатахъ, такой религіозной интолерантности, какой у насъ, на Руси, никогда не существовало. Въ этомъ отношеніи, конституціонныя начала состояли въ совершенномъ противорѣчій съ уголовными кодексами. Конституціонныя положенія торжественно заявляли принципъ совершеннаго невмѣшательства политической власти въ дѣла вѣры, а между тѣмъ, въ то же время, законами уголовными опредѣлялись строгія наказанія, иной же разъ и смертная казнь, за исповѣданіе той вѣры, которую законодательная власть, въ томъ или другомъ штатѣ, не одобряла. Такъ, напримѣръ, въ Коннектикутѣ, *анабаттисты* присуждались въ поголовному изгнанію изъ страны. Въ этомъ же самомъ штатѣ существовалъ законъ, въ силу котораго *квакеры* признавались еретиками; капитаны кораблей, за привозъ ихъ въ страну, подвергались тяжкимъ денежнымъ взысканіямъ, а проившіе туда послѣдователи этой секты подвергались тѣлесному наказанію кнутомъ и заключенію въ

¹ См. „Обзоръ современ. констит.“, изд. быв. редак. „Современнаго Слова“, ч. II, стр. 141.

тюрьмѣ; въ случаѣ же упорства, въ своихъ вѣрованіяхъ, тѣхъ изъ нихъ, которые проживали уже въ странѣ, они наказывались сперва денежными взыска- ніями, потомъ заключеніемъ въ тюрьму и, наконецъ, изгнаніемъ изъ страны. Въ Массачусетсѣ, уголовными законами было постановлено приговаривать къ смерт- ной казни каждаго католическаго ксендза, который, по изгнаніи его изъ страны, дерзнулъ бы вновь появиться въ ней. Такимъ образомъ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, еще въ текущемъ столѣтіи, подъ флагомъ конституціонной свободы, осуществлялась средневѣко- вая эпоха *безусловной религиозной нетерпимости*, какой ознаменовали себя, нѣкогда, Византія и Западъ и какая никогда не была въ обычаѣ у насъ на Руси. Это прямо указываетъ на отсутствіе тамъ такой церкви, которая усвоила бы себѣ достаточно любвеобильный къ человѣчеству духъ евангельскаго ученія и которая, въ качествѣ первенствующей, руководила бы политическія тамъ власти въ ихъ образѣ дѣйствія, по отношенію къ иновѣрцамъ.

Изъ всего сказаннаго достаточно усматривается, что конституціонныя начала, подрывающія въ основаніи тотъ политико-гражданскій устой, какой представляетъ тѣсный союзъ государства съ церковью, не всегда спо- собствуютъ процвѣтанію даже такой *въротерпимости*, которая предписывается общечеловѣческими чувствами.

Что касается нашей *Руси*, то мы видѣли, какіе благотворные плоды принесло, въ теченіи вѣковъ, гар- моническое единеніе въ ней государства со своею на- родною, русско-православною, церковью. Принципъ гос- подствующей вѣры, подъ вліяніемъ котораго создалось

и установилось такое единение, может справедливо, поэтому, почитаться однимъ изъ важнѣйшихъ *историческихъ* *устоевъ* *нашей* *національно-политической* *жизни*, *однимъ* *изъ* *краеугольныхъ* *камней*, *на* *которыхъ* *зиждется*, *по-нынѣ*, *весь* *ея* *строй*. Русско-православная національность, въ иной формѣ отношеній государства къ св. вѣрѣ, въ современной намъ Руси, немислима. Отречься отъ принципа государственной религіи, лишить его органическаго значенія, было бы все равно для насъ, русскихъ, что отречься отъ собственной своей національности, истинно русская фізіономія которой обуславливается крѣпостью вѣкового союза государства съ первенствующею въ ней православною церковью. Твердость и непоколебимость этого союза есть одно изъ насущнѣйшихъ условій, не только нашей внутренней, но и нашей внѣшней, политической, жизни.

Вникнемъ нѣсколько ближе въ этотъ первостепенной для насъ важности предметъ.

XXVII.

Опытъ временъ свидѣтельствуетъ, что нѣтъ религіи, нѣтъ вѣрованія, основаннаго на положительномъ ученіи, которыя ограничивались бы только одною сферою внутреннихъ убѣжденій своихъ адептовъ, которыя собирая, группируя ихъ около себя, оставались бы неосязательными въ житейской сферѣ. Каждое отдѣльное вѣроученіе необходимо проявляется и внѣшнимъ образомъ, въ своихъ *письменныхъ источникахъ*, *обрядахъ* и *учрежденіяхъ*. Вслѣдствіе этого, религія необходимо приходитъ въ столкновение и съ обществен-

ною жизнью. *Внѣшняя, органическая жизнь религій*, имѣющихъ положительныя вѣроученія, есть *живой и несомнѣнный фактъ*, проявившійся во всѣ историческія эпохи человѣческаго существованія. Онъ имѣетъ свое начало не въ законодательной волѣ народовъ или ихъ властителей; но въ непреложныхъ какъ бы законахъ естественнаго порядка вещей, измѣненіе котораго не во власти человѣка. Совокупность внѣшнихъ проявленій религіи и характеръ исповѣдуемыхъ ею вѣрованій образуютъ извѣстную, опредѣленную форму вѣры, приобретающую въ гражданскомъ обществѣ значеніе отдѣльнаго, самостоятельнаго органа, именуемаго *исповѣданіемъ* или, въ христіанскомъ мірѣ, *церковью*. Отъ различныхъ воззрѣній на предметы вѣры и различныхъ формъ ея внѣшнихъ проявленій происходитъ то многознаменательное явленіе, что, иной разъ, одна и та же, въ сущности, религія можетъ раздѣляться на нѣсколько отдѣльныхъ исповѣданій, изъ коихъ каждое будетъ имѣть свои особыя каноническія уставы, обрядности и учрежденія. Живой примѣръ этого имѣемъ мы въ христіанствѣ, гдѣ, не говоря, конечно, объ изувѣрныхъ сектахъ, господствуетъ одна и та же вѣра, но не одинъ и тотъ же церковный законъ.

При такомъ положеніи вещей въ христіанскомъ мірѣ, при увѣренности церквей въ непреложности своихъ относительныхъ истинъ, при стремленіяхъ каждой изъ нихъ къ всеобщему преобладанію, далеко распространяющемуся иной разъ за предѣлы той страны, въ коей онѣ возникли и имѣютъ свое мѣстонахожденіе, является возможность непріязненныхъ между ними столкновеній, не только въ *религіозной*, но и *политической*

сберть, особенно въ виду замѣчаемой способности различныхъ націй усвоивать себѣ то или другое исповѣданіе, въ смыслѣ религіи народной, религіи страны.

При этомъ, въ религіозной дѣятельности церкви замѣчается иной разъ сильное наступательное движеніе, съ примѣсю стремленій къ завладѣнію и свѣтскою властію. Этимъ, какъ извѣстно, всегда отличалась, преимущественно, *римско латинская церковь*, которая, съ помощью своихъ духовныхъ орденовъ и миссій, стремится, и нынѣ, къ всемірному преобладанію и подчиненію христіанства римскому престолу ¹.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ вездѣ и во всемъ очерчивается властолюбіе и политическій характеръ стремленій римскаго престола, римской церкви, глубоко коренящіяся и теперь въ душѣ и правилахъ ея представителей, естественно удаляя ихъ отъ ихъ прямого назначенія, — въ такихъ властолюбивыхъ замыслахъ нельзя, конечно, упрекнуть, ни восточныхъ патріарховъ, ни въ особенности нашихъ русскихъ православныхъ святителей, даже временъ патріаршества, за исключеніемъ, развѣ, такихъ, какъ Яворскій и Яновскій, въ которыхъ, какъ мы видѣли, таились, а иной разъ, и обнаруживались замашки къ папизму. Не чужды стремленіямъ къ прозелетизму, съ политическими от-

¹ Эти стремленія подтверждаются, осязательно, нынѣшнею агитаціею въ Познани и Восточной Пруссіи, римско-католическаго духовенства къ возвращенію въ Германію іезуитовъ („Нов. Время“ 1890 г., № 5268). Лучшимъ же доказательствомъ властолюбивыхъ тенденцій папъ, и въ наше время, могутъ служить энциклики и посланія предшествующаго папы Пія IX, а также пререканія, съ королемъ итальянскимъ, нынѣшняго папы, Льва XIII, и недавно появившаяся энциклика его, въ которой онъ обнаруживаетъ вновь стремленія къ свѣтскому обладанію Римомъ, высказавшись противъ его раздѣла между нимъ и королемъ („Нов. Вр.“ 1890 г., № 5249).

тѣннами, и *протестантизмъ*, который, въ настоящее время, представляется, быть можетъ, для Россіи, еще опаснѣе, чѣмъ латинизмъ, судя по свѣдѣніямъ, имѣющимся о характерѣ духовной дѣятельности евангелическихъ пастырей въ Остзейскомъ краѣ и среди различныхъ реформатскихъ сеетъ, развившихся у насъ и имѣющихъ своимъ отечествомъ протестантскія страны, въ сосѣдней съ нами Германіи.

Между тѣмъ, въ Россіи, какъ мы видѣли, подъ сѣнью православія, всегда процвѣтала *въротерпимость*; въ русской странѣ *Друмоновъ* и *Штеккеровъ* не было и нѣтъ. Спокойное отправленіе обрядовъ вѣры, въ собственныхъ храмахъ и молитвенныхъ зданіяхъ, обезпечено, нынѣ, за всѣми вообще вѣроисповѣданіями, христіанскими и нехристіанскими, не исключая *еврейскаго*. Нѣкоторое колебаніе, въ этомъ отношеніи, и стремленія римско-латинскаго духа къ насильственному прозелитизму проявились у насъ лишь въ то время, когда, при трехъ первыхъ нашихъ императрицахъ, на святительскихъ мѣстахъ сидѣли еще подвижники не православія, но латинизма, изъ южно-русскаго духовенства, обучавшагося въ кievской школѣ. Но это, какъ мы знаемъ, продолжалось не долго. Съ торжествомъ, при Екатеринѣ II, въ религіозно-политической сферѣ, православнаго духа восторжествовали вновь и освященные у насъ вѣками *начала въротерпимости*.

Такимъ образомъ, въ современной Руси, принципъ государственной религіи, обезпечивая незыблемость древняго, вѣкового, и вмѣстѣ исполнѣ гармоническаго единенія государства съ церковью, служить вмѣстѣ необходимымъ и самымъ вѣрнымъ оплотомъ противъ вы-

пешказанныхъ пропагандъ, которыя вносятъ съ собою фанатизмъ и нетерпимость.

Къ тому же, исторія нашей церкви представляетъ намъ живой примѣръ насколько всякая попытка къ измѣненію древнихъ формъ отношеній къ ней государственной власти можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, повлечь за собою вредныя послѣдствія для общественной и политической жизни русскаго народа.

Изъ имѣющагося въ „Церковной Исторіи“ пр. Знаменскаго прекраснаго очерка о состояніи этихъ отношеній, въ царствованіе Александра I, видно, что когда, подъ вліяніемъ господствовавшихъ, въ то время, мистическихъ идей и настроеній, родилась мысль объ *универсальномъ, безформенномъ, христіанствѣ*, когда путемъ образованія *двойного* министерства: *духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія*, съ подчиненіемъ ему и св. синода, наравнѣ съ римско-католической коллегіей, евангелической консисторіей и духовными управлениями армянъ, магометанъ, евреевъ и т. д., существенно было поколеблено значеніе православнаго исповѣданія, какъ первенствующаго, и ослаблено, въ правительственной власти, сознаніе ея долга по оборонѣ и защитѣ церкви, то явились разнаго рода неурядицы самаго тревожнаго свойства, какъ для внутренняго спокойствія русской страны, такъ и для внѣшняго ея величія. Внутри государства распространилось въ высшихъ классахъ невѣріе; появились извращенные религіозные толки, повлекшіе за собою обскурантизмъ, вредный не только для религіи, но и для науки и народнаго просвѣщенія; открылись настежь двери для іезуитской пропаганды, отъ которой терпѣли и начала древней, обычной у насъ,

вѣротерпимости къ иновѣрцамъ. Іезуитскія школы, — пишутъ пр. Знаменскій, — охватили, тогда, своею сѣтью всю западную Россію и другія мѣстности, не исключая столицъ. Кромѣ школъ, іезуиты распространяли свое вліяніе еще черезъ свои миссіи. Они совращали уніатовъ въ католичество цѣлыми приходами, привлекали къ латинству даже *евреевъ*, не стѣсняясь употребленіемъ для этого и насильственныхъ мѣръ. Такъ, на примѣръ, дѣти евреевъ забирались силою въ монастыри, и тамъ принуждались къ крещенію. Само правительство, подъ обаяніемъ овладѣвшихъ имъ мистическихъ идей объ универсальномъ христіанствѣ, создавало въ государствѣ крайне несообразныя съ его религіозно-политическими интересами и цѣлями учрежденія, отъ которыхъ обычная у насъ вѣротерпимость скорѣе теряла, чѣмъ выигрывала подъ собою почву. Къ числу такихъ учрежденій можно отнести, между прочимъ, упраздненное не ранѣе, какъ уже въ царствованіе Николая I, такъ называемое „Общество Израильскихъ Христіанъ“. Цѣль этого общества заключалась въ томъ, чтобы собрать подъ свое знамя всѣхъ, вообще, *евреевъ*, русскихъ и иностранныхъ, которые перешли бы въ христіанство, не только православнаго закона, но и всякихъ другихъ вѣроисповѣданій и сектъ. Въ видахъ же поощренія евреевъ къ принятію такого христіанства, поступавшимъ изъ нихъ въ Общество были отведены казенныя земли и дарованы права и имущества, по ихъ объему, гораздо обширнѣйшія въ сравненіи съ тѣми, какими пользовались лица свободныхъ состояній всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій, не исключая православнаго. Этимъ былъ открытъ широкій просторъ къ наплыву въ Россію,

извнѣ, людей еврейскаго происхожденія весьма сомнительнаго христіанства. Интересы православной церкви отъ такого рода прозелитовъ, очевидно, ничего не выигрывали, а между тѣмъ, рѣзкая черта, какая сказаннымъ учрежденіемъ проводилась между подданными еврейскаго исповѣданія, остававшимися въ своей вѣрѣ, и тѣми, которые приняли христіанство, давала первымъ, т. е. общей массѣ нашихъ евреевъ, справедливый поводъ заподозрѣвать правительство въ крайней неискренности своего образа дѣйствія, по отношенію къ нимъ, и приписывать всѣ существовавшія тогда ограниченія въ ихъ правахъ и принимавшіяся, относительно ихъ, репрессивныя мѣры—затаеннымъ стремленіямъ государства и церкви къ насильственному обращенію ихъ въ христіанство. Это могло вмѣстѣ поселать между ними и убѣжденіе, что наша церковь относится къ нимъ не менѣе фанатично, чѣмъ римско-латинская, чего на самомъ дѣлѣ, какъ мы знаемъ, не было и нѣтъ.

Кромѣ того, появлялись разнаго рода такія стѣснительныя для иновѣрцевъ узаконенія и постановленія, которыя носили на себѣ отпечатокъ какъ бы отступленія отъ принципа государственной религіи. Это ощущалось, между прочимъ, въ томъ, что евреямъ, принявшимъ христіанство по закону иновѣрныхъ исповѣданій и ученію различныхъ даже сектъ, предоставлялись одинаковыя льготы съ тѣми, которые крестились въ православную вѣру; что имъ же было воспрещено принимать къ себѣ въ услуженіе христіанъ не одного только православнаго закона, но и всѣхъ другихъ исповѣданій, и т. п. Все это давало видъ, что правительство заботится и печется объ интересахъ столько же раз-

личныхъ христіанскихъ исповѣданій, вѣрованій и толковъ, сколько и о своей собственной національной религіи. Подобныя мѣры явно свидѣтельствовали какъ бы объ отказѣ политической власти отъ установленной издревле обычаемъ и подтвержденной законами обязанности ея быть блюстительницею православія и имѣть заботу объ оборонѣ и защитѣ интересовъ, *исключительно*, господствующаго исповѣданія, т. е. *греко-восточной католической церкви*. Такимъ образомъ, принципъ государственной религіи, удержанный законами во всей силѣ, въ то же время, ослаблялся, на практикѣ, принимавшимися тогдашнимъ правительствомъ мѣрами, къ явному вреду религіозно-политическихъ интересовъ русской страны. Отъ такого индифферентизма къ церкви, какъ справедливо замѣчаетъ пр. Знаменскій, существенно пострадало, тогда, и внѣшнее величіе Россіи, которая, при возстаніи, въ 1821 г., противъ Турціи единовѣрной съ нами Греціи, отказалась подать ей руку помощи и не могла, черезъ это, воспользоваться возможностью позвать лавры по освобожденію этой страны отъ турецкаго ига.

Не подлежитъ, поэтому, сомнѣнію, что *крѣпкое единеніе* государства съ нашею святою православною церковью составляетъ одну изъ самыхъ желаемыхъ формъ и нашего *современнаго политико-гражданскаго строя*. Освященная, нынѣ, *цѣлымъ тысячелѣтіемъ*, она служитъ надежнѣйшимъ щитомъ противъ вторженія къ намъ тѣхъ иноземныхъ пропагандъ, которыя, примѣшивая къ своимъ цѣлямъ политическія стремленія, въ то же время, вносятъ къ намъ извращенныя понятія о христіанскомъ благочестіи, въ дѣлѣ отношеній къ иновѣрцамъ, осо-

бенно же къ евреямъ, а вмѣстѣ и небывалый на Руси религиозный фанатизмъ, который обыкновенно не знаетъ мѣры и предѣловъ и поселяетъ въ людяхъ чувства чело-вѣконенавистничества, совершенно несвойственныя, ни духу истиннаго православія, ни великодушной русско-славянской натурѣ. Охрана законами господствующей церкви представляется тѣмъ необходимѣе, въ данный моментъ нашей политической жизни, что вышесказан-ныя пропаганды дѣйствуютъ, обыкновенно, весьма вкрад-чиво и со всѣмъ свойственнымъ имъ коварствомъ, по распространенію въ народѣ своихъ тенденціозныхъ идей, между прочимъ, и по отношенію къ евреямъ. Это видно изъ одного уже того, что, не находя, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, поддержки въ политическихъ лю-дяхъ своихъ государствъ, не исключая Австріи и Пруссіи, гдѣ, при всей значительности процента еврейскаго на-селенія, не предпринимается, однако, по внушеніямъ антисемитическихъ кружковъ, никакихъ политическихъ мѣръ, для возвращенія къ прежнему порядку вещей, относительно евреевъ, — пропаганды тѣ, въ предположеніи, что принципъ государственной религіи служить въ Россіи источникомъ невѣротерпимости, какъ вообще, такъ и къ сынамъ Израиля, и что въ немъ именно, въ этомъ принципѣ, скрывается главнѣйшая причина стѣсненія и ограниченія правъ евреевъ, стремятся опереться на этомъ предполагаемомъ положеніи вещей, чтобы про-пагандировать свою антисемитическую нетерпимость къ нимъ, въ дрюмоновскомъ и штекверовскомъ духѣ. Отчасти, пропаганды, орудующія въ этомъ смыслѣ, не ошибаются въ своихъ расчетахъ, находя въ нашихъ официальныхъ кружкахъ значительное число лицъ, убѣж-

денныхъ, какъ и они, что локализація евреевъ въ западномъ краѣ, съ цѣлью ихъ недопущенія въ восточную Россію, какъ равно и всѣ прочія ограниченія въ ихъ правахъ репрессивнаго характера, вынуждаются, между прочимъ, и въ наше время, *религіозными мотивами*, вслѣдствіе ощущаемой потребности въ исключительныхъ мѣрахъ въ оборонѣ и защитѣ отъ іудаизма православной церкви.

Между тѣмъ, такое мнѣніе является, на самомъ дѣлѣ, весьма ошибочнымъ.

XXVIII.

Изъ существующихъ у насъ положительныхъ религій, *еврейство*, по своей вообще несклонности къ пропангандѣ и прозелитизму, едва-ли не менѣе всѣхъ представляетъ какую либо опасность для внутренняго спокойствія церкви и ея религіозныхъ интересовъ. Въ этомъ убѣждаетъ, прежде всего, характеръ созерцательныхъ взглядовъ *евреевъ-талмудистовъ*¹ на свою вѣру, какъ такую, которая не признаетъ за собою миссіи къ всесвѣтному своему распространенію. Евреи, слѣдующіе *Талмуду* и раввинскому ученію, вѣруютъ, что ихъ религія, со всѣми ея обрядностями, есть достояніе только ихъ однихъ, какъ потомковъ Израиля. Они не питаютъ и не могутъ питать, поэтому, въ себѣ фанатической склонности къ ея распространенію между

¹ Мы говоримъ о *евреяхъ-талмудистахъ*, такъ какъ о нихъ только въ противоположность *евреямъ-караимамъ*, составилось, со временъ Екатерины II, понятіе, какъ о людяхъ вредныхъ, по ихъ религіознымъ вѣрованіямъ, и подлежащихъ ограниченіямъ въ правахъ (П. С. З., т. XXIII, № 17340).

людьми иныхъ вѣръ и религій, въ томъ числѣ и между христіанами, среди которыхъ они живутъ. Въ этомъ отношеніи, Талмудъ и ученіе раввиновъ совершенно противоположно *Корану*, внушающему магометанамъ безусловную нетерпимость къ другимъ культамъ и не возбраняющему покорять людей исламу, не только посредствомъ пропаганды, но и силою оружія. Всѣмъ извѣстно, что, среди магометанъ, въ народномъ обычаѣ обзывать каждаго иновѣрца словомъ „гяуръ“, т. е. сабака. Этотъ эпитетъ присвоивается имъ и христіанамъ, съ цѣлью выраженія полнѣйшаго къ нимъ презрѣнія, изъ-за ихъ религій. Равнымъ образомъ, извѣстно и то, что *ренегаты*, т. е. отступившіе отъ своей вѣры и перешедшіе въ магометанство, въ большомъ почетѣ у послѣдователей Корана. Между тѣмъ, въ народныхъ обычаяхъ евреевъ ничего подобнаго не замѣчается, вслѣдствіе тѣхъ принципиальныхъ отношеній евреевъ къ своей вѣрѣ, о которыхъ имѣются нынѣ положительныя свѣдѣнія.

Мы сошлемся, въ этомъ случаѣ, на авторитетъ заслуженнаго профессора с.-петербургскаго университета *Д. А. Хвольсона* и приведемъ высказанное имъ, въ извѣстномъ его сочиненіи: „О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ“ (СПБ., 1850), на основаніи еврейскихъ религіозныхъ источниковъ, мнѣніе объ этомъ предметѣ, столь существенномъ въ вопросѣ объ отношеніяхъ церкви и государства къ еврейскому исповѣданію и его послѣдователямъ.

Но какъ предубѣжденными противъ евреевъ лицами всякій благопріятный, въ общественномъ отношеніи, отзывъ о еврействѣ тотчасъ заподозрѣвается въ при-

страсти, то мы считаемъ необходимымъ предпослать нѣсколько словъ о самомъ пр. Хвольсонѣ.

Заслуженный профессоръ, Д. А. Хвольсонъ, занимаетъ въ с.-петербургскомъ университетѣ, издавна, кафедру восточныхъ языковъ. Онъ состоялъ, весьма продолжительное время, также преподавателемъ въ с.-петербургской духовной академіи, и пользуется европейскою извѣстностью, какъ знатокъ *еврейскаго, халдейскаго и сирійскаго языковъ* и ихъ литературы. Г. Хвольсонъ давно уже перешелъ въ христіанство, но принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ прозелитовъ изъ евреевъ, которые относятся къ прежнимъ своимъ единовѣрцамъ съ полною справедливостію и безпристрастіемъ. Своими высоко-нравственными качествами и глубокими познаніями, онъ заслужилъ общее довѣріе среди нашего высшего духовенства и удостоился получить, за подписью с.-петербургскаго митрополита, высокопреосвященнаго *Исидора*, и всѣхъ членовъ совѣта здѣшней духовной академіи, дипломъ на званіе почетнаго ея члена, въ каковомъ дипломѣ сказано, что званіе это предоставляется ему „въ уваженіе неутомимыхъ трудовъ и высокихъ ученыхъ заслугъ, въ области еврейской филологіи и библейскихъ и, вообще, семитическихъ древностей“. Поэтому, изслѣдованія пр. Хвольсона о Талмудѣ и раввинскомъ ученіи не могутъ не имѣть весьма вѣскаго значенія въ глазахъ лицъ безпристрастныхъ, желающихъ основываться на источникахъ вполнѣ достовѣрныхъ, а не на однихъ только противъ евреевъ предубѣжденіяхъ и предразсудкахъ.

Между тѣмъ, вотъ что этимъ ученымъ ориенталистомъ сказано въ вышеупомянутомъ его сочиненіи:

„Еврейская религія, по самой сущности своей, не претендуетъ на исключительную привилегію спасительности; напротивъ, она учитъ, что участія въ будущей жизни не будетъ лишень никакой благочестивый человекъ изъ какого угодно народа. Съ другой стороны, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ душѣ каждаго еврея живетъ желаніе, чтобы всѣ народы земли познали истиннаго Бога; всеобщее просвѣщеніе людей касательно истинныхъ свойствъ божества было предсказано пророками; объ этомъ евреи молятся ежедневно. Но ни ихъ религія, ни ихъ религіозныя воззрѣнія не побуждаютъ ихъ къ *прозелитизму*, къ навязыванію другимъ духовнаго спасенія. По ученію раввиновъ, евреи должны даже отговаривать всякаго желающаго принять еврейскую вѣру, поставляя ему на видъ всю трудность выполненія всѣхъ ея законовъ. Такимъ образомъ, если еврей фанатикъ, то онъ фанатикъ только *внутри* самаго еврейства, относительно самого себя или такого же, какъ онъ самъ, еврея“.

Справедливость своего объясненія объ отсутствіи въ еврействѣ талмудическаго времени, а также и послѣ-талмудическаго, когда евреи стали обитать среди христіанъ, всякихъ элементовъ къ *внѣшнему среди ихъ фанатизму*, проявляющемуся въ стремленіяхъ къ пропагандѣ и прозелитизму, г. Хвольсонъ приводитъ цѣлый рядъ соотвѣтственныхъ мѣстъ изъ Талмуда и твореній авторитетныхъ раввиновъ, въ томъ числѣ и Маймонида, пользующагося всеобщей извѣстностью и среди христіанъ. Въ правильности передачи ученымъ профессоромъ еврейскаго текста не можетъ быть никакихъ сомнѣній; впрочемъ, наши русскіе ученые ориен-

талисты, какъ равно и само духовенство, настолько компетентны по части еврейскаго языка и литературы, что точность переводовъ можетъ легко быть провѣрена.

Наконецъ, отсутствіе въ евреяхъ *внѣшняго фанатизма*, какимъ отличаются послѣдователи Корана и многія христіанскія даже церкви, подтверждается вполнѣ и жизненными проявленіями іудаизма, какъ прежде, такъ и теперь.

На Западѣ, евреи преслѣдовались по фанатизму къ нимъ тамошнихъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, но отнюдь не по ихъ собственному фанатизму къ распространенію своей вѣры. Мы видѣли, что, въ средніе вѣка, римско-католическое духовенство устраивало даже искусственную борьбу съ іудаизмомъ передъ народомъ, съ цѣлью вселенія въ немъ полнѣйшаго презрѣнія къ чело-вѣческой личности евреевъ. Проявившаяся тогда, въ католическихъ странахъ, и отжившая, нынѣ, всюду, легенда, о похищеніи евреями христіанскихъ дѣтей, имѣла отношеніе скорѣе къ *внутреннему*, чѣмъ *внѣшнему* ихъ фанатизму, изображая ихъ вредными, для общества, изувѣрами, на основаніи умысленно-распространявшихся объ ихъ обрядовыхъ дѣйствіяхъ суевѣрныхъ и ложныхъ понятій, съ цѣлью возбужденія противъ нихъ народа и властей. У насъ, въ Россіи, въ удѣльно-вѣчевомъ и московскомъ періодахъ, сказанная легенда вовсе не была извѣстна. Она появилась съ присоединеніемъ Польши, и не ранѣе, какъ въ царствованіе императора Александра I. Но и въ то время уже, по поводу начавшихъ возникать уголовныхъ процессовъ, по суевѣрныхъ обвиненіямъ евреевъ въ похищеніи христіанскихъ дѣтей, для ихъ умерщвленія и употребленія

ихъ крови, при обрядовыхъ дѣйствіяхъ, тогдашній министръ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, князь Голицынъ, обратился, по Высочайшему повелѣнію, къ начальникамъ губерній, съ слѣдующимъ циркулярнымъ предложеніемъ, явно подтверждающимъ тотъ, между прочимъ, фактъ, что упомянутая легенда зашла къ намъ изъ римско-латинскихъ земель: „По неосновательному подозрѣнію, на евреевъ будто они употребляютъ въ опрѣснокахъ христіанскую кровь, неоднократно, *во время польскаго правленія*, были дѣланы на нихъ извѣты въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей; но производившіяся слѣдствія доносозъ сихъ не оправдали. Бывшій король польскій Сигизмундъ-Августъ, по таковымъ бездоказательнымъ извѣтамъ на евреевъ, грамотами своими 1564 г., августа 9-го, и 1566 г., мая 20-го дня, запретилъ обвинять евреевъ, безъ всякаго основанія, въ употребленіи христіанской крови, зная изъ Священнаго Писанія, что евреи въ оной не нуждаются. Въ послѣднее же время, именно въ 1763 г., марта 21-го дня, папскій нунцій, по дѣлу евреевъ, писалъ: „И въ недавнее время римскій престоль изслѣдовалъ всѣ основанія, на которыхъ утверждается мнѣніе, что евреи имѣютъ надобность въ человѣческой крови, для дѣланія своихъ опрѣсноковъ, но не нашелъ довольно ясныхъ доказательствъ, которыя достаточны были бы къ подтвержденію *сего предразсудка* противъ евреевъ, такъ, чтобы можно было, въ силу ихъ, объявить ихъ виновными въ такомъ преступленіи, и потому не призналъ правильнымъ, въ подобныхъ объясненіяхъ, утверждать на семъ основаніи сужденія“. По поводу оазывающихся, и нынѣ, въ *нѣкоторыхъ отъ Польши къ Россіи при-*

соединенныхъ губернійхъ, извѣтовъ на евреевъ объ умерщвленіи ими христіанскихъ дѣтей, якобы для той же надобности, Его Императорское Величество (императоръ Александръ I), приѣмля во вниманіе, что таковыя извѣты и прежде неоднократно отвергаемы были безпристрастными слѣдствіями и королевскими грамотами, Высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ объявить всѣмъ гг. управляющимъ губерніями монаршую волю, чтобы, впредь, евреи не были обвиняемы въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей, безъ всякихъ уликъ, по *единому предразсудку*, что якобы они имѣютъ нужду въ христіанской крови; но если бы гдѣ случилось смертоубійство и подозрѣніе падало на евреевъ безъ предубѣжденія, однакожь, что они сдѣлали сіе для полученія христіанской крови, то было бы производимо слѣдствіе на законномъ основаніи, по доказательствамъ, къ самому происшествію относящимся, наравнѣ съ людьми прочихъ вѣроисповѣданій, которые уличились бы въ преступленіи дѣтоубійства“.

Хотя не взирая на такое поддержаніе, силою высочайшей воли, принципа объективности по уголовнымъ процессамъ, касавшимся случаевъ дѣтоубійства въ мѣстахъ, гдѣ находятся евреи, они, и въ позднѣйшее время, привлекались судебными властями къ уголовнымъ процессамъ этого рода, по старымъ предразсудкамъ о существованіи между ними сказаннаго религіознаго изувѣрства¹; но учрежденная, въ 50-хъ годахъ, по высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ

¹ По возникшему, въ 50 хъ годахъ, извѣстному дѣлу о саратовскихъ евреяхъ, многіе изъ нихъ пострадали даже, вслѣдствіе этихъ предразсудковъ.

члена Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ послѣдствіи Товарища Министра Финансовъ, тайнаго совѣтника, покойнаго А. К. Гирса, спеціальная коммисія ¹, для разсмотрѣнія, между прочимъ, вопроса о религіозномъ дѣтоубійствѣ евреевъ, пришла, однако, къ заключенію о совершенной вымысленности подобнаго обвиненія. Участвовавшій въ этой коммисіи, въ качествѣ ея члена, извѣстный нашъ филологъ, покойный протоіерей Павскій, нераздѣлялъ мнѣнія о предполагавшемся существованіи подобнаго изувѣрства среди евреевъ, по кореннымъ вѣрованіямъ которыхъ употребленіе въ пищу всякой крови строго воспрещается. Засимъ, *сказочно-легендарный* характеръ вымысла объ употребленіи евреями, для обрядовыхъ дѣйствій крови христіанскихъ младенцевъ вполнѣ доказанъ бывшимъ тоже членомъ сказанной коммисіи, профессоромъ *Хвольсономъ*, какъ въ упомянутомъ выше его сочиненіи „О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ“, такъ и въ особой брошюрѣ, подъ заглавіемъ „Употребляютъ-ли евреи христіанскую кровь?“ Намъ неизвѣстно, чтобы кто либо изъ нашихъ русскихъ православныхъ святителей поддерживалъ вышеупомянутый вымыселъ о евреяхъ и придавалъ ему какое либо значеніе. Наконецъ, въ настоящее время, и самъ кн. Н. Голицынъ, авторъ сочиненія, о которомъ мы неоднократно упоминали, вступившій-было, сперва, въ полемизированіе, по этому предмету, съ г. Хвольсономъ, самъ призналъ, въ концѣ концовъ, что обвиненіе евре-

¹ Авторъ настоящаго сочиненія участвовалъ въ дѣлахъ этой коммисіи, въ качествѣ дѣлопроизводителя.

евъ въ вышесказанномъ изувѣрствѣ, какъ основанное на средневѣковыхъ о нихъ предразсудкахъ, имѣетъ своимъ источникомъ одно лишь невѣжество и суевѣріе тѣхъ временъ.

Во всякомъ случаѣ, и въ то время, когда этотъ легендарный вымыселъ имѣлъ еще у насъ нѣкоторую жизненность, евреи обвинялись въ томъ изувѣрствѣ не *огульно*, но только въ смыслѣ существованія среди нихъ *секты*, которая, если и предположить ея возможность, не могла дѣлать еврейства, вообще, въ чемъ либо опаснымъ для нашей церкви, такъ какъ подобныя изувѣрныя секты и вѣрованія, какъ имѣющія, въ своемъ основаніи, отступленіе отъ общихъ началъ добра, строго преслѣдуются, всюду, закономъ и властію, и среди христіанъ. Опасность, со стороны іудаизма, могла бы представляться и вызывать потребность въ борьбѣ съ нимъ, лишь при условіи доказанности существованія въ немъ склонности къ противодѣйствію христіанству, путемъ *пропаганды своей вѣры*.

Между тѣмъ, въ новѣйшей „Церковной Исторіи“ пр. Знаменскаго, гдѣ имъ, начиная съ возникновенія у насъ христіанства, до царствованія императора Николая I, тщательно разсмотрѣны всѣ случаи, вызывавшіе со стороны нашей церкви и свѣтской власти необходимость въ борьбѣ съ иновѣрными пропагандами, въ томъ числѣ, даже съ магометанскою ¹, не указы-

¹ Такъ, напримѣръ, въ царствованіе Елисаветы Петровны поставленный въ Tobольскѣ митрополитъ Сильвестръ Головапкій ревностно занимался, между прочимъ, „противодѣйствіемъ мухаммеданской пропаганды“, которая особенно была сильна между язычниками Барабинской степи и въ Оренбургскомъ краѣ, и поднялъ противъ нихъ два серьезныхъ слѣдствія въ Оренбургѣ и Tobольскѣ. Въ царствованіе Императоровъ Але-

ваются ни одного такого случая, въ отношеніи собственно евреевъ. Не говоря о встрѣчающихся, въ твореніяхъ нѣкоторыхъ святителей нашихъ, догматическихъ разъясненій о іудействѣ, которыя относятся къ области богословія и не могутъ, конечно, быть иными, какъ отрицательными, по отношенію къ нему, наша церковь не вызывалась ни на какую открытую борьбу съ нимъ. Необходимости въ противодѣйствіи религиознымъ стремленіямъ еврейской пропаганды—духовная и свѣтская власть, въ Россіи, не ощущаетъ и теперь, такъ какъ такой пропаганды среди іудаизма, въ смыслѣ нѣчто организованнаго и опаснаго для спокойствія церкви, не существовало и не существуетъ.

Единичные случаи совращенія въ іудейство, которыхъ, въ теченіи девятисотлѣтняго существованія въ Россіи христіанства, насчитывается всего два-три, и то весьма сомнительныхъ, относительно полной ихъ достовѣрности, не могутъ приниматься, конечно, за существованіе среди евреевъ принципиальной склонности къ распространенію своей вѣры и организаціи пропаганды, какая замѣчается со стороны послѣдователей Корана, а также христіанскихъ иновѣрныхъ исповѣданій и различныхъ ихъ сектъ. Россія, со времени принятія евреевъ, въ 1772 году, въ русское подданство, въ числѣ жителей Бѣлороссіи, имѣетъ нынѣ, такъ сказать, *вѣковую экспертизу*, что евреи не склонны въ пропагандѣ и прозелитизму даже въ мѣст-

---

ксандра I и Николая I, въ восточной части Кавказа, между народами сѣвернаго Дагестана и Чечни, дѣлало успѣхи фанатическое ученіе ислама, подъ названіемъ *муридизма*, и т. п. Знаменскій, стр. 328, 465. Среди же евреевъ подобныхъ явленій не встрѣчалось.

ностяхъ, гдѣ, по ихъ населенности и скученности, случаи совращенія всего чаще, казалось бы, могли встрѣчаться, а именно: *въ чертѣ ихъ осподлости*. Появившійся, въ царствованіе императора Александра I, не ранѣе, впрочемъ, какъ въ 1820 г., законъ, казавшійся начертаннымъ въ духѣ нашихъ древнихъ постановленій—*о воспрещеніи людямъ некрещенымъ держать въ услуженіи христіанъ*, вовсе не былъ вызванъ какимъ либо вполне доказаннымъ фактомъ о преимущественной, передъ прочими иновѣрцами, склонности евреевъ къ прозелитизму, и главное—вовсе не по настоянію нашей православной церкви. Законъ тотъ состоялся подъ вліяніемъ общихъ, въ то время, предрассудковъ и предубѣжденій противъ евреевъ, по одному лишь представленію херсонскаго губернскаго начальства, „что въ еврейскихъ домахъ, какъ въ Херсонской губерніи, такъ и другихъ, имѣется весьма значительное число женщинъ христіанской вѣры, которыя, служа у евреевъ, не только забываютъ и оставляютъ безъ исполненія обязанности христіанской вѣры, но принимаютъ обычаи и обряды еврейскіе, и нерѣдко по снисхожденію евреевъ (sic) впадаютъ въ развратъ“. (П. С. З. т. XXXVII, № 28249). Какъ видно, представленіе это было основано лишь на одномъ томъ фактѣ, что многія христіанскія женщины находятся въ услуженіи у евреевъ, безъ объясненія даже, чтобы христіанки эти были православнаго исповѣданія и чтобы онѣ дѣйствительно перешли въ еврейскую вѣру, вслѣдствіе склоненія ихъ къ тому кѣмъ либо изъ евреевъ. Еслибъ высшее правительство не держалось, въ то время, идеи о безформенномъ христіанствѣ, то оно отнеслось бы

въ этому представленію несравненно строже, и тогда слѣдствіе, при депутатѣ со стороны духовнаго вѣдомства православнаго исповѣданія, обнаружило бы, быть можетъ, что никто изъ тѣхъ женщинъ изъ православія совращаема не была, и что съ точки зрѣнія защиты и обороны собственно православной церкви не представлялось настоятельной надобности въ принятіи относительно евреевъ какой либо особой, специальной законодательной мѣры. Но такая мѣра, однако, появилась, и притомъ — въ видѣ обороны и защиты *универсальнаго христіанства*, что вовсе и не лежало на прямой обязанности правительства, на основаніи нашихъ древнихъ, и по нынѣ, ни въ чемъ, въ принципѣ, не измѣненныхъ основныхъ взглядовъ на отношенія государства къ господствующей церкви. Случай, по которому *воспрещеніе о держаніи евреями христіанъ въ услуженіи* было строго подтверждено въ царствованіе императора Николая I, равнымъ образомъ, никакъ не можетъ служить доказательствомъ о присутствіи въ евреяхъ стремленій къ покушенію на цѣлость и неприкосновенность православной паствы. Онъ заключался въ томъ, что нѣсколько чело- вѣкъ евреевъ, преимущественно, по оговору ихъ же единовѣрцевъ, обвинялись въ совращеніи въ свою вѣру двухъ безпріютныхъ молодыхъ *католичекъ*, свитавшихся съ малолѣтства по домамъ евреевъ, причемъ одна изъ нихъ вышла даже замужъ за одного изъ обвинявшихся евреевъ. Совращены были, слѣдовательно, *католички*, но вовсе не христіанки православной паствы. Случай этотъ не могъ, поѣтому, представлять особой важности, съ точки зрѣнія обязанности государства по защитѣ и

оборонѣ православной церкви. Между тѣмъ, сказанные евреи были приговорены виленскимъ главнымъ судомъ къ каторжнымъ работамъ, съ предварительнымъ наказаніемъ плетью и внутомъ. Это предварительное наказаніе было отмѣнено, однако, сенатомъ. Государю же Николаю Павловичу благоугодно было вовсе отмѣнить наказаніе по отношенію къ тѣмъ изъ упомянутыхъ евреевъ, которые были моложе 30 лѣтъ, и ограничиться отдачею ихъ въ солдаты, съ ссылкой въ Грузію (2 П. С. З. т. I, № 736). Православная церковь, въ этомъ случаѣ, какъ видно, была ни причемъ. Доказательствомъ же, что само правительство не сознавало особой опасности, для церкви, отъ держанія евреями христіанской прислуги, можетъ служить, между прочимъ, то обстоятельство, что въ законодательныхъ и правительственныхъ мѣрахъ того времени замѣчалось постоянное колебаніе, относительно строгости примѣненія сказаннаго ограничительнаго узаконенія. Колебаніе это усматривается изъ цѣлаго ряда изъятій и исключеній изъ этого узаконенія, имѣющихся, какъ въ положеніи о евреяхъ 1835 г., такъ и въ отдѣльныхъ, по этому предмету, постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительства, на основаніи которыхъ такія изъятія и исключенія были допускаемы въ пользу евреевъ-земледѣльцевъ, евреевъ, занимавшихся откупными операціями, содержаніемъ почтъ, и т. п.

Нѣкоторыя, съ тенденціознымъ направленіемъ противъ евреевъ, лица охотно указываютъ еще на секту „субботниковъ“, какъ на порожденіе іудаизма. Но это является, равнымъ образомъ, совершенно не справедливымъ. Сказанная секта обнаружена, впервые, въ

1818 г., въ царствованіе императора Александра I, въ Воронежской губерніи, слѣдовательно, внѣ черты постоянной осѣдлости евреевъ. Изъ свѣдѣній, имѣющихся о ней въ Полномъ Собраніи Законовъ (I П. С. З. т. XI, № 30436а), можно съ достовѣрностью заключить, что не евреи были причиною ея возникновенія, не они были ея распространителями, и что едва-ли, вообще, евреи въ чемъ либо были привосновены въ ней. Ближайшія свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, касающихся обнаруженія этой секты, въ Воронежской губерніи, содержатся въ *синодскомъ указѣ*, состоявшемся 29 іюля 1825 года, по высочайше утвержденному 3-го февраля того же года *положенію комитета министровъ*. Изъ этихъ обоихъ правительственныхъ актовъ видно, между прочимъ: 1) что хотя преосвященнымъ воронежскимъ было сообщено, что секта „субботниковъ“ возникла среди православныхъ христіанъ, около 1796 года, отъ *природныхъ*, будто, евреевъ, но это было однимъ только предположеніемъ и фактъ этотъ ничѣмъ не доказанъ, какъ равно и тотъ—всѣ-ли „субботники“ держались *обряда обрѣзанія*, который, какъ извѣстно, по ветхозавѣтному іудейскому ученію, составляетъ его условіе *sine qua non*, безъ чего ни одинъ еврей не можетъ признаваться дѣйствительнымъ евреемъ, даже по ученію евреевъ не талмудистовъ, напримѣръ; караимовъ; 2) что преосвященный воронежскій самъ имѣлъ сомнѣніе, относительно чисто еврейскаго происхожденія той секты, такъ какъ, въ своемъ отзывѣ, онъ объяснилъ, между прочимъ, что „существо ея не представляетъ прямо ветхозавѣтнаго іудейскаго богослуженія“; 3) что хотя вышеупомянутымъ положеніемъ комитета министровъ, въ числѣ

мѣръ къ противодѣйствию распространения секты, было постановлено о высылкѣ изъ уѣздовъ Воронежской и другихъ губерній, гдѣ обнаружена секта, всѣхъ временно проживавшихъ тамъ, или, лучше сказать, случайно забѣхавшихъ туда, евреевъ, но ни одинъ изъ нихъ не былъ обвиненъ и уличенъ въ прикосновенности къ ней, не взирая на то, что, по высочайшему повелѣнію, было произведено строжайшее объ этомъ разслѣдованіе, и 4) что самое названіе секты, сперва сектою „субботниковъ“, затѣмъ „*иудействующихъ*“ и, наконецъ, „*жидовствующихъ*“, присвоено ей не самими ея послѣдователями, а по распоряженію духовнаго и гражданскаго начальства, изъ каковыхъ названій, послѣднее „*жидовствующихъ*“ или „*жидовской секты*“ дано ей, согласно съ заключеніемъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, который въ своей запискѣ, внесенной въ комитетъ министровъ, по поводу этого, объяснилъ, между прочимъ, что „какъ ничто не можетъ имѣть большаго вліянія надъ простымъ народомъ, какъ презрѣніе или посмѣяніе надъ заблужденіями, въ кои совращать его ищутъ, и что именно средство сіе употребляютъ, какъ раскольники разныхъ сектъ, такъ и „субботники“, въ отношеніи православной вѣры; то — по мнѣнію его, министра внутреннихъ дѣлъ, — и въ сношеніяхъ мѣстныхъ начальствъ надлежитъ именовать субботниковъ „*жидовскою*“ сектою и оглашать, что они подлинно суть „*жиды*“; ибо настоящее ихъ наименованіе субботниковъ, или придерживающихся Моисеева закона не даетъ народу точнаго о сектѣ сей понятія и не производитъ въ немъ того къ ней отвращенія, какое можетъ производимо быть убѣжденіемъ,

что обращать стараются ихъ въ жидовство“. Едва-ли подобная мѣра, какъ вполнѣ произвольная, могла быть вполнѣ и дѣлсообразною. Во всякомъ случаѣ, она не была основана на надлежащей справедливости, по отношенію къ евреямъ, и свидѣтельствуеть лишь о крайнемъ сомнѣніи, какое существовало въ духовныхъ и свѣтскихъ властяхъ того времени, относительно того, что секта та, по существу ея ученія, была дѣйстви-тельно еврейскаго происхожденія. Если же принять во вниманіе: 1) что первоначальное ея возникновеніе, въ внутреннихъ губерніяхъ Россіи, относилось къ 1796 году, т. е. къ тому времени, когда евреевъ здѣсь не могло и быть, а если нѣкоторые случайно и появлялись, то, конечно, не для распространенія своей вѣры, къ чему евреи, какъ объяснено выше, и не имѣютъ никакой склонности, и 2) что къ тому именно времени относится начало переселенія изъ Германіи въ Россію множества иностранныхъ колонистовъ, различныхъ свободныхъ христіанскихъ сектъ и толковъ, изъ коихъ многіе имѣли явныя и скрытыя *миссіонерскія цѣли*, то нельзя не прійти къ убѣжденію, что къ обвиненію евреевъ въ какой либо привосновенности къ той сектѣ не было, въ сущности, никакихъ справедливыхъ основаній.

Вышеприведенныя данныя не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что *еврейство* и *евреи*, какъ по существу ихъ религіозныхъ созерцаній, такъ и на самомъ дѣлѣ, представлялись всегда и всюду, въ томъ числѣ и у насъ, въ Россіи, наименѣе, сравнительно съ прочими исповѣданіями, опасными для интересовъ господствующей церкви. Отсутствіе въ нашихъ законодатель-

ныхъ памятникахъ, въ періодѣ нашихъ древнихъ отношеній къ евреямъ, всякихъ признаковъ о существованіи какихъ либо *спеціальныхъ постановленій* къ огражденію церкви отъ еврейской пропаганды — достаточно свидѣтельствуесть, что въ ней не усматривалось, ни духовною, ни свѣтскою властію, ничего особо угрожающаго, въ то даже время, когда народъ былъ погруженъ еще въ невѣжество и суевѣріе и наше православное духовенство, вообще, лишено еще надлежащаго духовно-религіознаго образованія. Спеціальныхъ постановленій къ огражденію церкви отъ евреевъ и еврейства не существовало у насъ продолжительное время и по принятіи евреевъ, въ 1772 г., въ русское подданство ¹. Такого характера не было, первоначально, присвоено и древнему постановленію, коимъ, со временъ царя Михаила Θεодоровича, было воспрещено держаніе людей *крещеныхъ* въ услуженіи, по найму и крѣпостямъ, всѣмъ вообще людямъ *некрещенымъ*, къ числу кото-

¹ Намъ уже извѣстно, что въ предшествовавшихъ Екатеринѣ II царствованіяхъ, древне-православные принципы были существенно поколеблены вторженіемъ у насъ латинизма и протестантизма. Это побудило Екатерину II въ манифестѣ при вступленіи на престолъ заявить съ твердостью свое profession de foi, съ цѣлью повсемѣстнаго возстановленія въ Имперіи русско-православнаго духа. Но при этомъ не было ни слова упомянуто, однако, о какой либо опасности для православія, со стороны собственно *горсеевъ* и *иудаизма* (П. С. З. т. XIX, № 13868). О такой опасности ничего не говорилось и въ наказѣ императрицы генераламъ Каховскому и Кречетникову, предназначавшимся губернаторами въ Бѣлорусскій край, хотя государыня и предписывала имъ мѣры къ огражденію православія отъ иновѣрныхъ пропагандъ и „наипаче недреманно смотрѣть за иезуитами... яко за коварѣйшими изъ всѣхъ прочихъ латинскихъ орденовъ“. Съ принятіемъ же въ 1772 году евреевъ въ русское подданство, въ числѣ жителей Бѣлоруссіи, Екатерина не поколебалась въ дарованіи евреямъ и вѣроисповѣднхъ правъ (П. С. З., т. XIX, №№ 13807 и 13850).

рыхъ, какъ намъ извѣстно, причислялись, въ московскомъ періодѣ, даже лица иновѣрныхъ христіанскихъ исповѣданій. Это постановленіе, вытекавшее изъ древнихъ взглядовъ политики объ опасности, для чистоты православія, домашнихъ общеній между людьми крещеными и некрещеными, едва-ли и имѣло уже примѣненіе въ царствованіе Екатерины II и даже послѣ. Это видно, между прочимъ, изъ того, что, первое время, въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, встрѣчались частые случаи наймовъ ими христіанъ, какъ для домашняго услуженія, такъ и для выполненія разныхъ работъ. Такое право наймовъ христіанъ не было еще воспрещено евреямъ даже изданнымъ при императорѣ Александрѣ I извѣстнымъ положеніемъ о нихъ 1804 года. Равнымъ образомъ, еще долго при дѣйствіи этого положенія, встрѣчались случаи, что, по существовавшимъ тогда законамъ о несостоятельныхъ должникахъ, должники изъ христіанъ, по распоряженію подлежащихъ властей, отдавались въ выслугу къ евреямъ. Наконецъ, при Екатеринѣ II и Павлѣ I не было еще воспрещено евреямъ содержать въ арендѣ населенныя даже имѣнія и пользоваться при этомъ сельскими и полевыми работами крестьянъ и службою дворовыхъ людей. Специальныя мѣры къ предупрежденію всѣхъ подобныхъ случаевъ стали приниматься въ царствованіе Александра I, и притомъ, безъ подачи повода къ тому, со стороны евреевъ, религиозными ихъ стремленіями къ пропагандѣ и безъ всякихъ настояній о томъ, со стороны самой первенствующей церкви. Такъ, изъ сказанныхъ мѣръ видно, между прочимъ: 1) что собственно содержаніе населенныхъ имѣній воспрещено

евреямъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, сенатскими лишь указами, *въ порядкъ управленія*, безъ испрошенія на такую мѣру повелѣнія верховной власти; 2) что такимъ же путемъ была воспрещена, въ 1818 г., отдача евреямъ, для выслуги, должниковъ изъ христіанъ, 3) что поводомъ къ такимъ мѣрамъ вовсе не служили случаи обвиненія евреевъ въ соvrраченія ими въ свою вѣру христіанъ православнаго или другихъ какихъ либо исповѣданій, но совершенно произвольное примѣненіе къ евреямъ мѣстными властями и сенатомъ не *русскихъ*, а *древнихъ польскихъ законовъ*, содржавшихся въ неизмѣвшихъ уже, въ то время, дѣйствія польскихъ конституціяхъ, такихъ, на примѣръ, какъ конституція 1496 и 1690 годовъ, а также не менѣе произвольныя предположенія о потребности въ исключительныхъ мѣрахъ—въ интересахъ обороны и защиты господствующей религіи. Собственно говоря, въ основаніи всего этого лежали, преимущественно, предубѣжденія и предрасудки противъ евреевъ и ихъ закона, о коемъ тогдашнее правительство не имѣло еще никакихъ правильныхъ представленій. До какой степени, при принятіи вышесказанныхъ мѣръ, взгляды сената, по отношенію къ евреямъ, были лишены надлежащей справедливости, можетъ служить, между прочимъ, состоявшійся, въ то же почти время, а именно въ 1819 году, указъ его, которымъ были подтверждены прежнія сенатскія распоряженія о воспрещеніи евреямъ содержать въ арендѣ населенныя имѣнія. Изъ указа этого, помѣщеннаго въ Полномъ Собраніи Законовъ, подъ заглавіемъ: „О прекращеніи въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ работъ и услугъ, отправляе-

мыхъ крестьянами и дворовыми людьми для евреевъ“, видно, что когда обнаружилось, что помѣщики и евреи, съ цѣлью обхода сказаннаго воспрещенія, придумали особый видъ договоровъ подъ названіемъ „крещенцій“, для отдачи въ однолѣтнее пользованіе ежегодныхъ урожаевъ въ имѣніяхъ, съ правомъ употребленія крестьянъ въ работы, то сенатъ, усмотрѣвъ въ заключеніи такихъ договоровъ злоупотребленіе, обвинилъ въ немъ лишь *однихъ евреевъ*; вслѣдствіе чего, предполагалъ уничтожить силу контрактовъ, безъ всякихъ обезпеченій евреевъ-арендаторовъ, относительно затраченныхъ ими на помѣщичьи имѣнія капиталовъ. Противъ такой мѣры возсталъ, тогда, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ, доказывая, что виновными въ нарушеніи правительственныхъ распоряженій слѣдуетъ признать не *однихъ евреевъ*, но также *помѣщиковъ* и *судебныя мѣста*, утверждавшія контракты, почему полагалъ, съ своей стороны, справедливымъ затраченные евреями капиталы на имѣнія обезпечить тѣми же имѣніями, до возмѣщенія помѣщиками своихъ долговъ. Дѣло объ этомъ, за разногласіемъ въ общемъ собраніи сената, восходило до государственнаго совѣта, гдѣ только *меньшинство*, въ числѣ *пяти* голосовъ, присоединилось къ справедливому мнѣнію кн. Голицына. Евреямъ-арендаторамъ, состоявшимъ въ денежныхъ отношеніяхъ съ помѣщиками, грозила, такимъ образомъ, опасность утраты своихъ капиталовъ. Но Государю Александру I, благоугодно было утвердить, 20-го декабря 1820 г., мнѣніе *меньшинства*, что только и спасло сказанныхъ евреевъ отъ окончательнаго разоренія. Это не послу-

жило, однако, къ измѣненію въ чемъ либо той мѣры, какая содержалась въ появившемся нѣсколько ранѣе, въ этомъ же году, упомянутомъ выше законѣ— „о недержаніи евреями въ домашнемъ услуженіи христіанъ“. Мы видѣли, что и этотъ законъ не имѣлъ своимъ поводомъ основанное на какомъ либо рядѣ довазанныхъ случаевъ совращенія евреями въ свою вѣру убѣжденіе высшаго правительства объ ихъ преимущественной, въ сравненіи съ другими иновѣрцами, опасности для интересовъ господствующей религіи. Между тѣмъ, онъ былъ мотивированъ *религіозными* причинами, съ ссылкой на уложеніе царя Алексія Михайловича; причемъ, не было обращено никакого вниманія на то, что содержащееся въ томъ уложеніи постановленіе этого рода вовсе не касалось *спеціально евреевъ*, но относилось, въ равной мѣрѣ, и къ другимъ невращеннымъ людямъ, и что оно, на практикѣ, не имѣло уже, издавна, дѣйствительнаго примѣненія, даже относительно евреевъ. Специализированіе этой мѣры, по отношенію къ этимъ послѣднимъ, вовсе не согласовалось, слѣдовательно, съ духомъ древнихъ нашихъ постановленій и вызывалось воображаемою, но не дѣйствительною потребностью въ какой либо исключительной мѣрѣ къ оборонѣ и защитѣ отъ евреевъ господствующей церкви, которая, какъ видно, имѣла въ этомъ случаѣ лишь пассивную роль, такъ какъ не она настаивала на изданіи сказаннаго закона и не ея, исключительно, интересы имѣлись въ виду тогдашнимъ, проникнутымъ идею объ универсальномъ христіанствѣ, правительствомъ при принятіи такой спеціальной мѣры. Нѣтъ данныхъ, чтобы православная церковь наша побуждала его, и позднѣе,

къ принятію имъ какихъ либо исключительныхъ, относительно евреевъ, мѣръ, съ указаніемъ необходимости въ томъ, по причинамъ *религиознымъ*.

Даже со вступленіемъ на престолъ императора Николая I, когда въ нашей политико-религиозной сферѣ исчезли идеи объ универсальномъ, безформенномъ, христіанствѣ, и политическая власть стала обращать болѣе строгое вниманіе на оборону и защиту лишь первенствующей греко-россійской католической церкви, — наша церковь не подавала правительству повода къ предположеніямъ о ея нуждѣ въ какихъ либо особыхъ мѣрахъ къ оборонѣ и защитѣ отъ іудейства и чтобы въ немъ присутствовала, вообще, опасная для православной паствы фанатическая склонность къ своему распространенію въ народѣ. Такихъ мыслей церковь наша не внушала правительству и при принятіи мѣръ противъ упомянутой выше секты „субботниковъ“, которой гражданскимъ начальствомъ было присвоено, произвольно, наименованіе „жидовской“, — наименованіе, дававшее поводъ къ народной молвѣ, что основателями и распространителями ея были евреи. Что церковь, въ этомъ случаѣ, была совершенно чужда мысли о принятіи какихъ либо исключительныхъ мѣръ въ отношеніи общей массы обитавшихъ въ Россіи евреевъ, усматривается ясно, какъ изъ приведеннаго выше синодскаго указа 26-го іюля 1825 года, такъ равно изъ Высочайше утвержденнаго, 15-го сентября того же года, доклада синода „о дополнителномъ постановленіи, касательно мѣръ къ отвращенію распространенія секты субботниковъ“¹. Изъ

¹ П. С. З., т. XL, № 30483.

актовъ этихъ видно, что духовною властью всегда предлагались мѣры, направленные не противъ евреевъ, но только противъ лицъ, отпавшихъ отъ православія, которыя, судя по ихъ прозвищамъ, были *коренные русскіе*; причеъ не возбуждалось даже и вопроса о существованіи въ еврейской массѣ какой либо организованной и опасной, для православія, пропаганды. Такого же направленія, относительно евреевъ, держалась наша церковь, и въ послѣдующія царствованія—Николая I и Александра II, не подавая, съ своей стороны, никакого повода къ предположенію, что наслоившіяся въ нашемъ законодательствѣ исключительныя о евреяхъ узаконенія вызывались бы какими либо *религиозными мотивами*. Начиная съ царствованія Николая I, само правительство стало выставлять формальнымъ, для законодательства, предлогомъ къ удержанію сказанныхъ узаконеній не *религиозные*, а политико-гражданскіе мотивы, въ основаніи которыхъ лежала мысль о необходимости предпослать реформамъ, по части евреевъ, таеъ названное *религиозно-нравственное ихъ преобразование*, путемъ распространенія, среди нихъ, *общаго образованія*. Мысль эта имѣла своимъ источникомъ предположенія не объ опасности евреевъ, какъ пропагандистовъ своей вѣры, но о скрывающихся въ ихъ талмудическомъ вѣроученіи культурныхъ *началъ*, препятствующихъ будто къ достиженію желаемаго правительствомъ ихъ сліянія въ обычаяхъ и нравахъ съ кореннымъ населеніемъ, — предположенія, о которыхъ, какъ равно и объ ихъ вліяніи на характеръ правительственного образа дѣйствія, относительно евреевъ, мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Что касается собственно разсматриваемыхъ *рели-*

гюзныхъ поводовъ дѣйствія, то нѣтъ основанія предполагать, чтобы, въ современный моментъ, они могли имѣть какое либо значеніе, въ дѣлѣ стѣсненія и ограниченія правъ евреевъ и чтобы церковь наша нуждалась въ какихъ либо исключительныхъ мѣрахъ для обороны и защиты своихъ интересовъ отъ *еврейства* и *евреевъ*. Мысль о томъ, чтобы среди ихъ существовали ярые пропагандисты своей вѣры, чтобы еврейское исповѣданіе, въ этомъ отношеніи, представлялось для церкви и народа, въ чемъ либо, болѣе опаснымъ, сравнительно съ другими у насъ иновѣрными культами, не гнѣздится уже, нынѣ, повидимому, въ самыхъ предубѣжденныхъ противъ евреевъ лицахъ. Новѣйшія данныя о направленіи различныхъ у насъ вѣроисповѣданій вполне убѣждаютъ, что для народа и религіозныхъ интересовъ православія, какая нибудь *штунда* или *панковцы* являются врагами болѣе опасными, чѣмъ евреи. Сосредоточивая въ себѣ сильную склонность къ пропагандѣ, подобныя христіанскія секты дѣйствуютъ, какъ мы уже сказали, весьма вкрадчиво и успѣваютъ, путемъ соблазна, распространять въ народѣ, подъ видомъ христіанскихъ истинъ, свои религіозныя заблужденія, имѣющія нерѣдко и вредныя политическіе оттѣнки. Евреи слишкомъ практичны, слишкомъ озабочены своими чисто-житейскими дѣлами, чтобы усваивать себѣ миссіонерскія склонности, не имѣя къ тому никакихъ, ни политическихъ поводовъ, ни основаній въ религіозныхъ созерцаніяхъ своего положительнаго вѣроученія. Отсутствіе въ нихъ, и нынѣ, всякаго расположенія къ совращеніямъ въ свою вѣру подтверждается вполне также тѣми данными, которыя содержатся въ заключеніяхъ бывшихъ *губернскихъ*,

по еврейскому вопросу, комиссіяхъ. Одесская, напримеръ, коммисія, не взирая на внесенную участвовавшимъ въ ней профессоромъ новороссійскаго университета, г. *Леонтовичемъ* весьма тенденціознаго характера записку, которой мы будемъ имѣть еще случай коснуться, признала большинствомъ голосовъ, что существовавшій, еще въ то время, законъ о воспрещеніи евреямъ держать въ домашнемъ услуженіи христіанъ—могъ бы, безобязанно, быть отмѣненъ, вслѣдствіе замѣчаемаго, вообще, факта, что евреи, коимъ и тогда, въ видѣ исключенія, разрѣшалось имѣть такую прислугу, не только не отклоняютъ ее отъ выполненія обрядовъ христіанской вѣры, но, напротивъ, всячески содѣйствуютъ имъ въ этомъ, устраивая для ней нерѣдко, на свой счетъ, разговорніе въ недѣлю Свѣтлаго Воскресенія. Такая же коммисія, въ *Ковенской* губерніи, принадлежащей къ числу главныхъ центровъ еврейскаго у насъ населенія, въ виду именно того факта, что на опытѣ не усматривается, чтобы были случаи совращенія въ іудейство, пришла, между прочимъ, къ заключенію о полной возможности разрѣшенія евреямъ, безъ всякихъ, для православной паствы опасеній, не только *держатъ христіанскую прислугу*, но и вступать съ христіанами въ *смѣшанные браки* ¹. Въ этомъ же смыслѣ выска-

¹ Нельзя не замѣтить, что изъ нѣкоторыхъ, имѣющихся у насъ, церковныхъ актовъ новѣйшаго времени, можно заключать, что по духу истиннаго православія супружеское сожительство христіанъ съ евреями *безусловно* не возбраняется. Такъ, напр., изъ состоявшагося, въ царствованіе императора Николая I, объявленнаго синодальнымъ оберъ-прокуроромъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, положенія св. синода по вопросу о женатыхъ лицахъ, обращающихся изъ жидовской секты въ православіе, видно, что синодъ, основываясь на слѣдующихъ словахъ апостола Павла: „аще который братъ жену имать невѣрну, и та благовольтъ жити съ нимъ

зались и многія другія комисіи, въ томъ числѣ и *Херсонской* губерніи, гдѣ, какъ мы видѣли, 70 лѣтъ передъ этимъ, губернское начальство, подъ вліяніемъ тогдашнихъ предубѣжденій и предразсудковъ противъ евреевъ, отнеслось совершенно иначе къ вопросу о правѣ евреевъ держать въ услуженіи христіанъ. При этомъ, въ заключеніяхъ комисіи было высказано и то мнѣніе, что допущеніе къ найму у евреевъ женщинъ православнаго исповѣданія, для выполненія обязанностей кормилицъ и нянекъ, представляется даже весьма полезнымъ, такъ какъ замѣчается вообще, что, въ встрѣчавшихся случаяхъ такого найма, дѣти въ еврейскихъ семействахъ начинали говорить по русски ранѣе, чѣмъ на своемъ польско-нѣмецкомъ жаргонѣ, а впослѣдствіи—не имѣли даже его акцента, и вообще, своимъ обрусѣніемъ, выдѣлялись изъ еврейской среды. Что касается встрѣчавшихся случаевъ невыполненія христіанскою у евреевъ прислугою всѣхъ своихъ религіозныхъ обрядностей, что

да не оставляетъ ее; и жена аще имать мужа невѣрна, и той благоволишь жити съ нею, да не оставляетъ его: святится бо мужъ невѣрній о женѣ вѣрнѣ, и святится жена невѣрна о мужѣ вѣрнѣ“ (1 посл. къ Коринѣ. гл. 7 ст. 12, 13, 14), — далъ заключеніе, что, въ подобномъ вопросѣ, слѣдуетъ различать *природныхъ* евреевъ отъ *отпавшихъ въ еврейство изъ православія* и что если, при супружескомъ сожителствѣ природныхъ евреевъ, одинъ изъ супруговъ — жена или мужъ — приметъ православіе и не взирая на это, пожелаетъ продолжать супружеское сожителство съ другимъ, оставшимся въ еврействѣ, то надлежитъ оставлять ихъ въ сожителствѣ, *безъ расторженія брака*, съ тѣмъ, чтобы обратившемуся въ православіе супругу было виѣнено въ обязанность имѣть попеченіе о воспріятіи и другимъ св. вѣры, а отъ оставшагося въ невѣрїи была отбѣраема подписка, чтобы онъ не дѣлалъ никакихъ укоризвъ другому за вѣру и не употреблялъ никакихъ мѣръ къ соращенію въ еврейство рождаемыхъ въ этомъ бракѣ дѣтей (2-е П. С. З., т. I, № 4). Такое положеніе синода лежитъ въ основаніи и нынѣ дѣствующихъ постановленій о смѣшанныхъ бракахъ (т. X, Зак. Гр., ч. I, изд. 1887 г., ст. 81).

единственно и послужило херсонскому губернскому начальству, въ царствованіе Александра I, поводомъ войти съ упомянутымъ выше представленіемъ о воспрещеніи евреямъ имѣть у себя такую прислугу, то именно *херсонскою* же комиссіею, весьма справедливо, объяснено, что и въ христіанскихъ домахъ, сказанная прислуга, какъ-то: вухарки, повара, мамки и няньки, по роду и свойству своихъ обязанностей, не всегда поставлены въ возможность въ точности выполнять всѣ обряды вѣры и что посему, это же самое въ еврейскихъ семействахъ не можетъ быть принимаемое за отпаденіе служащихъ лицъ отъ православія, вслѣдствіе обольщенія или какого нибудь принужденія со стороны евреевъ.

Такого рода данныя и соображенія, по ихъ несомнѣнной справедливости, и послужили, между прочимъ, какъ нужно полагать, поводомъ къ отмѣнѣ, въ 1887 г., слѣдовательно, въ нынѣшнее уже царствованіе, появившагося, при императорѣ Александрѣ I, *закона о воспрещеніи евреямъ держать въ домашнемъ услуженіи христіанъ* (собр. узак. 1887 г., № 62, ст. 549). Нельзя пропустить безъ вниманія, что эта законодательная мѣра была принята по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, покойнаго графа Д. А. Толстого, который передъ тѣмъ состоялъ и оберъ-прокуроромъ св. синода, а слѣдовательно — такого министра, который не могъ не быть вѣрнымъ блюстителемъ интересовъ православной церкви.

Если же евреи признаны законодательною властью настолько безопасными въ отношеніи пропаганды и прозелитизма, что ею не встрѣчено препятствія къ от-

мѣнѣ одного изъ тѣхъ постановленій, въ которому наиболѣе представлялось *религіозныхъ мотивовъ*, по древнимъ взглядамъ на опасность между людьми крещеными и некрещеными *свободы домашнихъ общеній*,—то въ такой мѣрѣ нельзя не видѣть, въ то же время, и *принципальнаго* признанія закономъ возможности устраненія всякихъ *религіозныхъ* поводовъ къ исключительному образу дѣйствія, по отношенію къ евреямъ.

Между тѣмъ, нѣкоторые изъ нашихъ антисемитовъ стремятся изображать такой отказъ правительственной власти отъ *религіозныхъ мотивовъ* несогласнымъ, ни съ принципомъ государственной религіи, ни съ практическими интересами русской страны. Но это обнаруживаетъ въ нихъ только совершенное незнакомство ни съ этимъ принципомъ, но съ этими интересами. Ошибочность и даже нелогичность, въ этомъ случаѣ, ихъ сужденій усматривается изъ самой постановки ими вопроса о религіозныхъ мотивахъ, въ дѣлѣ стѣсненія и ограниченія правъ евреевъ.

Смѣшивая въ своихъ понятіяхъ *религіозную нетерпимость къ доктринамъ иновѣрныхъ религій* съ *общественною и политическою нетерпимостью* къ ихъ послѣдователямъ и исходя, преимущественно, съ той точки зрѣнія, что принципъ государственной религіи есть живое отрицаніе той и другой терпимости, сказанныя лица усматриваютъ, вообще, въ допущеніи страшною, гдѣ такой принципъ принятъ и господствуетъ, религіозной терпимости къ иновѣрцамъ, не принципиальный, основанный на твердыхъ и неизблемыхъ началахъ, политическій актъ, но какъ бы произвольную, зависящую отъ усмотрѣнія политической власти, мѣру

правительственнаго *снисхожденія*, которое, по отношевію собственно къ евреямъ, является, по ихъ мнѣнію, неумѣстнымъ и несогласнымъ съ общимъ, національнымъ настроеніемъ народа,—въ томъ предположеніи, что имъ искони питается къ нимъ глубокая, ничѣмъ не предотвратимая, и въ наше время, *религіозная неприязнь*. „Глубокая антипатія и ненависть къ еврею,—восклицаютъ наши антисемиты,—лежатъ въ русскихъ преданіяхъ, въ письменности народной, въ его легендахъ, и что всего еще важнѣе—въ его религіозномъ сознаніи“. „Это чувство,—продолжаютъ они,—стародавнее, историческое“... „русская земля и народъ никогда, даже спустя столѣтія, покуда Русь — Русью, не помирятся съ мыслью и представленіемъ о евреѣ, и томъ „жидѣ“, на которомъ, по народному понятію, лежитъ печать какого то проклятія, который является, въ глазахъ русскаго простолюдина, „христопродавцемъ“ и потомкомъ Іуды Искаріота и на котораго народъ, въ грубой простотѣ своей, смотритъ, какъ на собаку (sic)“. „Съ точки зрѣнія легендарно-поэтической, — присовокупляется тѣми же лицами, — народная религіозная сказка живописуетъ еврея, постоянно, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, и подобное сознаніе усвоено народомъ“. Такой религіозной неприязни народа къ евреямъ приписывается, главнымъ образомъ, и причина бывшихъ, въ недавнее время, ихъ погромовъ въ Западномъ краѣ. Соглашаясь, однако, въ то же время, что проявленія въ общественной сферѣ религіозной нетерпимости, вообще, нежелательны и не приусути „духу теперешняго русскаго законодательства и русскаго общества“ и что усвоеніе русскимъ народомъ

предполагаемой ненависти къ евреямъ изъ-за вѣры весьма прискорбно, такъ какъ это имѣетъ своимъ источникомъ *суевѣріе и невѣжество* и есть „плохой культурный двигатель“, указывающій на необходимость „перевоспитанія народа“, — изобрѣтатели приведенныхъ фантастическихъ аргументовъ, тѣмъ не менѣе, утверждаютъ, что оказываемая евреямъ, въ видѣ правительственнаго снисхожденія, вѣротерпимость преждевременна, такъ какъ „мудрому и предусмотрительному“ правительству нельзя серьезно не считаться съ уворенившимся въ народѣ издревле непріязненнымъ настроеніемъ къ евреямъ, которое въ виду его интенсивности не можетъ скоро быть въ немъ изглажено и которое едва-ли и желательно ослаблять религіозною къ евреямъ терпимостью церкви и правительства, на томъ основаніи, что чувство религіозной непріязни къ еврейству срослось съ русскимъ народомъ и живетъ въ немъ, и что правительственная вѣротерпимость къ лицамъ іудейскаго закона могла бы вселить въ простонародіи религіозный *индифферентизмъ*, тогда какъ, по мнѣнію сказанныхъ лицъ, несравненно политичнѣе поддерживать у насъ національную нетерпимость къ еврейству, чѣмъ дѣлать народъ *религіозно индифферентнымъ* къ нему.

Такой, именно, путаницѣ понятій лица тѣ присвоиваютъ значеніе *религіозныхъ мотивовъ* къ сохраненію законоположеній о евреяхъ, въ силу коихъ существуетъ и извѣстная черта ихъ осѣдлости, вытѣсняющая ихъ изъ „коренной Руси“, какой, въ глазахъ тѣхъ лицъ, являются тѣ только ея части, которыя признаются, нынѣ, недоступными для общей массы еврейскаго населенія. Съ этой точки зрѣнія, отмѣна сказанной черты

и разрѣшеніе евреямъ права повсемѣстнаго жительства въ Россіи были бы мѣрами, которыя не имѣли бы иного значенія, какъ насильственнаго навязыванія евреевъ русскому народу, насильственнаго ихъ вталкиванія въ его народную жизнь.

Изъ этого антисемитическаго сумбура легко усмотрѣть, что логика его изобрѣтателей слѣдующая: въ Россіи существуетъ исконная національная неприязнь къ евреямъ изъ-за ихъ вѣры; неприязнь эта овладѣваетъ простой народъ и въ настоящее время, располагая его къ ихъ погромамъ; источникъ такой неприязни *суевѣріе и невѣжество*, дающія вѣру сказкамъ о легендарномъ „жидѣ“; но, ни церковь, ни правительственная власть, которымъ уже не присущи такое *суевѣріе и невѣжество*, не должны, однако, предпринимать какихъ либо реформъ по еврейской части, особенно по отношенію къ правамъ жительства евреевъ, изъ опасенія, что суевѣрные и невѣжественные взгляды народа на евреевъ разсѣются и что онъ сдѣлается самъ вѣротерпимъ къ еврейству, а это могло бы развить въ народѣ религиозный индифферентизмъ, весьма нежелательный для религиозно-нравственныхъ интересовъ государства. Такимъ образомъ, выходитъ, что *вѣротерпимость* и *религиозный индифферентизмъ* одно и то же, что вѣротерпимость у насъ на Руси, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ евреямъ, существовать не должна, что, въ этихъ видахъ, въ народной массѣ слѣдуетъ поддерживать *суевѣріе и невѣжество* и что черта осѣдлости является необходимымъ и полезнымъ для этого факторомъ.

Не говоря о томъ, что нельзя допустить мысли,

чтобы мотивомъ къ сохраненію этой черты могло служить повятіе о какой либо необходимости поддержанія въ народѣ суевѣрій, основанныхъ не на истинахъ православной вѣры и современномъ просвѣщеніи, а на грубомъ невѣжествѣ и легендарныхъ сказкахъ,—нужно замѣтить, что приведенная логика имѣетъ, прежде всего, весьма ложную точку отправленія. Когда же ложна точка отправленія, то извѣстно, что ложны и всѣ вытекающіе изъ нея выводы. Все здѣсь построено, какъ видно, на предположеніи, что въ русскомъ народѣ господствуетъ освященная вѣками *религиозно-національная неприязнь къ евреямъ*. Между тѣмъ, факты убѣждаютъ въ совершенной ложности такого предположенія. Историческая его невѣрность нами уже достаточно, кажется, доказана. *Религиозная, т. е. чисто богословско-доктринальная нетерпимость* къ еврейству, которая весьма естественна по отношенію къ вѣроученію, почитающемуся ложнымъ, никогда не переходила у насъ въ *нетерпимость общественную*—къ самимъ евреямъ, ни въ отцахъ и святителяхъ нашей церкви, ни въ державныхъ властителяхъ русской земли, ни въ народѣ, какъ малороссійскомъ, такъ и великорусскомъ. Русско-славянскія племена, до и послѣ принятія христіанства, всегда уживались съ евреями. Еслибъ это не было такъ, еслибъ евреи искони внушали къ себѣ ихъ неприязнь, то они не могли бы и укореняться среди нихъ, такъ какъ племена эти были всегда настолько самобытны и могущественны, что во времена господства силы надъ правомъ, какъ, напримѣръ, въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ, они легко могли освобождаться отъ нихъ, не

только посредствомъ ихъ изгнанія изъ своихъ земель но и путемъ ихъ истребленія мечомъ.

Между тѣмъ, наши антисемиты сами признають, что евреи, преимущественно, укоренились и укрѣплялись на славянскихъ земляхъ, ссылаясь на сложившуюся даже у насъ пословицу: „*одъ славяне, тамъ и евреи*“¹. Говоря это и утверждая, затѣмъ, фактъ, непримиримой вражды русскаго къ еврею, антисемиты тѣ явно сами себѣ противорѣчатъ. При этомъ, ими обыкновенно не выясняется, съ достаточною опредѣлительностью, самый источникъ этой вражды: коренится-ли она, по ихъ мнѣнію, въ истинныхъ *расовой* неприязни, или же неприязни *религіозной*, или той и другой вмѣстѣ. *Расовая* и *религіозная* вражда не одно и то же. Хотя ихъ проявленія могутъ быть сходственными, но обѣ эти вражды имѣютъ и свои отличительные признаки. Между тѣмъ, историческія данныя, приводимыя самими антисемитами, даютъ право заключать, что если и встрѣчались на Руси случаи, въ которыхъ русскій народъ принималъ участіе въ насиліяхъ надъ евреями или ихъ избіеніяхъ, то двигателями этого были не такія стихійныя причины, какими являются *расовая* или *религіозная вражда* къ нимъ народа, но лишь случайныя обстоятельства, дѣлавшія толпу слѣпымъ орудіемъ нѣкоторыхъ лицъ или извѣстныхъ партій, или классовъ, которые, при ея возбужденіи противъ евреевъ, пользовались, конечно, и ея невѣжественными представленіями о нихъ, какъ о врагахъ христіанъ и хриstopродавцахъ. Къ тому же, изъ тѣхъ

¹ Записка князей Голицыныхъ, внесенная въ бывшую Высшую Комисію, для пересмотра дѣйствующихъ о евреяхъ въ Имперіи законовъ.

же исторических фактовъ можно заключать, что подобныя явленія среди нашего народа были, вообще, весьма рѣдки. Хотя антисемитами и говорится, что „отращеніе къ евреямъ проходитъ черезъ всю исторію русскаго народа“, но, въ то же время, ими не приводится никакихъ другихъ случаевъ участія народа въ столкновеніяхъ съ евреями, кромѣ встрѣтившихся въ г. Кіевѣ, въ Кіевскомъ періодѣ, и въ Малороссіи, во время гетманщины, „жидотрепаній“, а также происшедшихъ, въ послѣднее время, въ западномъ краѣ уличныхъ безпорядковъ, которымъ охотно присвоиваютъ названіе еврейскихъ погромовъ, изъ-за вѣры и расы. Между случаемъ въ Кіевскомъ періодѣ и „жидотрепаніями“ гетманщины, а затѣмъ между временемъ гетманщины и нынѣшними еврейскими безпорядками, имѣются промежутки времени, продолжавшіеся нѣсколько столѣтій, въ теченіи которыхъ, какъ намъ извѣстно, евреи не были предметомъ принципиальныхъ религіозныхъ гоненій, ни въ Великороссіи, гдѣ обитавшіе въ ней евреи всегда спокойно проживали, ни въ древнихъ нашихъ областяхъ, въ томъ числѣ и въ Малороссіи, гдѣ въ *мирное время*, при русскомъ владычествѣ, они, въ довольно значительномъ числѣ, имѣли осѣдность среди коренного населенія, на земляхъ свѣтскихъ и духовныхъ вотчинниковъ. Поэтому, можно утвердительно сказать, что вышесказанные, рѣдкіе, случаи народныхъ возстаній, въ коихъ толпа была только слѣпымъ орудіемъ подстрекателей, не имѣли своею причиною такихъ постоянныхъ двигателей, какими являются побужденія *религіозной* или *расовой* неприязни коренного населенія къ живущему среди его инородному или иновѣрному племени. Еслибъ,

въ славяно-русскихъ племенахъ, дѣйствительно присутствовали элементы той или другой къ евреямъ непримиримой вражды, то несомнѣно, что проявленія этихъ чувствъ должны были бы встрѣчаться чаще, а роль въ этихъ случаяхъ народа—быть болѣе осмысленною, болѣе активной и устойчивою, особенно, если признать вполне справедливымъ приводимый нашими антисемитами фактъ, что евреи, самымъ назойливымъ образомъ, върадовались и поселялись среди славяно-русскихъ племенъ, противъ ихъ желанія. Такой способъ ихъ поселенія, у насъ, выдается за фактъ, между прочимъ, какъ мы видѣли, и г. Костомаровымъ,—по отношенію къ евреямъ, размножившимся въ Московской Руси, со временъ царя Алексія Михайловича. Наконецъ, недавніе мѣстные погромы евреевъ, хотя и произошли въ довольно широкихъ размѣрахъ, но по всѣмъ имѣющимся о нихъ даннымъ, частнымъ и оффиціальнымъ, видно, что они были вызваны тоже случайными обстоятельствами, которыми пользовались разные агитаторы для возбужденія уличныхъ беспорядковъ, посредствомъ взволнованія противъ евреевъ народной черни. При этомъ агитаторами тѣми, по всей вѣроятности, были пускаемы въ ходъ обзыванія ихъ разнаго рода поносительными словами *религіознаго* характера, такими, какъ „хриstopродавцы“, „луды“, „убійцы Христа Спасителя“, и т. п. Но изъ этого, никакъ нельзя, справедливымъ образомъ заключать о присутствіи въ русскомъ народѣ общей и ничѣмъ непримиримой къ евреямъ религіозной или расовой вражды, такъ точно, какъ нельзя заключать о существованіи въ немъ той или другой такой же вражды къ нѣмцамъ, французамъ, англичанамъ, туркамъ, татарамъ, хотя въ простонародіи

ходить еще, до сихъ поръ, обычай обзывать всѣхъ ихъ, вообще, бусурманами и нехристами. Известно, что въ 1812 году, при нашествіи французовъ, этимъ пользовались свѣтскія и духовныя власти, и для возбужденія народа противъ нихъ, распускался официальными путями слухъ, что это нашествіе вражей, анти-христіанской, силы, и что Наполеонъ и есть ожидаемый антихристъ. Простой народъ, и въ мирное время, всегда легко подвинуть, этимъ способомъ, къ разнаго рода буйствамъ и уличнымъ беспорядкамъ, особенно въ чертѣ осѣдлости евреевъ, гдѣ они сильно конкурируютъ съ мѣстнымъ населеніемъ по всѣмъ отраслямъ труда. Во время сказанныхъ еврейскихъ погромовъ, народная толпа, взволнованная подстрекателями, дѣйствовала, можно сказать, съ точно такою же безотчетностью, съ какою, за десять лѣтъ передъ тѣмъ, бушевала она, напримѣръ, въ теченіи трехъ сутокъ, въ улицахъ г. Харькова, при разгромѣ, въ 1872 г., тамошней полиціи, разбивая окна въ полицейскихъ зданіяхъ, вторгаясь въ эти зданія, разметывая и истребляя въ нихъ дѣла. Можно было бы указать на множество другихъ подобныхъ случаевъ народныхъ буйствъ и беспорядковъ, объяснять причину которыхъ осмысленными какими либо чувствами въ народѣ и видѣть въ этомъ поводъ къ ограниченію правъ тѣхъ классовъ населенія, которые дѣлались жертвами грубой силы, было бы несправедливымъ и до крайности неосновательнымъ¹. Собственно, въ отношеніи упомина-

¹ Фактъ легкаго подстрекательства народа къ буйствамъ усматривается, между прочимъ, изъ сообщаемого «Новымъ Временемъ» извѣстія, что, на бывшемъ 6-го октября 1890 г. галиційскомъ сеймѣ, галицко-рус-

нутыхъ еврейскихъ погромовъ, нельзя не замѣтить того, подтверждающагося офіціальными свѣдѣніями, факта, что предметомъ насилія были, не столько *личность* евреевъ, сколько ихъ *имущество*, которое, при этомъ, не истреблялось и даже не разграблялось, но было подвергаемо чернью, большею частью, только порчѣ и поврежденію, какъ бы въ видѣ отместки за ихъ мѣстную скученность и сосредоточеніе, вслѣдствіе этого, въ себѣ нѣкоторой преимущественной передъ тамошнимъ населеніемъ экономической силы, а это прямо указываетъ скорѣе на *торгово-промышленный*, чѣмъ на *религіозный* характеръ всей тогдашней агитаціи, при которой никто, конечно, изъ принимавшихъ въ ней участіе, не могъ отдавать себѣ яснаго отчета о совершенной невинности евреевъ, какъ въ ихъ сказанной скученности, такъ и въ естественно происходящихъ отъ этого неблагоприятныхъ экономическихъ явленіяхъ.

Судя по всѣмъ имѣющимся, какъ историческимъ, такъ и современнымъ фактамъ, не подлежитъ сомнѣнію, что чувства непріязни къ евреямъ гнѣздятся у насъ не столько въ *низшихъ*, сколько въ *высшихъ слояхъ общества*, особенно гдѣ нѣтъ евреевъ или гдѣ они появились въ недавнее лишь время; такъ какъ въ этихъ послѣднихъ слояхъ, приходившихъ мало или не приходившихъ вовсе въ бытовья, жизненныя, отношенія съ евреями, продолжаютъ преобладать религіозно-созерцательныя на нихъ взгляды и всякаго рода предубѣжденія, поддерживающіяся нерѣдко умышленно людьми

скимъ депутатомъ Росанковскимъ было заявлено, что подосланные, въ Галичану, полиціей agents provocateurs подстрекали мужиковъ къ избиенію поляковъ и жидовъ («Нов. Вр.», 1890 г., № 5240).

образованнаго круга, изъ тѣхъ или другихъ личныхъ своихъ видовъ и интересовъ. Что касается простаго народа, то среди его, не исключая великорусскихъ губерній, гдѣ, во многихъ мѣстахъ, имѣется уже, со времени нѣкотораго расширенія, въ прошломъ царствованіи, правъ жительства евреевъ, болѣе или менѣе, значительное ихъ число, не слышно частыхъ случаевъ возникновенія дѣлъ, по жалобамъ, со стороны евреевъ, объ ихъ поношеніяхъ собственно за вѣру или расу. О такого рода поношеніяхъ и оскорбленіяхъ не слышно даже и въ чертѣ осѣдлости евреевъ, гдѣ простолюдины приходятъ еще въ большія жизненные столкновенія съ ними. Хотя на дому, въ своихъ семействахъ, простолюдиномъ и случается, быть можетъ, обзывать, иной разъ, евреевъ какимъ либо словомъ, но дѣлать это открыто, съ цѣлью нанесенія имъ религіозныхъ оскорбленій,—вовсе не въ народномъ обычаѣ людей православныхъ. Каждый изъ нихъ охотно входитъ въ сношеніе съ евреемъ, по своимъ житейскимъ дѣламъ, различая, своимъ практическимъ умомъ, еврея *хорошаго* отъ *дурного*. Что простой народъ, православной собственно паствы, даже въ Западномъ краѣ, не взирая на чрезмѣрную тамъ численность евреевъ, живетъ съ ними, большею частью, въ ладахъ—объ этомъ имѣются удостовѣренія въ заключеніяхъ самихъ губернскихъ, по еврейскому вопросу, комиссій, хотя, конечно, переполненіе, въ тѣхъ мѣстахъ, евреями торжищъ, рынковъ и базаровъ, въ городахъ и селеніяхъ, можетъ, конечно, быть источникомъ неудовольствій со стороны народа, само по себѣ, совершенно помимо предполагаемой въ немъ религіозной къ нимъ непріязни. Объ удовлетворительныхъ тамъ отношеніяхъ къ евреямъ простаго

класса людей изъ коренныхъ русскихъ, и въ прежнее время, можно заключать изъ того, что, при всемъ угнетенномъ положеніи евреевъ, въ царствованіе, напри- мѣръ, Александра I, когда они были обложены еще двойными податями и когда принимались самыя стѣснительныя мѣры къ выселенію ихъ изъ сель въ города, а также другія репрессивныя мѣры, открывавшія широкій просторъ ко всякаго рода самоуправствамъ и насиліямъ надъ ихъ личностью и имуществомъ,—не замѣчалось, однако, со стороны простого народа—въ мѣстахъ, гдѣ преобладалъ православный элементъ, не только никакихъ неблагопріятныхъ движеній противъ нихъ, которыя могли бы наводить на мысль о существованіи въ народѣ религіозной или расовой вражды къ нимъ, но нѣтъ слѣдовъ, чтобы тогда были какія либо исходившія изъ его среды заявленія или жалобы, которыя послужили бы поводомъ къ репрессивнымъ противъ евреевъ мѣрамъ, помимо собственной дѣятельности мѣстныхъ властей, приводившихъ въ исполненіе жестокаго постановленія Положенія о евреяхъ 1804 года, начертанныя въ польско-іезуитскомъ духѣ¹, и сообразовавшихся съ взглядами, какіе имѣлись на евреевъ въ высшихъ тогда, правительственныхъ сферахъ.

При несомнѣнности же, что въ реальной жизни, отношенія простого класса людей къ живущимъ среди нихъ евреямъ совершенно иныя, чѣмъ тѣ, какія изображаются нашею юдофобскою прессою,—появившееся, въ царствованіе Александра I, специальное, относительно ихъ, узаконеніе о воспрещеніи имъ найма къ себѣ въ

¹ См. Торговня и другія права евреевъ въ Россіи. Н. Градовскаго. Изд. 2. 1886, стр. 182.

услуженіе христіанъ не могло не имѣть крайне стѣснительныхъ послѣдствій и для коренного населенія. Множество людей простого званія, изъ класса немущихъ, были лишены, вслѣдствіе такого ограничительнаго узаконенія, тѣхъ средствъ къ жизни, какія они могли бы имѣть отъ личнаго найма въ услуженіе къ болѣе или менѣе зажиточнымъ евреямъ, изъ числа владѣльцевъ, торговцевъ, промышленныхъ людей и ремесленниковъ. Поэтому, сказанная мѣра, не имѣвшая другихъ мотивовъ, кромѣ *религіозныхъ*, основанныхъ на предположеніяхъ о присутствіи въ евреяхъ мнимой склонности къ совращеніямъ въ свой законъ, представляла явный примѣръ принесенія въ жертву отвлеченнымъ идеямъ—жизненныхъ, экономическихъ интересовъ страны. И это, вдобавокъ, было сдѣлано ради цѣлей предначертанныхъ безъ достаточнаго уясненія ихъ пользы и страдавшихъ тою принципиальною погрѣшностью, что не истекали строго *изъ идеи объ оборонѣ и защитѣ собственно одного лишь господствующаго въ государствѣ исповѣданія*, такъ какъ наемъ къ евреямъ былъ воспрещенъ не только людямъ православнаго исповѣданія, но и всѣмъ другимъ христіанамъ, не исключая тѣхъ, которые позаконамъ своей вѣры могутъ вступать въ брачныя даже сопряженія съ евреями¹. Ограниченіе, о которомъ идетъ рѣчь, представлялось тѣмъ стѣснительнѣе для обѣихъ сторонъ—евреевъ и христіанъ—что, имѣя въ основаніи одни чисто *религіозные* мотивы, оно требовало, въ видахъ сохра-

¹ Не лишнее здѣсь замѣтить, что въ царствованіе Александра I, подъ вліяніемъ идеи объ универсальномъ христіанствѣ, появились относительно евреевъ, съ тою же самою принципиальною погрѣшностью, и многія другія мѣры не только ограничительнаго, но и *поощрительнаго* свойства, кото-

ненія послѣдовательности, воспрещенія и христіанамъ нанимать къ себѣ въ услуженіе евреевъ, и, такимъ образомъ, парализовало, въ корнѣ, тотъ *экономическій двигатель*, который люди имѣютъ въ *свободѣ взаимнаго обмена личныхъ услугъ*. При существованіи же лицъ іудейскаго закона въ составѣ русскаго народонаселенія, такое обоюдное стѣсненіе, и *евреевъ*, и *христіанъ*, въ правѣ договорныхъ соглашеній о личномъ наймѣ не могло не имѣть серьезныхъ послѣдствій, ко вреду экономического благосостоянія мѣстнаго населенія.

Воспослѣдовавшею, въ 1887 г., отмѣною такого ограниченія сняты, наконецъ, тяжелыя оковы, въ какихъ оно держало мѣстное населеніе, среди котораго имѣются жители еврейскаго исповѣданія. Въ этомъ законодательномъ актѣ, представляющемъ болѣе соотвѣтственнымъ и съ духомъ нашихъ древнихъ постановленій, не допускавшихъ, изъ религіозной цѣли огражденія господствующаго исповѣданія, никакихъ, какъ мы знаемъ, *спеціальныхъ* или *исключительныхъ мѣръ* относительно лицъ *іудейскаго закона*, нельзя не видѣть вмѣстѣ и акта окончательнаго исключенія изъ законодательной области *религіозныхъ мотивовъ* къ значительнѣйшему, вообще, стѣсненію и ограниченію правъ евреевъ, въ сравненіи съ лицами всѣхъ прочихъ *признанныхъ и терпимыхъ въ Россіи исповѣданій*;

рыя, тѣмъ не менѣе, сохраняютъ свою силу по настоящее время. Къ числу такихъ мѣръ принадлежатъ, между прочимъ, содержащіяся въ законахъ о состояніяхъ постановленія, которыми право приписки къ городскимъ и сельскимъ состояніямъ и денежныя пособія предоставляются евреямъ, которые обратились бы не только въ православіе, но и во всякую другую вѣру христіанскаго исповѣданія, хотя бы вовсе нежелательныхъ сектъ и толковъ (т. IX, Зак. о Сост., изд. 1876 г., ст. 964 и прим. къ ст. 965).

такъ какъ, до сего времени, поводомъ къ такимъ мотивамъ могла служить лишь мысль о существованіи среди евреевъ преимущественныхъ стремленій къ пропагандѣ своей вѣры и объ особой отъ этого опасности для православной церкви, а вслѣдствіе этого, и о потребности въ исключительныхъ церковно-гражданскихъ мѣрахъ къ ея оборонѣ и защитѣ отъ распространенія въ народѣ іудаизма. Нынѣ же, когда вполне дознано, что среди евреевъ стремленій къ прозелитизму вовсе не существуетъ и что, съ этой собственно стороны, еврейскій законъ является менѣе опаснымъ, чѣмъ магометанскій и большая часть иновѣрныхъ религій христіанскихъ исповѣданій, *религіозные* или *впроисповѣдныя* мотивы къ дальнѣйшему сохраненію у насъ исключительныхъ о евреяхъ узаконеній отпадаютъ сами собою ¹. Не въ нихъ нужно искать причину существованія у насъ, въ настоящее время, такихъ узаконеній. Наша православная церковь, силою своего ученія, степенью развитости духовенства и крѣпостью народныхъ вѣрованій во Хри-

¹ Поэтому, едва-ли можно призвать согласнымъ съ принятыми, нынѣ, самимъ законодательствомъ принципами существованіе въ нашихъ законахъ нѣкоторыхъ постановленій, которыя дали поводъ къ недавнему заключенію кассационнаго суда, что «единственнымъ основаніемъ ограниченія права свободнаго по всей Россіи жительства евреевъ является ихъ *впроисповѣданіе*» (Сборн. рѣш. гражд. кас. деп. за 1889 г. № 25.—Рѣш. общ. собр. прав. сената, по вопросу о томъ: принадлежющее, по ст. 959 т. IX Зак. о сост., изд. 1876 г., евреямъ, указаннымъ во 2 и 3 пп. ст. 17 т. XIV уст. о пасп., по прод. 1886 г., право на повсемѣстное въ Имперіи приобрѣтеніе недвижимой собственности сообщается-ли законнымъ бракомъ женѣ и рожденнымъ въ такомъ бракѣ дѣтямъ еврея). Для избѣжанія на практикѣ подобныхъ недоразумѣній, надлежало бы, сколько кажется, устроить, во всякомъ случаѣ, изъ исключительнаго законодательства о евреяхъ постановленія, которыя могутъ каждаго наводить на ошибочную мысль, что препятствіемъ къ уравненію евреевъ въ правахъ съ прочими подданными служить, единственно, ихъ *впроисповѣданіе*.

ста Спасителя, является достаточно нынѣ обеспеченною отъ какой либо борьбы съ іудаизмомъ, къ которой онъ и самъ не проявляетъ никакого расположенія. Вслѣдствіе этого, — за исключеніемъ, развѣ, религіозно-гражданскихъ постановленій о воспрещеніи православнымъ брачныхъ съ евреями сопряженій, вопросъ о которыхъ мы не беремся рѣшать, а также нѣкоторыхъ, сравнительно болѣе строгихъ, карательныхъ мѣръ за соращеніе въ іудейскую вѣру, существованіе которыхъ для евреевъ, въ виду констатированнаго факта объ ихъ несклонности, вообще, къ этому роду преступныхъ дѣяній, должно быть безразлично, — церковь наша, для своей обороны и защиты отъ іудейскаго закона, не нуждается теперь, подобно тому, какъ и въ древне-православное время, въ другихъ какихъ либо исключительныхъ мѣрахъ, которыми *впроисловѣдныя права евреевъ* стѣснялись и ограничивались бы въ объемѣ, болѣе значительномъ, въ сравненіи съ такими же правами другихъ въ государствѣ иновѣрцевъ. Поэтому, причину существованія еще у насъ ограничительныхъ узаконеній репрессивнаго свойства, въ томъ числѣ и относительно *права повсемѣстнаго жительства евреевъ въ Россіи*, надлежитъ искать въ мотивахъ, скрывающихся въ предположеніяхъ и представленіяхъ иного рода — *политико-гражданскихъ, культурныхъ и экономическихъ*. Ближайшее разсмотрѣніе этихъ мотивовъ и вопроса о томъ, насколько они оправдываются дѣйствительными условіями нашей *современной національно-политической жизни*, и составитъ предметъ послѣдующихъ нашихъ изслѣдованій.

Конецъ первой части.

О Г Л А В Л Е Н И Е .

Предисловіе	Стр. 1— 6
Введеніе. Мнѣніе о связи черты постоянной осѣдлости евреевъ съ нашими историко-національными отношеніями къ нимъ. Происхожденіе учрежденія черты и ближайшіе послѣдствія этого	7—90

Мотивы историко-національные.

- I. Предположенія о стихійной борьбѣ съ евреями, изъ-за расы и вѣры; общія соображенія о характерѣ нашихъ современныхъ отношеній къ евреямъ; своеобразность этихъ отношеній; въ группѣ историко-національныхъ мотивовъ подлежать изслѣдованію одни лишь религіозные поводы дѣйствія . . . . . 91—99
- II. Принципъ господствующей вѣры и его вліяніе на характеръ отношеній къ евреямъ и иновѣрцамъ вообще; характеристическое различіе, какое представляетъ, въ этомъ случаѣ, православная Русь отъ прочихъ христіанскихъ странъ; недостаточное, до сего времени, уясненіе этого явленія по отношенію къ евреямъ, вслѣдствіе смѣшенія въ понятіяхъ различныхъ, по условіямъ времени, политическихъ моментовъ; вытекающая изъ этого потребность въ разсмотрѣніи общаго хода событій, касающихся проявленій принципа господствующей вѣры, въ различныхъ эпохи политическаго существованія христіанскихъ странъ . . 100—105
- III. Первоначальное появленіе въ религіозно-политической сферѣ христіанскихъ народовъ вышесказаннаго принципа, въ смыслѣ живеннаго, органическаго начала; замѣчаемая въ событіяхъ, его касающихся, двѣ эпохи—суровая, средне-вѣковая, въ коей принципъ тотъ отождествлялся, въ понятіяхъ, съ безусловною нетерпимостью къ иновѣрцамъ, и болѣе смягченная, черезъ усвоеніе, въ той или другой сте-

пени, началъ вѣротерпимости; первая эпоха, на Востока и Западѣ, имѣла безчеловѣчныя проявленія и весьма продолжительное существованіе,—на Руси такой эпохи вовсе не было, вслѣдствіе усвоенія началъ вѣротерпимости, при самомъ возникновеніи у насъ христіанства	105—111
IV. Характеръ проявленій принципа господствующей вѣры въ Византіи	111—122
V. Характеръ проявленій принципа господствующей вѣры на Западѣ, среди ост-и вестготовъ, въ Испаніи и, вообще, въ римско-католическихъ странахъ	122—128
VI. Характеръ проявленій принципа господствующей вѣры во Франціи	128—155
VII. Характеръ проявленій принципа господствующей вѣры въ Германіи	155—183
VIII. Переходъ къ Руси.—Мнѣніе русскихъ и еврейскихъ писателей о безусловной невѣротерпимости древней Руси къ евреямъ и предположеніе о связи съ нашею историко-національною политикою ограничительныхъ узаконеній, начавшихся при Елизаветѣ II; устанавливаемая, такимъ образомъ, параллель между Русью и другими христіанскими странами и необходимость ближайшаго изслѣдованія этого предмета, въ виду существованія у насъ вопроса о евреяхъ.—Два совершенно различныя, по характеру, періода времени: древне-національный, когда евреи не состояли въ русскомъ подданствѣ, и новѣйшій, начинающійся съ событіемъ принятія ихъ, въ 1772 г., въ это подданство.—Общія черты религіозно-политическихъ отношеній къ евреямъ и другимъ единоувѣрцамъ въ древней Руси; оберегательная политика внутренняго ея домостроительства и ея вліяніе на характеръ сказанныхъ отношеній: необходимость изслѣдованія—не представляли-ли эти послѣднія, съ моментахъ ихъ первоначальнаго зарожденія, что либо исключительное по отношенію собственно къ евреямъ	183—200
IX. Религіозный фанатизмъ къ евреямъ на Востока—въ Византіи и на Западѣ—въ римско-католическихъ странахъ, какъ явленіе въ христіанскомъ мірѣ, которое могло повліять и на христіанскую Русь; умѣренность и сдержанность, напротивъ, этой послѣдней въ религіозномъ рвеніи, вслѣдствіе водворившихся въ ней, тотчасъ, съ принятіемъ христіанства, болѣе правильныхъ понатій о церкви и ея миссіи	200—205

- X. Сущность истинно-православных взглядов и понятий о церкви и отношеніяхъ къ ней государственной власти. Уклоненіе отъ такихъ взглядовъ и понятий римскихъ первосвященниковъ или папъ, стремившихся къ признанію себя непогрѣшимыми и присвоенію, вмѣстѣ, политической власти; ненормальность отношеній къ церкви и византийскихъ монарховъ, стремившихся, напротивъ, къ присвоенію себѣ духовной власти; нарушеніе, вслѣдствіе этого, и на Востокъ, и на Западъ, гармоническихъ отношеній между церковью и государствомъ, какъ двумя самостоятельными, въ относительныхъ ихъ сферахъ, органами; религиозный фанатизмъ, какъ результатъ такой аномальности въ ихъ взаимныхъ между собою отношеніяхъ; Русь, съ самаго начала, усвоила порядокъ въ этихъ отношеніяхъ, болѣе соотвѣтствующій ихъ идеалу . . . 205—213
- XI. Сложившіяся, при самомъ возникновеніи христіанства на Руси, православныя понятія о взаимныхъ отношеніяхъ духовной власти—отцовъ и святителей церкви и свѣтской—князей и государей; сознание тѣми и другими своей самостоятельности, въ относительныхъ своихъ сферахъ, и установленіе, вслѣдствіе этого, обычая, принципа невмѣшательства послѣднихъ въ чисто-духовную, а первыхъ—въ чисто-свѣтскую, политическую область, съ подчиненіемъ высшихъ дѣлъ церковныхъ власти князей, въ качествѣ первородныхъ смысловъ церкви; усвоеніе этого порядка и царями, въ московскомъ періодѣ,—порядка, сдерживавшаго проявленія религиознаго фанатизма съ той и другой стороны, не вносившаго бытовому нетерпимости къ иновѣрцамъ и ограничившаго обязанности княжеской и царской власти, по отношенію къ церкви, преимущественно, одною цѣлью ея обороны и защиты отъ соблазновъ и соврашеній . . . 213—222
- XII. Первоначальнаго зарожденія отношеній къ евреямъ, подъ вліяніемъ этого порядка. Въ до-петровской Руси, вѣротерпимость была обычная, не обезпеченная положительнымъ выраженіемъ закона; вслѣдствіе этого, о характерѣ отношеній къ евреямъ, въ тѣ времена, можно судить только по образу дѣйствія, относительно ихъ, нашихъ князей и государей; недостатокъ въ историческихъ трудахъ, для выясненія, съ точностью, фактовъ, касающихся этого предмета; частая, поэтому, ошибочность выводовъ и заключеній объ исключительномъ образѣ дѣйствія, по

отношенію къ евреямъ; введенный нашими историками обычай судить о принципиальности образа дѣйствія, относительно евреевъ, по однимъ чисто-случайнымъ явленіямъ; изображеніе Костомаровымъ преп. Феодосія Печерскаго проповѣдникомъ безусловной нетерпимости къ евреямъ; крайняя несправедливость и неумѣстность такого взгляда объ одномъ изъ первыхъ отцовъ нашей церкви; замѣчаемое, напротивъ, въ преп. Феодосіи и другихъ святителяхъ нашихъ строгое разграниченіе, въ понятіяхъ, нетерпимости духовной къ іудейству отъ общественной или политической—къ его послѣдователямъ; несклонность, вслѣдствіе этого, самихъ князей и царей къ перенесенію религиозной нетерпимости въ политическую сферу; древніе церковно-гражданскія постановленія свидѣтельствуютъ скорѣе о терпимости, чѣмъ о нетерпимости къ евреямъ; установившіяся кары за нарушеніе ими тѣхъ постановленій; признаки, искони установившагося, обычнаго для евреевъ права свободнаго пребыванія на русскихъ земляхъ; факты ихъ спокойнаго прожительства въ Кіевѣ; крайняя недостоверность историческаго разсказа объ изгнаніи ихъ оттуда Владиміромъ Мономахомъ; неосновательность заключенія о принципиальной нетерпимости къ евреямъ, по глгописному разсказу, о плачѣ по Андреѣ Боголюбскомъ кіевлянина Кузьмище; признаки спокойнаго пребыванія евреевъ, кромѣ Кіева, и въ другихъ русскихъ земляхъ; причина малаго ихъ числа въ нихъ, послѣ подпаденія, въ XIV ст., юго-западной Руси подъ владычество Литвы и Польши; вліяніе на отношенія къ тамошнимъ евреямъ появлявшагося обычая допускать въ Россію оттуда и, вообще, съ Запада, торговыхъ людей, не вначе, какъ по договорамъ и грамотамъ . 222—248

XIII. Отсутствие, и въ царскомъ періодѣ, признаковъ принципиально-религиозной исключительности, даже по отношенію къ евреямъ польско-литовскимъ; настоящія причины случая жестокости Іоанна Грознаго съ евреями въ Полоцкѣ, какъ равно его отказа Сигизмунду II Августу въ допущеніи къ намъ подвластныхъ ему евреевъ; отсутствіе всякихъ достоверныхъ историческихъ слѣдовъ о борьбѣ съ іудействомъ, изъ за склонности евреевъ къ возвращеніямъ въ свою вѣру; евреи принимались князьями въ дружину, а въ XV в. — и въ казачество; появленіе ереси, названной жидовскою; крайняя сомнительность происхож-

денія ея отъ евреевъ, такъ точно, какъ и ереси Бакшина и Косого; причина дипломатическаго, въ началѣ XVI ст., отвѣта посла Василія Ш, Дмитрія, въ Римѣ, исторнику Павлу Ювію о недозволеніи евреямъ въѣзжать въ Россію; несогласность этого отвѣта съ дѣйствительностью; несомнѣнность, напротивъ, факта, что въ Россіи существовали и свои евреи, что они не находились въ безправномъ состояніи, и что, по договорамъ съ Польшею, допускались къ намъ и тамошніе евреи; случаи высылки евреевъ изъ Москвы и Россіи, о которыхъ повѣствуется нашими историками, со словъ иностранныхъ писателей, могли касаться лишь польско-литовскихъ евреевъ и происходили по торговымъ причинамъ и національной, вообще, неприязни къ Польшѣ; это подтверждается и повѣствованіями, содержащимися въ „Очеркѣ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII ст.“—Костомарова; настоящій смыслъ указа царя Феодора Алексіевича о высылкѣ изъ Москвы евреевъ, пріѣхавшихъ туда утайкою, съ товарами; умолчаніе русскими историками о евреяхъ, обитавшихъ въ московской Руси; замѣчаемое въ царствованіе Алексія Михайловича законодательное различіе евреевъ своихъ, русскихъ, отъ чужеземныхъ—польско-литовскихъ; отсутствіе, въ то время, всякой идеи о локализациі евреевъ . . . . . 248—273

- XIV. Отношенія къ евреямъ со вступленіемъ на престолъ Дома Романовыхъ; законодательные признаки существованія евреевъ среди русскаго населенія; воспрещеніе евреямъ и другимъ некрещенымъ людямъ держать въ услуженіи православныхъ людей, по найму и крѣпостямъ; отсутствіе въ этомъ церковно-гражданскомъ постановленіи, какъ и во всемъ Уложеніи царя Алексія Михайловича, признаковъ религиозной исключительности, по отношенію къ евреямъ; указы этого царя 30 іюля 1654 г. и 30 января 1667 г., изъ коихъ усматривается фактъ допущенія евреевъ къ постоянному жительству въ Россіи, какъ отдѣльными личностями, такъ и въ видѣ сплошнаго населенія, въ качествѣ подвластныхъ ей людей; евреи эти дѣлаются предметомъ договоровъ съ Польшею; признаки уваженія царей къ личности еврея, какое, въ томъ же вѣкѣ, не существовало еще ни въ Германіи, ни во Франціи . 273—295
- XV. Признаки умноженія, въ половинѣ XVII ст., числа евреевъ въ Московской Руси; отсутствіе въ историческихъ

трудахъ спеціальныхъ изслѣдованій о такихъ евреяхъ; это даетъ поводъ къ ошибочнымъ предположеніямъ, что ихъ въ сказанной Руси вовсе не существовало, вслѣдствіе безусловной нетерпимости іудея на земляхъ русскихъ; заблужденія, въ какія впадаютъ, вслѣдствіе этого, по этому предмету, иностранные писатели; французскій публицистъ Леруа-Боліѣ утверждаетъ съ увѣренностью, что евреи не допускались въ Россію еще при первыхъ царяхъ изъ Дома Романовыхъ; составляется, такимъ образомъ, ошибочное представленіе, что, по отношенію къ евреямъ, историко-національнымъ девизомъ Россіи было ихъ изгнаніе изъ нея и недопущеніе въ нее; еврейскіе писатели примѣниваютъ къ этому предположенію о существованіи въ русскихъ государяхъ идеи утилитаризма, изъ такихъ же своекорыстныхъ цѣлей, какими побуждались владетели христіанскихъ странъ на Западѣ; стремленіе русскихъ писателей вселенія въ обществѣ мысли о нетерпимости Руси къ евреямъ и въ царскомъ періодѣ; несостоятельность данныхъ, какими они пользуются, въ этомъ случаѣ, черпая ихъ изъ области внѣшнихъ нашихъ сношеній съ Польшою и другими иностранными державами; противорѣчіе, въ какое они впадаютъ съ самими собою, по этому предмету. . . . . 273—312

XVI. Разборъ значенія историческаго факта о включеніи, во время смуты, при избраніи на царство польскаго королевича Владислава, въ предварительныя съ нимъ соглашенія, требованія, чтобы „Жидомъ въ Россійское Государство съ торгомъ и некоторыми дѣлами не ѣздити“. . . . . 312—324

XVII. Попытка нѣкоторыхъ писателей доказать интолерантность Руси къ евреямъ въ XVII столѣтіи на основаніи сочиненія Юрія Крижаняца: „Разговоры о владѣтельствѣ“. . . . . 324—338

XVIII. Ошибочное истолкованіе Костомаровымъ и другими писателями факта умноженія евреевъ въ царскомъ періодѣ, начиная съ царя Алексія Михайловича, послабленіями къ нимъ и религіозною распущенностью московскихъ святителей; крайне пристрастныя сужденія того же историка о евреяхъ, по сочиненію лжно-русскаго монаха Галитовскаго: „Мессія Правдивый“; сознание Костомаровымъ недостаточной справедливости обвиненія однихъ евреевъ въ томъ состояніи, въ какомъ находились православные храмы въ Польшѣ; невѣрность его предположенія о національной нетерпимости къ евреямъ малорос-

сійскаго народа и противорѣчіе, въ какое онъ впадаетъ относительно этого, съ самимъ собою; несообразность его же предположенія, что причина вышеупомянутаго умноженія евреевъ въ царскомъ періодѣ могла происходить отъ скрытнаго и совершенно беззаконнаго появленія ихъ въ Московскомъ государствѣ; ошибочность выводовъ и заключеній о личной нетерпимости царя Алексія Михайловича къ евреямъ, изъ его повелѣній объ ихъ высылкѣ изъ Могилева и Вильны . . . . . 338—356

XIX. Крайняя недостовѣрность повѣствованій историка Соловьева объ исключительной религіозно-бытовой нетерпимости Петра I къ евреямъ; совершенное отсутствіе такой нетерпимости къ евреямъ, начиная съ Владиміра Святого и кончая этиимъ царемъ. . . . . 356—357

XX. Отсутствіе фанатизма и чувство человѣчности въ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ, въ томъ числѣ и къ евреямъ, святителей церкви и всѣхъ вообще нашихъ православныхъ государей; избравшіеся ими способы къ распространенію православія среди иновѣрцевъ, располагавшіе ихъ скорѣе къ удержанію этихъ послѣднихъ въ предѣлахъ русской страны, чѣмъ къ ихъ изгнанію изъ нея; совершенное, вслѣдствіе этого, несуществованіе въ удѣльно-вѣчевомъ и царскомъ періодахъ обычая единичныхъ или поголовныхъ изгнаній людей, за исповѣданіе ими прирожденной имъ иновѣрной религіи, т. е. людей, не принадлежавшихъ къ внутреннему расколу, въ качествѣ отпадшихъ отъ православія (отщепенцевъ); мѣры воспрещенія совраженій и домашнихъ общеній между крещеными и некрещеными, подъ страхомъ наказаній и казней, сами по себѣ, не составляли воспрещенія права пребыванія на Руси, но скорѣе улаживаютъ на существованіе такого права; сказанныя мѣры не представляли ничего исключительнаго, относительно евреевъ, распространяясь одинаково на всѣхъ, вообще, некрещеныхъ людей, къ числу которыхъ, въ московскомъ періодѣ, стали относить христіанъ иновѣрныхъ исповѣданій; сравнительно, большая строгость наказаній за совраженіе въ нехристіанскую вѣру, объясняющаяся духовно-религіозными взглядами на этотъ предметъ, не указываетъ, равнымъ образомъ, на что либо исключительное по отношенію къ евреямъ. . . . . 357—374

XXI. Религіозныя гоненія на евреевъ еще менѣе могли воз-

никнуть при Петрѣ I, не взирая на строгость его отношеній къ своимъ обязанностямъ по оборонѣ и защитѣ интересовъ церкви; реформы его побуждали къ уступкамъ въ пользу вѣроисповѣдныхъ правъ иновѣрцевъ; робость, въ этомъ отношеніи, нѣкоторыхъ великорусскихъ святителей, но, въ то же время, отсутствіе въ нихъ всякой склонности побуждать царя къ религиознымъ гоненіямъ евреевъ и другихъ иновѣрцевъ; взгляды Петра на свободу совѣсти въ дѣлѣ религіи; онъ не руководствовался симпатіями или антипатіями въ своемъ политическомъ образѣ дѣйствія, но отношенію къ иновѣрцамъ. . . 374—384

XXII. Возникшее въ св. Синодѣ, при Петрѣ I, за два года до его кончины, въ ноябрѣ 1722 г., дѣло о евреѣ Борохѣ и другихъ, по извѣстамъ въ преступленіяхъ религиознаго характера; сущность обвиненій, содержащихся въ извѣстахъ; состоявшееся, тогда же, постановленіе синода, по поводу этихъ извѣтовъ, съ требованіями, между прочимъ, о лишеніи тѣхъ евреевъ права содержанія откуповъ и о воспрепятствіи всѣмъ, вообще, евреямъ права жительства среди православнаго населенія, т. е. другими словами, о поголовномъ ихъ изгнаніи изъ Россіи; неисполненіе тѣхъ мѣръ въ исполненіе, при жизни Петра I; крайняя недостоверность существованія указа его, 26 января 1725 г., т. е. подписаннаго, будто, имъ за два дня до своей кончины, о лишеніи еврея Бороха-Лейбова, съ товарищами, права содержанія откуповъ и о высылкѣ ихъ изъ Россіи; указъ такой состоялся лишь черезъ два года послѣ кончины Петра, 14 марта 1827 г., при императрицѣ Екатеринѣ I; отсутствіе всякихъ слѣдовъ о намѣреніи Петра привести въ исполненіе постановленіе синода и по предмету о поголовномъ изгнаніи евреевъ изъ Россіи; мѣра эта приведена въ исполненіе тоже указомъ Екатерины I, восслѣдовавшимъ, вслѣдъ за вышеозначеннымъ, 26 апрѣля 1827 г.; Петръ, до послѣднихъ минутъ своей жизни, остался вѣренъ древне-національной, обычной, вѣротерпимости ко всѣмъ вообще иновѣрцамъ, не исключая и евреевъ. . . . . 384—399

XXIII. Архивное открытіе автора сочиненія: „Исторія русскаго законодательства о евреяхъ“, кн. Голицына, что указъ Екатерины I, объ изгнаніи евреевъ изъ Россіи, состоялся по настоянію кн. Меншикова; несогласность этой мѣры съ интересами мѣстныхъ жителей и общегосударственными;

въ личныхъ побужденіяхъ императрицъ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны, къ закрытію евреевъ доступа въ Россію, замѣтны, исключительно, религиозные поводы дѣйствія; отсутствіе слѣдовъ, чтобы побудительною, въ этомъ случаѣ, причиною служила какой либо воспослѣдовавшей отъ евреевъ вредъ, для религиозно-правственныхъ и матеріальныхъ интересовъ государства и мѣстнаго его населенія . . . . .

399—407

XXIV. Разсмотрѣніе причинъ проявившейся въ названныхъ императрицахъ несогласной съ древне-національною политикою религиозной исключительности къ евреямъ.—Проявившееся, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, раздвоеніе православнаго духовенства на южно-русское и великорусское; первое получаетъ свое образованіе въ кievской духовной школѣ или коллегіи; проникновеніе туда схоластическаго образованія римско-латинскаго духа, при польскомъ владѣнствѣ; внесеніе этого образованія, въ XVII ст., Симеономъ Полоцкимъ и другими, изъ южно-русскаго духовенства, въ Московскую Русь; предпочтительное назначеніе Петромъ I на святительскія мѣста духовныхъ лицъ изъ этого духовенства; образованіе изъ него же первоначальнаго состава синода, въ лицѣ Стефана Яворскаго, Θεодосія Яновскаго, Феодана Прокоповича и Θεофилакта Лопатинскаго; цареніе въ этихъ святителяхъ, какъ обучавшихся въ кievской школѣ, римско-латинскаго духа и свойственныхъ ему взглядовъ на христіанское благочестіе, въ дѣлѣ отношеній къ иновѣрцамъ и особенно іудейской вѣрѣ; совершенное отличіе названныхъ іерарховъ, по образу жизни, отъ первыхъ отцовъ русской православной церкви и такихъ великорусскихъ святителей, какъ св. Дмитрій Ростовскій, св. Митрофаній Воронежскій, св. Тихонъ Задонскій, и др.; этимъ объясняется, главнымъ образомъ, состоявшееся въ сказанномъ коллегіальномъ составѣ синода постановленіе, между прочимъ, и о воспрещеніи жительства евреямъ среди православнаго населенія; постановленіе этого рода есть первое со временъ Владиміра Святого и единственное въ исторіи Русской церкви; съ русско-православной точки зрѣнія Петра I, изгнаніе евреевъ изъ Россіи не явилось актомъ христіанскаго благочестія, но оно явилось таковымъ въ сознаніи послѣдовавшихъ за нимъ императрицъ . . . . .

407—423

- XXV. Первоначальное появленіе, при Екатеринѣ I, указа объ изгнаніи евреевъ. . . . . 423—438
- XXVI. Религіозные поводы дѣйствія, въ смыслѣ историко-національныхъ мотивовъ, сохранили, однако, свое практическое значеніе и для современной Руси, въ дѣлѣ опредѣленія правового положенія всѣхъ, вообще, иновѣрныхъ исповѣданій, въ томъ числѣ и еврейскаго. Наше настоящее связывается, въ этомъ случаѣ, съ нашимъ прошлымъ—древнимъ, вѣковымъ принципомъ господствующей вѣры, или государственной религіи; принципъ этотъ сохранилъ, у насъ, значеніе органическаго начала и заставляя насъ старинной, вмѣстѣ съ началами вѣротерпимости, въ смыслѣ одного изъ главныхъ, коренныхъ, устоевъ нашей русской національной жизни; подъ его влияніемъ создалось у насъ то гармоническое единеніе Государства съ Церковью, плодомъ котораго была вѣротерпимость, сперва обычная, а потомъ обезпеченная положительными законами; ошибочность, поэтому, предположеній спекулятивныхъ мыслителей, что сказанный принципъ не совмѣстимъ съ началами вѣротерпимости и что онъ совершенно исчезъ изъ политической сферы конституціонныхъ государствъ; усвоиваемыя такими государствами спекулятивныя теоріи о религіозной свободѣ и совершенномъ отдѣленіи Государства отъ Церкви являются, по настоящее время, на самомъ дѣлѣ, лишь попытками, не достигающими, вообще, своей цѣли, не только въ Старомъ Свѣтѣ, но и въ Новомъ—въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ; невѣротерпимость и при этомъ порядкѣ вещей, проявлялась тамъ, въ суровыхъ, средне-вѣковыхъ формахъ, какихъ на Руси никогда не существовало; вѣковой союзъ у насъ Государства съ своею помѣстной, русско-православною, Церковью составляетъ одно изъ насущнѣйшихъ условій нашей національно-политической жизни, внутренней и внѣшней. . . . . 438—453
- XXVII. Рассмотрѣніе причинъ этого явленія; каждое положительное вѣроученіе проявляетъ себя внѣшнимъ образомъ, въ видѣ отдѣльнаго, самостоятельнаго, учрежденія, именуемаго исповѣданіемъ, или, въ христіанскомъ мірѣ—церковью; возможность ихъ столкновенія между собою въ политической сферѣ; усвоеніе нѣкоторыми изъ нихъ политическихъ стремленій; принципъ государственной религіи, обезпечивая у насъ твердость и неизмѣность

вѣкового союза Государства съ Церковью, служить вмѣстѣ вѣрнѣйшимъ оплотомъ противъ иноземныхъ пропагандъ, вносящихъ съ собою несвойственные Руси фанатизмъ и невѣротерпимость; имѣющіеся въ русской церковной исторіи примѣры опасности, для внутреннихъ и внѣшнихъ интересовъ Россіи, попытокъ къ видоизмѣненію древнихъ формъ отношеній государства къ церкви; охрана законами этой послѣдней вынуждается, въ настоящее время, болѣе, чѣмъ когда либо, появленіемъ сектъ, съ стремленіями къ пропагандѣ своихъ тенденціозныхъ идей, между прочимъ, и по отношенію къ евреямъ; предположенія антисемитовъ, что ихъ цѣли могутъ найти поддержку въ принципѣ господствующей вѣры, что онъ, самъ по себѣ, есть источникъ невѣротерпимости и что церковь наша нуждается въ исключительныхъ мѣрахъ къ ея оборонѣ и защитѣ отъ иудаизма. 453—462

XXVШ. Иудаизмъ, изъ всѣхъ положительныхъ вѣроученій, представляетъ наименѣе опасности для интересовъ господствующей церкви, по отсутствію въ немъ всякой принципиальной склонности къ пропагандѣ; авторитетъ, въ этомъ случаѣ, заслуженнаго профессора с.-петербургскаго университета, Д. А. Хвольсона, нашего ученаго ориенталиста; еврей-талмудисты отличаются внутреннимъ, но не внѣшнимъ фанатизмомъ, стремящимся къ прозелитизму; это подтверждается опытомъ, какъ въ заграничныхъ странахъ, такъ и у насъ; легендарный вымыселъ объ употребленіи евреями христіанской крови, при обрядовыхъ дѣйствіяхъ, имѣлъ отношеніе скорѣе къ внутреннему, чѣмъ внѣшнему фанатизму евреевъ; отсутствіе въ русской церковной исторіи слѣдовъ борьбы съ иудаизмомъ, такой, какаѣ нерѣдко встрѣчалась съ магометанствомъ; единичные случаи совращенія не могутъ приниматься за существованіе среди евреевъ принципиальной склонности къ пропагандѣ и ея организаціи; Россія имѣетъ нынѣ вѣковую экспертизу, относительно совершенной безопасности евреевъ, въ этомъ отношеніи; ошибочность предположеній о еврейскомъ происхожденіи секты субботниковъ. . . . . 462—504

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Чтвать.
91	27	изъ политической сферѣ	изъ политической сферн
95		примѣч. относится къ 91 страницѣ, 24 строкѣ: „еврейскому“.	строкѣ, къ слову курси-
104	11	покрѣпленія	подрѣпленія
152	5 и 6	продолжали	продолжало
208	27	вселенность	вселенскость
241	1	изгнаніе	изгнанія
243	13	болгарь	болгаръ
348	14	допущеніе	размноженіе

Цѣна 2 руб.

